

Аббасзаде Гусейн
ГЕНЕРАЛ

Аббасзаде Г. Генерал. — Баку: Язычы, 1986. — 367 с.

Аннотация издательства: Гусейн Аббасзаде — видный азербайджанский писатель, лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР. Роман писателя «Генерал», посвящен дважды Герою Советского Союза генералу Ази Асланову, командиру 35-й танковой бригады.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

До вечера было еще далеко, но сырой, плотный туман, окутавший вершины деревьев, опустился до самой земли, и в лесу сразу стало сумрачно. Часовой возле штабной машины удвоил внимание, и, кажется, не зря: в мягкой успокаивающей тишине послышался хруст сухих ветвей, шорох опавшей листвы, и вслед за этим между стволами деревьев показался человек. Он шел по тропе свободным уверенным шагом, словно уже не раз бывал в расположении части.

Руки часового тотчас опустились на автомат, висевший на шее: левая – на ствол, правая – на ложе приклада.

– Стой, кто идет?

Незнакомец замедлил шаг, сказал поспешно:

– Свои, свои! Я к вам направлен, в танковый полк.

Наметанный глаз автоматчика сразу определил: действительно, свой.

Незнакомец был, судя по всему, командир, и, скорее всего, шел он из тылов. Бледное, еще необветренное лицо с тонкими усиками и новенькое обмундирование: новенькая пилотка, новая телогрейка, новые шаровары и облепленные палыми листьями новые кирзачи с такими широкими голенищами, что мускулистые ноги казались в них тонкими и худыми... Да, из тылов.

– Документы! – потребовал автоматчик, не без зависти поглядывая на одетого с иголочки командира, от которого пахло как-то по-другому – знать, давно не сидел в окопах, не возился с техникой, не глотал дыма костров. Вон и руки какие чистые, словно у барышни, и подворотничок на гимнастерке белее снега! Франт!

«Франту» было лет двадцать, от силы двадцать пять, но, похоже, он не новичок на войне: очень спокойно подчинился законной команде, расстегнул ватник, полез в карман гимнастерки, достал документы. На петлицах гимнастерки краснело два «кубаря», а на груди тускло блеснула медаль «За отвагу». Часовой глянул в удостоверение личности. «Предъявитель сего лейтенант Гасанзаде...» Лучших рекомендаций не требовалось; часовой потеплел, строгость слетела с него; он спросил участливо:

– Из госпиталя, что ли? – Лейтенант кивнул. Добавил, что два дня, как выписался.

– Идемте. – Часовой подошел к машине, стоявшей под прикрытием двух огромных деревьев, поднялся по стремянке, приоткрыл дверцу.

– Товарищ майор, тут к вам, – сказал он. – Разрешите впустить?

– Пусть войдет, – послышалось изнутри. Часовой кивнул лейтенанту входи, мол; Фируз Гасанзаде скинул со спины вещмешок, повесил его на сук ближайшего дерева, opravил гимнастерку, застегнул и обдернул ватник и решительно шагнул к машине.

2

Танковый полк, снятый с Южного фронта, вот уже три недели стоял в лесу в ожидании дальнейших распоряжений. Шла ежедневная боевая учеба, ремонтировались машины, одновременно подвозились боеприпасы, снаряжение и провиант – полк готовился к предстоящему маршу и к боям, приказ о выступлении мог прозвучать в любую минуту.

Командирские занятия вел сам командир полка, невысокий, стройный подполковник, лет тридцати, Фируз несколько раз ловил на себе его спокойный, внимательный взгляд, словно говоривший новичку, что он – среди своих, близких людей, и может чувствовать себя как дома.

– Итак, управление огнем танковой роты в наступлении мы отработали, сказал

подполковник. – На сегодня хватит, можете возвращаться в подразделения.

Проходя мимо Фируза Гасанзаде, убравшего в планшет блокнот и карандаш, подполковник приветливо спросил:

– Ну, как, лейтенант, отдохнули с дороги?

– Отдохнул, товарищ подполковник, спасибо!

– Говорят, вы из Азербайджана? Когда из родных мест?

– С весны сорок первого года.

– Значит, кадровик?

– Нет, товарищ командир, в армии я только с июня сорок первого. Я ведь призван в Сталинграде.

– Значит, до войны жили там?

– Я учился в сельскохозяйственном институте на факультете механизации; весной сорок первого нас послали в Сталинград, для прохождения производственной практики. Там, на тракторном, нас и застала война. Часть ребят сразу отправилась в армию, и я тоже; некоторые вернулись на родину и уже оттуда были призваны.

Командир полка стоял, заложив руку за борт кожаной куртки, слушал лейтенанта и думал, что, не будь войны, этот молодой интеллигентный человек уже закончил бы институт и работал бы теперь в одной из МТС Азербайджана. А сам он, подполковник, при всех обстоятельствах все равно служил бы в армии. И хотя оба они родились в одной республике, Фируз Гасанзаде даже не подозревал бы, что есть на свете человек по имени Ази, и что профессия этого человека – защищать Родину, а он, Ази Асланов, возможно, никогда в жизни не встретил бы этого молодого красивого парня в своем полку. Но война сводит не только земляков, но и очень далеких людей, и тех, и других сближает между собой.

– Ну, а на фронте, лейтенант, вы давно?

– Да, можно сказать, чуть ли не со дня призыва в армию.

– Определенный опыт, значит, у вас есть?

– Кое-какой есть, конечно. Служил и в танковых частях.

– Это хорошо. – Ази не сводил взгляда с лейтенанта. – А ранены в первый раз? Что за ранение?

– Последний раз – в грудь. Это второе ранение.

– Рана зажила?

– Да, – ответил Гасанзаде, и подполковник заметил, что лейтенант почему-то вдруг побледнел. Однако он не стал допытываться, отчего побледнел лейтенант, попрощался и пошел по своим делам, а Гасанзаде, польщенный тем, что командир уделил ему столько внимания, в то же время упрекнул себя, что невольно обманул подполковника – рана у него затянулась, это правда, но до полного заживления еще далеко, из госпиталя он выписался раньше времени... Зачем он соврал? Теперь как сказать правду? А если сказать, то можно снова угодить в госпиталь. Там тоже не похвалят за то, что ввел врачей в заблуждение. И так плохо, и так нехорошо... Видимо, придется держаться выбранной версии: здоров, и все, а там будь что будет!

От размышлений его отвлекла песня, которая доносилась из-за лагеря.

А усы у Наби пышные торчком,
А папаха не раз мечена свинцом,
Чей угонится конь за его конём?
Говорят, кандалы разорвал Наби,
На Бозате своим ускакал Наби.

Фируз невольно пошел на голос. Пел молодой смуглый боец, рубивший дрова. Отрубит кусок бревна, опустит к земле топор и поет, одновременно прикидывая, где будет рубить снова, замолкнет на минуту-две, и опять подаст чистый и звонкий голос. Гасанзаде остановился за деревьями, чтобы не спугнуть певца, и слушал песню, затаив дыхание.

Знакомая песня, родная. Губы лейтенанта тронула улыбка, глаза потеплели. Слушая певца, он мысленно перенесся в родные места и увидел, как наяву, горы и долины Азербайджана, где сражался с врагами легендарный Наби, вспомнил сказки далекого детства, которые длинными зимними вечерами рассказывала бабушка, вспомнил, как, наслушавшись этих сказок, по утрам «седлал» своего камышового коня и скакал по селу, воображая себя Наби, и бабушка смотрела, как он носился по двору, по улице и говорила: «Вот мой маленький Наби». И лестно было слушать эти ласковые слова, но обидно только, что бабушка говорит «маленький Наби», когда он настоящий Наби... Вспомнил он, как однажды на свадьбе пожилой ашыг с усами, закрученными до ушей, пел дастаны о Наби. Свадьба гремела всю ночь, и многие сверстники Фируза не выдержали, разошлись по домам, а он не ушел; взобравшись на плоскую крышу дома, неотрывно смотрел во двор, где играли свадьбу, и слушал ашыга, который не спеша, с достоинством вел рассказ о народном герое, завершая каждый эпизод игрой на сазе и пением гошма, герайлы и теджнисов...¹ А наутро бабушка отбиться не могла от вопросов о Наби, хотя и много историй о нем знала.

И вот теперь, спустя столько лет, вдали от Азербайджана, за Волгой, в тихом лесу Фируз слушал песню о Наби, и сердце его колотилось от волнения и восторга.

Но тут боец вспомнил, кажется, о деле и смолк. Набрал охапку дров, понес ее к дороге. И заметил лейтенанта – слышал, наверное, лейтенант, как он заливался.

– Здравствуй, товарищ боец! – сказал Фируз. – Что ж ты замолчал? Ты хорошо пел, давно я не слышал этой песни... Пой, не смущайся.

Конечно, напрасной была эта просьба – Мустафа не артист, он пел для себя, и вообще, если он знал или видел, что его слушают, голос у него срывался, он забывал текст. Пробовал уже, ребята упрасивали – ничего не получалось. А тут как петь – при командире роты?

Лейтенант понял его состояние, улыбнулся.

– Ну, ничего, я надеюсь, когда ты ближе узнаешь своего командира, перестанешь стесняться, споешь и без моей просьбы. А сейчас не можешь ли указать мне, где находится медсанчасть? Я человек новый...

– Пойдемте, я покажу! – обрадовался Мустафа.

– Нет, ходить не надо, не отрывайся от дела, только объясни где, я сам найду.

Выслушав Мустафу, Гасанзаде поблагодарил его и ушел. Мустафа проводил его взглядом, пожал плечами.

Из-за дерева вывернулся старшина Воропанов, спросил:

– Что пожимаешь плечами? Или чем недоволен?

– Хотел проводить до санчасти, а он говорит: сам найду.

– Ну и что? Парень простой, свойский, услуг не любит. Мне понравился. Только что прибыл, а беседовал со мной, как со старым знакомым.

– Оказывается, он азербайджанец, земляк мой... Но мне он как раз кое-чем не понравился...

– Чем же?

– А вот тем, что не успел познакомиться с ротой, а уже ищет медсанчасть...

– Это еще ничего не значит! Человек недавно из госпиталя. Может, рану проверить надо, а может, повязку сменить – да мало ли что! Может, у него болит что-нибудь? Так что свои «нравится – не нравится» ты пока что оставь!

Глава вторая

1

¹ Гошма, герайлы, теджнисы – формы стихосложения, преимущественно в народной (ашыгской) поэзии.

Фируз остановился перед одной из двух брезентовых палаток, осмотрелся. Из дальней палатки доносились женские голоса. Значит, там полно людей. А ему нужен только врач.

Огромные ветви клена прикрывали палатку, как зонт. С каждым дуновением воздуха с них сыпался желтый лист. Лейтенант взял бледно-желтый листок, упавший ему на грудь, посмотрел вверх на оголенный ствол дерева. С выступавшей вперед большой ветви свисал обломанный высохший сук – он держался еще на коре, словно отломленный палец.

В этот момент, откинув полог палатки, из нее вышла круглолицая светловолосая женщина в военной форме. Гасанзаде вскинул руку к виску.

– Здравствуйте. Лейтенант Гасанзаде. Мне надо видеть врача.

– Капитана Смородину? Сейчас проведу. Будем знакомы: медсестра Твардовская.

– А звать?

– Маша. Мария Твардовская.

– Очень приятно. «Хорошая девушка, – подумал Гасанзаде. – Интересно, как врач? Если покладистая, сговорчивая – поймет... А если нет?»

– Проходите, – Маша Твардовская приподняла полог палатки. Фируз пропустил ее впереди себя, пригнулся и вошел в низкую дверь. Палатка оказалась просторной, в ней было чисто, уютно и тепло. В дальнем углу стол, покрытый белой простыней, на нем – биксы, стерилизаторы, бутылки и флаконы, коробки с ампулами. У стены стояла кушетка, обтянутая белой клеенкой, и на ней спала женщина. Гасанзаде смутился, хотел выйти.

– Погодите, я ее разбужу, – сказала Твардовская. – Она сама просила разбудить, если кто придет.

– Не надо, я зайду попозже.

Но врач уже проснулась, услышав тихий разговор, откинула шинель и села.

– Я не сплю. Так, от безделья вздремнула, – Смородина поспешно убрала рассыпавшиеся по плечам волосы и поднялась. – На что жалуетесь, товарищ лейтенант?

Полковой врач Елена Смородина впервые видела Фируза Гасанзаде, и, конечно, не знала, что лейтенант только вчера прибыл в полк – она подумала, что он пришел из соседней воинской части, и из вежливости готова была оказать ему, если потребуется, медицинскую помощь. Эти приветливость и готовность помочь вызвали в душе Фируза уверенность, что от таких людей, как врач, беды не будет, и он постарался произвести на нее такое впечатление, чтобы расположить ее к себе.

Что касается Маши Твардовской, то ей красивый и вежливый лейтенант сразу понравился. «Если бы все парни были такими вежливыми и воспитанными, решила она, – у нас, девушек, и забот не было бы». Но, видимо, лейтенант хотел переговорить с врачом наедине. Догадавшись об этом, Маша захватила с собой стиранные бинты и полотенца и вышла.

– Доктор, – сказал Фируз, – я пришел к вам на лечение и за советом. У меня ранение в грудь, и в госпитале рана затянулась, а вот теперь слегка кровоточит.

– Покажите.

Фируз снял телогрейку и гимнастерку. Покрытая курчавыми волосами грудь и плечи были перебинтованы крест-накрест.

– Где это вас так аккуратно перебинтовали?

– В госпитале.

– Вы оттуда недавно?

– Второй день в полку.

– В нашем полку? Кем вы назначены? Ротным? У нас была одна вакансия... Вместо Арбатова, что ли?

– Наверное.

Спрашивая и выслушивая ответы Фируза, Смородина осторожно разматывала бинт, складывая его себе на колени. Повязка на груди промокла; едва врач коснулась раны, Фируз чуть не вскрикнул от адской боли.

Смородина бросила бинт в корзину. Извлекла из раны ватный тампон и широко

раскрыла глаза от изумления:

– Кто выписал вас из госпиталя в таком состоянии?

Возмущение Смородиной испугало Фируза. Надо во что бы то ни стало успокоить врача, а то она, чего доброго, отправит его обратно в госпиталь, откуда он едва вырвался.

– Я думаю, доктор, все обойдется. Может, обработаете и перевяжете, и пойдет на поправку...

– Вы так думаете? Вы что, врач? Я, например, думаю, что ваша рана требует длительного лечения. Не меньше месяца!

Смородина перебинтовала рану. Фируз опустил гимнастерку, затянул ремень.

– Вы меня очень огорчили, доктор, – сказал он спокойно. – Конечно, я знаю, что ранение серьезное. Но ведь и лечился я довольно долго... Так надоело, сказать невозможно. Вот и упросил врачей... Выписали. «Нет раба без вины, нет господина без милости», – так говорят у нас, азербайджанцев. Правда, я не раб, а вы не госпожа, но от вашего решения многое зависит, доктор.

– Но, товарищ лейтенант, вас необходимо госпитализировать. Я врач и обязана это сделать.

Тогда Фируз взмолился:

– Доктор, оставьте меня здесь. Какая разница между госпиталем и медсанбатом? И в госпитале я больше был на ногах, чем в постели, и здесь я на ногах. Там было тихо и спокойно, и здесь, слава богу, пока тишина. А я уже принял роту, чувствую в ней себя как дома, как же я покину ребят?

Смородина задумалась и некоторое время молчала. Казалось, она совсем забыла о Фирузе. Обеспокоенный Фируз не выдержал.

– Доктор, до сих пор я никого ни о чем не просил. Может быть, это моя первая и последняя просьба, очень прошу ее уважить.

– Просто поражаюсь, как вас могли выписать в таком состоянии из госпиталя?

Фируз промолчал. Не мог же он признаться, что довел хирурга до белого каления своими просьбами о выписке, и тот в конце концов махнул рукой: будь что будет, иди!

Врач была в затруднении: жаль было выдворять из полка такого хорошего парня, а, с другой стороны, что она скажет командиру полка, если станет известно, что человек с открытой раной служит в полку? Не позавидуешь тому, в чьих поступках или словах Ази Асланов почувствует фальшь и обман. Подполковник относился к ней с уважением, и для Смородиной страшнее смерти был бы его гнев...

– Ну, ладно, – сказала она, вставая. – Оставайтесь... пока. Будем лечить. Но с условием...

– Готов на любые условия! – воскликнул Фируз.

– С условием, – повторила Смородина: – будете регулярно приходить на перевязки – до тех пор, пока не скажу «хватит».

Она не стала слушать изъявлений благодарности и тоном приказа сказала:

– Идите. Но если нарушите наш уговор, пеняйте на себя.

2

Стояла мягкая, удивительно теплая погода; лес, одетый в золото осенней листвы, выглядел торжественным и посветлевшим, притихшим. Желтые листья время от времени срывались с полуогибших ветвей и медленно, задумчиво кружась, опускались на землю. Их много уже опало, они устилали землю золотистым ковром; те, что опали до дождей, темнели по краям, испуская грустный прощальный аромат.

Николай Пронин и Лена Смородина сидели на широком пне и смотрели на лес, одетый в желтый убор. Убор этот редел с каждой минутой; вот-вот подует холодный осенний ветер, сбросит золотые шапки деревьев, и будут деревья до самой весны тянуть голые ветви к солнцу.

– Какая красота, ты только погляди, – говорил Пронин. – Наверное, ничего красивее осеннего русского леса на свете нет... Не понимаю людей, которые этого не чувствуют...: Вся поэзия, вся романтика жизни заключены в природе. – Он задумчиво вертел в руке тонкий прутик задел им лениво падавший лист – тот изменил направление и приземлился не там, где хотел. – Человек является в мир не для войны... Сколько дней отведено ему на свете? Для чего? А сколько дней отнимают у него войны, муки, страдания? Сколько счастливых дней остается ему?

– Счастливые дни сами по себе не приходят, – сказала Смородина и ласково прижалась к Николаю.

– Эти счастливые дни у нас вырывает война. Сидеть бы вот с тобой... в другое время!.. Чтобы не ожидать с минуты на минуту, когда поступит приказ... Чтобы думать о жизни, о детях, о родной земле.

Слушая его, Смородина закрыла глаза.

– Лена, ты что, спишь? – Николай прижал девушку к груди, поцеловал ее. – Завтра уже полгода, как мы с тобой встретились, а мне кажется, что мы любим друг друга тысячу лет. С тех пор, как я узнал тебя, совсем иначе смотрю на жизнь. Ценю ее. Каждая минута мне дорога. За это я благодарен тебе.

– А я без тебя и жизни не мыслю. Когда ты со мной, я забываю все на свете.

Пронин встал, взял в свои тяжелые руки маленькие, легкие руки девушки и поднес их к губам...

Потом они долго бродили по лесу. Наконец, вышли на опушку; впереди расстилалась бескрайняя равнина.

Пожилой крестьянин, собиравший хворост, разогнулся над вязанкой, попросил:

– Помогите мне, молодой человек.

Николай помог старику закинуть вязанку за спину. С болью в сердце отметил, что старик одет в немыслимые лохмотья, что худое лицо его изборождено глубокими морщинами, что, наверное, он болен и голоден, и ему стало неловко за свой цветущий вид, за то, что он сыт, обут и с иголочки одет. «Все отдадут армии люди, – подумал он. – И ждут от нас только одного: победы. А до победы еще ой как далеко».

– Спасибо тебе, сынок, – сказал старик и перекрестился. – Да не разлучит вас господь, дети мои.

Старик видел, как целовались Николай и Лена, и, не желая их смущать, отошел подальше. Но они, сами того не ведая, снова вышли на него.

– Далеко ли идти? – спросил его Николай. – Может, помочь?

– Нет, дорогой, донесу сам. И не командирское это дело – таскать дрова. Спасибо. Будьте здоровы. – И старик, кряхтя, пошел через поле кратчайшей дорогой в село. Из-под огромной вязанки хвороста виднелись только голова и ноги.

– Неужели и мы постареем и станем такими, как он? – Николай провожал старика взглядом.

– Если останемся жить, конечно, постареем, – бодро подтвердила Лена.

– Это ты-то станешь бабушкой, а я дедушкой? – Николай сел на ствол спиленного дерева и усадил Лену на колени. – Не верится что-то... А хотелось бы увидеть детей и внуков...

То, о чем так часто говорил Николай, отвечало желаниям Лены: мысль о детях согревала ее сердце с тех пор, как она познакомилась с Николаем; мечта стать матерью жила в ней давно.

– Как только кончится война, поедem в Лугу и там сыграем нашу свадьбу, – решительно сказал Пронин. – Ну, а потом поедem погостить у вас на Урале. – Он вдруг улыбнулся тому, как далеко унесла его фантазия. – А потом самолетом махнем на Черное море, погреться на южном солнце.

Лена засмеялась.

– Не согласна я с тобой, Коля. Почему свадьба должна быть в Луге? Если останемся

живы, давай сыграем две свадьбы, но сперва у нас на Урале, а потом уж в Луге, раз ты хочешь, чтобы мы там остались жить.

– Пусть будет по-твоему!

Он взял Лену за руку и они направились через лес в лагерь.

Глава третья

1

Пожалуй, один только командир полка, не считая, конечно, часовых, бодрствовал в столь поздний час. Даже неугомонный замполит Филатов заснул прямо с газетой в руках, и, повернувшись спиной к стене, храпел так, что с непривычки человеку стало бы не по себе. Но Ази не обращал внимания на такие мелочи; он весь углубился в письмо из дому. Очень хорошее, немногословное письмо, но дорогое и радостное – первое письмо, написанное сыном. Не раз с утра доставал Ази из кармана и читал-перечитывал маленький листок бумаги, и никак не мог от него оторваться. Нетвердый почерк, неровные крупные буквы, бесхитростные простые слова ребенка разжигали в сердце Ази нежность и жгучую тоску по дому, и в то же время будили отцовскую гордость.

Он представил себе маленькую ручонку сына, крепко державшую перо, и почувствовал себя счастливым; теперь ему и горя мало, сын уже пишет ему письма!

Он прибавил свету в десятилинейной лампе, развернул на столе письмо, расправил его. И снова сложил и опустил в нагрудный карман. Сел. Достал бумагу и принялся писать ответ сыну.

«Здравствуй, сыночек, джейранчик мой, Тофик! Получил я твое письмо, радуюсь ему, горжусь, что ты уже большой мальчик и сам можешь писать письма, и отца своего не забываешь.

Не тоскуй обо мне, дорогой сынок. Вот прогоним врагов с нашей земли, закончим войну, вернутся домой отцы и братья, и я тоже домой приеду. Посажу тебя на одно колено, Арифа – на другое и буду рассказывать вам сказки. Таких вы и от бабушки не услышите, и из книг не вычитаете.

Пиши мне почаще, сынок. Будь умницей, хорошо учись, не огорчай бабушку и маму.

Целую тебя, а ты поцелуй вместо меня бабушку, маму и своего младшего брата.

Твой отец Ази».

Он свернул письмо, вложил его в конверт, надписал адрес. Поднявшись, прошелся по землянке. Потом снова вернулся к столику, достал из кармана кителя фотокарточку и долго смотрел на нее. Оба сына были сняты рядом, голова к голове. «Дорогие вы мои, как я хотел бы увидеть и послушать вас. Подросли с тех пор, как уехали, наверное, уже большие... Пройтись бы вместе по улице, посмотреть на море... И ведь не так уж далеко Ленкорань, да ничего не поделаешь – не прибежишь, не приедешь, не прилетишь...»

До войны Ази Асланов служил в одной из воинских частей в пограничном городе Золочеве. Как обычно, отпуск он проводил на родине, в Ленкорани. Весной сорок первого они договорились со своим другом Сергеем Сиротой, что половину летнего отпуска проведут на Кубани, а потом поедут в Ленкорань, сообщили об этом своим домашним. И, конечно, в станице Славянской и в Ленкорани родные готовились достойно встретить дорогих гостей. Сергей Сирота даже подарки купил для Нушу хала, и почти в тот же день Ази запасся подарком для матери своего однополчанина.

Сергей Сирота был немного моложе Ази, и жена его Наташа тоже была моложе Хавер, но разница в возрасте ничуть не мешала многолетней дружбе. Если часть переводили с

одного места на другое, они старались, чтобы их семьи поселились рядом. Если Наташа шла на базар или еще куда-либо, она была спокойна за детей – за ними присматривала Хавер, которая тоже могла не волноваться, если ее дети оставались на попечении Наташи. Дружба родителей сближала и детей, они вместе играли, вместе ели и отдыхали, можно сказать, и жили вместе.

В субботу, двадцать первого июня, был день рождения Любочки, дочери Сергея Сироты. Отметили этот день весело; дети, в том числе и именинница, к вечеру так набегались и наигрались, что вскоре отправились спать, а взрослые сидели, беседовали до полуночи, а когда гости разошлись и мужья тоже легли отдыхать, Хавер и Наташа принялись мыть посуду. Едва, закончив эту работу, легли отдохнуть, как сторожную тишину пограничной полосы разнесло вдребезги свистом снарядов и грохотом разрывов. Хавер вскочила с постели, кинулась к кроваткам детей.

Ази уже одевался.

– Что это, Ази?

– Это на границе... Не знаю, что, но хорошего не жду...

– Война? – прошептала Хавер.

– Время такое, что всего можно ожидать. Может, провокация, а может... Ази затянул на гимнастерке ремень и надел фуражку. – Хавер, я бегу в часть. Смотри за детьми. Если сразу не вернусь – не волнуйся. Держись около Наташи, старайтесь друг друга не потерять.

– Ази! – окликнул из коридора Сергей.

– Иду, иду! – и уже в дверях сказал: – Не беспокойся, Хавер. Да оденься! – Жена все еще стояла в ночной сорочке, босая. – Простудишься ведь. И смотри, береги себя...

С того часу он не видел ни жены, ни детей.

Из части Ази уже не вернулся – начался бой, из которого пограничники и передовые подразделения войск не выходили до поздней ночи. Затем пришлось отходить, и тут выяснилось, что многих уже нет в строю. В том бою пропал Сергей. Видели его в начале боя, а что с ним случилось потом, никто не знал.

Той порой командование приняло меры к эвакуации семей комсостава; Наташа и Хавер, ничего не зная о мужьях и подчиняясь приказу, в спешке похватили самое необходимое, подхватили детей и отправились в долгий путь. Много чего пришлось им перенести в дороге; поезд не раз бомбили, пока, наконец, он не вырвался из прифронтовой полосы. В пути Хавер распрощалась с Наташей. Звала Наташу к себе, но та, поколебавшись, решила ехать к родителям, в Славянскую, а Хавер отправилась дальше, в Баку, а оттуда в Ленкорань.

Только получив весточку о том, что семья благополучно добралась до отчего дома, Ази немного успокоился.

...Ази положил карточку в карман. Постоял в задумчивости. Потом открыл дверь землянки. Порыв сырого холодного ветра откинул в сторону упавшие на лоб черные волосы.

Небо было аспидно-черным, и звезды, сверкавшие на нем, напоминали золотые пуговицы на черной атласной рубаше. Эти звезды видны отовсюду... Может, в этот самый час их видит и Хавер. Видит, но не знает, где он и откуда смотрит на это небо, о чем думает.

Ему стало грустно при этой мысли. Образ жены и образ матери, дорогие лица детей возникли перед ним как наяву, и он вспомнил похожий вечер, когда они всей семьей вышли погулять по родному городу. Арифа он усадил себе на плечо, и младший сын чувствовал себя на седьмом небе от радости, свысока глядя на прохожих. А Тофик вышагивал рядом, стараясь попасть в ногу с отцом; мать и Хавер, улыбаясь, шли сбоку. Когда это было? И было ли? Если и было, то так давно, что и поверить уже страшно...

На скрип дверей отреагировал часовой. Подошел.

– Очень похолодало, товарищ подполковник. Как бы морозы не ударили, сказал он. – Как вы думаете, товарищ подполковник?

– Возможно, похолодает. Но тебе-то что? Сибирякам никакой мороз не страшен. А вот нам, южанам, мороз не нравится. Чуть-чуть похолодает, мы уже начинаем дрожать.

– Если б дрожали, то не вышли бы в таком виде, в одной-то гимнастерке, – усмехнулся Парамонов и привычно поправил длинный ус.

– Ну, мы тоже к морозам привыкаем... А ты что, усы специально отращиваешь? Вон какие густые и длинные, уже почти до ушей... Тараса Бульбу решил перещеголять?

Парамонов покрутил кончики усов, сказал серьезно:

– Да, товарищ подполковник, с того дня, как я попал на фронт, их не касались ни ножницы, ни бритва. Дал слово не трогать до самой победы. Если останусь жив, в кабинете проклятого Гитлера сфотографируюсь, а потом сбрею. Так что усы эти, товарищ подполковник, как бы память о войне. Для будущего. Для потомков, конечно...

Ази сразу понял, что не зря Парамонов заговорил и подвел разговор к потомкам.

– А пишут из дому? – спросил он. – Что нового там?

Парамонов, действительно ждал этого вопроса.

– Пишут... Нового что? Работают. Все для фронта... Живы-здоровы, слава богу. – Он вытащил из кармана свернутый листок бумаги. – Только вот ребят немного обижают.

– Кто обижает?

– Да вот, если хотите, прочтите.

Ази знал, что у Парамонова четверо детей. Женился Парамонов сравнительно поздно, и дети еще маленькие, самому младшему всего пять лет.

При свете карманного фонаря он прочел письмо, покачал головой.

– Почему же раньше ничего об этом не говорил?

– Да у вас и без меня дел много. Что говорить? Будто вам больше не о чем думать, как только о моих детях.

– О детях моего бойца, – строго поправил Ази. – И как бы я ни был занят, ты должен был сказать мне об этом, и я должен тебе помочь.

– Не хотел вас беспокоить.

– Напрасно. Я тебя в бой посылаю, а ты меня беспокоить опасаясь.

Письмо было написано женой Парамонова, она писала о трудностях жизни, писала сдержанно, и только об одном не утерпела, в полный голос сказала: дом плохой, в аварийном состоянии, крыша вот-вот рухнет, а помочь никто не хочет, дети болеют, сама она с ремонтом не может справиться.

– Я сегодня же напишу письмо в Омский облвоенкомат и в горком партии. Не волнуйся, примут меры, помогут.

И Ази, мельком взглянув на бойца, вернулся в землянку. А Парамонов, опершись на ствол винтовки, стоял и думал: «Вот что значит человек! Будто в душу глянул... Сам спросил о семье... Я разве рискнул бы сказать? А может, зря и сказал.хлопот командиру добавил».

Но все же Парамонов был доволен, что все так получилось; он верил, что помощь будет, если за дело командир полка взялся, но еще больше его радовало, что подполковник уделил ему, Парамонову, одному из тысяч, столько внимания.

2

– Когда ты ее бросишь, Кузьма? Ведь она как решето, дырок, больше, чем целых мест, словно пулями истреблена... – подшучивал Илюша Тарников над круглолицым, здоровенным Кузьмой Волковым, который с величайшим терпением штопал полосатую тельняшку, не обращая внимания на ухмылки товарищей и того же Тарникова.

Илюша присел возле Кузьмы, вытащил из кармана алюминиевую табакерку с выбитым на ней изображением танка и скрутил папироску.

– Желаеть?

– Спасибо, только что курил. Не хочу отравляться.

По холодному ответу Илюша почувствовал: дружок не в духе.

– Не нравишься ты мне сегодня. В чем дело? Может, любимая от тебя отвернулась?

Кузьма усмехнулся, не поднимая головы.

– По-твоему, я такой парень, от которого можно отвернуться?

И откусил нитку.

– Нет, конечно, парень ты что надо, да ведь только...

– Что «только»?

– ...только всякое бывает, хочу сказать. От них можно ждать чего угодно, народ они такой...

– Не меряй всех на один аршин. – Кузьма залатал последнюю дыру, воткнул иголку в подкладку шапки, обмотал ниткой. – Вот так-то. Тельняшка еще послужит, и девушка от меня не сбежит. Ты лучше скажи, что за человек наш новый командир роты?

– Откуда мне знать? Судя по всему, не новичок, видал виды... А что это ты вдруг обеспокоился?

– Спрашиваю, значит, есть дело.

– Что за дело?

– С просьбой к нему хочу обратиться.

– Так обратись, кто запрещает?

– А вдруг откажет?

Илюша несколько раз подряд затянулся папиросой.

– Откажет или нет – кто может сказать? Каждую просьбу удовлетворить нельзя. Просьбы бывают всякие. Может, ты такое попросишь, чего и генерал дать не сможет? Должность высокую либо орден большой?

– О чем я думаю, и что ты мелешь! – с досадой оборвал Кузьма. – Не надо паясничать. Просьба обычная. Ничего сверхъестественного не попрошу... Знаешь, в пяти километрах отсюда полевой госпиталь расположен...

– Ну? А тебе до него какое дело?

– Обожди! Сначала послушай, потом спрашивай. – Илюша вопросительно уставился на Кузьму. – Люда ведь там...

– Как узнал?

– Володя, шофер командира полка, сообщил.

– Может, подшутил над тобой? Как из Крыма сюда полевой госпиталь перекочевал?

– А как мы перекочевали?

– Ну, мы... Мы танкисты.

– Где танкисты, там и пехота. Там и медики... И зачем Володе обманывать? Он не такой, как ты, понял?

– Понял! – засмеялся Илья. – Все понял! Знаю теперь, зачем свою зебру латал, знаю, почему серьезный такой!

3

Выйдя из землянки, Фируз огляделся. Небо, как всегда в последние дни, стояло низкое, воздух был сырой. Палый лист усыпал землю, а на узеньких тропинках, спрессованный десятками солдатских сапог и ботинок, потемнел. Танки стояли под высокими деревьями, еще сохранившими пожелтевшую листву, и усыпанные ею сплошь – сбоку они походили на копны сена; сверху ни «мессершмитты», ни «фокке-вульфы», по нескольку раз на дню пролетавшие над лесом, обнаружить их не могли и, несолоно хлебавши, возвращались обратно из своих разведывательных полетов.

Птицы, не имевшие понятия о происходящем вокруг, беззаботно щебетали, прыгая с ветки на ветку, деловито копошились вокруг остатков супа и каши, которые ротный повар вывалил на землю, когда мыл котлы, смело пикировали на длинный обеденный стол, сооруженный под деревьями, подбирали хлебные крошки. Птиц очень радовало, что танкисты поселились в лесу – теперь они имели достаточно корма, и не надо было летать в поисках пищи – поел, взлетел, отдохнул... Птицы так обжились, так осмелели, что резвились

даже на ступеньках землянки, и не очень охотно отлетали, когда приближались чьи-то шаги. Фируз посмотрел вслед вспорхнувшей стайке вездесущих воробьев, глубоко вдохнул прохладный воздух, потянулся и вдруг положил руку на грудь: «А, черт, никак не заживает!» – и тут вспомнил, что пришло время идти к врачу. Но появились старшина роты Воропанов и помпотех капитан Барышникова, проверявшая техническое состояние машин, – они, видимо, как раз и шли к нему. Гасанзаде пригласил их в землянку. Почти одновременно, чуть-чуть опередив старшину и помпотеха, из-за спины Гасанзаде вынырнул Кузьма Волков.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к командиру роты?

И так четко щелкнул каблуками подкованных сапог, так молодецки выпятил грудь, таким щегольским жестом бросил правую руку к виску, что капитан, лейтенант и придирчивый старшина невольно залюбовались его бравым видом, и помпотех не сразу ответила. «Вот, – подумали сразу оба – и Гасанзаде, и Барышникова, – что значит выучка!»

– Разрешаю.

Кузьма, волнуясь, изложил свою просьбу ротному.

– Не возражаю, – сказал Гасанзаде. – Только вернись вовремя! И смотри, чтобы понравился девушке!

... Кузьма ворвался в свою землянку, как вихрь. Илюша сразу понял, что дело удалось.

– Ну, не я ли тебе говорил, что он свой парень?

– Говорил, говорил... Некогда мне! Если ты друг, раздобудь мне приличное обмундирование. – Он оценивающим взглядом оглядел танкистов, окруживших его. – Для начала снимай сапоги! Ты, Мустафа, одолжи гимнастерку, Петя, дай мне свою фуражку. – Он обернулся к Шарифу и оглядел его с головы до ног. – А ты снимай галифе!

Товарищи беспрекословно выполняли его просьбы, а, скорее, приказы.

– На вот, браток, возьми! Одевайся! Знаем, что сердце рвется от радости.

В пять минут Кузьма преобразился. Илюша вертел его так и саял, и, наконец, придирчиво оглядев в последний раз, сказал:

– Вид что надо! Хоть на парад!

– Правда? Нет, ребята, нормально?

– Не веришь, так хоть в зеркало глянь. Ну прямо что твой генерал! Только звездочек да шевронов не хватает. Так что, товарищ генерал, у меня к тебе одна просьба.

Кузьма с генеральской важностью бросил:

– Слушаю.

– Когда будешь возвращаться, принеси каждому из нас по полсотни граммов спирта. Сам видишь, погода холодная, согреться надо. Выпьем за здоровье твоей Люды, а заодно и согреемся немного. Клянусь матерью, когда вспоминаю о фронтовых ста граммах, сердце заходится. Подумать только, сколько времени капли во рту не было!

– Охотно верю, что выпить хочешь. Но заказов не беру – ведь не на базар иду.

– И незачем ходить на базар – ты только шепни на ушко своей Людочке, она найдет. В медсанбате спирт всегда водится!

И кое-кто согласился с Илюшей.

– Смотри, брат, – напутствовали они Кузьму, – вернешься с пустыми руками – не пустим тебя в землянку!

Глава четвертая

1

Уже с полчаса Шариф бился, пытаясь разжечь топку полевой кухни. Шуровал металлическим прутом, набирал воздуха в легкие, дул на угли – бесполезно, топка выстыла, только поднятый дуновением воздуха свежий пепел волной ударил в лицо.

– Тьфу, тьфу, – вытирая глаза, Шариф сплюнул. – Кто-то будет кушать, а я должен из

кожи вон лезть, задышаться от пепла!

– Не плюйся, Шариф, ты, как-никак, у котла! – откуда-то сбоку появился старшина Воропанов. – Кто же чертыхается при святом деле?

– Тут любой из себя выйдет, – Шариф вытер рукавом телогрейки лицо. Дрова сырые, горячих углей нет, растопка гаснет...

– Ну-ка, посторонись, посмотрю.

Горячих углей действительно, не было.

– Беспечно живете. Где же повар?

– Пошел к парикмахеру. Красоту наводить. Воропанов переложил дрова в клетку, порылся в кармане, извлек из него кусок газеты и подсунул под поленья, зажег.

– Теперь разгорится. – Он подождал, пока пламя охватило дрова и топка загудела.

– Да, что значит уметь...

– Мудреного тут ничего нет, немножко только соображения нужно. Чертыхаться каждый может, а дело делать... Небось, со стороны глядя, завидовал легкой жизни на кухне? А теперь жалуешься. Надо же; еще и одной смены не отдежурил.

– Правда, товарищ старшина, мне казалось, что легче поварского дела нет ничего на свете. А тут уйма всяких хлопот!

– Ладно. Теперь следи, чтобы дрова не прогорели, подбрасывай, а как только повар вернется, придешь ко мне, получишь полмешка сушеного леща, раздашь ребятам на обед. Только не запаздывай, я отправляюсь за продуктами.

Воропанов наклонился, снова посмотрел в топку, остался доволен и, посвистывая, пошел по тропинке в хозчасть.

Шариф открыл мешок с пшеном, присел на корточки, заглянул. Следовало бы перебрать пшено, однако заниматься этим делом ему не хотелось: дела этого не на один час. Он поковырял в пшене указательным пальцем, разбросал его, словно курица, и махнул рукой: сору лишнего нет, сойдет и так, а когда сварится и съестся, в брюхе само переберется – в общем, пусть так и остается!

Он закрыл мешок и сел на него – отдохнуть.

Когда повар вернулся от парикмахера, вода в котле шумно кипела. Отряхивая волосы, набившиеся за ворот, повар спросил:

– Перебрал пшено, Шариф?

– Давно. Тебя жду.

– Молодец! Где оно?

– Вот. – Шариф похлопал по мешку, на котором сидел.

– Засыпь в котел. Времени мало. Обед нельзя задерживать. – Повар поднял крышку котла. – Давай пшено, я засыплю, а ты иди к старшине за рыбой.

– Старшина был здесь, говорил об этой рыбе. Я ожидал твоего возвращения. Могу идти?

– Да, иди, но не задерживайся. Тут я и без тебя управлюсь.

– Иду, иду. – Шариф пошел бы куда угодно, лишь бы не возиться у котла. Но идти было недалеко, и он шел не спеша, стараясь продлить этот короткий путь.

Воропанов устроил свой склад под двумя большими дубами, кроны которых переплелись вверху. На перевернутых снаряжных ящиках стояли мешки и коробки с пшеном, крупами, сушеным картофелем, консервами, которые береглись на «черный день», то есть на случай, когда продукты подвезти не смогут; в стороне хранилось поношенное обмундирование и бог знает что еще, и все это, покрытое зеленым брезентом, составляло хозяйство старшины.

Прислонившись спиной к стволу дерева, Воропанов дымил трубкой. Она торчала у него во рту постоянно, и вынимал он ее изо рта только для того, чтобы что-то сказать или спросить. «Интересно, – подумал Шариф, – как он ест? Наверное, попеременно сует в рот то ложку, то трубку...»

– Где же ты запропастился? Из-за тебя здесь торчу! – Трубка оказалась в руке

старшины.

Товарищ старшина...

– Мне твои объяснения не нужны! – Воропанов сунул трубку в рот, жадно затянулся. – Подыми брезент, рыба там, с краю! Да поживей поворачивайся!

Не отвечая старшине, Шариф нащупал и взял мешок, до половины наполненный рыбой. «А, чтоб тебя! – вполголоса огрызнулся он по-азербайджански. – Кричит, как на жену!»

– Ты что там такое бурчишь? – спросил старшина. – Говори так, чтоб и я понял!

– Не умышленно же опоздал, говорю!

– А шел вразвалку – тоже не умышленно? Видел я, как ты плелся, будто все дела сделаны, остается только прогуливаться...

На обратном пути Шариф сбросил с плеч мешок, сел отдохнуть. Подумал, открыл мешок. Запах копченой рыбы ударил ему в нос.

«А она, кажется, недурна! Не кутум, конечно... Попробую-ка, что за рыба. – Он выбрал рыбину помясистее, разломал. – Слушай, это же прекрасная рыба! – Отбросил в кусты голову и хвост, потом отобрал из мешка штук двадцать больших, мясистых рыбин, разгреб палые листья под ближайшим кустом, положил рыбу в углубление, засыпал листьями, надломил ветку куста, сделал метку, чтобы можно было найти спрятанное, поглядел на потощавший мешок. Ничего, тут ее достаточно. Пусть полежит, после дежурства возьму, побалуюсь!» – Шариф огляделся. Нигде никого. И никто не видел его.

Закинув за спину мешок, он зашагал дальше. Немного отойдя, обернулся. Да, место он запомнил, найти легко...

Ночью Шариф долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Бойцы, тесно прижавшись друг к другу, спали, один только Шариф маялся. Наконец, он повернулся лицом к стене и закрыл рукой ухо, чтобы не слышать храп Петренко, наполнявший всю землянку. Но и это не помогло. Надо же, как будто в кузне меха раздувает... И не подумает о том, что рядом с ним лежит еще кто-то, спать не может! Разве при таком храпе уснешь?!

На самом деле вовсе не храп Петренко мешал Шарифу уснуть, а мысль об украденной днем рыбе беспокоила его. Если ее не пристроить в надежное место, она сгниет, а то и звери ее растащат – так и пропадет зря, да еще, чего доброго, люди догадаются, что не сама эта копчуха в лес приплыла... Лучше всего взять бы ее да отнести в соседнее село, продать или поменять на что-нибудь. Однако не верилось в успех этого дела. Кто разрешит ему отправиться в село? В роту ее тоже не принесешь, да и спрятать негде – запах тотчас выдаст, и не только можно опозориться, но и погореть можно. Получалось, что рыбу эту ни съесть, ни отдать, ни продать он не сможет. Вот оказия... Для чего же взял?

«Да ну ее, – решил он наконец. – Денег за нее не платил, так что переживать нечего. Смогу взять – прекрасно, а не смогу, – ну и черт с ней».

И натянув на голову полушубок, он закрыл глаза.

Из штаба соединения командир полка возвращался под вечер, когда уже начинало смеркаться, и по лесной дороге нельзя было проехать, не включая фар. Два бледно-синих луча освещали ухабистую дорогу, с которой шофер не спускал глаз. Ази, облокотившись рукой о дверцу, тоже внимательно поглядывал на дорогу и на темную стену леса.

Внезапно машину сильно тряхнуло.

– Ах, черт, – вполголоса сказал шофер. – Как это я не заметил выбоины?

Он словно извинялся перед командиром полка.

– Ничего, Володя, это случается, – сказал Ази Асланов. – Давай потихоньку.

Не проехали и десятка метров, как шофер остановил машину.

– Около дороги что-то лежит, товарищ подполковник. Видите, темнеет.

– Где?

– Там, справа.

Шофер достал наган. Ази Асланов тоже вытащил из кобуры пистолет, и оба вышли из машины.

– Вы подождите, товарищ командир, я выясню, что это такое. Похоже, человек...

– Но ведь не шелохнется. Пошли, Володя!

И все-таки шофер пошел впереди, загораживая собой подполковника.

Лежавший, почувствовав, что к нему кто-то подходит, пошевелинулся и привстал, чтобы сесть.

– Руки вверх! – крикнул шофер.

Так и не успев сесть, человек растянулся на земле.

– Что ты, что ты? – забормотал он. – Чего раскричался? Своих не узнаешь! Ох, напугал!

Поглядите на него, распетушился: руки вверх, руки вверх! Как лежащий человек может поднять руки вверх?

– Да он пьян! – Подполковник наклонился над лежащим. – Кто такой? Из какой части?

– А вам какое дело? Это военная тайна. Идите своей дорогой. Я полежу и сам свою часть найду!

Пьяный хрипло засмеялся. Ази Асланов осветил его карманным фонарем.

– А ну, встать! Посмотри мне в лицо!

Пьяный потянулся, вытер рукавом пену у рта и вытаращил глаза на подполковника.

– Ты Рахманов? Из второй роты?

Шариф, узнав Ази Асланова, попытался подняться, но упал.

– Извини, товарищ подполковник, ей-богу, не узнал тебя. Я немного того... извините. Но, клянусь жизнью, я не такой дурной человек. Прости меня, командир, да стану я твоей жертвой! – Шариф, помогая себе руками, кое-как утвердился на ногах. – Дай, я тебя поцелую! Ты настоящий мужчина. Мужчины должны понимать друг друга.

На эту тираду Шариф израсходовал все силы и снова рухнул на землю.

– Володя, возьми его за ноги, а я – за плечи, положим в машину.

Через минуту машина снова осторожно пробиралась лесной дорогой.

2

В сумерках, когда еще сквозь ветви деревьев и не опавший лист проглядывало посеревшее небо, майор Пронин вышел из штабной землянки и углубился в лес. Одновременно из санчасти вышла капитан Смородина, огляделась и уверенно двинулась наперерез начальнику штаба.

Сойдясь на узкой тропинке, они пошли рядом. Пронин взял ее за руку. Смородина обеспокоено оглянулась, спросила:

– Куда это мы идем?

– Да просто так, пройдемся, после дождя воздух такой чистый, ведь вы, врачи, сами советуете больше ходить.

За многословием Пронина Лена чувствовала его волнение.

– Давай вернемся, Николай, мы очень далеко ушли. Скоро совсем потемнеет, можно и заблудиться, и на кого-нибудь напороться... Давай вернемся!

– Не бойся, Лена, не бойся. В лесу никого, да ведь мы и не в Африке...

– Лес пустой не бывает.

– Пусть так, но если даже на нас кинется волк, найдется чем его встретить. – Пронин положил руку на кобуру пистолета.

– Пока ты от неожиданности придешь в себя и, прицелишься, волк ждать не будет. – Смородина засмеялась. И тут же посерьезнела. – Лучше всего нам вернуться.

Пронин понял, что она твердо стоит на своем, неохотно повернул назад.

– Женщины народ робкий.

– Не робкий, – а осторожный. Не надо путать эти два понятия.

Пока она возражала, Пронин незаметно свернул в сторону, и они оказались в такой чащобе, что Смородина не на шутку испугалась.

– Куда мы пришли? И дороги нет! Видишь, я говорила, что заблудимся. Ну, что ж, раз

сюда завел, то сам и выведешь, мне что беспокоиться, – и она улыбнулась.

Пронин тотчас уловил лукавые нотки в ее голосе, повернулся к ней, бережно взял в руки ее лицо и поцеловал ее в губы.

– Что ты делаешь, Коля? Что ты?

Майор гладил ее волосы, рассыпавшиеся по плечам, и целовал, целовал ее.

– Вот что я делаю, вот... А почему? А почему ты такая красивая? – Он обнял ее и привлек к себе. Она не стала сопротивляться, прильнула к нему.

– Что с тобой, Коля?

Пронин только сильнее прижимал ее к себе, шептал в исступлении:

– Люблю же тебя, люблю! Я с ума схожу...

Но и Лена сходила с ума. Она прижалась губами к губам Николая и закрыла глаза.

На обратном пути Лена взяла Пронина под руку. Отяжелевшая от счастья, она то и дело припадала к его плечу. И когда Николай останавливался и целовал ее, она молча ему отвечала; потом они шли шагов десять и снова останавливались и целовались. У Пронина кружилась голова, Лена ни о чем не думала, целиком отдавалась чувству; сейчас для нее не было на всем свете человека дороже, чем Пронин.

Пронин отбрасывал ногой сучья и валежины с ее пути и при этом дурачился, как мальчишка.

– Ах, вот он, зверь... А мы его с дороги вот так!.. А вот еще. И его раз, и нету.

Но как они ни замедляли шаги, впереди замаячили силуэты землянок.

– Как мы быстро дошли! – Смородина положила голову на плечо Николая, обхватила его за шею. Ей хотелось еще раз испытать горячие ласки, прежде, чем придется разойтись.

Пронин перед палаткой санчасти погладил ее по голове и сказал тихо:

– Спокойной ночи, Леночка... Не хочется расставаться. А надо.

– Мне тоже не хочется... Ну, иди, милый, иди!

– Завтра, как выкрою свободное время, непременно дам тебе знать... Вечером, может быть, снова встретимся...

Смородина вошла в палатку. Маша Твардовская не дождалась ее, поужинала и спит. Лена сняла шинель, посмотрела в зеркальце величиной с папиросную коробку. В тусклом свете единственной лампочки лицо казалось темным; щеки еще пылали от поцелуев, и она приложила к ним холодные ладони... «Боже мой, – думала она, – я совсем как девчонка, не умею держать себя в руках!»

Она расчесала волосы, поправила постель, разделась, выключила светильник, работавший от аккумулятора.

Долго лежала с открытыми глазами. Жар в груди не давал ей уснуть. Показалось, что у нее температура, захотелось встать, измерить, но, вспомнив все, что было в лесу, она поняла, откуда этот жар, тревога, беспокойство и радость. С этим открытием она провалилась в сон и проснулась только поздно утром от шума на кухне, где рубили дрова.

Снаружи беспрерывно доносились стук топоров, говор и смех.

В палатке было прохладно. Не хотелось вставать из теплой постели. Да и куда спешить? Никакой работы нет, никто пока в ее услугах не нуждается.

И Лена закрыла глаза. Сладостные воспоминания о вчерашнем нахлынули на нее. Они с Николаем давно любили друг друга, давно объяснились, но вчерашняя встреча стала особенной. И Лена все еще чувствовала тепло его рук, жар его поцелуев, их дыхание сливалось, и нежный шепот любимого все еще звучал в ее ушах: «Ты для меня все, Лена. Ты моя жизнь... Ты для меня свет...» В первые дни знакомства с ним Лена не могла определить своего отношения к нему, и порой сомневалась в том, что сможет полюбить Пронина такой сильной любовью. Есть мужчины, которые своим обликом с первого взгляда производят на женщин благоприятное, иногда неотразимое впечатление. Потом это впечатление, бывает, меняется – как тает снег, и, постепенно тая, превращается в воду и уходит без следа, так и от первого впечатления не остается ничего...

Но есть и такие мужчины, которые с первого взгляда не производят на женщин

никакого впечатления, и только со временем какие-то неуловимые черты их облика, поведения, поступки и манеры, накапливаясь в душе, вырастают в стройное положительное впечатление о человеке; незаметно, час за часом и день за днем такие люди начинают все более нравиться женщине, она начинает замечать в мужчине подобного склада, показавшемся с первого взгляда и некрасивым, и посредственным, новые качества, находит в нем и доброту, и ум, и красоту; из всего этого вырастает убеждение, что именно он и есть самый красивый, добрый и умный, она все чаще начинает думать о нем и все более привязывается к нему.

Именно таким неприметным, обыкновенным показался поначалу Лене Смородиной Николай Пронин, и именно так складывались их отношения, так росло взаимное чувство; вчера оно привело их к такой близости, после которой для них, кроме друг друга, уже не существовал никто.

Глава пятая

1

Холод, пронизывающий до мозга костей, заставил Шарифа проснуться. В землянке, кроме него, никого не было. Он лежал на нарах, тоже ему незнакомых. Он разрыл солому и забился в яму, свернувшись в комок, как кот, и натянул на голову полушубок. Но все равно согреться не мог. «Где я нахожусь? – думал он. – Как тут оказался?» Думать много он тоже не мог голова болела и кружилась. Во рту все пересохло... «Как я попал сюда? – вернулся он к прежней мысли. – Сам, что ли, забрел? Как говорится, никто меня не ударил, я не упал, а как же здесь оказался?»

Шариф вспомнил, что вчера, после полудня, он выпил, но что было с ним дальше, никак не мог вспомнить.

Все, что было до выпивки, он помнил прекрасно.

Днем, когда группа танкистов по распоряжению старшины отправилась на заготовку дров, он незаметно улизнул, взял в своем тайнике припрятанную рыбу и лесом вышел в небольшое село на опушке; там он постучал в двери крайней хаты и был весьма приветливо принят, так что довольно быстро сговорился с хозяином, променял рыбу на бутылку водки, там же выпил полбутылки. Немного посплохившись по селу, он прикинул по времени, что танкисты должны уже возвращаться в часть, к ужину, и решил, что ему тоже пора идти. В лесу он допил водку, прилег у дороги отдохнуть. Уснул, проснулся от мысли, что в части его могут хватиться, кое-как встал, прошел шагов десять-пятнадцать, снова упал и больше уже не смог подняться...

Помнил, как оказался перед командиром полка. Даже вдрызг пьяный, он все же сообразил, что скажи он командиру полка все, как было, ему не избежать бы самого тяжелого наказания, и поэтому он на ходу придумал какую-то липовую историю о встрече с братом. Каким братом? Где? Легко было выяснить, что никакого брата он встретить не мог. Постепенно приходя в сознание, он уже раскаивался в том, что поступил так неосторожно. Но тут же и утешал себя. «Подумаешь, что совершил! Другие весь мир раздирают, надвинут папаху на глаза и веселятся вовсю, а я всего-навсего выпил бутылку водки да не успел добраться до части – и вот меня, несчастного, уже заперли в этой мышиной норе... Да, арестовали, как будто я совершил тяжкое преступление. Это, что, по совести?»

Он слез с нар и прислушался.

Услышав снаружи шаги, понял: часовой. Да, все так и есть: арестован! Осторожно открыв двери землянки, выглянул наружу – часовой тотчас оглянулся.

– Браток, дай мне глоток воды! Океан могу выпить, а в землянке – ни капельки.

– Я на посту, воды у меня нет, пойти не могу. Ты тоже боец, устав должен знать. Если я оставляю пост, то мне всыпят по первое число. Так что потерпи, как сменюсь, принесу.

Шариф вздохнул, положил руку на косяк двери и печально свесил голову.

– Что пригорюнился? Накуролесил, и теперь задумался? А когда пил эту заразу, о чем думал? Если пьешь, так пей хотя бы так, чтобы голова на плечах держалась. – Часовой поправил на плече автомат, опустив его стволом вниз. Когда не знают меры, так вот оно и получается...

– Что случилось, того не исправишь. Не повезло мне, браток. И не только сейчас – мне, можно сказать, со дня появления на свет не везет...

Часовой никогда не догадался бы, что имеет в виду Шариф, говоря о своем невезении. Еще находясь у себя дома, в Зардобе, Шариф кое-что слышал об армейских порядках, о воинской дисциплине. Поэтому армии он боялся, как огня, и, не будь войны, от воинской службы он обязательно уклонился бы. Вечно жалуясь на слабость здоровья, на разные недуги, он создал о себе мнение, как о человеке, к военной службе непригодном, и, в конце концов, добыл бы «белый» билет. Но началась война, началась мобилизация, и все делалось в таком неслыханном темпе, что он не смог сориентироваться, не успел найти подходящего человека, который помог бы ему остаться дома. Вот это и называл Шариф невезением. Оказавшись в армии, он приложил все усилия, чтобы как-нибудь перекантоваться из строевого подразделения в хозяйственное, лез из кожи вон, чтобы устроиться на какой-нибудь продовольственный или материальный склад, но из этих попыток тоже ничего не вышло, его определили в танковые войска, затем он попал в экипаж танка стрелком-радистом. Этой профессии, хотел он того или нет, его обучили, и теперь ему предстояло воевать. И такой оборот судьбы он тоже называл невезением. Теперь между его воинской профессией и профессией довоенной была дистанция огромного размера. До армии он был в Зардобе завмагом, умел зашибить деньгу. Отец его, портной, тоже умел заработать, так что семья в его деньгах не нуждалась. Деньги, которые текли в руки Шарифа, он спускал, как воду, в кутежах с такими же любителями веселой, легкой жизни, как он сам. Легкая эта жизнь и доступность всего привели его на скамью подсудимых за изнасилование беззащитной девушки-сироты. Испугавшись грозившей ему тюремной камеры, он повалился в ноги пострадавшей, молил ее сжалиться, забрать иск в обмен на женитьбу, женился на своей жертве и таким образом избежал наказания. Но едва страсти поутихли и дело забылось, Шариф стал избивать жену и омрачил ее жизнь до такой степени, что она в конце концов сама убежала от него, и опять он зажил по-прежнему. Теперь, с тоской вспоминая минувшие деньки, он пользовался малейшей возможностью, чтобы хоть как-нибудь поразвлечься. «Война ведь, думал он, – того и гляди, влепят пулю в лоб, положишь голову наземь и не подымешь, после это считай, что отец тебя не зачинал, а мать тебя не рожала. Так что живи, пока живется, и помни, что ты в этом мире гость пятидневный. Бери, как пчела, нектар с каждого цветка и наслаждайся жизнью, пока жив». И, случалось, брал и наслаждался. И тогда считал, что ему немного повезло. А вот теперь везение опять от него отвернулось.

– Слышишь? – сказал часовой. – Шаги! Кажется, кто-то идет. Давай в землянку и закрой за собой дверь, а то и мне из-за тебя достанется.

И действительно, шел дежурный по полку капитан Макарович. Он приказал часовому:

– Отведи арестованного к командиру полка! Часовой открыл дверь землянки.

– Браток, где ты там? Слышал, что сказал капитан? Вызывают тебя. Допрашивать будут. Подполковник неплохой человек, ты это учти, извинись за проступок, пообещай, что больше такого не сделаешь, авось, он и отойдет. Слышь, нрав свой там не показывай, имя свое ты ведь и так запятнал.

– Веди, чего там. Авось, не повесят! Будь что будет, пойдем.

И Шариф вышел из землянки и зашагал впереди часового. Но шел так медленно и тяжело, будто к ногам его были привязаны тяжелые гири.

– Ну, как, отоспался? – Асланов поднялся с места и подошел к Шарифу, который стоял, опустив голову. – Что молчишь? Я тебя спрашиваю! Если ты еще не отрезвел, могу подождать!

– Отрезвел, – едва слышным голосом ответил Шариф.

– Где пил?

– В селе.

– С кем?

– С двоюродным братом.

– Кто разрешил тебе пойти в село?

– Никто.

– Говоришь, с двоюродным братом пил?

– Да.

– Как тут оказался твой двоюродный брат?

– Он служит в саперном батальоне. Стоят по ту сторону леса. Мы с ребятами рубили в лесу дрова, а он с товарищами заготавливал бревна для мостов. Когда я увидел его, от радости забыл даже спросить разрешения, пошел с ним до самого села...

– Когда это произошло?

– После обеда.

– А когда возвращался в часть?

– Вечером. Уже стемнело.

– А ты не подумал, что тебя будут ждать, будут беспокоиться, искать будут? Ведь ты в армии и живешь не сам по себе. Кто-то отвечает за твою жизнь! Подумал ты об этом?

Шариф стоял, не поднимая головы и ничем не выдавая своей радости, что в его вранье, кажется, поверили. Во всяком случае, в голосе комиссара Филатова, который вмешался в разговор, ему почудилась надежда.

– Ты понимаешь, Рахманов, какой совершил проступок?

– Понимаю. Но брата столько не видел... Два-три часа как было не побыть с ним?.. Война ведь, смерть ждет на каждом шагу. Кто знает, суждено ли снова встретиться...

– Кто запретил бы тебе встретиться с двоюродным братом, если бы ты пришел и спросил разрешения? – крикнул Асланов, не совладав с собой. – Но мало того, что в военное время, в прифронтовой полосе ты самовольно отлучился из части, так ты еще и напился, как свинья!

Повезло. Ложь удалась. Командир полка бушевал, но и он; и комиссар поверили, что он встретил двоюродного брата, и проверять, существует ли такой брат, не станут. Теперь надо сказать о выпивке такие слова, чтобы они тоже не вызвали сомнений.

Но не успел Шариф и рта открыть, как Асланов решительно сказал:

– Мое предложение, Михаил Александрович: передать дело в трибунал.

Услышав о трибунале, Шариф чуть не задохнулся от страха. Пришел на ум совет часового.

– Простите меня, ради бога! Даю вам слово, что это было в первый и последний раз! И если я еще когда-нибудь позволю себе что-либо такое расстреляйте на месте!

Пришел старшина роты Воропанов, попросил разрешения присутствовать и стал в сторонке. Он сразу понял, что дела Рахманова плохи, а если Шарифу за отлучку и пьянство влетит, не поздоровится и ему, Воропанову.

– Ты что, за ним пришел? – спросил его Асланов.

– Командир роты меня послал. Что прикажете, то и сделаю, товарищ подполковник.

– Так вот, отведишь Рахманова в роту, он останется в роте, пока его дело будет рассмотрено. Головой за него отвечаешь, понял? А за то, что вчера его не хватился, получишь взыскание.

– Есть получить взыскание! Разрешите отвести Рахманова?

– Веди. Михаил Александрович, позаботьтесь, чтобы были подготовлены документы для передачи дела в трибунал.

Шариф сник: «И это называется земляк? Другие перед ним – просто ангелы. А этот совсем жалости не знает».

Отойдя шагов на сто, Воропанов сказал Шарифу:

– Из-за тебя и я схлопотал взыскание! Всех опозорил: и ротного, и командира взвода Тетерина и меня и своих товарищей. Какой ты вояка будешь, никто не знает. Даже на кухне ты с делом не можешь справиться куда ни пошлешь – обязательно что-либо не так сделаешь. На что ты годен? Что умеешь? Прямая дорога тебе в трибунал.

3

Но в трибунал Рахманов не попал. Едва старшина увел его, комиссар полка Филатов сказал:

– Ази Ахадович! Рахманов, действительно, совершил тяжкий поступок, достойный серьезного наказания, и он должен быть наказан. Но твое решение передать дело в трибунал представляется мне жестоким.

– А мне не представляется. То, что сделал Рахманов, вполне заслуживает трибунала.

– Это слишком тяжелое наказание. Я возражаю против такого решения. Почему? Потому, что считаю: на Рахманова можно воздействовать иными путями.

– Как политический руководитель, ты лучше других знаешь, что плохой пример заразителен. Если мы не накажем Рахманова, завтра еще какой-либо слабовольный, надеясь на безнаказанность, совершит что-либо похуже. Моральное настроение личного состава является очень важным условием победы. Об этом надо думать, товарищ комиссар!

– Совершенно верно... Но ведь и разумная снисходительность иногда служит укреплению морального состояния. Можно передать дело Рахманова в трибунал, и урок будет. А можно и не передавая извлечь, урок...

– Что же ты предлагаешь?

– Поручи это дело мне, я разберусь, потом доложу.

– Хорошо, но только наказание за тяжкий проступок должно последовать!

Зазвонил телефон. Асланов поднял трубку, но, так и не поговорив с абонентом, резко положил, ее на рычаг.

– Успокойся, Ази Ахадович, зачем нервничать?

– А как не нервничать? – Ази Асланов отодвинул от себя телефонный аппарат. – О чем люди думают, и о чем думает этот прохвост!

– Мы же условились: с этим вопросом я разберусь.

– Боюсь, что главного ты, Михаил Александрович, все-таки не уловил... Самоволка, пьянство – явления позорные, исключительные. Но почему на все это Рахманов решился? Ведь он не дурак, он знал, что делает и что может за это получить, он все продумал, а потом уж отправился в село. Он рассчитывал именно на меня.

– На тебя?

– Да. Он уверен был, что я все ему прощу, ведь я земляк!

– Если он на это понадеялся, то совершил большую ошибку!

– Когда я встречаюсь с такими проходимцами, все во мне кипит! Там, на передовой, мои земляки-азербайджанцы гибнут в борьбе с врагами, а здесь какой-то негодяй напивается в расчете на снисхождение. Понял теперь, в чем суть его поведения? И такого не наказывать?

– Ну, успокойся, Ази, разберемся в этом деле.

4

Проступок Шарифа больше всего возмутил Мустафу. Как только ни честил он Шарифа! И как только узнал, что старшина привел его в роту, побросал все дела и устремился к нему.

– Шариф!

Рахманов сидел в землянке старшины на нарах, опустив голову и положив отяжелевшие руки на колени.

Услышав свое имя, он безразлично посмотрел на Мустафу и снова опустил голову чуть не до колен.

– Я к тебе обращаюсь!

Шариф усмехнулся:

– Ну, что кричишь? Тут глухих нет. Знаю, сейчас начнешь повторять чужие слова: зачем ушел, зачем пил, почему нас позоришь? Ради аллаха, помолчи, дай хоть минуту посидеть спокойно. Что вы все прицепились ко мне? Как будто что-то мне дали и не можете получить обратно. Нет, ты только подумай: все молчат, сидят спокойно, а свои, земляки, напали и едят поедом! Там Асланов, здесь – Гасанзаде. А теперь и ты. Пойди, поищи, нет ли там еще где азербайджанцев! Если увидишь, зови, и грызите меня вместе!

– Ну, все сказал, или нет? – Мустафа вытер ветошью руки, вымазанные машинным маслом. – Ты про совесть еще забыл. Или ее у тебя не было, и нет? Да, не думал я, что ты такой толстокожий.

– Когда дерево падает, много топорков находится. Так и с человеком стоит оступиться, как появляется куча учителей. Ну, ладно, Мустафа, все, что ты мне ни скажешь – правда. Ты прав. Говори мне все, что вертится у тебя на языке. Все плохие слова! И я тебе ничего не отвечу, не обижусь – ты же не виноват, что в наше время люди стали изменчивыми... Теперь не только друзья на друзей ополчаются, даже сыновья идут против отцов.

– Против плохого все ополчаются. И от дурного человека все отворачиваются.

– Верно, друг мой, верно! До сих пор я не делил земляков на плохих и хороших, на друзей и врагов. Иначе не услышал бы таких слов от человека, с которым едим из одного котелка, спим в одной землянке, спина к спине. Вместо того, чтобы замолвить словечко перед, Гасанзаде, защитить товарища, земляк льет воду на мельницу моих гонителей...

– Ту что, совсем свихнулся? Где твои гонители? Это твои командиры! Они о твоей судьбе больше думают, чем ты сам. Хочешь, чтобы я защищал тебя? Оправдывал за то, что ты натворил? Человек защищает другого в трудную для него минуту от несправедливости. От правды защищать не приходится!

– А если ты не можешь и не хочешь защищать, то, по крайней мере, не бубни мне в уши! Займись своим делом, дай мне отдышаться! Помолчи, черт бы тебя побрал!

– Значит, помолчи, не бубни?! Ты будешь товарищей позорить, народ наш позорить, а мы будем молчать?! С тобой надо не так еще поговорить!

Вопреки своему строгому тону, Мустафа решил вдруг, что надо поговорить с Шарифом откровенно, по душам. Но Шариф был из тех людей, кто, чувствуя свою неправоту и, видя старания товарищей наставить их на путь истинный, не раскаиваются, а еще больше наглеют. Он прямо-таки вскипел, поняв намерение Мустафы – ишь, присел, приготовился читать нотацию!

– Ну, вот, теперь я понял, что влип, влип по уши, – взвизгнул он. Ай, гардаш,² заклинаю тебя всеми твоими родными, дорогими и близкими: оставь меня в покое. Ну, не понимал я, что делал, ну, совершил глупость, ну, доволен ты? Чего еще от меня хочешь?

И Шариф вскочил, чтобы уйти.

– Куда? – Мустафа схватил его за рукав.

Шариф гневно сверкнул глазами и рванулся из рук Мустафы.

– Пусти! Что прилип ко мне, как пиявка?

– Куда собрался, тебя спрашиваю?

– В ад! Хочешь, пойдем вместе!

Мустафа сплюнул.

– Иди! С таким человеком я шагу не сделаю. Иди, куда хочешь! – И Мустафа поднял

² Гардаш (азерб.) – брат.

сжатый кулак, но вовремя спохватился.

Шариф мгновенно обрел холодное спокойствие.

– Ах, так? Ты на меня руку поднимаешь? Да? Не забудь только, что перед тобой не ребенок. Ты один раз ударишь, я три раза отвечу, понял?

Они долго смотрели друг на друга налитыми кровью глазами. Потом Шариф резко повернулся и пошел в лес. И вскоре скрылся за толстыми деревьями.

5

Минут через пять всю стоянку полка всполошил хриплый крик Шарифа: «Стой, сукин сын, стой!» Крик доносился из глубины леса. Дневальный в роте Гасанзаде поднял тревогу. В минуту рота была на ногах. Лейтенант Тетерин с группой бойцов устремился в том направлении, откуда доносился голос Шарифа. Они быстро определили, где находится Шариф, и оцепили это место.

Тетерин сказал:

– Каждый действует в зависимости от обстановки! Пошли!

Мустафа был среди тех, кто первым прибежал на крик Шарифа, и он первым обнаружил его среди кустов, откуда доносился хруст ветвей и шум борьбы. Он увидел Шарифа – тот сидел на груди человека в темном комбинезоне, сжимая руками горло поваленного яснее ясного было, что Шариф душил его.

– Стой! Шариф, что ты делаешь? – опередив Мустафу, кинулся к Рахманову Тетерин. – Отпусти его, тебе говорят!

– Нет, я его придушу! Этот сукин сын не увидит белого света! Вы что, слепые? Это же немец! Он хотел меня убить. Если бы я зазевался, он меня живо прикончил бы. – Шариф сполз с лежавшего, брезгливо отряхнул руки и в изнеможении тут же рядом с задушенным, сел на землю.

Сомнений не оставалось: Шариф придушил фашиста.

Как оказался немец в нашем тылу, это еще предстояло выяснить, а что и как произошло, отдышавшись, пояснил сам Шариф.

– После душевного разговора вот с ним, – Шариф кивнул на Мустафу, потянуло меня, извините, в кусты... Ну, оправился я, извините, в порядок себя привожу, пояс застегиваю, и вдруг, как гром среди ясного неба: «Руки вверх. Молчать, а то пристрелю!» И стоит надо мной с пистолетом. Мыслями после того, что со мной приключилось, я далеко еще был, не сразу сообразил, что творится, растерялся и руки поднял. Под дулом пистолета привел он меня сюда. По-русски он знал немного, что-то каркал на своем языке, смотрю, он пистолет сунул в кобуру, зато вытащил нож и знаками дает мне понять, чтобы я разделся. Вижу, хана мне... Разденет, приколет, и был таков. А что делать? Снял шапку, расстегнул телогрейку. И про свой нож вспомнил... Ну, рассказывать дольше придется, чем дело делается... В общем, на равных мы оказались, только он опередил меня, ударил в плечо, и я едва устоял... Удалось мне за горло его схватить, а он меня еще разок ножом пырнул... Но пистолет в ход пустить не мог... – Шариф судорожно вздохнул, кулаком отер пот с лица.

Тетерин и танкисты с недоверием слушали Шарифа, с недоверием оглядывались.

Но все было так, как говорил Шариф: на земле лежал задушенный немец в изорванном летном комбинезоне, из-под которого выглядывал немецкий мундир; в стороне валялся окровавленный немецкий кортик; среди измятой травы сидел Шариф, из разорванной телогрейки торчали клочья ваты, окрашенные кровью...

– Рана болит? – спросил Мустафа.

– Не знаю... Болит, но не сильно, – Шариф потрогал рукой плечо и бок.

– Давай посмотрим. – Мустафа с товарищами сняли телогрейку с Шарифа.

Трудно было установить, насколько серьезны раны, но гимнастерка и нательная рубаша были мокрыми от крови. Шариф быстро терял силы.

– Ребята, тащите Шарифа в санчасть! Немца обыскать, забрать документы.

Тетерин сам отстегнул с убитого планшет.

Немецкий летчик, которого прикончил Шариф, когда наши зенитки сбили его самолет, выбросился на парашюте и скрылся в лесу. Скорее всего, увидев одинокого бойца, он решил тихо, без шума, убить его, переодеться в нашу форму и попытаться перейти через линию фронта к своим.

Так случилось, что Шариф вместо трибунала угодил в госпиталь и, хотя героем не стал, но своей и вражеской кровью смыл с себя позорный проступок.

Глава шестая

1

Стоял пасмурный день. То ли моросил мелкий, как пыль дождь, то ли мелкая снежная крупа плотно заткала воздух от земли до самого неба – не поймешь.

Безрадостную картину представлял собой лес. Ниоткуда не доносилось ни звука. Погасли костры, еще утром весело горевшие на полянах; сиротливо торчали вокруг кострищ пни и камни, на которых еще недавно, греясь и отдыхая, сидели танкисты; перекидываясь веселыми шутками. Вокруг валялись ветви и сучья, которыми маскировали машины – как старая одежда, не нужны они стали людям и танкам. Из-под деревьев уходили вдаль оставленные на влажной земле парные следы танковых гусениц.

Получив приказ командования, полк тотчас свернулся и ушел с наступлением сумерек – время было выбрано такое, чтобы вражеские самолеты, с утра до вечера с ревом носившиеся над лесом, не обнаружили полк.

Колонны танков и машин шли к ближайшей железнодорожной станции. Сплошной оглушающий рев моторов и лязг гусениц висел над дорогой.

Каждый знал, что полк отправляется на фронт и вскоре примет участие в боях, но где – этого не знал никто, это пока и командиру полка не было известно. Сказано было только одно: на ближайшей железнодорожной станции полк грузится в эшелон. Командиры рот получили указание присматривать за людьми, чтобы никто не отстал, чтобы никто не получил увечья, и за техникой, чтобы на марше не было поломок.

Рота Гасанзаде шла в середине колонны. Высунувшись из люка башни, лейтенант следил за своими машинами. Пока все было нормально. Машины шли как по ниточке, водители строго соблюдали необходимую дистанцию, ни одна из машин не отставала, ни одна не обгоняла другую, и никто не допускал отклонений вправо или влево.

Танк Кузьмы Волкова шел следом за машиной командира роты. Прильнув к смотровой щели, Волков зорко следил за дорогой. Вот по обочине, обгоняя боевые машины, пронесся вихрем «виллис» командира полка. Кузьма, конечно, узнал подполковника и успел разглядеть шофера. Ах, как он хотел поговорить с Володей, несколько дней подряд ловил его – нет, так и не удалось поймать командирского шофера. А надо было уточнить, где тот видел Людмилу, может быть, он обознался, или он, Кузьма, неправильно его понял и искал девушку совсем не там, где нужно – во всяком случае, никакого медсанбата там, где указал Володя, он не нашел и ни с чем вернулся в полк...

Кузьма Волков был родом из Астрахани и до войны трудился на одной из рыбных ватаг, жил на окраине города. Людмилу знал с детства. Они дружили, а потом и полюбили друг друга. На осень, как водится, у них была намечена свадьба. Ну, а тут война, и уже на следующий день Кузьму призвали в армию. Людмила недолго оставалась на гражданке – она добровольцем отправилась в действующую армию в качестве медсестры. Через домашних они списались, и в вещмешке у Кузьмы, чтобы не соврать, хранилась добрая сотня писем от девушки, на которые он незамедлительно отвечал. Весной сорок второго года в Крыму они случайно встретились. Радость, конечно, была недолгой – танкистов перебазировали на другой участок фронта, потом – на другой фронт, и прости-поощай!

Товарищи всячески утешали Кузьму, особенно налегая на прозвище «моряк» и на непременную новую встречу.

– Ничего, морячок, еще встретитесь! Людмила девушка видная, среди других не затеряется, найдешь!

В роте знали, что Кузьме нравится, когда его называют «моряком», и потому, если он бывал чем-то огорчен, обращались к нему именно так, и настроение у Кузьмы сразу поднималось. А называли его моряком тоже не случайно – еще до призыва Кузьма просил военкомат послать его на флот, да и Людмиле он не раз говорил, что не зря он в рыбаках: сегодня – рыбак, а завтра, глядишь – военный моряк. Увы, получилось не так, как он мечтал и думал. В тот момент, когда в нем возникла нужда, требовались танкисты, и Кузьма стал танкистом, но с завистью глядел на моряков. В Крыму на необыкновенный складной нож он выменял у одного моряка поношенную тельняшку, и с тех пор, кажется, ее не снимал – она напоминала ему о несбывшейся мечте, да ей же он и был обязан лестным прозвищем. Вот с тех пор и стал Кузьма «моряком». Сходство в военных профессиях было: теперь он вел навстречу врагам сухопутный бронированный корабль.

Пыль, поднятая гусеницами танков, смешиваясь с изморозью, затрудняла, ограничивала видимость. Но машины шли, не снижая скорости: в назначенный час полк должен быть на станции, там для танкистов были поданы составы.

Какое-то время спустя воинский эшелон двинулся к пункту назначения.

Весь путь эшелон прошел спокойно, без приключений, и только на подходе к станции Баскунчак неожиданно подвергся нападению фашистских бомбардировщиков. «Юнкеры» сбросили на эшелон десятки бомб, но ни одна из них не попала в цель, потому что танкисты не растерялись, действовали быстро и слаженно; точный огонь зениток и пулеметов не дал фашистским стервятникам вести прицельное бомбометание. Но среди танкистов появились раненые, двое легко, а третий – тяжело; его тут же отправили в госпиталь и мысленно с ним простились: надежды на выздоровление было мало. А легкораненые остались при части.

В сумерках сгрузились на станции Баскунчак. Танки вытянулись в походную колонну, и полк направился в сторону поселка Светлый Яр. Теперь каждому было ясно, что до передовой недалеко, а командирам заранее сообщили, что полк перебросят на правый берег Волги.

Если бы не грохот моторов и лязг гусениц, нельзя было бы даже предположить, что по дороге движутся войска: чернильная темнота, подобно огромному дракону, поглотила все живое и мертвое, что было вокруг. Танки шли без огней, и одному аллаху было известно, как водители определяют дорогу и дистанцию.

Сосредоточение новых частей на берегах Волги проводилось скрытно, в полной секретности; фашистские самолеты-разведчики и ночью продолжали свои полеты и порой летали очень низко, но так как танкисты не отвечали на огонь и ничем себя не выдавали, фашистское командование могло только подозревать что-то, но ничего конкретного знать не могло.

Гасанзаде вел свои танки, стараясь не отстать и не высовываться вперед, и думал о внезапных поворотах судьбы. Еще недавно ему и на ум не пришло бы, что придется расстаться с товарищами по батальону, в котором он столько времени служил, и через три с половиной месяца, уже с другими людьми, в составе другого полка идти в бой. Где теперь тот батальон? Кто из товарищей погиб, кто выжил? Батальон сражался в окрестностях Воронежа и понес большие потери. В одном из кровопролитных боев танк Фируза налетел на мину; сорвало гусеницу, и машина развернулась, подставляя борт под снаряды. Фируз приказал экипажу чинить гусеницу, а сам открыл люк, чтобы выскочить и пересест в другой танк и руководить боем, но в ту же минуту осколок вонзился ему в грудь. Он упал, потерял сознание и очнулся уже в медсанчасти. Там ему сказали, что с поля боя его вынесла медицинская сестра стрелкового полка. Потом его перевезли в медсанбат, оттуда – в полевой госпиталь, затем – в госпиталь для тяжелораненых, и он окончательно оторвался от своей части. Как он хотел, чтобы его танковый батальон тоже оказался среди частей,

переброшенных к Волге! Тогда он попросил бы разрешения вернуться в свой батальон, к которому привык, к ребятам, с которыми воевал, Да и начальником медсанбата там был такой душевный парень, узбек, – он уважал Фируза и без всяких просьб долечивал бы его... Мужчины друг друга сразу поймут, и уж если просить о чем-нибудь, так уж лучше просить мужчину, чем бабу. Правда, Смородина относилась к нему хорошо, но зато в первый день повела себя так, что лучше было к ней не обращаться. Он и ушел бы, если бы не опасался, что она доложит командиру полка, что вот появился в полку, лейтенант, который раньше времени, введя в заблуждение врачей, выписался из госпиталя. Выхода не было, скрепя сердце пришлось просить об услуге женщину, которую он видел впервые в жизни.

В шлемофоне слышался хрип, потом резкий голос начальника штаба полка Николая Пронина – тот передал командирам рот, что колонна подходит к переправе. Фируз высунулся из башни, осмотрелся. Дорога, по которой шел полк, бежала вдоль Волги. Если всмотреться, впереди можно разглядеть тусклый блеск реки, Волга! Сколько раз Фируз любовался этой рекой! А прошлым летом вместе с товарищами-студентами, приехавшими из Кировабада в Сталинград на производственную практику, купался в этой реке. Отдыхали на чистом сыпучем песке, загорали и снова бежали на Тракторный. Теперь, говорят, уже ничего не осталось от Тракторного. Ни завода, ни, тем более, сборочного цеха, где он сошелся со многими славными людьми. А река все ближе, все чаще холодно сверкает в зареве пожарищ, под светом чужих ракет. На правом берегу Волги, в Сталинграде, продолжалось сражение.

Ночью ветер усилился, стало сыро и холодно. Похоже было, что пойдет дождь, но вскоре в воздухе почувствовался запах снега, и порывы ветра били в лицо; казалось, кто-то своими ледяными губами лижет щеки и нос.

Вдоль берега реки образовался лед.

У Светлого Яра скопилось много войск. Только в темноте можно было грузиться на паромы и переправляться на противоположный берег, днем всякое движение прекращалось, не успевшие переправиться части затемно отходили от реки и искали укрытия. Хорошо, что дни стали короткими, светало поздно, темнело рано – время работы переправы удлинялось, фашистским стервятникам в темноте бомбить переправу было трудно; хотя и ночью они не прекращали налетов, однако потери были сравнительно невелики.

Плавучих транспортных средств на переправе явно не доставало, а войск, ожидающих переброски на правый берег, скопилось много, поэтому в первую очередь переправлялись те части и подразделения, в которых фронт более всего нуждался; паромы загружались до предела, тяжело оседали, и буксиры с трудом тащили их через широкую реку.

На переправе царил твердый, железный порядок, неукоснительно соблюдалась очередность, и слово коменданта, майора инженерных войск, было законом, преступить который не имел права ни один начальник.

Танкистов переправляли в первую очередь, и полк Ази Асланова недолго задержался в районе Светлого Яра.

Командир полка лично руководил переправой своих подразделений, а командиры рот сами наблюдали за погрузкой боевых машин. Танки своим ходом перебирались с причалов на паромы и баржи и размещались на них таким образом, чтобы не нарушать центр тяжести, и прочно крепились, чтобы во время движения и при качке не сползли за борт.

Место переправы немцы засекли, видимо, давно, и хотя им в темноте едва ли что было видно на земле и на воде, немецкие самолеты кружили над переправой, наугад сбрасывали бомбы и улетали.

Первая рота переправилась на правый берег благополучно, без всяких потерь. Вслед за ней на паромы стала грузиться рота Гасанзаде. От причалов уходили паром за паромом, а той порой уже грузились последние машины, как вдруг захлопали зенитки, раздался рёв моторов и свист бомб, и возле одного из паромов поднялся темный фонтан воды, паром приподняло, он закачался на воде, и одна из машин, обрывая крепления, сорвалась с места и поползла к борту, все ускоряя ход; паром накренился так, что танкисты, стоявшие около своих машин, попадали друг на друга. С глухим плеском танк скатился в воду.

Это был танк Кузьмы Волкова.

В первую секунду сержант не поверил своим глазам. Но, верь – не верь волжская вода уже сомкнулась над его машиной. Потрясенный, он подумал, что лучше бы ему утонуть вместе с танком. Он мог представить себе все, что бывает в бою: танк мог подорваться на mine, попасть под бомбу, под бронебойный снаряд... Но чтобы у него на глазах машина плюхнулась в воду этого он представить себе не мог. «Что же теперь делать? – в ужасе думал он. Как быть? Кто найдет танк в этой крошечной тьме? Как его вытащить из воды? Это не коробка, не сундук, это танк... Тридцать тонн на дне реки! И только круги по воде...»

Лейтенант Гасанзаде во время налета «юнкерсов», как и все, лег на землю, но неотрывно смотрел на паром, нагруженный танками. Он видел, как взрывом бомбы приподняло борт парома, и как танк соскользнул в воду. Забыв про бомбежку, он вскочил и бросился, к месту, от которого паром едва отошел. Когда танк с одного борта скатился в реку, опасно опустился другой борт, и можно было ожидать, что в воду плюхнется и другая машина. Каким-то чудом она удержалась. Гасанзаде, захваченный гибелью первого танка, не почувствовал радости от того, что удержался на пароме другой. Он бежал по льду вдоль берегового припая, пока не поскользнулся. Упал на колени. Тонкий лед треснул, в лицо брызнуло холодной водой, от этого он пришел в себя, опомнился, понял, что побежал зря, ведь даже если бы он был рядом, когда паром приподняло взрывом, ничего бы изменить не смог. Но страшно было, что еще до боя он потерял один танк. Немного утешало, что танк затонул почти у самого берега, а не на середине реки – может, еще удастся его как-нибудь вытащить?

Он остановился и вытер руки о телогрейку. «Это ж надо – в один миг танк на глазах у всех оказался в воде!»

Буксир вернулся обратно, подтащил к причалу паром. Сержант Волков с товарищами подошли к командиру роты.

– Что делать, товарищ лейтенант? – спросил Волков растерянно. – Никак не придумаю...

– Раньше надо было думать! Не закрепили танк как следует, и вот результат... – Гасанзаде глянул на сержанта и сбавил тон. – Ну, сейчас что еще остается делать? Надо как можно скорее вытащить танк из воды!

Волков не стал даже оправдываться, – он сам проверял крепление, нормально был танк закреплён... Только какое крепление выдержит, если паром чуть ли на попу не поставило?

Подошел майор, руководивший переправой, сказал спокойно:

– Такое случается, лейтенант, хотя было бы, конечно, лучше, если бы не случилось. Ничего, тут, у берега, мелко, можно вытащить. А кто у вас тут старший? – Старшим оказался майор Пронин, который вернулся только что с правого берега и на ходу все узнал. – Я думаю, Товарищ майор, «чепе» не должно тормозить переправу, грузите и незамедлительно отправляйте машины.

Пронин не стал тратить время на ненужные слова. А комендант уже вызвал какого-то капитана и давал ему четкие, ясные указания, как поднять танк. А еще через минуту саперы уже рыли шлюз, по которому надлежало тащить танк на берег, какие-то люди приволокли стальной трос. Гасанзаде подогнал на берег свою машину, а Волков со своими ребятами полез в воду, чтобы нащупать машину и накинуть на крюк трос.

Ази Асланов переправился на берег с первой ротой, и о том, что танк Волкова упал в воду, ничего не знал, а когда ему сообщили об этом и сказали, что предпринято, чтобы вытащить танк из реки, распорядился оставить эту затею.

– Всем – сюда, – сказал он. – Затонувшим танком займутся ремонтники.

К утру весь танковый полк переправился на правый берег Волги.

основательно устроились в лесу, что можно было подумать, будто они обосновались тут давным-давно: танки и автомобили стояли в укрытиях, тщательно замаскированных, люди жили в землянках, над которыми уже поднимался дымок. Обжились!

Танк, свалившийся в реку, ремонтники и саперы вытащили и доставили в роту; позади ее расположения, в балочке, заканчивался ремонт.

Асланов с комиссаром, заместителем и помпотехом пришли осмотреть машину. Их обрадовало, что серьезных повреждений танк не получил, после небольшого ремонта будет на ходу, но все же Ази Асланов сделал Гасанзаде очень серьезное замечание за халатность, так как был убежден, что танк не был закреплен как следует на пароме. Огорченный, Гасанзаде несколько не обиделся на командира полка. Да и не было у него права обижаться. Тому, что еще на переправе была потеряна боевая машина, оправдания не было. Что, если бы полку с ходу пришлось вступить в бой? Танк – это танк, он в бою мог многое сделать, и, наоборот, его отсутствие в бою могло сказаться на исходе боя. Гасанзаде прекрасно это понимал. Он ставил себя на место командира полка, какой командир полка или батальона не обрушился бы на командира роты, в которой произошло такое чрезвычайное происшествие? Да, теперь ему не позавидуешь. Теперь у командира полка есть о нем отрицательное мнение, а известно, что плохое мнение, сложившееся у кого-то о ком-то, трудно меняется. Если бы Ази Асланов знал его раньше, то Гасанзаде не стал бы так беспокоиться – за боевые дела ему это «чепе», которые на маршах, переходах и переправах нередко случаются даже у самых предусмотрительных командиров, простилось бы. Ему, новичку в полку, не простится, и от этого никуда не уйдешь. Гасанзаде понял бы положение любого командира, оказался он в такой ситуации, и от души посочувствовал бы и утешил бы: ничего, мол, всякое в жизни бывает. Но он терзался от того, что такое произошло именно сейчас, именно в его роте!

История с танком Волкова так заняла мысли Гасанзаде, что он забыл обо всем, забыл и о своей ране.

На новом месте у командира роты всегда много хлопот и забот, но Гасанзаде время от времени появлялся в балочке, где ремонтники возились с танком Волкова, наблюдал, давал советы, где мог – помогал. Ясно было, что он обеспокоен, тревожится, что танк не успеют отремонтировать вовремя. Но он сдерживался, не торопил ремонтников – в этом не было никакой необходимости, он своими глазами видел, как сноровисто и усердно они работают. Другой на месте лейтенанта ради того, чтобы отвести душу, либо похвалил бы – молодцы, мол, ребята, так держать, или не преминул бы упрекнуть – что, мол, копаетесь, пошевеливайтесь. Гасанзаде не сказал ни разу ни того, ни другого, и экипаж танка во главе с Кузьмой Волковым, и ремонтники, понимая его состояние, работали не разгибая спины. Но молчание лейтенанта было как укор, и однажды Волков не сдержался, сказал: «Вы не волнуйтесь, товарищ лейтенант, вовремя закончим. Если задержимся – спросите с меня!» «Если вы задержитесь, с меня спросят», подумал командир роты, но опять ничего не сказал, улыбнулся и ушел. «Ладно, хоть не стоит над головой и каждую минуту не тычет в глаза: это так, это не так! Мне, когда тычут, не по себе делается, теряюсь и забываю, что к чему, – сказал один из ремонтников. – Тебе, Волков, везет с командирами. Арбатов был человек понимающий, да и этот производит хорошее впечатление». «Главное, сдержанный, – согласился Волков. – Другой бы на его месте рвал и метал... Не знаю, как он в бою, но пойду за ним не раздумывая».

Оставалось сделать немного: натянуть гусеницу, провернуть башню, прочистить орудие и пулеметы и, наконец, все протереть, смазать и опробовать на ходу.

3

С вечера выпал снег, потом ударил морозец, земля промерзла, маленькие лужицы покрылись льдом. К утру холодный ветер совсем стих, а окрестности преобразились, казалось, на земле расстелили белый с серыми пятнами парус.

Часовой второй роты Осман Хабибулин сначала услышал, как ледок похрустывал под

чьими-то ногами, и только потом увидел, что в его сторону идут двое. По обличью, по походке понял, что это женщины. Не успел окликнуть, кто, как обе в один голос сказали: «Свои, свои».

Осман узнал врача и медсестру, встревожился: чего они в такую рань? Неужели кто заболел?

Капитан Смородина спросила, у себя ли лейтенант Гасанзаде, и шагнула в землянку. А Маша Твардовская пошла разыскивать старшину, чтобы вместе с ним проверить кухню. Осман посмотрел вслед той и другой и, потирая руки, подумал: «Ни с кем ничего не случилось, лейтенант недавно проверял посты, так что больных, нет, тут, видимо, кое-что другое...»

Когда Смородина вошла в землянку, Гасанзаде, без гимнастерки, в нательной рубахе, – сидел за столиком и при свете коптилки набрасывал конспект предстоящих занятий. Он даже не заметил, как вошла врач.

– Доброе утро, лейтенант, – сказала Смородина, – извините, что пришла в неурочное время...

Гасанзаде встал и вытянулся.

– Здравствуйте, доктор.

– Как рана? Живает?

– Вечером смотрел, по-моему, хорошо затягивается.

– Разденьтесь, я осматрю. Почему эти дни не заходили?

– Ни минуты свободной не мог выкроить. Вдобавок, неприятности. На переправе одна моя машина свалилась; в Волгу.

– Да, я слышала. Но ведь ее давно вытащили, и даже ремонт заканчивают. Так что могли бы, раз это нужно, найти полчаса и забежать в санчасть. Рана... с такой раной не шутят, лейтенант. Я начинаю сожалеть, что взяла грех на себя...

– Не надо так думать, доктор, – тихо сказал обеспокоенный лейтенант. Я не из тех, кто забывает добро и не умеет держать слово. Но эта нелепая история с танком, поверьте, так меня пришибла, что я ни о чем больше и думать не мог. Но вчера вечером, наконец, ремонт закончили...

Да, вечером сержант Волков доложил командиру роты, что ремонт закончен. Гасанзаде сам все проверил и, убедившись, что машина готова к бою, доложил обо всем подполковнику. «Хорошо, – сказал Асланов. – Но впредь будьте осторожнее, предусмотрительнее». Услышав это, лейтенант немного успокоился и впервые спал всю ночь как убитый. Проснувшись чуть свет, он отправился проверять посты. Потом засел за подготовку к занятиям – из штаба соединения было получено распоряжение использовать дни затишья для учебы. И вот за планом занятий его и застала Смородина.

Она молча слушала его оправдания и с особенным удовольствием приняла его последние слова:

– Раз вы сделали это доброе дело, доктор, так доведите его до конца.

Смородина шла в роту с намерением отправить Гасанзаде в госпиталь. Однако, убедившись, что рана действительно заживает, несколько подобрела.

– Ну, прощаю и на этот раз. Но в случае чего, пеняйте на себя... Давайте перевяжу.

– Признаюсь, доктор, вы очень меня напугали, – сказал Гасанзаде, снимая рубаху.

Комиссар полка Филатов, человек беспокойный, привык вставать рано, и раньше всех появлялся в подразделениях, среди бойцов, и, конечно, лучше всех знал, где что происходит, кто что делает и у кого какое настроение.

Одевшись и наскоро сделав зарядку, он прямо из штаба отправился во вторую роту – все-таки, командир там новый, да и происшествие имело место к этой роте следует проявлять больше внимания.

Часовой на его вопрос, у себя ли ротный, ответил, что да, он у себя, но при этом, как показалось Филатову, лукаво улыбнулся.

Филатов вошел в землянку, как всегда входил в мужское жилье, без предупреждения –

вошел и застыл на пороге. Гасанзаде стоял лицом к нему, а военврач Смородина – боком; руки ее обдергивали рубаху на лейтенанте, но, как показалось комиссару, машинально обдергивали, а мысль Смородиной выражалась в ее глазах, устремленных на лицо лейтенанта... Гасанзаде, увидев комиссара, стал растерянно застегивать ворот рубахи и сказал, чтобы выйти из неловкого положения:

– Здравствуйте, товарищ комиссар. У меня на груди нарыв, вот доктор сделала перевязку.

Только тогда Смородина, уже почувствовав присутствие Филатова, обернулась, покраснела... и ничего не сказала. Или не успела сказать комиссар, смутившись, отступил на шаг.

– Извините. – Помолчал. Добавил жестковато: – Да, извините за беспокойство. Я решил проведать ребят, и вот...

И вышел из землянки прежде, чем Гасанзаде и Смородина пришли в себя.

И лукавая улыбка Хабибулина, и положение, в котором он застал Гасанзаде, и то, как близко стояла к нему Смородина, как бережно обдергивала на нем рубаху, и особенно то, как она, подняв голову, смотрела в лицо лейтенанту – все убеждало Филатова, что между этими людьми есть что-то интимное. Но как это интимное могло быть и быть чистым, если, он знал, Смородина состояла в интимной близости с Прониным? Весь день эта мысль тревожила Филатова, он сожалел, что вошел в землянку ротного без предупреждения и стал свидетелем их растерянности, может быть, беспричинной, но, скорее, всего, не случайной.

Глава седьмая

1

Обойдя роты, Филатов к полудню вернулся в штаб. Командир полка сидел в автофургоне начальника штаба, изучал карту местности, на которой предстояло действовать полку. Условия ожидалось сложные, местность в целом равнинная. На этой бескрайней равнине кое-где виднелись редкие населенные пункты, но зато в избытке были овраги и буераки, очень удобные для тех, кто оборонялся. «На эти овраги надо особое внимание обратить», – думал Асланов.

Майор Пронин готовил для командира соединения генерала Черепанова докладную о нуждах полка. Кончилось масло марки МК, горючим надо пополниться, да и с продовольствием не густо, оставался двухдневный запас хлеба; крупы, вермишели и сала оставалось от силы дня на четыре.

В дверь постучали. Ази Асланов тотчас откликнулся:

– Войдите!

Вошел Филатов, снял шапку-ушанку, бросил ее на скамью, занимавшую одну сторону фургона, сказал:

– Добрый день, товарищи полководцы!

Майор Пронин торопился, докладную следовало незамедлительно отправить, поэтому, не отрываясь от работы и не поднимая головы, он только приветственно приподнял руку.

– Салам, комиссар, – сказал Асланов. – Что это с тобой? Стучишься и просишь разрешения войти? Это какие-то новости! Ведь мы заходим друг к другу без стука!

– Иногда не мешает постучать и предупредить о своем приходе.

– С подковыркой говоришь, комиссар.

Филатов уклонился от ответа, предпочтя доложить о делах.

– Был я в ротах, Ази Ахатович, интересовался настроением людей. С кем ни говорил – все спрашивают, когда пойдем в наступление. Рвутся в бой. Так давно, говорят, не были на фронте, что, пожалуй, разучились воевать...

– Да, подзадержали нас в тылу. Это хорошо, что люди по фронту скучают, значит, и

драться с огоньком будут...

– Драться долго придется... Как глянешь на карту, аж дух захватывает какую огромную территорию должны мы освободить от немцев. Но что делать сами оставили, сами и отобрать у врага должны. Говорю ребятам, не спешите, когда наступит время, скажут, и работы хватит на всех... – Комиссар свернул полушубок, подsunул его под руку. – А ремонтники все-таки молодцы, привели в порядок танк сержанта Волкова. Был я в этой роте. Должен сказать, лейтенант произвел на меня хорошее впечатление. Люди устроены, выглядят опрятными, настроение бодрое. Был на занятиях с танкистами, дело свое ротный знает. Говорил с танкистами, довольны своим командиром. Думаю, парень надежный. Только вот одно меня теперь беспокоит... – Филатов словно запнулся. Возвращаясь к твоему замечанию, Ази Ахадович, почему, мол, предупреждаешь, прежде чем войти... Я говорю: видимо, иногда это не мешает делать. Вот я утром вхожу в землянку Гасанзаде, как в свою, а там, понимаешь, он не один. Стоит в одной рубахе, а рядом капитан Смородина, рубаху эту на нем заботливо так одергивает. Черт их знает, что там было, и было ли чего, но оба растерялись, покраснели, а я чуть со стыда не сгорел.

– Ну, к нам-то не стучи, заходи, как прежде, со стыда не соришь! – сказал Асланов, вставая. – Надо во всем этом разобраться, не так ли, Пронин?

Пронин промолчал. Еще едва услышав имя Смородиной, Пронин оторвался от работы и неприметно, но внимательно стал слушать Филатова. Он вспомнил, что несколько дней тому назад видел Гасанзаде в санчасти. Видел и ее в роте. Выходит, это не случайности?

Смородина была лет на четырнадцать моложе его. Красотой он тоже не отличался. А Смородина была красива, привлекательна. Гасанзаде моложе, красив и в этом смысле больше подходил Лене Смородиной, чем он, Пронин, по понятиям молодых, старик.

Охваченный подозрением и ревностью, Пронин невольно сравнивал себя с Гасанзаде и приходил к выводу, что во всех отношениях преимущество на стороне этого парня.

2

Рота Гасанзаде находилась недалеко от штаба полка. Асланов не любил откладывать своих намерений, и вскоре после разговора с Филатовым направился в роту.

В роте шли занятия. Лейтенант, увидев подполковника, громко скомандовал: «Смирно!» и хотел доложить, чем занят личный состав роты, но подполковник сказал:

– Вольно! Отставить рапорт!

Тем не менее танкисты, стоявшие возле машин, при появлении командира полка подтянулись. Илья Тарников, у которого ворот гимнастерки всегда бывал расстегнут, а пояс распушен, прошел за танк и привел себя в порядок – он еще в Крыму получил от командира полка выговор за неопрятность и неправильное ношение формы. К счастью, на этот раз Асланов не обратил внимания на внешний вид Тарникова – вместе с лейтенантом он направился во взвод Тетерина, где танкисты как раз снимали с машины запасной бак с горячим.

– Сознаешь, в какую роту назначили тебя командиром? – спросил Асланов, кивая на бойцов, работающих сноровисто и быстро. – Эта рота всегда была лучшей в полку.

Лейтенант не сомневался, что комиссар сообщил Ази Асланову о том, что видел его вместе со Смородиной, и сожалел, что они так растерялись тогда. Им нечего было смущаться. Филатов должен знать, что врач пришла навестить своего подопечного и попутно его перевязала. Что тут такого? И в чем их можно заподозрить? Впрочем, и надо же было ей заявиться в такую рань! И комиссару тоже не спится, с утра пораньше ринулся проверять роту! Только-только улеглась тревога из-за этого «чепе» на реке, и – новое дело. Могут подумать что угодно.

Гасанзаде понял, что командир не зря хвалит вторую роту, что за этим последуют другие слова – о том, что новый ротный должен быть достоин этой роты, – и поэтому он, опережая командира, сказал:

– Вторая рота и впредь будет лучшей в полку, товарищ подполковник!

– Посмотрим, посмотрим, – вдруг по-азербайджански сказал Асланов. Гасанзаде понял, что это означает, и промолчал. Адъютант подошел и сказал подполковнику, что его просят к телефону. Ази Асланов вместе с Гасанзаде спустился в землянку и переговорил со штабом. Майор Пронин сообщил, что звонили из штаба соединения. Сказали, что в распоряжение полка направляется семейный экипаж – три брата, на танке, который купила им мать-колхозница на свои сбережения.

Пронин спрашивал, в какую роту направить этот экипаж.

Ази Асланов обернулся к стоящему позади него Гасанзаде.

– Кажется, у тебя некомплект личного состава?

– Да, одного экипажа недостает.

– Алло, «Фиалка», «Фиалка», что там случилось? – Асланов нажал кнопку аппарата. – Алло, «Фиалка»! Алло, алло! Николай Никанорович, ты? Почему замолчал? – телефон снова заработал, собеседники хорошо слышали друг друга. Пошли их сюда, слышишь? Да, в роту Гасанзаде. – Ази положил трубку на рычаг и уже другим тоном сказал: – Гасанзаде, о тебе ходят, кое-какие нежелательные слухи...

– Товарищ подполковник, я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. – Он был уверен, что Ази Асланов скажет о том, что Филатов видел в его землянке врача Смородину, и спросит, что это означает. Лучше всего выложить все начистоту. Но он боялся подвести врача. – Понимаете, нарыв у меня на груди. Военврач знает, зашла спросить, как себя чувствую, осмотрела, смазала и перевязала. В это время в землянку вошел товарищ Филатов... Увидел нас вместе. Возможно, подумал что-нибудь...

– Нарыв, говоришь? – Ази Асланов посмотрел в глаза Гасанзаде. И под его многозначительным взглядом лейтенант торопливо расстегнул ворот и снял гимнастерку и рубаху.

Командир полка долго молчал.

– Оденся, застегнись, простудишься. Зачем же было хитрить?

– Да я и сам не знаю. Боялся, что обратно в госпиталь направят...

Гасанзаде застегнулся. И вместе с командиром полка они вышли из землянки и направились к бойцам.

3

В те дни начальник вещевого склада полка получил партию новеньких командирских шинелей, суконных гимнастеров, галифе и хромовых сапог. По распоряжению Ази Асланова все это было роздано тем, у кого обмундирование пришло в негодность. Гасанзаде, находившийся в тылах полка на командирских занятиях, первым оказался на вещевом складе и без помех выбрал себе все по росту и размеру. Одетый во все новенькое, он оглядел себя в зеркале и самодовольно улыбнулся. «Верно говорят, что девять десятых красоты – это одежда и обувь. Будь хоть ангелом, если одет плохо, за красивого не сойдешь. А теперь я похож на человека».

Он от души поблагодарил начальника склада и, поскрипывая сапогами, направился к выходу.

– Хорошо, что не распрощался, засмеялся он, остановившись в дверях. – У нас говорят, когда молла увидит плов, забывает о молитве... А я оставил в старой гимнастерке документы.

Уходя, он столкнулся лицом к лицу с Леной Смородиной. Если бы он с ней не поздоровался, может, она его и не узнала бы.

– Ого! Прямо жених, – сказала она с улыбкой. – Признаюсь, не сразу узнала. Разбогатеете. И, чего доброго, загордитесь.

– Этого не произойдет, доктор. – Он неловко потоптался на месте. – А я как раз шел к вам, доктор.

- Что ж, идемте.
- Но ведь вы куда-то направлялись?
- Ничего, не такое уж важное дело у меня, Решится и потом.

Они пошли в медсанчасть. Сапоги скрипели невозможно, это смущало его, он чувствовал себя беспокойно.

- Жмут? – спросила Смородина.
- Нет. Скрипят.

Смородина обернулась и посмотрела на Гасанзаде. До сих пор она как бы не замечала, что он такой интересный, красивый парень. Когда Гасанзаде приходил в медсанчасть на перевязку, все ее внимание было обращено на рану. А сразу после перевязки Фируз прощался и уходил. Если бы ее попросили описать его облик, она испытала бы затруднение. Если бы ей сказали, что на подбородке у него – ямочка, а на правой щеке – родинка, она не смогла бы ответить, так это или нет. Только один раз там, в землянке, она заглянула в лицо своего пациента – и именно в тот момент появился Филатов...

А вот теперь она словно открывала для себя нового человека. Время от времени внимательно взглядывала в его лицо. Красив. Наверное, девушка есть. Недаром его никто не интересуется... Наверное, такая же красивая... А, может, и красивее его. Впрочем, бывает, красавица любит мужлана, красавец не чаёт души в уродке.

Беседуя, они вышли на тропинку, ведущую в медсанчасть. Навстречу им, заложив руки за спину, шел Пронин. Правда, он умышленно сошел с тропы и шел лесом, чтобы не встречаться ни с кем. Он ходил в медсанчасть, чтобы поговорить со Смородиной. Ждал ее, пока позволяли приличия. И, не дождавшись, возвращался в штаб.

Никто не знал о его переживаниях. Так, по крайней мере, он думал. Насколько соответствует действительности то, что заметил Филатов? Есть ли близость между Фирузом и Леной? Когда и как это могло произойти? Ведь еще недавно, какие-то дни тому назад, Лена говорила ему о своей любви. Что же произошло?

На эти вопросы могла ответить только она.

Пронин увидел их издали. Он прынул в сторону и, прислонившись к стволу большого дуба, онемев, смотрел на них. Сердце его так колотилось в груди, что, кроме своего пульса, он ничего другого не слышал и не ощущал.

Фируз и Лена прошли мимо, не заметив его.

О чем-то оживленно, заинтересованно говорили. О чем? Что такого умного, особенного мог ей сказать этот смазливый лейтенант? А разве обязательно для женщины слышать что-то умное, особенное? Но как назвать все это – то, что с ней происходит?

Он бессильно опустил на траву.

Если чуть раньше, до того, как он увидел Лену и Фируза, в нем боролись противоречивые мысли, если его обуревали неясные еще подозрения и ревность, то теперь безнадежность и апатия сковали все его существо.

Наконец, мысль, молнией сверкнувшая в голове, подняла его с места. Он пошел по тропинке, по которой Лена и Фируз уходили в глубь леса.

«Зачем они туда идут, зачем? Но зачем я иду за ними? Допустим, я их настигну. Увижу, как они обнимаются, целуются или еще что... Что дальше? Зачем мне видеть это? Зачем растравлять сердце? И без того все ясно. Пусть идут... Пусть будет что угодно. Если красота этого парня ослепила ее, чем и как ее удержать? И не смешно ли мне идти за ними следом? Не унижительно ли?»

Пронин отломил от склонившейся к дороге ветлы толстый прут и, постукивая им по сапогу, резко повернулся и направился в штаб.

Глава восьмая

На рассвете следующего дня в расположение роты лихо влетела, блестя оливковой броней, новенькая тридцатьчетверка.

Вся рота Гасанзаде собралась вокруг нее – посмотреть, что за люди прибыли, познакомиться с новыми товарищами.

Те не спешили вылезать из танка, и Кузьма Волков, свернув большую самокрутку, подошел к машине как раз в тот момент, когда откинулись крышки люков. На башне танка белой краской было выведено «Волжанин». Через мгновение над надписью показалась могучая рука, вслед за ней – голова в гермошлеме, и, наконец, улыбчивый сержант выскочил на броню и спрыгнул на землю, а следом появились еще двое, как две капли воды похожие на него. Кузьма, подмигнув товарищам, подошел к старшему.

– Огонька не найдется?

– Найдется, – старший выудил из кармана коробку спичек, подал Кузьме.

Кузьма оглядел коробку, как некую диковину.

– Судя по ней, недавно из тылов? У нас спичками давно не пользуются... Зажигалки в ходу, по-фронтовому – «катюши».

– Да, мы недавно из тылов. Кузьма продолжал уверенно:

– Откуда родом, если не секрет?

– Да волжане мы, из Саратова.

– Недаром и танк назвали «Волжанин».

– Ну, а как еще называть, если и мы волжане, и он на Волге сработан? Старший сержант подал руку Кузьме. – Что ходить вокруг да около, давайте лучше знакомиться... Сразу надо было, ну да ладно, лучше поздно, чем никогда. Меня звать Аркадием, а это мои братья. Вот это средний, он указал на плотного парня, – Геннадием звать. А это – наш младший, зовут Терентием.

И все братья поочередно пожали руки Кузьме и его товарищам.

Да, братья были похожи друг на друга, как будто они родились в один и тот же день и час. И если бы они сами не сказали, никто, не смог бы определить, который из них старший, а который – младший. У всех братьев Колесниковых были продолговатые лица, голубые глаза, курносые носы, золотистые волосы. Как и все волжане, говорили они, сильно окая. Уже потом кое-кому подумалось, что Аркадия назначили командиром танка потому, что он самый старший – на самом деле, будь даже Аркадий самым младшим из братьев, ему все равно следовало быть командиром, потому что он был и умнее, и способнее, и сдержаннее Гены и Терентия.

Скоро в полку знали о братьях если не все, то самое главное. И больше всех тронуло, что мать этих славных ребят – бригадир полеводческой бригады, не только отдала все свои деньги и ценности на постройку танка, но и послала на фронт всех своих взрослых сыновей, оставив при себе только самого младшего сына, тринадцатилетнего подростка. О нем и о матери братья говорили со сдержанной, но нескрываемой нежностью.

Глава девятая

1

Прошло уже полгода, как Хавер рассталась с мужем. Много, как говорится, воды утекло за это время, многое изменилось на фронте; изменилась вся жизнь, да что говорить – и сама Хавер уже была не прежней, жизнерадостной и полной сил. Осенью Ази прислал домой первую фотокарточку, и Хавер убедилась, что и он изменился, построжал, посуровел, а может, и постарел немного. Хавер часто вспоминала о поспешном расставании с мужем, когда даже и поговорить не удалось, и всякий раз при этом: воспоминании у нее больно сжималось сердце. Она жила в постоянной тревоге, и тревога эта еще усиливалась при

мысли, что она-то в полной безопасности, а он на фронте, под смертью ходит.

Из далекой Ленкорани она следила за событиями. Положение на фронте все осложнялось. И, конечно, никто не мог сказать, как будут развиваться события и, тем более, когда кончится война.

Хавер работала директором городского кинотеатра. Пятнадцатилетний киномеханик Полад знал, что она больше всего любит киножурналы с фронтовой кинохроникой, и как только получал на базе новую ленту, стремглав бежал сообщить об этом Хавер, и до начала общего киносеанса они вдвоем просматривали киножурнал, после чего Хавер молча вставала и уходила.

– Эти кинооператоры, не знаю уж, кого и где снимают! – возмутился однажды Полад. Ни разу не сняли дядю Ази и его танкистов. А чем они хуже тех, кого они сняли в кино? Ведь он уже подполковник, и сколько у него орденов!

Хавер засмеялась, ласково потрепала курчавые волосы подростка.

– Милый ты мой! У нас столько героев! Всех невозможно показать в кино. Показывают тех, кто больше всех отличился. Вот отличится дядя Ази, и покажут его в кино.

– Я тоже думаю, рано или поздно дядю Ази покажут. Ленкоранцы от других не отстанут. Наш город плохих людей на фронт не пошлет.

Однажды утром, придя на работу, Хавер прошла не к себе, как обычно, а прямо в будку киномеханика. Вокруг Полада вертелась группа ребят – готовили к вечернему сеансу киножурналы, доставленные с базы. Но директора ребята побаивались – вдруг турнет.

– Ну, что, Полад, собрал свое войско?

– Мне, Хавер хала, и дня без них не прожить, – Полад подмигнул парню в полосатой рубашке, перематывавшему ленту. – Это наши внештатные работники, Хавер хала, помогают мне, а заодно и сами смотрят кино.

Глядя на Полада и его товарищей, Хавер думала: «Вот и мой сын Тофик скоро станет большим, как они!»

Ребята явно обрадовались тому, что директор не сделала Поладу замечания, насчет посторонних, а это значило, что у них оставалась возможность, помогая Поладу, из кинобудки бесплатно смотреть кино, сеанс за сеансом. И парнишка со шрамом над правой бровью осторожно ткнул в бок товарища: «Не бойся, видишь, не сердится!»

Полад тоже воодушевился.

– Эй, Чапыг, убери эти коробки с лентами из-под ног! Чапыг кинулся выполнять приказ, а потом стал перед Поладом, как солдат, по стойке «смирно», ожидая дальнейших распоряжений.

Хавер поразились проворности и быстроте этого полного, краснолицего парня, и еще больше – дисциплине в этой ватаге малышей.

– Тебя что, действительно, зовут Чапыг?

– Нет, Хавер хала, имя мое Таваккюль. Чапыгом³ меня ребята прозвали.

– И тебе нравится это прозвище?

– Не нравится, Хавер хала.

– Я попрошу твоих товарищей, чтобы они не называли тебя Чапыгом. Полад, передай ребятам: кто назовет Таваккюля Чапыгом, тому больше не бывать в кино...

... Только что закончился дождь, который лил два дня подряд. Но облака, неподвижно стоявшие в небе, опять набухли влагой, готовой пролиться на землю. Черная земля садов и огородов, чайных плантаций до предела была напоена водой и раскисла. Тропинки и дороги размыло, на полях образовались озера. Люди очень часто простужались в те дни. Лежал с температурой Ариф. Врач сказал: простуда, выписал лекарство и ушел. Но температура не падала. Вообще, младший сын был слабеньким, часто болел, и Хавер очень боялась, как бы он не схватил воспаление легких. Крепко-накрепко поручила свекрови смотреть за Арифом –

³ Чапыг – то есть «со шрамом».

чтобы не вспотел, не размотался во сне, сама по несколько раз на дню прибегала, меняла ребенку белье, кормила и снова бежала на работу.

В довершение всего, уже недели две не было писем от Ази. Она не утерпела, пошла на почту – справиться, может, что-нибудь было. Там еще раз подтвердили, что не задерживают писем, доставляют по мере поступления. По дороге домой, занятая своими мыслями, она успевала отвечать на приветствия знакомых, но не задерживалась, как обычно, чтобы перекинуться словом-другим, спросить о здоровье, о делах.

Когда подходила к дому, кто-то сзади коснулся ее руки, она испуганно вздрогнула, обернулась: Тофик глядел на нее озорными глазами. «Встретил? – она схватила его, подняла на руки, прижала к груди. – Соскучился? А как Ариф?» – «Он спит, бабушка сказала, ему лучше». Хавер несла сына на руках, заглядывала ему в глаза, и тревога ее стихала. Тофик, очень похожий на отца, глядел на нее глазами Ази, и в этом взгляде она черпала надежду.

Нушаферин нене только что уложила в постель уснувшего у нее на руках Арифа, и на нетерпеливый вопрос невестки, есть ли температура, ответила, что про температуру не знает, а знает одно: жар спал, и внуку легче.

– Не изводись, дочка, у мальчика только простуда, все пройдет!

– Я снова вызвала врача. Посмотрим, что он скажет.

«Говорит Баку. Передаем последние известия. Слушайте сообщение Совинформбюро...»

Четкий, ясный голос диктора, его необычная торжествующая приподнятость заставили женщин замолчать. Замерев, они слушали диктора.

«В последний час... Успешное наступление наших войск в районе города Сталинграда...»

На днях наши войска, расположенные на подступах Сталинграда, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника...»

– Дочка, что он говорит? – шепотом спросила Нушаферин.

– Мама, – взволнованно ответила Хавер, – он говорит, что наши войска бьют и гонят немцев у Сталинграда... Бьют, гонят и снова бьют!

– Это там, где был наш Ази?

– Да, мама, это там.

Нушаферин уже не могла слышать и понимать, что говорил диктор – все ее мысли, все чувства, все существо ее было там, рядом с сыном.

– О, аллах, сохрани моего сына! Развей пепел врагов!

Всю ночь ворочалась Нушаферин с боку на бок, да так и не могла заснуть. Мысли ее витали далеко. Вчерашнее сообщение по радио о Сталинграде, о наступлении наших войск взбудоражило старую женщину. Она не могла представить, где находится Сталинград, никогда не слыхала о тех городах, которые взяли наши войска, но она знала и поняла главное: произошло что-то давно ожидаемое. «Наши пошли вперед, – думала она, и это значит, что враг побежал... – Все рвался в наши края, на Баку уже поглядывал и вдруг повернулся и побежал. Там, где его бьют наши, все перемешалось, наверное. Есть и раненые, есть и... – тут Нушаферин одернула себя: – Да отсохнет мой язык, что я такое подумала!». Подушка из лебяжьего пуха казалась старухе твердой, как камень, одеяло давило на нее. Она думала сыне, о его товарищах, которые в этот час идут под пулями и осколками, гонят врага.

– Ох сынок, – вслух, сама того не замечая, проговорила она, – да отведу я от тебя напасть всякую, да приму на себя смерть, лишь бы она тебя обошла!

За окном вспыхнул ослепительный свет и раздался оглушительный треск, словно грянули разом сотни пушек, разразилась гроза. Перепуганная Нушаферин сбросила с себя

цветастое одеяло и выбежала на веранду: ей показалось, что земля и небо, горы и скалы – все сразу, внемя ее молитвам, обрушилось на врага. И наши солдаты, много солдат с ружьями наперевес, в этом грохоте и пламени бегут на врага, и некоторые оборачиваются, машут ей руками, кричат: «Вернись, мать! Вернись!»

Грохот постепенно стих, сменился яростным шумом ливня. Нушаферин поняла, что в ее сознании мешаются явь и грезы, постояла еще немного и вернулась в постель. Долго не могла согреться.

До рассвета она не сомкнула глаз. И хотя слышала, как пропели третьи петухи, ни встать, ни уснуть не могла. К тому времени, когда на улице послышались шаги пешеходов, она почувствовала себя как человек, который весь день таскал камни. И, наконец, провалилась в тяжкий сон, но и во сне она ни на минуту не расставалась с мыслью о сыне.

Она видела себя в какой-то бескрайней клочковатой степи, по которой в разных концах вспыхивали и гасли огни... Это, наверное, и есть фронт. А вон и Ази. Он в танке, высунулся по пояс и кому-то что-то указывает, а рядом с танком бегут бойцы. Потом их и танк Ази заслоняют фонтаны земли, а когда они опадают, она видит, что танк охвачен пламенем, над ним поднимается черный столб дыма. «Сынок, дорогой, кто же это посмел в тебя выстрелить?» вскрикивает она и бросается к сыну. Ази скатывается с брони на землю, и она видит, что на груди у него кровь. Она срывает с головы косынку, перевязывает крест-накрест грудь сына. Он открывает глаза: «Мама, это ты? Что ты здесь делаешь?» – «Я к тебе приехала, сынок. Какой это негодяй тебя?» – Нушаферин не может остановить слез, прижимается лицом; холодному лицу сына, судорожно обнимает его. «Что ты, мама, не плачь, рана не опасная, я знаю. Поцарапана грудь... Ну, кровь... Да ты не бойся, только уходи отсюда скорей, возвращайся домой, внуки ждут!».

Нушаферин вытирает слезы, но никуда не уходит, а пули свищут над ними, рядом рвутся мины, их порою засыпает землей.

«Пусть светопреставление начнется, я тебя не оставлю, сынок. Тебе очень больно?»

Раздается свист, и она всем телом подается вперед, чтобы прикрыть сына от снаряда, от осколков, от пуль.

«Возвращайся домой, мама, ничего не случилось со мной. Погляди!» – и Ази вскакивает, бежит, поднимается в свой танк. Странно: танк уже не горит, а срывается с места и уходит сквозь дым и огонь.

Одна остается Нушаферин. Стоит, как неподвижная статуя, смотрит на следы, впечатанные в землю гусеницами танка. Поднимает лицо – видит пламя над землей, захватившее полнеба. Еще раз в огне и в дыму среди разрывов показался танк, и мать увидела сына.

«А-зи-и-и!» – кричит она. Ее крику, ее стону отвечают взрывы снарядов и мин...

Скрылись танки, ушли вперед и солдаты, полоса огня и дыма тоже отодвинулась, взрывы снарядов, бомб и мин слышались все реже и реже. И наступила тишина, опустела степь. Напрасно старая Нушаферин высматривала Ази – нигде не видно его. Крылья бы ей! Она полетела бы вслед за сыном, нашла бы его, прикрыла бы собой от беды.

«Мама, мама!» – кто-то окликает ее.

Она оборачивается. Сын? Но разве это он? Откуда он явился? Плохо видят старые глаза... «Ты ли это, сынок? Все двойится в глазах моих». – «Я мам, я! – Ази чуть-чуть отстраняет мать от себя. – Ну, смотри же, это я. Погляди мне в лицо! Не узнаешь? – Нушаферин прижала к груди сына. – Видишь, мама, со мной ничего не случилось. Пуля находит не всех... Чаше находит трусливых. Но я не трус». – «Аллах сжалился надо мной, увидел мои слезы, поэтому с тобой не случилось беды, сынок...» – «И не случится, мама. Обещаю тебе! Успокойся и возвращайся домой». «Хорошо, сынок, возвращаюсь, родной, возвращаюсь...» «Я провожу тебя, одной трудно».

И Ази везет Нушаферин в Ленкорань. Доводит до самого дома, но в дом не заходит. И как ни старается мать уговорить его зайти, он не соглашается. «Если зайду в дом, то сразу не вырвусь... Засижусь с тобой, с Хавер, с детьми, – говорит он. – А меня ждут дела, ждут

солдаты. Пойду! А вот кончится война, приеду на целый месяц и весь месяц дома просижу... Ты нам приготовишь ленкоранский плов, соберемся всей семьей за столом... А пока до свиданья. До свиданья, мама!»

Он целует мать и торопливо уходит.

«Иди, сынок, счастливого тебе пути! Избавьте мир от огня и возвращайтесь, сынки мои дорогие. Возвращайся, Ази!»

Нушаферин проснулась вся в поту.

Тофик и Ариф стояли у ее изголовья.

– Бабушка, с кем это ты говорила?

– Бабушка, тебе что-то снилось?

– Да, снилось, – Нушаферин вытерла пот на лбу, с трудом поднялась и села в постели.

Внуки решили, что она заболела. Огорченные, присели на кровать.

Только тогда Нушаферин пришла в себя.

– Что вы, что вы, милые, я здорова. А ты что это полураздетый? Снова можешь простудиться.

– У меня уже нет температуры, бабушка.

– А все-таки ложись в постель.

Ариф послушался. А Тофик, прежде чем уйти, укрыл бабушку одеялом.

Нушаферин обхватила руками колени, сидела, вспоминая странный сон. А внуки, каждый из своего угла, молча, с тревогой глядели на нее...

Глава десятая

1

Второй час шла артиллерийская подготовка. Тысячи орудий всех калибров молотили по фашистским позициям; ошеломленные немцы замерли в своих укрытиях и окопах, вжались в землю. Над ними бушевал смерч огня и стали. Нигде никогда им не доводилось испытать такое. Ад, и тот казался не таким страшным по сравнению с тем, что творилось. Взлетали вверх разбитые орудия, минометы, рушились перекрытия блиндажи, огневых точек, ходов сообщения. Наконец, огненный вал перекатился куда-то в тыл, но не успели еще уцелевшие солдаты противника опомниться и выглянуть из своих нор, как на них пошли русские танки.

За день до наступления соединение, в которое входил и отдельный танковый полк Ази Асланова, совершило стремительный семидесятикилометровый марш и заняло позиции перед глубоко эшелонированной линией обороны противника между озерами Цаца и Барманцаг.

Ночью выпал снег, утро наступало пасмурное, облачное, над степью лег густой плотный туман. Видимость сократилась. Командование Сталинградского фронта вынуждено было внести изменения в заранее разработанный план наступления. Наступление приходилось вести в сложных условиях, без поддержки авиации. Плотный туман скрывал огневые точки противника. Хорошо, что армейская разведка засекла расположение вражеских огневых средств в дефиле между озерами, на всю шестикилометровую глубину обороны немцев и дальше, во вражеском тылу. Во время артподготовки первый удар пришелся по вражеским огневым точкам, удар точный и сокрушительный. Стрелковые части под прикрытием танков прорвали оборону врага и продвинулись вперед.

Перед танкистами была поставлена задача с южного направления прорвать вражеский фронт, выйти на оперативный простор и соединиться с частями Юго-Западного фронта, наступающими с севера. Успешное завершение этой операции должно привести к тому, что большая армейская группировка немцев оказалась бы в кольце окружения.

Командование соединения, генералы и старшие командиры прекрасно понимали

значение этой операции. С мыслью о важности наносимого немцам удара и о возможных его последствиях вводил в сражение свой полк Ази Асланов.

Рота за ротой мчались мимо командирской машины. Ази Асланов передавал указания командирам рот. Стрелковые цепи бежали впереди боевых машин с криком «ура», этот крик перекачивался по широкому полю, но не гас и не стихал, потому что подхватывался идущими сзади и автоматчиками десанта, сидевшими на броне танков. Грохот орудий, обеспечивавших огневой вал впереди наступающих, гул дальнобойных батарей, громивших тылы врага, и резкие отрывистые выстрелы танковых пушек – все слилось в могучий гул, в котором тонули разрывы вражеских мин и снарядов. Стрелковые подразделения упорно продвигались вперед, не давали возможности фашистским солдатам поднять голову из окопов.

Впереди этого мощного потока войск, обогнав пехоту, шли танки Ази Асланова, составлявшие авангард ударной группировки сил фронта.

По сообщениям ротных командиров, потери в личном составе и технике были незначительны.

Ази Асланов окидывал взглядом заснеженную равнину, по которой следом за танками продвигалась пехота. Картина боя напомнила ему декабрь сорок первого года под Москвой – тогда он, майор, командовал танковым батальоном. На Можайском направлении фашистам удалось окружить кавалерийскую часть. Пока кольцо окружения не стянулось намертво, надо было его разорвать. Командование поставило эту задачу его батальону. В самом неожиданном для противника месте он нанес сильный удар и помог конникам выйти из окружения. Тогда ему пришлось нелегко, в разгар боя он остался без водителя... Сам сел за рычаги управления. К счастью, короткая остановка машины никем – ни своими, ни противником – не была замечена, танк снова стремительно рванулся вперед. Командиры рот сообщали о ходе боя, он слушал, отдавал приказы, докладывал начальству. Фашисты вели по танкам лихорадочный орудийный и минометный огонь, танки, не задерживаясь, отвечали, крушили все на своем пути, а пехота, следуя за батальоном, расширяла прорыв; дошло до рукопашной, фашисты не выдержали, побежали. До конца боя танкисты не подозревали даже, что комбат сам ведет машину.

Сейчас он находил много общего с тем далеким боем под Москвой. Та же заснеженная равнина, окрашенные в белый цвет танки, пехота в маскировочных халатах... Та же ярость, тот же душевный подъем, то же желание победить врага... Но иной масштаб. Иная цель. Тогда надо было разорвать кольцо окружения, сейчас предстояло прорвать оборону врага, выйти на оперативный простор и окружить вражеские войска на огромной территории. Тогда он командовал батальоном, теперь у него полк. Но и полк представлял собой лишь звено, частицу войск, осуществлявших замысел командования. Чтобы выиграть это сражение в целом, каждая часть должна выиграть свое, и Ази страстно хотел, чтобы его полк выполнил успешно свою задачу. Тогда, под Можайском, враг оставил немало подбитых танков, потерял много солдат, а батальон вышел из боя с минимальными потерями. Пусть будет так и сейчас!

Ази Асланов имел свой командирский девиз. Если ты, говорил он, потерял в бою пять танков и пятнадцать солдат, то противник должен потерять в два раза больше, и поле боя должно остаться за тобой – тогда, считай, ты нормально воюешь.

Это правило знали в полку все, каждый старался ему следовать. И вот сейчас Ази с удовольствием наблюдал, как стремительно движутся вперед роты, как деловито и точно сметают огнем вражеские орудия, как маневрируют, уклоняясь от вражеского огня, и снова и снова рвутся вперед...

Немцы сопротивлялись отчаянно, вели меткий, расчетливый огонь. Они хорошо видели наступающих и сразу заметили, что среди советских танков один танк несется вперед, не открывая огня. Догадались: командирская машина. Тотчас взяли ее на прицел. Осколочный снаряд разорвался позади танка, еще один – впереди. Водитель, побледнев, крикнул:

– Мы в «вилке», товарищ подполковник! Сейчас ударят бронебойным!

– Не теряйся! Меняй направление. Так. Прибавь скорость! Стой! Вруби! Вперед! Еще прибавь! Еще...

Прямо по курсу на снегу расписалась «болванка». Водитель сбавил газ.

– Что ты делаешь? Вперед! Рывком, рывком уходи из-под огня. Вперед, вперед!

Танк проскочил обстреливаемый участок и на полном ходу, подминая под себя колючую проволоку, влетел на бруствер вражеской траншеи; что-то хрустнуло под гусеницами, танк нырнул вниз, потом вылез наверх... Ази видел, как вражеские солдаты группами бегут впереди машины.

– Пулемет! – приказал он стрелку.

2

Наплывший с ночи густой туман рассеялся к полудню, небо очистилось, и вновь во всей своей необозримости взору открылась равнина.

Перешедшие в наступление войска Сталинградского Фронта в течение нескольких часов значительно продвинулись вперед. На заснеженных дорогах осталось множество подбитых, сожженных, помятых вражеских танков, автомашин, бронетранспортеров, разбитых орудий винтовок, автоматов, военного снаряжения. На снегу густо чернели вражеские трупы.

Наступление продолжалось почти без передышки.

Расстреливая огневые точки противника, уцелевшие после артподготовки и первого ошеломляющего удара, танки продвигались вперед.

Хорошо, обтекая обороняемую противником возвышенность, шла вторая рота. Тридцатьчетверки легко брали подъемы, вели с коротких остановок и с ходу прицельный огонь. Немцы дрогнули, побежали. Один танк обогнал остальные машины и поливал убежавших солдат противника пулеметным огнем. Ази вскинул бинокль. По номеру машины узнал танк Кузьмы Волкова, тот самый, который свалился с парома в Волгу. Ну, молодцы, подумал он, толково действуют, грамотно. И как это они умудрились сплеховать тогда, на переправе? Впрочем, с кем не бывает? Зато сейчас они показывают себя.

Ази Асланов не разделял того мнения, что чем дольше человек находится в боях, тем больше он привыкает к опасности и в известном смысле тупеет. Но если появляется привычка к чему бы ни было, снижается реакция на происходящее, тупеют чувства, а если притупляются чувства, плохо работает голова, гаснет мысль. Нет, с его бойцами этого не происходит. Они остро чувствуют, мгновенно реагируют. Да и как может быть иначе? Люди знают, за что, во имя чего сражаются. Верят в победу, бьются с холодным умом и горячим сердцем.

Танки второй роты скрылись за холмом. Новый водитель командирской машины без всякой команды выжал газ: командир полка должен видеть поле боя. Да, молодец! Разве не мыслящий человек способен понять, что в данный момент нужнее всего? Танк одолел высотку, и Ази снова увидел вторую роту, отыскал взглядом танк Волкова. Машина шла на левом фланге роты, оставляя в стороне вражеское орудие, возле которого сустились немцы. У Асланова похолодело под сердцем: сейчас влепят Волкову в борт. Что он, ослеп, не видит?

Нет, Волков видит: башня танка развернулась в сторону вражеского орудия, последовал залп артиллеристов разметало взрывом, а танк уже шел на орудие. Остановился, откинулась крышка люка, появился сержант с автоматом в руке, соскочил с танка. Из люка выбрался и стрелок-радист, поспешил к сержанту. Что случилось? Зачем остановились и покинули танк? Куда бегут? Что собираются делать?

Подбежали к орудью, осмотрели, и Волков махнул рукой водителю. Танк осторожно подошел к орудью задним ходом. Волков и стрелок развернули орудие, прицепили его к танку. Для чего? Трофей? А, может, пушка исправна? Хотят подарить нашим артиллеристам? Намерены прикрываться орудием сзади?

Так и не поняв, для чего экипаж прихватил вражескую пушку, Асланов проводил танк

Волкова и перевел взгляд на другие машины.

Полк продолжал наступление, не ожидая отставшей пехоты, пока на пути не выросла высота, на которой немцы успели укрепиться, поставив на прямую наводку мощные восьмидесятимиллиметровые орудия.

3

Высота господствовала над окружающей местностью; сильный орудийный и минометный огонь преградил путь передовым частям наступающих.

Младший лейтенант Тетерин из роты Гасанзаде шел со своими пятью быстроходными легкими танками в разведке и выскочил к высоте без потерь. И сразу попал под губительный огонь врага. Тетерин понял бесполезность наступления в лоб; связавшись с ротным, он принял решение обойти высоту с фланга.

– По мне они ударят, – сказал он ротному, – а вы постарайтесь прикрыть меня.

И, действительно, обнаружив советские танки на фланге своей обороны, немцы открыли огонь; танки других взводов ударили тотчас по немецким орудиям, и, пользуясь этим, танки Тетерина устремились на высоту; раздавив по пути немецкую минометную батарею, первая машина выскочила наверх – и тут ее подцепило бронебойным снарядом. Танк младшего лейтенанта, ведя огонь, обошел подбитую машину. Еще рывок, и высота будет наша. Но немцы не дрогнули, и по-прежнему вели огонь, и не только по прорвавшимся танкам Тетерина. Командир взвода определил положение вражеской батареи и осторожно повел свою машину в обход ее. И вдруг удар, гром, звон в ушах, удушливый дым внутри – танк загорелся. Охнул и сник механик-водитель. Тетерин спустился к нему. Дыра в броне была как раз напротив груди механика... Он всхлипнул на руках командира и стих. Все, нет человека. Как во сне Тетерин нащупал верхний люк, открыл его и выбросился из танка, вслед за ним выскочил башенный стрелок. Машину охватило пламенем; минуту спустя, раздался глухой взрыв – и все было кончено...

Два танка Т-70 горели на высоте, три других отходили, ища укрытия; отходили в тыл и обгорелый младший лейтенант с башенным стрелком, отползали танкисты из первой подбитой машины.

Им удалось благополучно отойти. Башенный стрелок из машины Тетерина почти не пострадал, так как, бросившись в снег, успел погасить на себе горящий комбинезон и ватник; у Тетерина обгорели руки, сгорели брови, усы, и, когда он провел ладонями по пылающему лицу, серый пепел посыпался ему на грудь. Запах паленых волос ударил в ноздри сбежавшимся товарищам, которые старались не выдать своего удивления: лицо младшего лейтенанта, одного из самых красивых мужчин в полку, лишенное бровей, гусарских лихих усов, было похоже на страшную маску.

Подбежал лейтенант Гасанзаде.

– Откуда бьет батарея?

Тетерин с трудом расстегнул планшет и карандашом отметил на карте расположение вражеских орудий; при этом, когда он нажимал на карандаш, из-под почерневших ногтей сочилась кровь.

– Вот те огневые точки, которые мне удалось заметить. Наверное, есть и другие.

– Да, наверное. Одной батареей они не отважились бы преградить нам путь. Силы тут есть. – Гасанзаде помолчал. – Механик-водитель что?

– Его ранило, сразу потерял сознание... На моих руках умер. А вытащить его мы не могли...

Танкисты молча сняли шапки.

Подбежала санинструктор, принялась перевязывать Тетерина. Возни с ним было много. Пока она смазывала и обрабатывала обожженные места, Тетерин старался по ее взгляду определить, насколько серьезно пострадало его лицо.

– Не волнуйтесь, – говорила санинструктор, – брови и усы отрастут, может и не скоро,

лицо останется чистым, это главное. Ну, давайте, перебинтуйте руки...

Тетерин был благодарен судьбе, что лицо не обгорело, но все же очень беспокоился, и, чтобы успокоить его, кто-то из ребят раздобыл осколок зеркала: на, мол, погляди, убедись, что беды нет!

Тетерин уткнулся в зеркало. Лучше бы он не смотрелся в него! Бровей нет, ресниц нет... Усов нет... Кожа на лице розовая, как поджаренное сало словно кто-то сунул его лицом в печь и, поджарив на жару, вытащил...

– А, черт с ним! – Тетерин бросил осколок зеркала. – Ребята, дайте закурить!

Ему услужливо поднесли зажженную папиросу, вставили в рот.

Гасанзаде той порой решал, как быть дальше. Подходили машины других рот, появились пехотинцы, наступавшие под прикрытием танков, подъехал Ази Асланов.

Гасанзаде доложил командиру полка обстановку.

Ази Асланов внимательно изучал высоту, занятую немцами.

– Да, место для обороны удачное. Мастера... Ну, что ж, покажем им, как надо использовать местность для наступления. – Он передал бинокль Смирнову и повернулся к Гасанзаде. – Как намерены действовать, лейтенант?

Командир роты изложил свой план, который сводился к следующему: после короткого артналета на огневые позиции противника наступать на высоту с нескольких направлений'; за всеми враг не уследит, всем ответить не успеет.

– Резонно. Что ж, готовьтесь, через четверть часа начнем. Полк роту поддержит.

Гасанзаде, козырнув, побежал к своим машинам. Ази Асланов подошел к Тетерину.

– Как чувствуешь себя, товарищ младший лейтенант?.. Раны сильно беспокоят? Если да, отправим тебя в медсанбат...

Тетерин вскочил.

– Товарищ подполковник, разрешите остаться в роте. Слегка обожгло, но воевать могу. – Он провел рукой по лицу. – Вот только лицо теперь у меня...

– О чем думать, Тетерин? Ты же не девушку выбирать идешь. К тому же лицом, которое обожжено в бою, надо гордиться. А через какое-то время отрастут твои гвардейские усы, брови, кудри твои светлые, и до свадьбы снова станешь первым красавцем в полку. Так что не горюй...

– Да я не потому. Вот водителя жаль...

– Да, – помрачнел Ази Асланов, – водителя не вернешь...

Подошел Гасанзаде, доложил о готовности к атаке.

– Сейчас начнем, – сказал Асланов.

Заговорили орудия, снаряды обрушились на вершину высоты. И тотчас танки пошли в атаку, за ними пошли пехотинцы. Фашисты увидели, что их обходят со всех сторон, побросали оружие и подняли руки.

После взятия высоты стало известно, что там располагался командный пункт вражеской пехотной дивизии.

Глава одиннадцатая

1

Поздним вечером легковая машина с потушенными фарами неслась по дороге. На небе не было ни луны, ни звезд, но снежный покров высветляет темноту, дорога виделась хорошо, и водитель чувствовал себя уверенно.

Рядом с водителем сидел пожилой человек в серой каракулевой папахе и в белом полушубке. Это был командир соединения генерал Евгений Иванович Черепанов. На заднем сидении, один, зорко оглядываясь по сторонам, сидел его адъютант.

Все трое молчали. Временами, когда машина ныряла в рытвины, ровный гул мотора

сменялся надсадным ревом; затем рев стихал, и под ровное, убаюкивающее гудение Черепанов, откинувшись на спинку сидения, закрывал воспаленные от бессонницы глаза. Водителю и адъютанту казалось, что он дремлет; они не решались заговорить, чтобы не мешать ему: генерал уже двое суток не смыкал глаз, пусть хотя бы вздремнет по дороге.

Однако генерал не спал, это только так казалось шоферу и адъютанту. Нервное возбуждение мешало ему не только уснуть, но и задремать; он думал о действиях вверенных ему войск, стараясь извлечь уроки на будущее, на самое ближайшее будущее, не говоря уж об отдаленном.

Соединение генерала Черепанова в целом успешно действовало в наступательной операции Сталинградского фронта. Тем не менее, не обошлось без заминок, и Черепанов получил серьезное замечание командующего армией. И надо считать, что ему еще повезло в том смысле, что задержка не оказала отрицательного влияния на общее развитие операции.

Но Черепанов очень переживал случившееся, и особенно обидно было, что выговор он получил в самом начале успешно начавшегося боя, на командном пункте армии, в присутствии множества старших и младших по званию и положению начальников и командиров. По плану операции большая часть его соединения и стрелковый корпус, стоявшие во втором эшелоне, вводились в бой сразу после того, как будет прорвана первая линия вражеских укреплений, для развития наступления.

Все ждали этого момента.

И вот этот момент наступил. Черепанов передал танковым частям приказ: «Вперед!» и припал к стереотрубе. Он видел, как поднялась наша пехота, как на правом фланге появилась волна наших танков. Но на левом фланге, где должен был идти отдельный танковый полк, танков не было видно. Текли минуты, а полк не показывался. Что это значит? Чем вызвана задержка?

Командующий армией обернулся к нему:

– Черепанов, где же твои танки? Должны они выполнять приказ или нет? Что у тебя творится?

Черепанов не знал, что ответить. У него никогда ничего не «творилось», а всегда и все делалось точно и в срок. Он попросил разрешения выехать на исходные позиции танкового полка и помчался туда сломя голову. Каково же было его удивление и возмущение, когда он увидел, что машины еще только заправляются горючим! Правда, заливают его в запасные баки. Но почему сейчас, когда уже началось наступление? Почему не заранее? «Командира полка – ко мне!»

– Вы понимаете, что делаете? – встретил он взволнованного подполковника... Конечно, тот понимал. Но горючее подвезли с опозданием. Почему же с опозданием, почему не сообщили об этом?

Слушать объяснения он не стал. Армейские части теснили противника, и тут самое время было подкрепить к танками, развить успех, и много стоила каждая потерянная минута.

– Немедленно в бой! Немедленно!

Подполковник откозырял, повернулся, побежал к своим командирам.

Танки, один за другим, едва отнимали от баков шланг, срывались с места и, перестраиваясь на ходу, уносились вперед.

Только видя этот лихой выход танков, Черепанов немного отошел сердцем. Пожалуй, танкисты и не виноваты, подумал он, но виновника я найду и взгрею!

Всю свою сознательную жизнь Черепанов провел в армии, с первых дней войны он сражался на фронте. Не раз его части оказывались в сложном положении, но никогда не бывало такого, чтобы он задержался хоть на миг, если получил приказ.

Задержка – это срыв замысла, срыв операции, это – сотни новых жертв. Недопустимы задержки! Особенно сейчас, когда мы наступаем.

... Взвизгнули тормоза, машина резко остановилась.

– Вы только гляньте! – удивленно воскликнул шофер.

Адъютант выхватил пистолет, Черепанов от толчка подался вперед, выпрямился.

– Что случилось?

– Заяц... – Шофер показывал рукой вперед. Большими прыжками по белому снегу скакал в сторону от машины серый заяц. Ни генерал, ни адъютант зайца не заметили, а он уже слился вдали с темной землей.

– Чуть не задавил косого, – извинительно сказал шофер.

Генерал промолчал, не стал делать замечания водителю, остановившему машину посреди степи из-за какого-то зайца. Но адъютант рассердился на водителя не на шутку, и, не будь рядом старшего, сказал бы ему пару теплых слов. Поднимать такой шум из-за пустяка?

Но водитель и сам расстроился; действительно, что случилось? Было из-за чего всполошиться. Недаром ни генерал, ни адъютант и ухом не повели на его возглас. Еще хорошо, что не рассердились.

Между тем, хотя генерал не сказал ни слова водителю по поводу непредвиденной остановки, он думал о непосредственности водителя и не осуждал его за это, скорее напротив. На бесконечных фронтовых дорогах люди видели столько трагичного, ужасного, и даже в самые благополучные дни, вот как сейчас, перед их взором мелькало столько машин, орудий, повозок, танков, что появление среди всего этого чисто военного подвижного бытия беззащитного живого существа воспринималось как событие, и генерал вовсе не удивился по-детски радостному возгласу водителя, увидевшего зайца. Возглас был вполне естественным. В людях не умерло ни сострадание, ни доброта, ни тоска по мирной жизни, и они способны радоваться и зиме, и лету, и безобидной пичужке, и появлению этого смешного зайца – среди войны... Это хорошо, это значит – не очерствели мы, думал генерал.

Машина бежала, оставляя на свежем снегу четкие отпечатки шин.

Адъютант засунул пистолет в кобуру, но продолжал посматривать по сторонам.

Генерал снова откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза.

2

Полк Ази Асланова вместе с другими частями Сталинградского фронта успешно продвигался вперед. Остались позади станции Абганерово, Тигута, Плодовитое, Бузиновка, Советский, Верхне-Курмоярский.

Наконец, танкисты столкнулись с котельниковской группировкой немецких войск, которая пыталась пробиться к окруженным под Сталинградом войскам Паулюса, и стали на ее пути.

Было потеряно много боевых машин. Было много убитых и раненых.

Ремонтники день и ночь возились над поврежденными танками. Надо было пополнять поредевшие экипажи. Людей не хватало. Правда, Черепанов обещал помочь. Но Ази Асланов прекрасно понимал, что скорой помощи ждать не приходится. Поэтому они втроем, с Прониным и Филатовым, обсудили свои возможности, чтобы навести порядок в полку.

В полдень Ази Асланову позвонил редактор армейской газеты, сказал, что посылает в полк корреспондента, и просил оказать тому помощь в сборе материала для статьи. Подполковник обещал содействие.

Корреспондент прибыл в полк под вечер.

Ази Асланов успел побриться перед самым приходом корреспондента. Запах тройного одеколона, которым он надушился, нанерлил автофургон. Капитан, входя в машину, едва не чихнул.

– Вы просите меня рассказать о себе? – сказал Асланов. – Ей-богу, товарищ капитан, вы ставите меня в неловкое положение. Давайте условимся, что в этой статье обо мне не будет ни слова. Есть люди, которые выполняли приказы. О них следует написать. Как, в каких условиях выполняли. Как вели себя в бою. Еще важнее написать о тех, кто отдал жизнь в этих боях. О них и я могу рассказывать сколько угодно...

Капитан положил карандаш между страницами записной книжки.

– Я бы последовал вашему совету, товарищ подполковник, но дело в том, что редактор поручил написать именно о вас. Поэтому очень прошу хоть что-то о себе рассказать. Ответить на мои вопросы. – Повторяю, капитан: напишите о погибших танкистах. Это моя просьба, других нет. Очень прошу передать эту мою просьбу редактору газеты.

Корреспондент уже набросал в уме план статьи, которую собирался написать; он предполагал начать статью беседой с командиром полка, а потом уже перейти к описанию боев. Теперь ему надо было перестраиваться: подполковник не желал говорить о себе. Уговорить его, по всему видно, не удастся. Что делать?

Ази, чувствуя его затруднения, решил помочь.

– Если ваша газета, капитан, желает рассказать о нашем полку, то надо начинать с людей. И полк, и его командир сильны людьми, толковыми, грамотными, инициативными людьми. И в первую очередь следует рассказать о командире взвода Иване Благом. Вы знаете, какой героизм проявил он в боях за станцию Абганерово?

Капитан открыл полевую сумку и достал оттуда номер газеты.

– Наша газета писала о Благом, можете посмотреть.

Ази развернул номер газеты «Сын Отечества». Он еще не видел этого номера и не сразу обнаружил в нем, в уголке, короткое сообщение о подвиге лейтенанта Благого.

– Вы об этом материале говорите? Это же только информация. Напишите о нем очерк, и этим вы сделаете больше, чем могли бы сделать, рассказывая обо мне...

И Асланов поведал корреспонденту об обстоятельствах гибели Ивана Благого и его экипажа.

... Наши войска вели наступление на станцию Абганерово с трех направлений. Полк Асланова получил задачу наступать на станцию с востока, отвлекая на себя огонь врага, чтобы помочь пехоте, наступавшей с флангов.

Полк наступал, подавляя огневые точки противника.

Танки шли уверенно, охватывая станцию, но и огонь противника усиливался, и часть машин замедлила ход. И тогда вперед вырвалась машина командира третьего взвода. Ведя огонь с ходу, она вышла на подступы к станции. Тут ее подцепило бронебойным снарядом. Танк загорелся. Асланов, следовавший непосредственно за танками взвода, приказал экипажу покинуть машину. Лейтенант ответил, что все ранены, кроме него. Еще один снаряд ударил в танк Благого, и рядом взорвался фугасный снаряд. Снова подполковник приказал командиру взвода покинуть танк. «Я один, – ответил Благой, – выйти не могу, но даром свою жизнь не отдам». Танк весь окутался пламенем и дымом. Задышавшись, Благой прокричал напоследок: «Продолжаю выполнение задания, товарищ подполковник! Прощайте!» И горящий танк, набрав скорость, помчался прямо на станцию. На путях стоял эшелон, и паровоз был под парами – танк врезался прямо в него, раздался взрыв, все вокруг озарилось багровым сполохом.

Выход со станции был закупорен, вагоны, со снаряжением загорались один от другого, среди солдат гарнизона поднялась паника, а той порой танки полка мчались на станцию, и пехота брала ее в клещи.

... Когда Ази Асланов вернул газету, капитан сказал:

– Пусть останется у вас, товарищ подполковник.

– Пусть, – согласился Асланов, – но о таких людях, как Благой, надо писать щедро, от всей души.

Открылась дверь автофургона, и вошел генерал Черепанов.

– Добрый вечер, товарищи!

Капитан и подполковник вскочили при появлении генерала.

– Здравия желаем, товарищ генерал.

Черепанов поздоровался с командиром полка, вопросительно глянул на капитана.

– Корреспондент армейской газеты, представился капитан.

– Ну, садитесь. – Генерал снял шапку, алюминиевой расческой привел в порядок редкие седые волосы и сам сел. – Что ж, капитан явился, чтобы расхвалить нас на весь

фронт?

– Есть у него такое намерение, товарищ генерал.

– Тогда что же вы не угощаете его по-фронтовому, чтобы ему легче и охотнее писалось? Надо человека вдохновить.

– Пусть сперва напишет, почитаем, тогда видно будет, стоит ли его угощать.

Капитан, улыбаясь, закрыл записную книжку и обратился к Черепанову:

– Товарищ генерал, разрешите идти?

– Не забудьте, капитан, передать своему редактору мою просьбу. Я буду следить за газетой. – Асланов обернулся к генералу, пояснил: – В газете напечатана информация о подвиге Ивана Благого. Я считаю, что этого мало, и прошу, чтобы о таком человеке было написано подробно.

– Хорошо, что напомнил, Ази Ахадович, я как раз хотел об этом сказать: напиши боевую характеристику на Благого, мы представим его к награде. Посмертно. – Генерал помолчал. – Подполковник прав. Напишите о Благом, не скупясь на слова...

– Слушаюсь, товарищ генерал, я передам ваши пожелания редактору, и напишу так хорошо, как только сумею.

Проводив капитана, Асланов с тревогой взглянул на генерала: с чем связан его визит?

Еще и полусуток не прошло после совещания в штабе корпуса, на котором Асланову было выдано, как говорится, по первое число, а он вновь сидит перед генералом...

Этого недавнего совещания ему вовек не забыть.

Подведя итоги двенадцатидневных наступательных боев, о которых докладывал начальник штаба, генерал предоставил слово председателю комиссии, которая выясняла, по каким причинам двадцатого ноября отдельный танковый полк Асланова с промедлением вступил в бой. Комиссия пришла к выводу, что непосредственным виновником этого чрезвычайного происшествия был заместитель командира полка он не позаботился о своевременной заправке машин горючим. Да, заправщики по дороге попали под бомбежку, но какие меры были приняты, чтобы они прибыли вовремя? Их ждали... И это – все? А о чем думал в это время командир полка?

Ази Асланов никогда еще не видел генерала в таком гневе. Вы только подумайте, товарищи, говорил генерал, обращаясь к присутствующим и держа командира полка по стойке «смирно», поступила команда «вперед», а в полку еще только горючим заправляются! Пехота идет в атаку, а они не чешутся! Да надо потерять всякое чувство ответственности, чтобы такое допустить! Если бы мне об этом сказали, я ни за что на свете не поверил бы. В это невозможно поверить! Но я видел своими глазами! Все наступают, а полк еще стоит!

К счастью, полк, задержавшийся с вводом в бой, отличился в дальнейшем, и это облегчило участь командира, – ему был объявлен строгий выговор.

И хотя Асланов брал всю вину на себя, заместитель его был понижен в звании и в должности и переведен в другую часть.

Что же снова привело генерала в полк?

Черепанов сидел одетым, а в автофургоне было жарко.

– Сняли бы полушубок, товарищ генерал, а то у нас жарко, а на воле холодно, можете простудиться.

Заботливость подполковника тронула генерала.

– Я ведь долго сидеть не буду. Сегодня у нас сплошные разговоры. Возвращаясь оттуда, – он неопределенно показал рукой вверх, – от самого высокого начальства. Проезжал мимо, решил завернуть в твое хозяйство, посмотреть, как вы тут дыры свои латаете?

Генерал все-таки разделся, и Асланов взял его полушубок, повесил на гвоздь в углу.

– Латать-то латаем, товарищ генерал, сами ремонтируем поврежденные машины, какие можем. Но четыре тяжелых танка пришлось отправить в армейскую мастерскую, на капитальный ремонт. Их нам в ближайшие дни не смогут вернуть, не управятся. И теперь нам, по крайней мере, нужно десять-пятнадцать тяжелых танков, чтобы стать боеспособными. Вы обещали помочь, и вся наша надежда теперь только на вас.

– Я не забыл своего обещания. На совещании в штабе армии говорилось о нуждах нашего соединения. Начальник снабжения заявил, что в ближайшее время мы будем обеспечены и людьми, и машинами. Посмотрим, когда и что дадут. Однако ты сделай здесь все, что можешь, своими силами. Очень тяжелые бои ждут нас впереди. Чтобы деблокировать окруженную группировку войск, немцы спешно перебрасывают сюда армейские части с других фронтов, из Франции и Польши. Они не будут сидеть сложа руки и смотреть, как мы тут колошматим дивизии генерала Паулюса... Попытаются разорвать кольцо окружения. Это яснее ясного. И наша разведка уже доносит, что немцы перебрасывают сюда в первую очередь танки. Много танков... Рассчитывают за счет перевеса в технике взять инициативу в свои руки. Так что хлопот с ними будет много, да... Готовься, Ази Ахадович, готовься, дорогой.

Черепанов взял со столика термос, слегка тряхнул.

– Пустой?

– Только что допили.

– Знаю, ты не из тех, кто держит при себе термос со спиртом. А стаканчик чаю я выпил бы, Ази Ахадович.

– Сейчас скажу, принесут. – Уже у дверей автофургона подполковник спросил: – Может, сперва закусите чего-нибудь, а уж потом чаю?

– Сыт. Только чаю хочу. Однажды ты угощал меня чаем, до сих пор помню вкус. Мастер ты заваривать чай, мои так не умеют.

– Наука нехитрая. Я вот своего адъютанта научил, пожалуй, лучше, чем я, заваривает.

Генерал следил за Аслановым: обижен? расстроен? Непохоже. Что значит человек сдержанный, воспитанный! И никакого тебе подбострастия. Вину свою знает. Взыскание принял, а замаливать делами будет, не словами. Молодец, ей-богу, молодец!

Глава двенадцатая

Начальник штаба полка майор Пронин казался Ази Асланову в последнее время каким-то вялым и апатичным. Наверное, переутомился человек. Шуточное ли дело, вот уже сколько дней Пронин не знал отдыха ни днем, ни ночью.

На самом деле причиной апатии и подавленности была не усталость, как думалось Ази Асланову, – Пронин мог выдержать и не такие нагрузки, он был очень крепкий человек – апатия порождалась чувством разочарования в лучших своих мечтах и надеждах. Пронин терзался и мучился ревностью и обидой.

Об этом никто ничего не знал, и Пронин старался, чтобы не знал никто; без подъема, но с прежней дотошностью и аккуратностью он выполнял свои обязанности. Готовя сведения о личном составе полка для вышестоящего штаба, он просматривал рапорты ротных. И первым попался ему рапорт комроты Гасанзаде. Смешно, что он, зрелый человек, волнуется при одном взгляде на фамилию соперника, зеленого лейтенанта, но, увы, это так – увидев под рапортом подпись Гасанзаде, Пронин почувствовал укол в сердце. С тех пор, как он услышал, что этот парень и Лена Смородина, находятся в каких-то особых отношениях, и особенно, когда он сам увидел их вдвоем и уверил себя, что так, плечо к плечу, забыв обо всем на свете, не ходят мужчина и женщина, не связанные интимной близостью, и что самое главное, не ищут укромных мест, как несомненно, искали тогда эти двое – с тех пор Пронин старался не видеть Гасанзаде, не встречаться с ним, не говорить; но волей-неволей приходилось и говорить с ротным, и звонить ему, передавать ему распоряжения и приказы, требовать сведения, принимать донесения, и даже сидеть за одним столом и что-то обсуждать – служба, никуда от нее не денешься.

В таких случаях майор присматривался к командиру роты, и его крайне удивляло, что на лице лейтенанта не появлялось ни тени смущения, ни краски стыда, словно он ни в чем не был виноват, а при встречах ротный всегда искренне приветствовал его и улыбался, как ни в

чем не бывало. И глядя тогда на Гасанзаде, Пронин думал: «Ну и наглец, ведь надо же: так уметь притворяться!»

Да, немудрено, что Лена попалась ему в сети... Впрочем, еще неизвестно, кто кому попался. Но факт, что они сошлись...

От долгой напряженной работы у Пронина онемели плечи, и ломило в спине, он несколько раз выпрямлялся и разводил руки до хруста в суставах, потом откинулся на стуле так, что вся тяжесть тела легла на задние ножки, и прикрыл глаза и тотчас Лена возникла перед ним. Он стряхнул наваждение, принял прежнее, рабочее положение, и склонился над столом.

В дверь постучали, и вошел комадир полка.

– Николай Никанорович, ты не спишь?

Пронин открыл глаза.

– Чуть не задремал... Голова, правда, болит.

– Так, может – приляжешь?

– Нельзя, товарищ подполковник. Получил новое задание, должен выполнить, а уж потом...

– Много осталось?

– Нет, за полчаса закончу.

– Насчет наград из штаба корпуса подготовить материал не просили?

– Нет.

– Вчера вечером генерал Черепанов мне об этом напомнил. Николай Никанорович, на командиров напиши представления сам, а на младших командиров и рядовых поручи написать командирам рот. Если на кого из командиров затрудняешься написать, пусть ротные напишут. Потом подправишь, и вместе поглядим.

– Кого из командиров надо представить в первую очередь?

– Я уже написал на Ивана Благого. Думаю, очень заслуживают Тетерин и Гасанзаде. Свяжись с командирами рот, узнай, кого они считают достойными. Постарайтесь, чтобы ничьи заслуги и подвиги не были забыты – это обижает, расхолаживает.

– Слушаюсь, Ази Ахадович.

– И еще, Николай Никанорович: последи за своим здоровьем. Вид у тебя утомленный. А болеть никому из нас нельзя теперь: очень много дел впереди.

Ази Асланов ушел. Пронин принялся собирать сведения для наградных листов. Многих молодых командиров, в том числе Тетерина, пришедшего недавно в полк, Пронин знал слабо; о Тетерине надо было узнавать у Гасанзаде, но звонить командиру роты, разговаривать с ним ему было сейчас невмоготу. Он запросил сведения телефонограммой. Так будет лучше, решил он.

В конце концов телефонограмма оказалась в руках у бойца Парамонова, тот и понес ее в роту. По дороге Парамонов увидел Тетерина: младший лейтенант о чем-то горячо спорил с помпотехом полка инженером-капитаном Тamarой Барышниковой, и Парамонов, желая обрадовать младшего лейтенанта, задержался в стороне – переждать разговор.

Тетерин спрашивал, когда предполагается закончить ремонт машин, Барышникова уклончиво отвечала: постараемся поскорее. Тетерина такой неопределенный ответ не устраивал, а Барышникову не устраивала спешка. – Мы не хотим сдавать вам кое-как отремонтированные машины, ясно? Танк из ремонта должен выйти как новенький... Время есть, куда вам торопиться?

– Как не торопиться? Я потерял два танка, остальные в ремонте. А если приказ наступать, что я стану делать?

– Ну, к тому времени мы твои машины вернем.

Тетерин не пошел ни в госпиталь, ни в медсанбат, и очень скоро обрел прежнюю форму. Краснота на обожженном лице прошла, на месте сгоревших бровей росли новые, правда, такие тонкие, что их можно было разглядеть только вблизи; усы росли кустиками, неряшливо, и он начисто их сбрил, отчего выражение лица совершенно изменилось, стало

каким-то очень уж открытым, незащищенным. И хотя он уже не переживал за свое лицо, уверяя, что ему все нипочем, ему становилось неловко, и он всякий раз слегка отворачивался в сторону, когда Барышникова смотрела ему в глаза: казалось, она выискивает именно изъяны его лица.

Зато Парамонову казалось, что Барышникова ищет совсем иное в лице Тетерина, но пройдет еще много времени, пока Тетерин поймет это. Парамонову хотелось показать Тетерину телефонограмму из штаба полка, обрадовать младшего лейтенанта сообщением, что его представляют к награде; он видел, что разговору командира взвода с капитаном не будет конца, а потому не стал больше ждать и отнес телефонограмму Гасанзаде.

Фируз Гасанзаде прочел телефонограмму.

– Когда вы отправляетесь в штаб полка, рядовой Парамонов?

– Приказано вернуться быстрее.

– Хорошо, возвращайтесь. Попутно зайдите в санчасть и скажите капитану Смородиной, что я очень прошу ее прийти в роту. Я думаю, она в санчасти. Ну, а если на месте ее нет, военфельдшера не тревожьте, и ничего передавать не надо.

Поручение командира роты, и особенно эта оговорка удивили Парамонова. «Почему не хочет пригласить фельдшера, если не окажется доктора? Видно, тут что-то есть. А, вот оно что... Парамонов спрятал в усах улыбку. – Фельдшер кому он нужен? А врач – другое дело: красивая девушка. Эх ты, елки-палки! Но ведь правильно делают: он молод, и она молода, а жизнь-то проходит!»

Парамонов закинул за плечо автомат и вышел на дорогу.

Глава тринадцатая

1

Когда генерал-майор Густав Вагнер приехал в отпуск в Германию, в свой родной город Пархим, его танковая дивизия стояла в окрестностях Парижа. Через неделю командование отозвало его из отпуска, но предписало ехать не в Париж, а в украинский город Винницу. В Виннице, на совещании у Гитлера и Геринга, он узнал, что его дивизию направляют под Сталинград.

Гитлер, прибывший в Винницу в связи с ухудшением положения на Восточном фронте, говорил с генералами резко, не желал выслушивать ни предложений, ни, тем более, каких-либо возражений, а требовал лишь беспрекословного выполнения приказов.

Генерал Вагнер, как, впрочем, и другие приглашенные, вышел из ставки Гитлера мокрый, как мышь. По пути на аэродром он снова и снова пожалел не только о Париже, но и о том, что так мало довелось ему побывать в Пархиме.

... Вид родного города заставил его опечалиться уже в день приезда. В Пархиме все переменилось, все состарилось и казалось в полном запустении. Не таким рисовался ему родной город.

Вагнер уезжал из Пархима в 1941 году; тогда он был полковником. Теперь он возвращался в мундире генерал-майора, с крестами на груди.

Он умышленно не телеграфировал домой о своем приезде: пусть это будет сюрпризом; он неожиданно появится перед отцом и женой.

Шофер, выполняя приказание генерала, ехал по улицам города медленно. Вагнер, стосковавшийся по родине, смотрел из окна машины по сторонам.

Центральная площадь городка раньше кишмя кишела людьми – сейчас она была пустынной. Административные здания потеряли свою торжественность и надменность, трехэтажные дома из красного кирпича потемнели, словно оделись в траур. На улицах почти не видно прохожих. Неизменным оставался только памятник генерал-фельдмаршалу Мольтке. Вагнер всегда гордился тем, что он земляк великого военного мыслителя, и втайне лелеял надежду, что когда-нибудь и памятник боевому генералу Вагнеру украсит одну из

площадей города Пархима.

В уездном городе Пархим жило восемнадцать тысяч человек – сейчас казалось, что в нем нет и двух тысяч. Но если Пархим оказался таким унылым, таким пустынным, то ведь и другие города Германии опустели? Было такое ощущение, будто люди переселились куда-то, покинули город совсем.

Отец Вагнера держал гостиницу на окраине города, и Густав решил проехать туда, встретиться с отцом в гостинице.

Машина шла мимо пехотных казарм. На плацу, как всегда, шли строевые учения, и генерал пожелал глянуть, как сейчас учат солдат.

Обучали пожилых солдат. Согнутые, уродливые фигуры в старых мундирах, то тесных, то висящих на костлявых плечах, как на вешалках, производили странное впечатление. Но особенно жалкими казались эти подагрики и ревматики, когда, боясь вызвать гнев офицера, изо всех сил старались выпятить грудь и печатать шаг худыми негнушимися ногами.

«Господи, что же это такое? Это позор!» – прошептал потрясенный жалким зрелищем генерал и отвернулся.

Еще ребенком он любил бегать сюда, в казармы, наблюдать строевые занятия. Тут родилась мечта непременно стать офицером. И как не родиться мечте, когда рослые красавцы-солдаты шагали гордо, уверенно, крепко, как один человек! Строй казался монолитным, как стена... Шаги солдат сливались с грохотом духового оркестра... Офицеры как будто сошли с картинки. А теперь, на том же плацу, невпопад ходили, неловко поворачивались пятидесятилетние тотальники с мешком хвороб за плечами... Значит, в скором времени и в его дивизию, вместо выбывших, начнут прибывать такие вот, с позволения сказать, солдаты.

При этой мысли генерал почувствовал дрожь во всем теле.

Неподалеку от гостиницы генерал заметил человека на костылях – у него были отрезаны обе ноги выше колен.

Это был первый инвалид войны, которого видел генерал на улицах города, но, как он потом узнал, калек в городе было много...

С начала войны в гостиницу редко заглядывали гости. Увидев, что приехал важный военный, генерал, служители засуетились. Но это были новые люди, старый персонал в большинстве был мобилизован и отправлен на Восточный фронт, и эти новые люди не знали в лицо сына владельца гостиницы. Однако они поспешили взять чемоданы и распахнули дверь.

– Не надо! – крикнул Вагнер, когда кто-то кинулся докладывать хозяину, и, выйдя из машины, легко взбежал по лестнице.

Швейцар, узнав от шофера, кто приехал, только покачал головой.

Маленький человек, утопавший в глубоком бархатном кресле, очень рассердился, почувствовав, что кто-то без стука и разрешения вошел в его кабинет.

Расстроенные нервы старого Людвига не позволяли ему сохранять хваленое бюргерское хладнокровие. Все его сердило и раздражало. Бросив в хрустальную пепельницу сигару, которая весь день торчала у него во рту, он ждал, что скажет вошедший.

А Густаву показалось, что отец дремлет; он на цыпочках подошел к нему. Это еще больше взвинтило старика. Резко подняв седую голову, он посмотрел на вошедшего в упор, но видел плохо и не узнал вошедшего. Только надев пенсне, он взволнованно спросил:

– Ты?

– Отец! – Густав бросился к креслу. – Ты не узнал меня, отец?

– Узнал, узнал. Сейчас узнал.

Отвислые щеки Людвига затряслись, он растерялся от неожиданной встречи. Поцеловав сына в лоб, сердито сказал:

– Вместо того, чтобы научиться в армии дисциплине, ты забыл даже самые обычные правила вежливости, которым я учил тебя в детстве!

– Извини, отец, я не дал телеграмму... Это...

– Знаю, знаю, ты сделал это, чтобы показаться оригинальным.

Служители постучались в дверь и пришли поздравить своего хозяина. Кабинет наполнился людьми. По указанию Вагнера в честь приезда сына в гостинице был устроен торжественный обед. Служащие, повеселев от коньяка и рома, пили за немецкую армию, покорившую всю Европу, за славного генерала Вагнера. Музыканты исполнили в честь генерала отрывки из произведений Баха и Гайдна.

Да, давно гостиница старого Людвига не знала такого оживления и веселья, с начала войны с русскими.

2

Луна уже поднялась на середину неба и озаряла спокойный Пархим, а старый Вагнер и его сын все еще сидели в гостиной, говорили и не могли наговориться. А Герта, жена Густава, все еще ждала мужа. Сегодня она уделила особое внимание своей постели, не доверившись служанке, сама сменила белье. При этом она волновалась, как девочка. Еще бы: ведь больше года Герта не клала голову на грудь своего мужа. Сколько прошло бессонных ночей! Ей представлялось порой, как муж проводит время в Париже, в обществе тоненьких, страстных француженок, и поэтому месяцами не пишет жене. При этом она вспыхивала от ярости. Только в одном Герта находила себе утешение: в том, что она генеральская жена. Сегодня, впервые после того, как муж получил генеральское звание, она ляжет с ним в постель не как полковничья, а именно как генеральская жена.

Постель ароматно пахла французскими духами. Герта надушила ее, чтобы понравилось мужу: он к французскому привык.

Ночь таяла, как кусок льда, брошенный в горячую воду; иссякало и терпение Герты. Она вертелась с одного боку на другой и на чем свет стоит ругала свекра: «Старый дурак, нашел время для разговоров!»

Напрасное ожидание так истомило ее, что страсть, вспыхнувшая в ней с вечера, начала постепенно гаснуть, и во втором часу ночи она уснула, так и не дождавшись генеральских ласк.

Отец и сын курили сигары и разговаривали. В пепельнице уже набралось много сигарных окурков. Людвиг не отпускал сына спать, все спрашивал, говорил и говорил.

– Затянули войну, затянули! Нет, Густав, так не воюют. Стыдно! Вот уже два года, как армия империи не может справиться с Россией. И не поймешь, за что, за какие заслуги, носите вы, генералы, свои награды?

– Война с русскими – не простое дело, отец. Это не та Россия, которую ты видел. Русские и тогда умели воевать, а сейчас они дерутся с неслыханной яростью.

– А вы разве не умеете драться? Но, я думаю, все наши беды оттого, что ведете вы себя там не как солдаты, а как интеллигенты...

... Сейчас Густав Вагнер вспомнил, как ведут себя в России его солдаты и офицеры. Видел бы старик то, что он видел! Но тогда он возразил отцу:

– Нет, отец, мы не интеллигенты. Мы ведем себя как подобает немецкому солдату. И воевать мы умеем. Правда, сам я еще не встречался лицом к лицу с русскими. Но о чем говорит история? О том, что эта нация войны не боится, умеет постоять за себя. Перед нами серьезный и умный враг. Опытный враг, отец. – Густав понизил голос. – Какие-то необратимые изменения происходят в этой войне. Тот, кто, казалось, вот-вот должен пасть на колени, набирает силу, а мы... – Вагнер помолчал. – Если серьезно все взвесить, отец, то теперь уже трудно сказать, в чью пользу закончится война.

– Вот-вот, эти-то пагубные мысли, выведенные не из опыта, а бог знает из чего, и связывают нас по рукам и ногам. Русских надо стереть с лица земли! – Людвиг взял со стола свежий номер «Берлинер берзенцайтунг» и бросил ее перед сыном. – Вот эта газетенка – сколько времени она кричит о взятии Сталинграда! А город еще не взят! Почему? Потому что верховное командование и мудрецы из генерального штаба скупятся на порох и на

солдат. Не знают простой истины: чем больше вложишь, тем больше возьмешь! Вы послали против них пятьдесят дивизий – ничего не вышло, враг выстоял. Тогда пошлите сто, и победа обеспечена. Малыми силами ее не добыть! – Ты великий стратег, отец, – улыбнулся Густав. Стало быть, мое генеральство – наследственное. – Да, – без улыбки подхватил Людвиг, – хотя я не заканчивал военных академий, но правила ведения войны я знаю, а уж здравый смысл мне знаком!

И действительно, старый Вагнер разбирался в военном деле. В молодости он двенадцать лет находился на военной службе и дослужился до чина капитана. В 1918 году по просьбе главы грузинского меньшевистского правительства Ноя Жордания в Грузию вступили немецкие войска, в состав которых пожаловал в Закавказье и капитан Людвиг Вагнер; он работал в штабе немецких оккупационных войск в Грузии, а спустя некоторое время, возглавил карательный батальон, который свирепствовал в Очамчирском и Борчалинском уездах, грабил местное население. По признанию самого Людвиг, за несколько дней батальон собрал много «легких по весу, но тяжелых по цене предметов». Но Вагнер жил в те дни мечтой о царстве нефти и миллионов – Баку. Немецкие войска, сосредоточенные в Тифлисе, уже готовились к походу в Азербайджан. Главнокомандующий немецкими войсками генерал Людендорф обратился к офицерам оккупационных войск с секретным приказом, в котором, в частности, после взятия Баку предоставлял им право свободного предпринимательства.

Капитан Людвиг Вагнер возмечтал приобрести в Баку хотя бы небольшой, на первое время, нефтепромысел. Увы, этим планам не удалось свершиться, но сожаление по утраченным возможностям точило его всю жизнь. Теперь он стар, зато сын молод, полон сил и так близок к осуществлению отцовских чаяний...

Разговор отца с сыном затянулся за полночь.

Хотя Густав не мог согласиться с устаревшими взглядами отца на многое, особенно на тактику ведения боя; он уже не спорил, не возражал, чтобы не рассердить старика. Прав он или не прав, но Людвиг Вагнер любил, чтобы с ним непременно соглашались, и словесное поле брани всегда оставалось за ним. Поэтому он удержал сына, когда тот, наконец, вспомнил о Герте.

– Как только вернешься в Париж, напиши рапорт и попроси направить тебя на русский фронт. Там твое будущее, Густав, только там!

– Ты сидишь здесь и судишь о войне по газетам, – слегка раздражаясь, ответил сын. – Ты думаешь, что эта война похожа на первую мировую войну. Или ты хочешь потерять сына? Ну, я напишу рапорт, и они пошлют меня в это восточное пекло, а как я оттуда выберусь?

– Ты что, Густав? Какой отец хочет лишиться сына? Что за глупости ты говоришь! Я хочу только сказать, что, возможно, ты не всегда будешь генералом. Будущее, о котором я говорю – не в армии. Если ты получишь в России кусок хорошей земли или хотя бы один завод, тебе этого хватит, чтобы начать дело. Или, скажем, тебе достанется нефтепромысел в Баку, разве это плохо? Какой ты генерал, если у тебя нет имения, земли или промышленных предприятий?!

Что говорить? Густав давно мечтал о куске земли где-нибудь на юге России. Но как это сделать, вот в чем была загвоздка.

– К чему эти разговоры, отец? До исполнения твоей мечты мы не дожили, до исполнения моей далеко, как до неба... – Густав поднялся. – Спокойной ночи, отец. Я думаю, мы еще успеем поговорить обо всем: у меня еще десять дней отпуска!

3

В полдень Густав вернулся с прогулки в окрестностях города и едва прилег на диван, как принесли телеграмму. Командование прерывало его отпуск. Его срочно вызывали в Берлин. Он терялся в догадках, что могло произойти в Париже? Французская армия

разгромлена. Союзники с открытием второго фронта не спешат. Партизаны большой опасности не представляют...

Пытаясь представить, в чем дело, Вагнер складывал свои вещи. В тот же день он выехал в Берлин, а оттуда в Соссин, в сорока километрах от Берлина там, в густом сосновом лесу располагался штаб сухопутных войск. В штабе сообщили, что, согласно приказу, ему надлежит немедленно отправиться в Винницу, в ставку фюрера на Восточном фронте.

... Вот и все. Рапорт с просьбой послать в Россию писать не надо. Он никогда не вернется в Париж. Что ж, отец, ты как раз этого и хотел для сына... Но, может, ты прав, и там, в России, я добьюсь счастья, а может, приобрету два аршина земли и березовый крест?

С этими горькими мыслями Густав Вагнер долетел от Берлина до Винницы. Потом – совещание у Гитлера. А на винницком аэродроме уже стоял готовый к вылету военный самолет, и старый невысокий генерал-артиллерист, заложив руки за спину, нервно прохаживался перед самолетом. Едва машина Вагнера остановилась на летном поле, старый генерал кинулся к нему.

– Наконец-то вы прибыли, генерал, стало быть, летим! – и он направился к самолету.

– Летим, – вслед за незнакомым генералом Вагнер поднялся в самолет.

Через пять минут самолет поднялся и взял курс на Сталинград.

Эшелоны с полками его дивизии тоже мчались уже из-под Парижа на восток, под Сталинград.

Глава четырнадцатая

1

Вернувшись в штаб, Парамонов узнал, что его вызывает командир полка.

Недоумеая, Парамонов пошел на КП. Но по дороге он все же завернул в санчасть и передал Елене Смородиной просьбу Гасанзаде зайти в роту. Смородина приняла его холодно и ни словом не обмолвилась, пойдет она в роту или не пойдет. Обеспокоенный еще больше, Парамонов направился к Ази Асланову. Здесь его ожидало очень приятное известие: подполковник получил письмо из Омского горисполкома, в котором сообщалось, что по письму командира полка в квартире Парамонова начат ремонт. Парамонов не знал, как благодарить подполковника. В самом прекрасном расположении духа вернулся он к себе в роту, не сказав Гасанзаде, как безразлично отнеслась Смородина к его просьбе. Парамонов мысленно успокоил ротного: «Придет она, товарищ лейтенант, обязательно придет, как может не прийти?» Ему очень хотелось, чтобы всем было так же радостно и хорошо, как хорошо сегодня ему.

И Смородина, выбрав свободный час, пришла в роту. Она шла по морозу, раскраснелась и выглядела необычайно свежей. Вообще, в последнее время она похорошела, пополнела, и все говорили ей об этом, на что она со смехом возражала: «Да нет же, я не поправилась, это только так кажется, просто я тепло одета, поэтому и кажусь толстой». Но она не была толстой, она была в меру полной, и полнота ей шла, не портила стройности и делала ее еще более привлекательной. Правда, давно сшитая по фигуре шинель стала тесновата, слишком плотно облегла фигуру, но Лена с детства занималась спортом, была пропорционально сложена, все в ней было соразмерно, так что тесноватая шинель еще не вредила, когда Смородина шла, головы мужчин непроизвольно поворачивались вслед за нею.

Гасанзаде с Тетериным осматривал отремонтированный танк, но, увидев доктора, забыл о танке и направился к ней. Они вместе спустились в только что отрытую и еще не оборудованную землянку, и Гасанзаде сказал:

– Тут у меня еще беспорядок, извините.

– Отчего же, тут неплохо. Ну, я вас полмесяца не видела, рану посмотрим.

– Думаю, что все нормально, я и забыл о ране. Повязку снять без вас не рискнул, но раны не чувствую. Не знаю, как и благодарить вас за доброе отношение. Теперь я вместе со своими товарищами участвую в боях, а иначе пришлось бы сидеть где-нибудь в тыловом госпитале и слушать сообщения Совинформбюро... А потом всякие комиссии, запасной полк... И все из-за пустячной раны...

– Рана у вас не пустячная, лейтенант, и последствия могли быть очень серьезные. Ну, на ваше счастье, затягивается, не гноится, и это хорошо. Елена бросила в пепельницу, сделанную из консервной банки, грязный бинт, пропахший потом. – А теперь одевайтесь, Гасанзаде. И не вызывайте меня в роту. Мои визиты вызывают кое у кого подозрения.

– Простите, я не должен был вызывать вас, я это понимаю. Я, если нужно, приду сам, время у нас теперь есть... Но о каких подозрениях вы говорите? Узнали о моей ране?

– Нет, имеют в виду совершенно другое...

– Другое? А что же?

– Говорят, будто между нами любовь.

Гасанзаде от удивления открыл рот.

Воцарилось неловкое молчание. Лейтенант надел телогрейку, застегнулся. Взглянул на врача виновато.

– Елена Михайловна... Неужели я дал повод к каким-то домыслам? Поверьте, я этого не хотел. И никогда не думал...

– И я не думала, – подхватила Смородина. – Сначала отмахнулась, что, мол, эти мне небылицы, а потом вижу, не все так на это реагируют.

Она перекинула через плечо сумку и собралась уходить.

Фируз нерешительно встал у дверей.

– Доктор, я так понял, что человек, которого вы любите, подозревает нас в чем-то, не так ли?

– Именно так, – подтвердила Смородина.

– Да скажите же ему, зачем вы приходили! Теперь ведь можно сказать?

– Можно. Но надо было сказать сразу, а теперь поздно.

– Нехорошо получилось! – Гасанзаде с сожалением покачал головой. Глупо.

Смородина посмотрела на него. Взгляд у нее был усталый.

Некоторое время они стояли молча, неподвижно. «Что сделать, чтобы помочь ей выпутаться из создавшегося положения?» – думал Фируз, и не мог ничего придумать.

– А можно узнать, кто этот человек... который вас подозревает?

– А зачем вам? Разве это так важно?

– Важнее важного!

– Майор Пронин, вот кто!

– Я этого не знал, доктор. – Гасанзаде смешался, опустил голову. – Я ведь недавно в полку, откуда мне было знать? Знал бы – даже не заговорил с вами...

– Вот как? Что, испугались бы? Или раз меня любит Пронин, для вас я интереса уже не представляю? Эх, Гасанзаде, Гасанзаде! Не ожидала от вас такого...

Фируз не решался посмотреть в глаза доктору. Насмешливый тон ее совсем сбил его с толку.

– А он... он давно любит вас?

– Полгода, как объяснились, – Лена прищурила свои голубые глаза. – Дали друг другу слово пожениться после войны.

– Хотите, я сейчас же пойду к Пронину и все ему расскажу? Пусть после этого делают со мной что хотят, хоть в штрафной посылают... Не хочу быть невольным виновником вашей размолвки.

Смородина, державшаяся вполне спокойно, совсем другим тоном сказала:

– Это ребячество, лейтенант. Выкиньте эту мысль из головы. Мне от ваших объяснений будет не легче. Ничего вы не добьетесь, только подольете масла в огонь. Чего доброго, Пронин на эту тему и разговаривать не станет. И вообще, если подозрение в сердце

поселилось, его оттуда не так-то просто вытравить.

– Но вытравить как-то надо. Я готов на что угодно, лишь бы у вас все наладилось.

– Если бы я знала, что вы так серьезно все это воспримете, не сказала бы вам ничего. Больше того, и в полку вас оставлять, наверное, не следовало. – Фируз молчал, не зная, что сказать. – Но знаете, Гасанзаде, нет худа без добра: теперь я лучше узнала Пронина. И хорошо, что узнала сейчас.

– Доктор, не старайтесь уменьшить мою вину. И разрешите мне поговорить с майором Прониным.

– Нельзя, Гасанзаде. Да уже и поздно...

– Как поздно?

– Да так. Он перестал со мной разговаривать, увидит – отворачивается, обходит меня стороной. Вообще, прошу вас ни слова не говорить ему. Не пытаться даже!

– Но ведь он... смешно даже – ревнует ко мне! – Фируз прошел в глубину землянки и придвинул Лене снарядный ящик. – Чего стоим, доктор, садитесь, в ногах правды нет.

И Лена села, положив на колени санитарную сумку, и облокотилась на нее.

– Все ничего, но тяжело быть без вины виноватой...

– Жаль, не даете поговорить с Прониным. Сразу, как говорится, поставили бы все точки над «и». Вы замечательный человек, доктор, я считал бы счастьем для себя, если бы на меня обратила внимание такая девушка. Но о чем не думал, о том не думал... Я любил одну девушку...

– Где она, эта девушка? – встрепелась Лена.

– Далеко отсюда, в Азербайджане.

– А она не ревнует вас к другим?

– Она меня даже не вспоминает.

– Не вспоминает? За что же вы ее любите?

– Не знаю.

– Не пойму... вы ее любите, а она о вас совсем не думает... Так не бывает.

– Она теперь замужем. Может, уже стала матерью.

– А что же случилось? – с живейшим интересом спросила Лена. – Почему она изменила вам и вышла за другого?

– Она любила меня, в этом я и сейчас не сомневаюсь. Но в дело вмешалась ее мамаша... Одним словом, выдали ее замуж за парня из состоятельной семьи...

– Ну, а ваши-то родители что?

– Нет у меня родителей! Отца застрелили бандиты осенью двадцатого года, а мать умерла при родах. Я остался жить, а она умерла... Так что ни отца, ни матери я не видел.

Фируз достал папиросу, закурил. Руки у него вздрагивали.

– А как же... Кто же вас вырастил?

– Бабушка взяла меня под свое крыло. Женщины-соседки кормили грудью по очереди. Дитя всей деревни. Едва исполнилось десять лет, скончалась бабушка. Определили меня в детдом. Потом десятилетку окончил, в сельхозинститут поступил. Там и познакомился с девушкой, о которой говорю... Пришло, думаю, и на мою улицу счастье. Ну, а чем оно завершилось, вы знаете.

Он замолчал, затянулся папиросой.

– Когда вспоминаю все это, мне бывает так больно, словно кто-то срывает коросту со старых ран...

Взгляд Лены был полон участия.

– Да, немало пришлось вам пережить, лейтенант. Никак этого не предполагала. Но вы не терзайтесь, все пройдет...

– Да я уж привык... Почему я из госпиталя сбежал, знаете? Среди людей мне легче. Но когда вспоминаю, как у меня счастье отняли, чувствую себя словно подбитая курица... Вот уже два года, как не видел родных краев... И за все это время ни одной весточки ниоткуда не получил. Ребятам приходят письма от родителей, от родственников, от любимых... Читают,

радуются, счастливы... А я радуюсь только за них, не за себя. Но представьте себе, что завтра меня убьют... Ни один человек на свете не оплачет мою смерть. Конечно, товарищи вспомнят. Но одно дело – фронтовые товарищи, и другое отец с матерью, невеста, родня. Я не пессимист, доктор, и надеюсь, вы плохо обо мне не подумаете, но все это так грустно... Как видите, мои дела куда хуже ваших.

– Не печальтесь, лейтенант. Я верю, вы останетесь в живых, а кончится война, вернетесь в свой Кировабад, найдется достойная девушка, получше той, которая безропотно предала свою любовь, будут у вас дети, семья, будет счастье...

– Может быть, может быть... Если, конечно, уцелею.

– Признаться, лейтенант, пока я слушала вас, забыла о своем горе. Узнал бы все это товарищ майор, может, устыдился бы своих подозрений. Но пусть не знает, хорошо? – Она поднялась. Уходя, еще раз попросила: – Договорились: Пронину ни слова.

Оставшись один, Фируз упрекнул себя: «Зачем было говорить о своих намерениях? Хотел подправить бровь, а чуть не выколол глаз. Надо было пойти к майору и поговорить с ним по-мужски».

2

Потрясенное окружением армии Паулюса, немецкое командование лихорадочно искало возможность во что бы то ни стало разорвать кольцо окружения.

Эта задача была возложена на группу армий «Дон» генерал-фельдмаршала Манштейна. Назначая его командующим ударной группировкой войск, Гитлер не сомневался в успешном выполнении этой сложной задачи и обещал фельдмаршалу самые высокие почести и награды.

Немецкое верховное командование после тщательного обсуждения одобрило план Манштейна по вызволению армии Паулюса.

Перед началом операции Манштейн дал трехдневный отдых своим дивизиям.

В штабе группы «Дон», разместившемся в подвале двухэтажного кирпичного здания, собрались генералы и старшие офицеры, командиры частей, назначенных на прорыв. Среди них были и командир танковой дивизии Густав Вагнер, и старый генерал-артиллерист, ожидавший его в Виннице на аэродроме.

В подвале было сыро и холодно, никто не снимал верхней одежды. Беспрерывно сновали офицеры связи, адъютанты, дежурные. Стук телеграфных аппаратов гулко отдавался в бетонированных помещениях.

Фельдмаршал говорил с фюрером, и все с нетерпением ждали конца этих переговоров.

Наконец, торжественный, он появился в проеме задней двери. Все вытянулись; те, кто сидел, вскочили с мест.

Каждый получил конкретную задачу в предстоящей операции. И хотя совещание длилось не более получаса, Вагнер вернулся в свой штаб предельно усталым. Дивизия в неожиданно короткий срок, со всей боевой техникой, была передислоцирована из Франции на Восток; переезд и расквартирование были выполнены четко и точно, чему немало способствовал и новый начальник штаба дивизии полковник Герман Динкельштедт, которого Вагнер увидел лишь тут, в России. Вагнер уже успел заметить, хотя они были знакомы всего три дня, веселый нрав полковника, любившего пошутить, но еще не решавшегося пуститься в откровенности с командиром дивизии, человеком суховатым и молчаливым. «Пожалуй, мы с ним не сработаемся, – думал полковник. – Кроме приказов и уставов, с ним не о чем говорить. Если он такой всегда, я пропал».

Полковник не был сухарем, в жизни его привлекало многое. Он был весьма начитан, особенно любил классическую литературу, отдавая предпочтение поэзии она возвышает, заставляет мыслить, обостряет чувства. Как хорошая женщина. В записной книжке полковника было немало изречений о женщинах, и он частенько, чтобы блеснуть, вставлял их в свою речь. Впрочем, к женщинам полковник питал отнюдь не отвлеченный интерес и

так много думал о них, вникал в их характеры и повадки, что и в его манерах и поведении появились характерные для женщин черты: он ходил, выставя грудь, повиливал задом, говорил манерно, тонким голосом, жеманно кривил губы, постоянно был озабочен своей прической и холил ногти, а ноготь на мизинце был у него такой несусветной длины, что удивил бы любую модницу. Но женщины, скорее всего, именно из-за неумного желания подлаживаться под них, редко жаловали его, а которые поопытнее и постарше те просто не могли хладнокровно смотреть на манеры Германа, ненавидели этого женоподобного мужчину, отворачивались от полковника.

Но всего этого Вагнер еще не знал.

Вернувшись с совещания, он вызвал начальника штаба.

– Фельдмаршал познакомил нас с планом наступления. Наша дивизия будет наступать в первом эшелоне. Нам предстоит прорвать укрепленные позиции противника...

Начальник штаба придвинул к столу стул, снял фуражку, пригладил волосы и, помяв между пальцами сигарету, закурил.

– Полковник, вы знаете лучше меня, как сражаются русские, поскольку с начала войны находитесь здесь, на Восточном фронте, у вас большой опыт. Я рад, что в дивизию влились опытные офицеры, фронтовики, и что именно вас назначили начальником штаба моей дивизии. Надеюсь, что вы окажете мне необходимую помощь.

– Я готов, господин генерал!

Поглаживая пальцами зеленое сукно письменного стола, Вагнер сказал:

– До сих пор наша армия, нигде и никогда, не оказывалась в столь трудном положении. Если мы не выполним своей задачи и не прорвемся к Сталинграду, осрамимся на весь мир. На нашу долю выпала великая миссия защитить честь не только нашей армии, но и всей нации...

– Я уверен, господин генерал, что мы прорвемся к нашим войскам под Сталинградом, – сказал полковник. Он испытывал чувство гордости оттого, что командир дивизии часто обращается к нему и рассчитывает на его опыт.

Неожиданно вошел адъютант Вагнера Макс Зоненталь.

– Господин генерал...

Вагнер, бледнея, выслушал адъютанта и повернулся к полковнику.

– Боюсь, полковник, ваш опыт сказывается, только не с лучшей стороны! Сколько раз за эти дни я напоминал вам, чтобы вы лично занимались вопросами охраны войск? Вы самоуверенно отвечали, что все будет в порядке. И вот результат...

Динкельштедт не мог ничего ответить.

Еще бы! Адъютант сообщил, что советские разведчики среди бела дня схватили и увели в плен командира танкового батальона.

Глава пятнадцатая

1

Обе воюющих стороны торопились к решающей схватке. И хотя не были еще отданы конкретные распоряжения и приказы, все, от офицеров до рядовых, чувствовали, что времени мало, и спешили каждый исполнить как можно скорее свои, порой и немудреные, но важные дела.

В полку Ази Асланова был банный день, и старшина Антон Воропанов никому не давал заезваться.

– Поторапливайтесь, ребята, уже смеркается, а многие еще не купались.

К тому же он экономил горячую воду, отпускал ее черпаком.

– Прямо как водку отмеряет, дьявол, – беззлобно ругались ребята – вода доставлялась издалека, скудость старшины была понятна.

В десяти метрах от костра, на котором кипели котлы, была поставлена палатка – в ней, защищенной только от ветра, и купались бойцы. Ефрейтор Мустафа Великанов принимал у них грязное нательное белье и выдавал свежее. Многие из бойцов тут же точили о ремни свои бритвы и брились – наводили, как говорится, шик-блеск.

Илюша Тарников, Кузьма Волков и Вася Киселев пришли купаться позже всех.

– А-а, неразлучная троица! – язвительно встретил их старшина. Рановато пришли! Не могли явиться попозже?

Три друга (весь полк называл их «неразлучной троицей») вытянулись по стойке «смирно» и всем своим покорным видом словно просили прощения.

Старшина улыбнулся, сказал:

– Вольно! Раздевайтесь!

Мгновенно разделись, побросали обмундирование на брезент, расстеленный перед палаткой. Волков ухитрился снять гимнастерку вместе с нижней рубашкой и свернул гимнастерку так, чтобы старшина этой рубашки не видел.

– Чего ж ты так старательно завернул ее, а? – спросил Киселев. Боишься, как бы петушинный хвост тебя не выдал?

Кузьма округлил глаза, кивнул не приметно в сторону старшины:

– Помалкивай. Потом объясню.

Но Вася Киселев не утерпел и развернул тщательно свернутую гимнастерку Кузьмы. Тот не успел помешать дружку – полосатая тельняшка красовалась на развернутой гимнастерке.

– Эх, Кузьма, предаешь ты танкистов!

– Я? Чем это их предаю?

– А тем, что ставишь моряков выше танкистов. Хлеб кушаешь наш, а спишь и видишь себя моряком. И старшины не боишься. А ведь он, лютый, тельняшку тебе носить запрещает. По табелю не положено – раз, в стирку возьмешь, а заменить нечем, – два.

– Ладно, ладно, нашел время... Об этом можно и потом погугарить...

– Потом поздно будет! – не унимался Вася. – Ты честь танкистов унижаешь перед моряками.

– Да что ты привязался с этой честью? Можно подумать, что я меньше тебя люблю танкистов!

– Рано-поздно я эту злополучную тельняшку украду и порву.

– От тебя всего можно ожидать.

Илюша видел: друзья вот-вот опять сцепятся.

– Отставить! – рявкнул он что есть силы. – Что это за разговорчики? Не нравятся мне они. Если «троица» ругается, то что же делать остальным?

– Есть отставить! – оба спорщика снова стали по стойке «смирно».

– Вот это другое дело! Вася, ты что прицепился к этой рваной тельняшке? – Тарников подмигнул Киселеву. Если мозолит глаза, возьми и порви, если нет прихвати с собой, постирай. Ну, в баню ша-го-м... марш!

И Вася, и Илюша расхохотались. Улыбнулся и Кузьма. И все трое ворвались в палатку.

Шариф посторонился перед ними и голой ногой толкнул в сторону собранные обмылки, потом сделал вид, что намыливает ногу, наклонился, собрал обмылки, скатал их в шарик и, прикрыв платком, который принес стирать, ушел одеваться.

Мыльная вода из палатки вытекала по желобу в воронку от бомбы.

Баня работала до наступления темноты.

Смыв с себя грязь и пот, танкисты повеселели, и смех, и шутки слышались в разных концах лагеря до самого отбоя.

гусениц, автомобильных и тележных колес, конских копыт и солдатских сапог. Все вокруг обновилось, все словно белой простыней покрылось, а воздух посвежел, очистился от запахов войны.

– Замаскировало нас любо-дорого, – смеялся Асланов, обойдя роты. Ну, комиссар, давай обедать!

На обед был приготовлен плов – такой, каким его представляют армейские повара. И все же это была не обычная пища.

Филатов быстро управился с полной тарелкой, вытер губы краем салфетки аккуратно свернутая белая салфетка выглядела странно в темной руке Филатова, в темной палатке, на грубом столе, сколоченном из снарядных ящиков.

– Честно говоря, я впервые в жизни ем настоящий плов. Слышать о нем слышал, и немало, а попробовать не удавалось...

Асланов разбросал ложкой горячий плов по тарелке.

– Значит, у тебя исторический день, Михаил Александрович.

– Выходит, да. Ваши люди так расхваливают эту восточную еду, что думаешь, это что-то недостижимое. Все же однажды я уговорил жену приготовить плов, сам ей помогал, но, как мы ни старались, ничего путного не получилось. Рис разварился, получилась обыкновенная каша.

– Приготовить плов, да еще по всем правилам, конечно, не просто. Надо, как говорится, знать, из чего. И уметь... Вот этот плов, Михаил Александрович, не так уж и хорош, в нем многого не хватает. Но он мне приятен, как и домашний. Вот покончим с фашистами и, дай бог, будем живы, приедешь к нам, в Азербайджан, угостим тебя настоящим пловом. Убедишься: не зря так много говорят об этом блюде. Моя мать готовит плов из ленкоранского риса, с цыпятами... Джуджа-плов называется... Аромат один чего стоит.

– А что? Я бы с радостью приехал, поглядел на ваши края... Мы с женой еще до войны мечтали побывать в Закавказье. Не довелось.

– Охоту любишь?

– Еще бы.

– Охота у нас богатейшая. Кстати, плов с дичью у нас тоже готовят. А если дичь еще самим добыта – она вдвойне вкуснее... Ну, а пока будем кушать то, что наш повар предлагает. Сдается мне, что этот рис – ленкоранский. Ну да, наш! – Ази с изумлением смотрел в тарелку. – Наш рис! В каком котле ни вари, он своего вкуса не теряет.

– И в самом деле... Я забыл тебе сказать – среди подарков из Азербайджана рис тоже был.

– А, вот то-то же!

Лейтенант Смирнов, офицер для поручений, для краткости именуемый адъютантом, на цыпочках подошел к командиру полка.

– Это вам... – и положил на стол два письма.

Ази отодвинул тарелку, разорвал конверт и принялся за письмо.

На одно только мгновение. Филатов отвернулся, чтобы не смущать командира, а когда вновь на него глянул, поразился тому, как изменился в лице Асланов – казалось, вместо него посадили за стол другого человека враз постаревшего, бледного, неузнаваемого. Письмо дрожало у Ази в руке, дрожали губы, как у ребенка.

– Что случилось, Ази Ахадович? Откуда письмо?

– Из дому. О брате Гаджибабе. Сообщают: погиб.

– Когда? Где?

– На фронте. Месяц назад... Вот, письмо из воинской части приложено. Нет брата...

Два белых конверта лежали на темном столе.

Плов в тарелках остывал.

Филатов не знал, что сказать.

Смирнов стоял неподвижно в углу землянки. Несчастье, свалившееся на командира полка, он воспринимал, как свое. Но тоже не знал, чем помочь.

– Случившегося уже не исправишь, Ази Ахадович, – пытался утешить командира полка комиссар. – Жаль человека. А вернуть невозможно.

Ази Асланов вытер глаза. На сердце легла свинцовая тяжесть.

Минуту спустя он поднялся, чтобы выйти на воздух.

– Оденся, – сказал Филатов.

– Подождите, товарищ подполковник, – Смирнов метнулся к вешалке, подал Асланову шинель и шапку-ушанку.

Ази долго ходил взад-вперед около землянки, но и на воздухе ему казалось тесно и душно.

Начиная с прошлого лета, он получил из дому и от знакомых немало писем, в которых сообщалось о смертях или ранениях многих его сверстников, товарищей детства и юности. Но такого тяжкого известия не получал еще никогда...

Не зная о том, что случилось, к Асланову подошел капитан Макарович.

– Разрешите обратиться? – спросил он.

– Да, говорите.

– Не знаю уж, как вы отнесетесь... Неловко как-то.

– Говорите, в чем дело.

– Вы ведь, наверное, знаете, что я родом из Абганеро-во... Вот если бы разрешили мне съездить туда, узнать что-либо о своих домашних? Может быть, мать вернулась домой...

В день освобождения родного города капитан Макарович мчался на танке по своей улице. Увы, он не увидел ни своего дома, ни близких своих, ничего не мог узнать о матери. От хаты осталась только красная кирпичная труба, а у нее не спросишь, где хозяйка.

Подполковник задумался. Макарович стоял в ожидании его решения.

Наконец Ази Асланов спросил:

– Одного дня хватит?

– Вполне, товарищ подполковник.

– Танки у тебя отремонтированы?

– Да. Все на ходу.

– Хорошо. Оставь вместо себя одного из командиров взводов и езжай.

– Спасибо! – тихо сказал Макарович. – Разрешите идти?

– Ты что, хочешь пешком?

– Честно говоря, еще не думал, как. Может, на попутных.

– Подожди. Начальник снабжения собирался послать в Абганеро-во машину за продуктами. Если не уехал, поезжай с ним, а если уехал, то скажи от моего имени Чеботареву, пусть тебе даст машину!

Ази смотрел вслед Макарови-ну, пока тот не исчез из виду.

«Бедные матери! – подумал он, представив себе, как старая мать встретит Макарови-ну. – Сколько горя им достается, бед и тревог... Как теперь моя мать? Что делает? Знает ли о брате? Хоть бы не сказали ей о гибели Гаджибабы. Не выдержит она такого удара...»

Глава шестнадцатая

1

Перед армейским складом на станции Абганеро-во выстроилась вереница крытых грузовиков, прибывших из частей за продуктами. Начальник склада принимал товар, и делал это обстоятельно, не спеша, а снабженцы из частей нервничали, жгли папиросу за папиросой и время от времени зло поглядывали на работников склада.

– Этот лишний раз не почешется...

– А что ему? Спешить некуда. Никто у него над головой не стоит, сам себе хозяин,

живет в тепле и сытости, проверяющий раз в год навещает... Сверху ему не каплет, пули не свистят... Не жизнь, а малина!

Начальник склада и его бойцы, несомненно, слышали все это, но пропускали мимо ушей: привыкли к нелестным словам, а дело делать надо, что бы ни говорили.

Шариф Рахманов, прибывший в Абганерово вместе с начальником снабжения полка, сразу понял, что торчать у склада придется не час и не два, и незаметно улизнул от товарищей, занятых разговором. У него были на станции свои дела, и он намеревался проверить их, пока его не хватятся.

После освобождения города некоторые жители вернулись в свои дома – там и тут над трубами поднимался дым.

Шариф прошел под стену разрушенного дома, расстегнулся и, вытащив из-под гимнастерки два свертка, рассовал их по карманам. В свертках были сахар, который ему удалось выменять на табак, и куски мыла, которые он собрал в банный день.

Улицы пустынные и тихи.

Заглядывая в разбитые окна и двери, Шариф обошел всю окраинную улицу. В нескольких домах заметил людей, но не решился войти. «Кто знает, что за люди, еще напорешься на солдат, тогда беды не миновать, – думал он и шел дальше. – Но сколько можно ходить? Надо сбыть сахар и мыло, не везти же обратно в роту? Кто знает, когда еще выпадет такая возможность – вырваться в город?»

Возле дома с разбитым окном, наполовину заложённым соломой, Шариф остановился. Огляделся: нигде никого... Подошел к окну, заглянул внутрь. В первой комнате какая-то молодая женщина стирала в корыте белье. В открытой двери соседней комнаты виднелась железная койка, на которой спал ребенок. «Как раз то, что мне нужно, мужчин нет», – подумал Шариф и постучался.

– Кто там? – отозвалась женщина. – Заходите!

– Здравствуйте, сестрица. Нельзя ли у вас обогреться?

– Если не вам, так кому же еще можно? Проходите, проходите, садитесь, пожалуйста. Извините, у меня руки мокрые. Возьмите вон табуретку возле печки, садитесь. – Женщину тронула вежливость солдата.

Шариф уселся возле печки, снял рукавицы. Греясь, он то и дело искоса поглядывал на раскрасневшееся от жары лицо женщины, ее белую шею. Когда женщина наклонялась над корытом, в вырезе платья виднелись тугие белые груди; они колыхались при каждом движении, и Шариф косился на них, уже не в силах отвести взгляд. Он забыл о том, что пришел продать мыло и сахар, другая мысль ворохнулась в его голове.

Женщина полоскала белье, отжимала, складывала на табуретку.

Шариф оглядел ее с ног до головы, спросил зачужавшим голосом:

– Без мыла стираете?

– Откуда взять мыло? Война. О мыле теперь и мечтать не приходится. Щелоком стираем.

– Да, в тылу тоже свои трудности...

– Ничего. Все можно перенести, лишь бы немца проклятого скорее прогнали.

Сказав это, женщина выпрямилась, и Шариф так и прилип взглядом к ее белой шее. Не заметив этого взгляда, женщина продолжала работу. Сливая грязную воду из корыта в ведро, она наклонилась, золотистые волосы рассыпались по лицу. Она откинула их, потом вытерла руки подолом платья; на мгновение из-под подола выглянули стройные ноги. Шариф, чувствуя, что краснеет, смотрел на них – он, кажется, видел их и сквозь платье.

Не сводя с женщины глаз, Шариф вытащил из кармана сверток.

– Возьмите, сестра, это мыло... Все легче будет стирать, – говоря, он поднимался, и при этом чуть не свалил, сырое белье, висевшее над печью. Он ловко поймал его на лету и протянул мыло женщине.

– Не знаю уж, как вас и благодарить...

Шариф снова полез в карман...

– А это вот из сэкономленного солдатского пайка... Сахар. Возьмите ребенку.

– Господи... Сахару мы с каких пор не видели... Но что же вы отрываете от себя?.. Спасибо вам, грех брать, а беру... – Женщина положила сверток на полочку старого комода. – Ей-богу, не знаю уж, как вас и благодарить, снова повторила она. – Столько добра... А взамен... – и она беспомощно оглянулась.

– Ничего не надо, кроме вашей доброты...

– Может, после войны окажетесь в наших краях, мы не забудем, примем вас как самого дорогого гостя.

– Эх, хозяйюшка, до той поры еще дожить надо, да и ждать долго... Долго ждать...

Щедрость Шарифа понравилась женщине, но намеков насчет доброты она не поняла.

– Долго ждать, хозяйюшка, долго, милая, – говорил Шариф, не сводя глаз с ее шеи и груди. Его трясло от желания – и он ринулся на женщину, сжал ее в объятиях и стал торопливо целовать в глаза, в лицо; дрожащие от страсти губы его были горячи, как угли.

Ошеломленная, женщина пыталась вырваться из его железных рук, но сопротивление только разожгло насильника, он повалил ее на пол, ладонью прикрыл ей рот, чтобы не могла закричать, а другой рукой стал лихорадочно задира́ть платье. И тут женщина резко повернулась на бок и укусила Шарифа в руку так, что хрустнула кожа – Шариф взвыл и на мгновение разжал руки.

Женщина, словно угорь, выскользнула из-под него, вскочила с полу, закричала: «Помогите, помогите!»; услышав крик матери, закричал ребенок, и поднялось такое, что Шариф счел за благо отступить, но хозяйка, продолжая звать на помощь, цепко держала его за подол гимнастерки – пришлось что есть силы оттолкнуть ее; схватив свои рукавицы, Шариф пробкой вылетел в сени, а оттуда – на улицу. Сопровождаемый криками женщины, он петлял между разрушенных домов, опасаясь вызвать подозрения и нарваться на патруль.

На его счастье, никого поблизости не оказалось. «Иначе меня непременно схватили бы», – думал Шариф.

После того, как он задушил в лесу немецкого летчика, ему простили пьянство и самоволку, но на этот раз, он знал, выкрутиться не удалось бы.

Наконец, убедившись, что за ним никто не гонится, Шариф перешел на шаг, привел себя в порядок и как ни в чем не бывало направился к складу, где смешался с бойцами.

2

Капитан Макарович долго стоял перед развалинами своего дома. Перед ним возвышалась груда битого кирпича. Был дом – и нет дома. Но где мать? Жива ли? Если жива, куда пошла?

Капитан спрашивал у соседей, спрашивал у их постояльцев, но никто не мог сказать ему ничего утешительного.

В последний раз взглянув на родное пепелище и мысленно простившись с ним, он повернулся, чтобы уйти, как вдруг со стороны одного из уцелевших домов донесся женский крик: «Помогите, помогите! Держите его, держите!» Макарович выхватил пистолет и помчался на голос.

Молодая женщина металась около крыльца.

– Это вы звали на помощь? – спросил у нее капитан.

Женщина прикрывала оголенные части тела лохмотьями порванного платья.

– Зашел какой-то, попросил погреться. А потом как кинется на меня. Едва вырвалась... Надо же... Я к нему как к человеку, а он...

– В форме? Наш, значит... Да, попадаютя и в нашей среде прохвосты... Куда он побежал?

– Не знаю... Так растерялась... Не успела сообразить.

– Но кто это был? Рядовой или...? Могли бы узнать?

– По-моему, обыкновенный солдат. Смуглый такой... Да я его среди тысяч узнаю. Не

старый еще.

Маленькая девочка, напуганная недавним происшествием, подозрительно смотрела на Макаровича. Хозяйка дома прошла за стену, переделалась.

Пока она приводила себя в порядок, Макарович разговаривал с девочкой, и она уже несмело улыбалась ему и отвечала на его вопросы.

– Отец-то на фронте? – спросил Макарович хозяйку.

– Да. Никаких вестей.

– Вы здешняя?

– Здешние мы, только жили в Сталинграде. А когда муж ушел в армию, перебрались сюда. Имущество почти все осталось в городе.

– Я тоже здешний.

– Здешний? – радостно спросила женщина. – Жили здесь? В Абганерово?

– Даже на этой улице. Чуть ниже вас. Только от нашего дома одна труба осталась. Да куча кирпича...

– А семья?

– Одна только мать была, из-за нее и пришел, да не могу найти.

– Как же теперь? – растерянно спросила женщина, забыв о своей беде и целиком проникаясь чужим горем.

– Не знаю, как и быть.

– Оставьте мне свой адрес и скажите имя-отчество вашей матери, я поищу ее, а если найду, сообщу.

– У вас ведь ребенок на руках, до этих ли хлопот...

– Вы за нас жизни свои отдаете... А я сделаю самое простое дело – что же в нем трудного?

Макарович написал ей свой адрес и записал в блокнот фамилию доброй женщины.

Глава семнадцатая

1

Зазвонил телефон. Пронин поднял трубку и услышал нежный женский голос.

– Коля, ты?

Голос Смородиной. Это было так неожиданно, что Пронин не знал, что ответить.

– Почему молчишь? У тебя народ?

– Нет, – ответил Пронин. Ответил резче, чем хотел бы. Надо, сказал он себе, спокойнее.

– Я иду к тебе, мне надо поговорить с тобой.

– Я занят сейчас, – ответил Пронин, – у меня нет времени.

От волнения голос его дрожал.

Помолчали. Оба слышали дыхание друг друга.

– Николай, если даже ты очень занят, все равно должен меня выслушать.

– Я же сказал: у меня нет времени. – Гнев и обида, слегка приглушенные, снова набирали силу. – И если бы даже было время, я не хочу вас видеть. У нас с вами нет больше ничего общего.

И Пронин повесил трубку. Вышел. Отыскав глазами часового, кивнул ему. Тот подошел ближе.

– Если придет Смородина – ко мне не пускать! Скажи, что я занят.

Вместо обычного «есть» удивленный часовой только кивнул.

Санчасть полка находилась в двухстах метрах от штаба. Накинув на плечи полушубок, Смородина направилась к Пронину. Одолев снежные бугры, она вышла к автофургону начальника штаба.

– Куда, товарищ капитан? – преградил ей путь часовой.

– К начальнику.
– Нельзя!
– Почему?
– Так приказано.
– Кто приказал?
– Майор Пронин.
– Не может быть! Вы его неправильно поняли. Прошу передать, что пришла капитан Смородина. По служебному делу.
– Не надо зря просить, товарищ капитан, – с сочувствием сказал боец. Майор только что приказал: если придет Смородина – ко мне не пускать! Я, мол, занят.
Лена прикусила губу.
«Вот, значит, как...» – подумала она. Лицо ее помрачнело, как осеннее небо.
– Тогда я вас очень прошу: скажите майору, что капитан Смородина приходила. Приходила и ушла.
– Слушаюсь!
Пронин из фургона слышал весь разговор часового с Леной, видел, как она, огорченная и расстроенная, сломленная, пошла прочь. Майор почувствовал угрызение совести, он ужаснулся своей жестокости, хотел открыть дверь, окликнуть Лену, вернуть ее назад, попросить прощения, но... Дикая ревность и упрямство помешали ему, и он удержался от доброго порыва.

2

В медчасти Маша Твардовская принимала больных. Поздоровавшись со всеми, Смородина сняла шубу.
– Ну, как дела? – спросила она, а ответа не слышала – в висках у нее стучало, сердце ныло от обиды; она пыталась забыть то, что только что произошло у нее с Прониным, и не могла. Она никак не ожидала от Николая такой грубости.
– Стоит ли перевязывать эту рану, доктор? – спросила Маша. – Она уже зарубцевалась. Может быть, оставить открытой?
– Давайте посмотрим. – Она помнила этого бойца, Мустафу Велиханова, и помнила, как перевязывала эту осколочную рану. Рана, действительно, затянулась. Прощупав ее, осмотрев, Лена спросила:
– Не беспокоит?
– Нет, не беспокоит.
– Говори правду. А то некоторые мужчины не желают признаваться, что у них что-то болит.
– Я не из таких мужчин, доктор.
Смородина обернулась к медсестре:
– Маша, я думаю, все-таки лучше будет, если еще раз наложишь повязку.
Твардовская быстро, сноровисто забинтовала рану.
Врач той порой осмотрела остальных больных и вышла из палатки – помыть руки.
Мустафа посмотрел ей вслед, оглянулся, – они с Машей были одни – и сказал шепотом:
– Слушай, Маша, имей совесть! Разве так туго можно бинтовать? При враче я терпел, не стал кричать. А ногу так перехватило, что, кажется, жилы лопнут. Ради бога, перевяжи.
– Врешь, не туго!
– Зачем мне врать? Туго!
– Но ты же и не пикнул, когда перевязывала.
– А что, пиццать обязательно?
Твардовская размотала повязку.
– Извини, Мустафа, действительно, туговато...
– Сколько можно извинять? Совсем меня забыла, на свидание не приходишь, а когда

делаю тебе замечание, говоришь: «извини». Сколько можно извинять?

Маша, лукаво посмеиваясь, спокойно выслушивала упреки Мустафы. Вдруг, оглянувшись на дверь, она бросилась на грудь Мустафе и с жаром поцеловала его в губы. У Мустафы закружилась голова, он оперся руками о тахту, медленно поднялся, Маша улыбалась, глядя на него невинными глазами.

– Извини, дорогой Мустафа. Прости.

– Опять «извини»! Нет, на этот раз не прощу... – Мустафа что есть силы прижал Машу к себе; ее могучая грудь мягко легла на широкую грудь Мустафы.

– Уф, Мустафа, задыхаюсь! Что ты делаешь?

– Как что? Ты поцеловала меня, я поцеловал тебя – возвращаю долг! И он впился в податливые губы Маши.

Потом она перевязала рану.

– Ну, иди, только показывайся иногда.

– Чаще болеть и приходить к тебе?

– Наоборот, я хочу, чтобы ты приходил ко мне здоровым.

– Уж если ты начала лечить меня так, то никто не знает, когда я поправлюсь.

– Не беспокойся, поправишься.

– Нога – да, поправится, а настоящая рана не затянется.

– Какая рана? – Маша обхватила рукой шею Мустафы. – У тебя есть еще другая рана?

Где?

– Ты не увидишь. Вот она, здесь, – и Мустафа положил руку Маши себе на грудь.

– Господи, а я – то думаю!..

Велиханов вернулся в роту.

– Мустафа! – приветствовали его.

– Джан Мустафа! – поправил Велиханов товарищей.

– Что это значит – «джан»? – спросил Илюша Тарников. Он любил подшутить над Мустафой, который плохо говорил по-русски.

– Ох, Илюша, трудную задачу ты мне задал. Слово «джан» не переводится на русский язык. Точно перевести не умею, а врать тебе не хочу.

– Признайся, дружок, ты и в азербайджанском языке вроде того – не того, а?

– В чем, в чем, а в знании родного языка вы не можете меня упрекнуть. А вот что касается слова «джан», так «джан» это и есть «джан», и все тут.

– Не понял.

Мустафа покрутил пальцем у виска.

Кузьма Волков внимательно посмотрел в глаза Мустафе.

– Ты сегодня какой-то не такой, Мустафа. А ну, признавайся, где был?

– В санчасти.

– С этого бы и начинал. Машу видел?

– Видел.

– Ну, тогда мне понятно, что значит «джан»!

3

Герман Динкельштедт несколько раз перечитал секретный приказ Гитлера, в котором фюрер обещал солдатам и офицерам армейской группировки «Дон» всяческие блага, если они выполнят свою задачу, и положил листок на стол командиру дивизии. «Конечно, – думал он – фюрер – истинный отец немцев. Немецкое государство не знало еще такого великого деятеля, как он. Он умеет говорить с солдатами на языке солдат, с генералами – на языке генералов. Недаром полмира стоят перед нами на коленях! И если мы пробьемся к Паулюсу, это будет новый триумф нашего оружия, и фюрер отметит его должным образом. Непременно отметит!»

Полковник откупорил бутылку шампанского, направил в бокал пенистую струю. «За

нашу грядущую победу!» – мысленно провозгласил он очередной тост и залпом осушил бокал. Вино было холодное, по телу прошла дрожь, потом приятное легкое тепло разлилось внутри, полковник вздохнул. Ничего не скажешь, шампанское это не шнапс, изысканный, черт побери, напиток! Генерал Вагнер знает толк в шампанском... Сколько он вылакал его во Франции! Но если он думает, что и здесь будет услаждать себя шампанским, то он ошибается. Сталинград – это не Париж, принимает совсем по-другому. Тут многие сложили головы, и кто знает, сколько вояк найдет здесь свою могилу? В эту петлю сунуть голову немудрено, мудрено ее вытащить...

Стать командиром дивизии и тем открыть себе путь к генеральскому званию, было давней мечтой Динкельштедта. Он чернел от зависти, видя перед собой генерала своих лет. «Ну, чем я хуже него? Образование, опыт, способности выше, чем у многих. Но они – генералы, а я все еще полковник». Как назло, всякий раз его посылали на штабную должность. Вот и на этот раз его снова сделали начальником штаба, а никому не ведомый генерал Вагнер, до сих пор сидевший в Париже и ни разу не нюхавший порошу, сохранил за собой должность командира. Это злой рок... Это несправедливость, наконец! Фюрер не знает, что творят его именем эти крысы, ведающие кадрами армии!

Генерал Вагнер – легок на помине! – в эту минуту как раз появился на пороге.

– Это что же, господин полковник? Втихую опорожняете бутылки? Нет, так не годится. Вино в одиночестве не пьют.

– Я пью за нашу победу, господин генерал!

– Так давайте выпьем за нее вместе!

Полковник откупорил еще одну бутылку.

– Выпьем, – сказал он.

Они осушили бокалы. Усаживаясь в кресло, Вагнер сказал:

– Большевики думают, что мы не сможем прорвать кольцо окружения вокруг шестой армии и соединиться с нею. Но это непременно произойдет через два дня. Сегодня десятое. Двенадцатое декабря сорок второго года – эта дата золотыми буквами будет вписана в историю Германии!

Вагнер искренне верил в то, что говорил. Силы, которыми располагал Манштейн, были огромны, Вагнер знал это. Он пытался представить себе предстоящий бой и действия своей дивизии в этом бою, и ему виделась лавина танков и мотопехоты, нацеленных на измотанные в боях подразделения русских русским против этой лавины невозможно устоять. Успех наступления обеспечен. Густав Вагнер не сомневался в этом. Он вспомнил про письмо, полученное сегодня утром от отца. «Я рад твоему переводу на Восточный фронт, Густав, писал отец. – Мечта близка к исполнению. Помни, о чем мы с тобой говорили, и, пока не поздно, позаботься о будущем. Я хотел бы покинуть этот свет спокойным за тебя, с верой в то, что твое имя будет называться среди имен самых видных людей рейха. Еще раз прошу: помни наш разговор о Баку, не упusti момент. И не подставляй себя под пули. Береги себя. Желаю успехов».

– Ну, что ж, полковник, продолжим?

– Да, господин генерал, выпьем еще раз.

И они выпили еще по два бокала.

Воздух в жарко натопленном помещении, насыщенный дымом, запахами сигарет, вина, духов и одеколona, был просто невыносим, но ни Вагнер, ни Динкельштедт этого не чувствовали; полковник даже завел патефон, оставил пластинку Мендельсона, и под звуки песни без слов, посвященной венецианским гондольерам; и под храп и сопение уснувшего генерала продолжал пить и что-то мурлыкать себе под нос – да, он был немного огорчен, что судьба обходит его, но надеялся, что она же о нем и вспомнит. Так что почему, почему не выпить накануне исторического, как сказал Вагнер, решающего дня?

Прошло уже более двух месяцев, как Елена Смородина убедилась, что беременна.

Сначала она, как водится, совершенно не, думала о последствиях близости с Прониным, и открытие, что близость эта имеет такие последствия, сначала ее потрясло.

Когда она училась в медицинском институте, у нее была подруга, которая на третьем курсе вышла замуж. Оба – и муж, и жена, очень желали ребенка, но прошел год супружеской жизни, еще полгода, а никаких признаков беременности у подруги не появлялось. Ходили по знахарям, ходили по докторам. Наконец, было установлено, что такая с виду здоровая, веселая, цветущая женщина страдает бесплодием. Каких только лекарств она ни принимала, куда только ни ездила – и все без пользы. Видимо, с тех пор, как Лена наблюдала страдания подруги, у нее зародился страх, что она тоже может оказаться бесплодной, что переживания первых месяцев войны наверняка сделали ее бесплодной, и поэтому она не проявляла никакой осторожности. И вот – беременность. Когда прошло потрясение – пришла радость: она может стать матерью! И вот эта глупая радость помешала ей вовремя прервать беременность. А той порой бежали день за днем, и скоро уже нельзя будет никакими ухищрениями скрыть то, что есть, и будет поздно предпринять что-либо.

Однажды ей приснилось, что ребенок, очень похожий на Николая, лежит рядом с ней на кровати, и она кормит его грудью. Когда младенец уснул, и она отняла грудь, он проснулся, заплакал, и она проснулась от этого плача. А в другой раз ей приснилось, что у нее не мальчик, а девочка, и что нет никакой войны, нет свирепой морозной зимы, на дворе яркий солнечный майский день, и они с Николаем дома, в Сталинграде. Николай и она ведут девочку на прогулку, гуляют по берегу Волги... А однажды... Впрочем, после того, как Лена узнала о своей беременности, она видела столько прекрасных снов, что их невозможно припомнить...

Но сны снами, а есть реальность. Что теперь делать? Можно, конечно, объявить о своем положении. Для Николая это тоже бесследно не пройдет. А ей придется сдать медсанчасть и уехать в тыл. Что подумают о ней товарищи? Чем, в таком случае, она отличается от тех женщин, которые сходятся с мужчинами для того, чтобы забеременеть и таким образом избавиться от передовой и уехать в тыл? Чего только ни говорили люди вслед таким женщинам! Вот, мол, такая-то надула себе пузо до самого носа, кто теперь удержит ее на фронте? Вот, мол, стерва, какой героизм проявила: люди задыхались в огне и крови, а она той порой развлекалась любовью, жила в свое удовольствие, и теперь живая и здоровая отправляется домой. Фронтовичка! Плевать ей на то, что скажут там, в тылу! Объявится отец ребенка – хорошо, а не объявится – не велика беда, государство заменит отца...

Говорили кое-что и похлеще.

Лена еще не успела поделиться с Николаем своим открытием беременности. Она только что собралась сказать ему, но тут началась эта история с лейтенантом Гасанзаде. Не потому хотела сказать, чтобы заручиться согласием Николая оставить ребенка, нет! Она хотела только сказать, что давнее ее беспокойство оказалось напрасным, и она, как и всякая другая женщина, может стать матерью. Да, она хотела поделиться с ним этой большой радостью. Кому еще могла она сказать об этом, кроме него? Кто был ей ближе него? Но даже если бы Николай стал настаивать на том, чтобы она сохранила ребенка, она не решилась бы на такой шаг. Что есть, то есть, этого не зачеркнешь, но ведь не для того она ехала на фронт, чтобы забеременеть и вернуться обратно. Она должна воевать.

Вот с этими мыслями, и радостными, и тревожными, и позвонила она Николаю, и шла к нему, а он? Он грубо, без всякой попытки выслушать ее или самому объясниться, отвернулся. Он подозревает, что она неверна ему! Господи, в чем он ее обвиняет! Есть ли у него голова на плечах? Хотя бы попытался найти какие-то доказательства измены. Показалось – и все. Верно говорят: для того, чтобы узнать человека, надо с ним съесть пуд соли...

В дверь автофургона, в котором жила начальник медсанчасти, постучали. Связной полка передал капитану Смородиной телефонограмму и ушел. Телефонограмма была из соединения. В ней говорилось о необходимости выслать требование на получение

медикаментов и перевязочных средств. Санчасть испытывала нужду во всем этом – не хватало лекарств, вата и бинты тоже были на исходе, так что телефонограмма пришла вовремя, но у Лены не было сейчас ни желания, ни настроения, ни сил составлять докладную. Хоть бы Маша забежала, она перепоручила бы ей это дело...

Но черт ее знает, эту Машу, где ее носит теперь. Не иначе, хороводится с Мустафой, и тоже беду себе наживет.

Делать нечего, Смородина взяла бумагу и карандаш, села писать докладную, но мысли ее были о другом: пока не начались боевые действия, пока не хлынул поток раненых, надо принимать какие-то меры. Надо решаться...

Глава восемнадцатая

1

Кольцо окружения, в которое попали шестая общевойсковая и четвертая танковая армии немцев в последние дни ноября, стягивалось все туже. Теперь окруженную немецкую группировку от своих войск отделяла полоса шириной по меньшей мере километров в шестьдесят, а в некоторых местах расстояние от внутреннего и внешнего обвода окружения достигло ста двадцати километров.

Немецко-фашистское командование готовило операцию по прорыву кольца окружения, по деблокированию и спасению армии Паулюса.

Что оно предпримет попытку вызволения окруженных войск, было ясно всем, и для отражения вражеского наступления советское командование принимало срочные меры. Войска Юго-Западного фронта заняли оборонительные позиции на западном направлении, вдоль рек Кривая и Чир. Части войск Сталинградского фронта занимали оборону вдоль реки Аксай. К тому времени в результате наступательных действий на Среднем Дону тормосинская группировка немцев, которая могла принять участие в деблокировании армии Паулюса, истощила свои силы. Все надежды и усилия немцев были сосредоточены на котельниковской группировке. Здесь Манштейн собрал мощный бронированный кулак.

В составе армейской группы «Дон» – было около тридцати пехотных, танковых и механизированных дивизий. Кроме того, она была усилена войсками генерала Гота, передовые части которого были в ста двадцати километрах от окруженных немецких войск.

Двенадцатого декабря, как и было намечено, Манштейн бросил свою армаду в наступление от станции Котельниково вдоль железной дороги, в общем направлении на север. На острие удара шел танковый корпус, прикрываемый с флангов румынскими корпусами.

Наступлению наземных войск предшествовали артподготовка и обработка позиций советских войск с воздуха.

Первый таранный удар принес немцам успех; они прорвали оборону ослабленных в непрерывных боях частей 51-й армии, продвинулись на сорок километров, на второй день наступления вышли к населенным пунктам Заливский и Водянский, заняли хутор Верхне-Кумский. Наши войска отходили с боями от рубежа к рубежу; в ночь с 14 на 15 декабря по приказу командования они отошли на реку Аксай и заняли жесткую оборону по ее северному берегу.

Название этой неведомой многим реки, как потом и название речки Мышкова, войдет в историю. Но в те дни никто не знал, что на берегах этих рек, на высотах и у безвестных хуторов будет решаться исход Сталинградской битвы. Не знали об этом бойцы Второй ударной армии, и не знали об этом бойцы и командиры частей из соединения генерала Черепанова, которым предстояло принять на себя всю тяжесть удара войск Гота и Манштейна и задержать их до подхода гвардейской пехоты. Но все знали главное: врага надо остановить во что бы то ни стало; войска Паулюса удержать и добить в гигантском

Сталинградском котле.

В соединении Черепанова, находившемся в подчинении 51-й армии, к началу декабря была всего сотня танков, немногим больше орудий и минометов; пополнение техникой и людьми еще не подошло, а приказ поступил, и в то самое время, когда Манштейн бросил свои дивизии на прорыв нашей обороны, корпус Черепанова из района Логовского, сдав свой участок фронта стрелковым частям, устремился на юг, навстречу Манштейну. Немцы бомбили войска Черепанова на марше, но, тем не менее, к утру 14 декабря, они вышли к Верхне-Кумскому и с ходу отбили попытки врага пробиться на север. Сразу же было принято решение наступать с трех сторон на Верхне-Кумский и, обтекая противника с флангов, выходить на рубеж Дорофеевский, Водянский, Заливский, чтобы отрезать врагу пути отхода от Верхне-Кумского.

Немцы немедленно перешли в контратаки крупными силами танков и мотопехоты.

Завязались ожесточенные бои.

В бой с противником вступили артиллеристы, минометчики, танковые и механизированные бригады и отдельные танковые полки. И только полк Асланова с одной механизированной бригадой, составлявшие резерв корпуса, стоял на правом фланге в полной боевой готовности. Нетерпение владело людьми. Сам командир полка, обычно спокойный, сдержанный, с трудом скрывал волнение. Тяжело стоять, наблюдая, как другие ведут трудный бой. И только мысль, что так надо, что придет и твой час, помогала переносить томительное ожидание.

Асланов беспрерывно запрашивал сведения о действиях соседей, держал под неусыпным наблюдением фланг соединения и вел разведку в районе хутора Генераловский, куда, как он полагал, полк будет наступать.

Той порой атаки немцев со стороны Верхне-Кумского следовали одна за другой. Отбивая натиск противника, наши части тоже переходили в контратаки. Орудийным и минометным огнем враг пытался задержать части Черепанова, снова и снова переходил в наступление.

Его останавливали, и сразу же под прикрытием артиллерийского огня и огня танковых пушек бойцы мотострелковых частей поднимались в атаку, бросками продвигались вперед.

Не сумев потеснить соединение Черепанова на центральном участке, немцы решили обойти его с флангов. Не жалея сил, они ринулись в наступление, стремясь во что бы то ни стало прорвать линию нашей обороны. Наши танки вели по ним лихорадочный огонь; часть боевых машин заняла позиции в оврагах, котловинах и, подпустив врага почти вплотную, прямой наводкой, в упор расстреливала его.

Трудно пришлось бойцам роты противотанковых ружей. Не успели они окопаться, как впереди показалось двадцать вражеских танков. Высокая сухая трава, оставшаяся на полях с лета, мешала бойцам вести точный прицельный огонь, приходилось то и дело выглядывать, высматривать цель, превращаясь на время в мишень для противника. Но бронебойщики ничего не боялись, и они нашли выход из положения: первый номер расчета укладывал противотанковое ружье на плечо второго номера, тщательно целился и бил наверняка.

Когда атака была отбита, на поле боя осталось дымить пять вражеских танков. Остальные отошли. Но зато усилился орудийный и минометный огонь, и вскоре немецкие танки снова ринулись в атаку.

Рота бронебойщиков приняла бой. Расчеты стреляли и с колена, и из положения «стоя», несли потери... Вскоре обнаружилось, что бронебойные патроны на исходе, надежда теперь на гранаты, но их тоже хватит не надолго.

Пока на правом фланге пэтэровцы отбивались от немецких танков, на левом сошлись в атаке танки обеих сторон.

С первых минут встречного боя немцы поняли, что не выдержат напора советских танкистов, и снова перенесли всю тяжесть своего удара на наш правый фланг, на бронебойщиков. Вражеские танки, с ходу ведя огонь из орудий и пулеметов, шли на роту бронебойщиков. А у тех уже кончились патроны; они стояли около бесполезных ружей,

решив подпустить танки как можно ближе, чтобы пустить в ход гранаты. Танки все приближались, вырастая в размерах и изрыгая ливень огня.

Молодой боец с ужасом смотрел на черную громадину, которая с грохотом лезла прямо на него. Противотанковое ружье, как ненужная вещь, лежало между бойцом и его товарищем, прикипшим к земле. Боец взглянул на гранату, которая была у него в руке. Такая маленькая... А танк, лязгая гусеницами, закрыл уже собой весь свет. В ужасе боец выронил гранату и стал вылезать из окопа. Вылез, быстро-быстро, как ящерица, пополз в тыл. «Стой, стой! – закричал пожилой. – Куда ты, дурак? Убьют! Стой, трус! Назад, говорю тебе! Мужчина ты или баба? Назад!!!» Слова товарища словно пригвоздили молодого бойца к земле, некоторое время он лежал неподвижно. Потом развернулся, пополз обратно, плохо соображая, что творится. Тяжко грохали танковые пушки, глухо рвались гранаты, пулеметные очереди вспарывали землю.

Пэтээровцы подбили гранатами несколько танков, но остальные дорвались до окопов, утюжили их, давили бойцов. Оставшиеся в живых бронебойщики до последней возможности, до последнего дыхания оказывали сопротивление.

Подоспевшие на помощь танкисты отбили атаку.

В этом неравном получасовом бою было сожжено восемь немецких танков и шесть подбито. Там и тут лежали убитые пэтээровцы. Молодой бронебойщик, тот, что пытался отползти в тыл, а потом вернулся, лежал ничком в трех метрах от немецкого танка. Шапка откатилась далеко в сторону, и светлые волосы, окрашенные кровью, разметались по земле, перемешанной со снегом. А рядом, в окопе, будто откинувшись для нового броска, стоял его старший товарищ. Мертвый.

2

Танковый полк Ази Асланова, механизированная бригада и истребительный противотанковый арtpолк все еще стояли за правым флангом частей, отражавших наступление противника на главном направлении. Командир соединения держал эти полки и бригаду в резерве, чтобы бросить их в бой в самый трудный, решающий момент.

Подмораживало. Танкисты сидели в холодных машинах, каждый на своем боевом посту. От холода сводило руки и ноги. Но еще хуже пришлось автоматчикам – они всю ночь и утро провели на броне танков, прижавшись спиной друг к другу. Поочередно они слезали на землю, чтобы размяться, согреться, разогнать кровь, но и разминки мало помогали. К броне танков нельзя было прикоснуться голой рукой – мгновенно ее прихватывало, хуже чем огнем, и холод от нее пробирался сквозь шинели, полушубки и ватники до самого сердца.

Утром из тылов примчалась полевая кухня: привезли мясную кашу. Бойцам выдали норму водки. Поев и выпив, люди согрелись, настроение поднялось.

Наконец механизированная бригада получила приказ наступать. К тому времени на центральном участке наши части продвинулись вперед и ворвались на окраину Верхне-Кумского.

Немцы стали отходить за хутор. Одновременно они вели артиллерийский и минометный огонь и бросили в обход наступающих несколько десятков танков.

Подполковник Ази Асланов видел начало контратаки с наблюдательного пункта: немецкие танки показались между селом Верхне-Кумским и колхозом имени 8 Марта. Одна группа, другая, третья. Не меньше полусотни машин...

Асланов не имел в своем распоряжении и двадцати.

Это был, пожалуй, самый опасный момент боя: если немцам удастся обходной маневр, они сомнут части корпуса.

Асланов поглядывал на рацию. И, словно отзываясь на его немой вопрос, зазуммерил телефон. Асланов схватил трубку. Хорошо знакомый голос Черепанова сказал:

– Ну что, истомились, заждались? Приказываю...

Асланов преобразился. Небольшого роста, сухоощавый, он как будто вырос и раздался в

плечах, пронизательный взгляд его устремился на поле боя, смуглое лицо озарилось вдохновением – он был словно наэлектризован. Распоряжения подразделениям следовали одно за другим, точные, четкие, единственно возможные. Полк изготовился к отражению вражеской контратаки. Еще раньше приказа сверху Асланов выдвинул вперед боевое охранение – танковый взвод лейтенанта Тетерина; три легких танка Т-70, замаскированные под скирды сена, стояли в восьмистах-тысяче метров впереди основных сил полка, в засаде, они и приняли на себя удар противника.

Сначала вражеские танки вели непрерывный огонь по нашей пехоте. Потом противник заметил высокие копны и, очевидно, для проверки, не засада ли это, перенес огонь на них. Рация у Тетерина не работала, сообщить командиру роты ситуацию он не мог, и он понял, что действовать надо на свой страх и риск. Он приказал командирам машин выжидать, пока танки противника подойдут ближе, и стрелять только после того, как он откроет огонь.

Расстояние между взводом Тетерина и танками фашистов быстро сокращалось. Близким взрывом осколочного снаряда с командирской машины сорвало сухой бурьян и траву. Таиться и выжидать не имело более смысла, противник видит: путь ему преграждают танки. Башенный стрелок давно держал на прицеле передний фашистский танк и только ждал приказа командира взвода.

Тетерин крикнул:

– Огонь!

Идущий впереди фашистский танк качнулся и стал. Вслед за танком младшего лейтенанта открыли огонь и другие машины взвода, загорелось три вражеских танка. Но из-за них лавиной выходили другие, и Тетерин понял: не сдержат их. Маневрируя, он стал отходить таким образом, чтобы навести врага под удар основных сил полка.

Именно такое указание и хотел дать Тетерину Ази Асланов, но сколько ни вызывал он командира взвода, никак вызвать не мог, и только от ротного узнал, что рация у младшего лейтенанта не работает одним словом, Тетерин не получил никаких указаний и команд, но прекрасно разобрался в обстановке и сделал то, что нужно – то есть, подбив несколько вражеских машин, стал отходить, сбивая противника с толку и выводя его под огонь танков полка.

«Ну, умница, – восхитился командир полка, – ловко их заманивает, ловко!»

И он приказал роте Гасанзаде встретить огнем танки противника.

Началась своеобразная танковая дуэль. Не зная сил противостоящего им полка, немцы сначала отвечали осторожно, словно каждым выстрелом прощупывали врага. «Пусть думают, что нас мало», – решил Асланов; по его приказу рота Гасанзаде перестала отвечать на огонь противника, затаилась.

На поле боя действовало около шестидесяти неприятельских танков. С наблюдательного пункта все отчетливее было заметно их стремление обойти Верхне-Кумский с флангов. Примерно половина вражеских машин резко приняла в сторону и как будто собиралась повернуть назад. Но это только казалось: передние машины спустились в балку, а вслед за ними балка словно поглотила всю колонну. «Не стрелять! – передал командирам рот подполковник. – Не обнаруживать себя, пока не подойдут вплотную».

Немцы, не встречая более сопротивления, успокоились, решили, что их продвижению уже ничто помешать не может, прибавили скорости, чтобы как можно быстрее обойти позиции механизированной бригады и ударить ей в тыл.

Точный огонь стоявших в укрытиях советских танков был для них неожиданностью. Первым залпом было подбито шесть машин противника. Однако основная масса танков шла напролом. И как ни мужественно бились танкисты, им, наверное, не устоять бы против лавины неприятельских машин, если бы на помощь не пришли артиллеристы зенитного полка – они открыли огонь из своих орудий. Зенитки били с необыкновенной точностью, удара их снарядов не выдерживала броня; зениткам помогали бронебойщики – и так, общими усилиями, самая сильная атака противника была отбита, его попытка прорвать

боевые порядки корпуса, обойти его части, захватить плацдарм на северном берегу реки Аксай была сорвана, наши части заняли Верхне-Кумский, потеснили немцев и отбросили их на противоположный берег Аксая.

Но враг не отказался от своих намерений, наращивал силы, и перед нашими частями встал вопрос о необходимости перехода к обороне, тем более, что активные действия наших мотопехоты и танкового полка южнее Верхне-Кумского успеха не имели, а правый фланг корпуса, до самого Дона, был очень уязвим, так как прикрывался остатками кавалерийских частей.

Генерал Черепанов отвел свои части, действовавшие южнее Верхне-Кумского, в район колхоза имени 8 Марта. При отходе эти части приняли бой, подпустили немецкие танки на несколько сот метров, били их в упор. Горели немецкие машины, горели наши, но враг вслед за отходившими не пошел, был остановлен.

Пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого декабря с утра до вечера земля стонала от взрывов снарядов и бомб; над степью гремели орудия, слышался рев моторов...

Особенно трудным было утро семнадцатого декабря, когда на Верхне-Кумский обрушилась сотня немецких танков с мотопехотой. Атака следовала за атакой; одна волна фашистских самолетов сменяла другую.

Пехотинцы, бронебойщики, артиллеристы – все участвовали в отражении вражеского натиска.

Ази Асланов, как только стало известно, о начале немецкого наступления выслал вперед танковую роту с задачей отвлечь внимание противника, маячить перед ним, пока он не кинется вдогон, и заманивать его, подводя под огонь полка так, чтобы немцы подставили борта. Маневр удался, и огнем танковых пушек, неожиданными выстрелами из засад, в упор, короткими атаками полк весь день уничтожал технику противника.

Полк Асланова сыграл свою роль в отражении вражеских атак, нанес врагу ощутимые потери и при этом сам избежал существенных потерь.

Но ожесточение, с каким противник лез на север, свидетельствовало о том, что враг от своих планов не отказался...

3

Под вечер, когда сражение стихло, Ази Асланов выкроил время, чтобы написать ответ на письмо из дому, но вошел Смирнов и сказал, что его хочет видеть кто-то из политотдела корпуса.

– Пригласите, – сказал Асланов.

Вошел высокий круглолицый мужчина в военной форме, с маленьким чемоданчиком в руке и с кожаной сумкой через плечо. Но знаков различия на нем не было.

Вошедший поздоровался.

– Я работник кино.

И протянул Ази Асланову свое удостоверение.

В командировочном удостоверении было сказано, что кинооператор бакинской киностудии Махмуд Сеидзаде командирован на Сталинградский фронт, чтобы отснять боевые эпизоды для киножурнала. В другой бумаге начальник политотдела армии просил оказать кинооператору необходимую помощь.

– Садитесь, товарищ Сеидзаде. Давно ли вы из Баку?

– Выехал десять дней тому назад. Ну, как там?

– Как везде, товарищ подполковник. Народу, особенно мужчин, стало меньше, жизнь стала труднее, с продуктами туговато.

Говоря, Сеидзаде снял с плеча кожаную сумку и поставил ее рядом с собой.

– Хотите снять танкистов для кино?

– Да. Я хотел бы сделать киноочерк о вашем полку.

– Вы вовремя приехали. Думаю, завтра можете снять сколько угодно боевых эпизодов.

Но должен заранее предупредить вас: это дело нелегкое, я бы сказал, крайне опасное.

– Я понимаю: фронт. А трудностей я не боюсь, товарищ подполковник. Как говорится, волков бояться – в лес не ходить. Как-нибудь обойдемся.

– Мы постараемся устроить вас в таком месте, чтобы кое-что было видно, удобно работать и... относительно безопасно...

– Не понял, товарищ подполковник.

– Пойдете со своей аппаратурой на командный пункт. Начальник штаба будет рядом с вами, если понадобится, сможет дать необходимые пояснения.

– Товарищ подполковник, – обиженным тоном сказал Сеидзаде, – я хочу снимать бой... Одолеть такую дорогу, чтобы сидеть на командном пункте?

– Значит, хотите снимать боевую работу? – Ази Асланов улыбнулся. – Так бы сразу и сказали. Не обижайтесь, товарищ Сеидзаде, но некоторые журналисты, приезжающие из тылов, не очень-то рвутся на передовую, подальше держатся от огня. Собирают факты и сюжеты в штабах или в частях второго эшелона, там же ищут героев и спокойно едут в тыл; свой долг выполнили...

– Не хочу утверждать, что я очень храбрый, ничего не боюсь, но приехал я снимать бой. Значит, надо быть поближе к тем, кто его ведет. Если бы вы взяли меня на свой КП, тогда другое дело. А сидеть в безопасном, укромном местечке и снимать так называемые боевые эпизоды, все равно, что летом сидеть в Сочи и делать фильм о Северном полюсе. Определите в какой-нибудь экипаж, если можно. В машину какого-нибудь смелого танкиста. Знаю, что снимать будет нелегко, но я постараюсь не мешать ребятам. Что смогу, то и сниму. Зато это будет правда... Вот, если можно... А больше я ничего не прошу.

Откровенно говоря, Асланов впервые видел такого «киношника», и понравился ему этот парень.

– Ну что ж, товарищ Сеидзаде. В танк – нельзя. Но что-нибудь придумаем. Сделаем для вас все, что сможем.

Глава девятнадцатая

1

Два страшных удара, последовавших один за другим, встряхнули танк сержанта Волкова, как детскую коляску. Было такое чувство, словно на танк обрушилась огромная скала. Запахло дымом, каленым железом.

Запахи и звон в ушах сержант Волков почувствовал, когда пришел в себя. Окликнул друзей. Никто не отозвался. Тогда он вгляделся в то, что его окружало. Водитель неподвижно застыл за рулями, свесив голову набок. Башенный стрелок лежал на отстрелянных гильзах... Волков понял, что из всего экипажа в живых остался он один.

С великим трудом открыл он десантный люк и вылез из машины, глотнул морозного воздуха. Пули свистели вокруг танка, голову нельзя поднять, нельзя осмотреться. Прижимаясь к заснеженной земле, он пополз назад, там, он помнил, остались наши окопы. И, действительно, из-за заснеженного бугра кто-то кричал, наверное, ему:

– Давай, браток, сюда! Сюда ползи! Не поднимайся!

Волков пополз на голос. Свалился в окоп пехотинцев. При ранении, сгоряча, он не почувствовал боли, теперь нога взялась болью, как огнем. Штаны набухли от крови, кровь стекала в сапог.

Кто-то крикнул медсестру, и она тотчас появилась.

– Сейчас, сейчас перевяжу.

Она ловко располосовала брюки, обнажила рану, обработала, перевязала, усадила Волкова на дно окопа.

– Посидите тут, я перевяжу еще одного, слышите, стонет? И вернусь. Ждите, слышите?

И побежала по ходу сообщения.

– Слышу, – сказал Волков и подумал: «Зачем, тебе, глупенькая, сюда возвращаться? Ты меня тут не найдешь».

Он сам переобулся. Огляделся. Одиноким стрелок, забыв о нем, бил куда-то из автомата. Хорошо бы и ему найти что-либо, включиться в бой, подумал сержант. Он кое-как встал, выглянул за бруствер. Чуть правее, в воронке от снаряда, рядом с противотанковым ружьем неподвижно лежали два человека. Очевидно, мертвые. Волков выбрался из окопа, пополз к ним. Перед самой воронкой по нему открыли огонь. Пулеметная очередь взрыхлила снег. Он замер, притворился убитым. Если немец, для верности, не ударит еще, он спасен, если ударит... Нет, не ударил. Волков лежал неподвижно минут пять, потом сполз в воронку. Оттащил в сторону трупы бронебойщиков, подтянул к себе, проверил противотанковое ружье. Ружье было в порядке, и в магазине было еще три патрона.

Сержант устроился поудобнее для ведения огня. Перед ним, кроме его подбитого танка, ничего не было на пустынном поле. В танке остались друзья. А где остальные ребята, где?

Привычным ухом ловил он звуки стрельбы. Танковые пушки стучали где-то впереди и правее – там, наверное, и шел бой. А кто тут? Тут, наверное, только немецкие артиллеристы и пулеметчики, к себе не подпускают и сами вперед не идут. Окоченеешь, ожидая чего-нибудь.

Пехотинец, однако, стрелял; к его автомату присоединился другой наверное, медсестра помогает. Куда они бьют? А-а, вот куда...

Два немецких танка шли немного наискось от него, а позади них мельтешили автоматчики.

– Давай, подлецы, давай!

Сержант подпустил третий танк совсем близко, поймал на прицел моторное отделение, выстрелил. Промахнулся. Прицелился еще раз. Пуля ударила в бензобак, и он вспыхнул. Но из второго танка заметили Волкова. Позади сержанта грохнул снаряд, и он почувствовал, что раненую ногу сильно дернуло, может, оторвало. Немцы сочли, что с ним покончено, и промчались мимо, пока не осели дым и копоть разрыва.

Тогда Волков решил поглядеть, что с ногой. Оказывается, каблук оторвало, и разлохмачена вся ступня. Морщась от боли, он сорвал сапог. Пополз к убитым – искать бинт. Ни у того, ни у другого не нашел индивидуальных пакетов. Сам он оставил свою сумку в танке. Гранаты у убитых взял: пригодятся. И снова пополз в воронку.

Нога мерзла, деревенела. Сам он с каждой минутой слабел от потери крови. Однако он нашел силы оторвать у пэтээровца полу шинели и обмотать ею ступню.

И стал ждать.

И ждал не напрасно; из-за холма выполз еще один танк. «Видно, нашли безопасную дорогу», – подумал сержант. Долго ловил на прицел триплекс вражеской машины. Выстрелил. Мимо! «Плохой из тебя стрелок, Кузьма!» сказал он себе и взялся за гранату. И гранатой опять промахнулся. Танк повернул прямо на него, и первым побуждением Волкова было подняться и попытаться отползти в окоп, оставшийся позади. Но он не мог подняться, да и времени не оставалось. В последний момент он откинулся в сторону, и гусеница танка прошла вплотную рядом с ним. А за этой машиной шла еще одна, и Волков пополз навстречу ей. У него все болело – спина, ноги, руки и дважды раненная нога горела, словно к ней приложили раскаленное железо. Осколком мины ему пропоролло спину. Но он полз на животе, загребая локтями, и онемевшие ноги волочились за ним, как пудовые гири. Никогда раньше ноги не казались Волкову такими тяжелыми и ненужными.

Сжав зубы, он полз навстречу вражескому танку и желал только одного: чтобы танк не свернул в сторону. На снегу оставался кровавый след. И когда стало ясно, что с танком он уже не разминется, Волков впервые в жизни выкрикнул магическое морское слово «Полундра!» И вместе с гранатой рванулся под грохочущий танк. Взрыва он уже не слышал.

Атаки противника были отбиты.

Ази Асланов приказал командирам рот собрать раненых и похоронить убитых. Выделенные для этого пожилые бойцы комендантского взвода вместе с танкистами ходили по полю, разыскивали и сносили трупы убитых однополчан в заранее вырытую братскую могилу.

Вася Киселев и Илюша Тарников знали о том, что танк Волкова подбит. Они извлекли из машины трупы водителя и стрелка и переглянулись в надежде, что Кузьма жив.

– Но где же он?

– Может, его в плен захватили? – прошептал Тарников.

– Ну что ты, не знаешь Кузьму? – возразил Киселев. – Он трижды умрет, но в плен не сдастся. Боюсь, с ним приключилось что-то другое...

Подошел кинооператор Махмуд Сеидзаде. Из окопа он видел, как сержант полз к воронке, как стрелял по немецкому танку, и заснял этот эпизод.

– Я видел сержанта, – сказал он.

– Покажешь нам это место?

– Покажу.

Тарников и Киселев вместе с Сеидзаде прошли к воронке, около которой лежали трупы пэтээровцев и потихоньку чадил подожженный Волковым танк.

– Я видел сержанта тут.

Киселев и Тарников оглядывали поле.

Потом они пошли искать в разные стороны.

Тарников вдруг остановился и повернул в сторону немецкого танка, застывшего впереди, посреди поля. И не прошло минуты, как он махнул рукой Васе и Сеидзаде.

Оба тяжело подбежали к нему.

Илюша, сняв шлем, стоял перед изуродованным, впечатанным в снег трупом. Рядом замер немецкий танк с оборванной гусеницей; траки разлетелись в разные стороны.

Друзья узнали Волкова по изорванной, окровавленной полосатой тельняшке.

Оба беззвучно плакали. И Махмуд, который не знал Волкова, тоже стоял с поникшей головой.

– Жаль, вы не знали Кузьму, – сказал Тарников.

– Я видел, как он сражался.

– Он был настоящий солдат. Но и человек он был необыкновенный. Таких уже не найти.

Подполковник Асланов видел, как был подбит танк Волкова, видел, как сержант выбрался из танка и пополз, и потому немного успокоился: жив Волков, и то хорошо. Но, оказывается, сержант погиб все-таки. Прекрасной смертью бойца погиб. Но сколько таких жизней отнимает война, которой еще и конца не видно!

Пока искали Волкова, братскую могилу уже успели засыпать землей. Поэтому на развилке дорог вырыли новую могилу, и каждый танкист бросил в нее горсть земли.

Глава двадцатая

1

За день соединение Черепанова отбило три массированных атаки танковых частей и моторизованной пехоты немцев в районе колхоза имени 8 Марта, Верхне-Кумского и окрестных высот.

С утра вся тяжесть удара пришлась на полк Асланова, – ему было приказано остановить немецкие танки.

Полк не получил еще ни одной машины вместо вышедших из строя, и наличными силами едва ли смог бы остановить противника. Поэтому подполковник снова решил схитрить.

На этот раз роль заслона выпала на долю роты Корнея Тимохина. Уже через десять минут он доложил командиру полка, что видит танки противника. «Задержите их, сколько можете!» – приказал Асланов.

Он подождал, пока окончательно определится направление движения танков противника, и повел основные силы полка ложиной, в обход. Немцы обрушились на Тимохина. Тот, отстреливаясь, медленно отходил. Асланов непрерывно следил за противником. Ну, вот, слава богу, враг втянулся в бой. Еще немного, еще пусть пройдут вперед с полкилометра. Так. Хватит.

И Асланов вывел свои машины из ложины. На полной скорости они ударили с фланга по танкам противника.

Били вражеским машинам в борт, били наверняка. Запылал один немецкий танк, вспыхнул другой. Немцы заметались по полю. А тут Тимохин неожиданно пошел в атаку. Зажатые с двух сторон огнем и броней, танки противника повернули обратно, стремясь вырваться из мешка...

Снова и снова кидался противник на позиции танкистов, но проломить их оборону не мог. Передний край наших частей обрабатывала вражеская авиация, и после каждого налета, когда, казалось, ничего живого не осталось, Манштейн бросал в атаку танки, бронетранспортеры, пехоту, но передний край русских оживал, и немцев встречал убийственный огонь орудий, минометов, почти беззвучные выстрелы бронебойных ружей и метко брошенные гранаты останавливали и жгли немецкую броню. Немцам все еще не верилось, что русские стали намертво и не уйдут с занятого рубежа, что они смогут задержать такую необоримую лавину немецких войск. Но приходилось верить.

Силы сторон были попросту несопоставимы. У Манштейна был решающий перевес. Было яростное желание прорваться к Сталинграду. Что было у русских? Остатки потрепанных в боях стрелковых частей; полки и бригады, в которых оставалось меньше половины машин. Чем же они держатся? Несомненно, упорством. Верят, что подойдет помощь. Значит, надо сломить их упорство. Как? Надо раскрыть им глаза на истинное положение дел.

И после каждой бомбежки с неба на позиции советских частей сыпались тучи листовок, в которых доказывалось, что корпус Черепанова дышит на ладан, резервов у него нет, помощи ждать неоткуда, в ближайшие дни остатки этого соединения будут раздавлены немецкими частями, наступающими с юга на Сталинград и с севера, от Сталинграда. Остается один выход: сложить оружие.

Листовок этих никто не читал, но бумага, на которой они были напечатаны, была тонкая и мягкая, и бойцы подбирали их для известной нужды.

К исходу третьих суток боев наступило короткое затишье, и Асланов приказал помпотеху заняться ремонтом покалеченных машин, с которыми можно справиться своими силами; потом вызвал начальника медсанчасти – в подразделениях было много раненых, в одной только роте Тимохина – четверо... Хотелось знать, кто из раненых где находится, кто оставлен в санчасти, кто эвакуирован в медсанбат, и можно ли рассчитывать на то, что кто-то вернется в полк.

Пока не пришла Смородина, он впервые за трое суток разулся, дал отдых ногам, потом снова натянул сапоги, затянул ремень гимнастерки.

Эта минутная передышка вернула ему бодрость.

Смородина не предполагала, что аборт так тяжело на ней отразится. У нее теперь постоянно кружилась голова, ее тошнило, но больше всего ее беспокоило и пугало, что

температура поднялась и держалась выше тридцати восьми с половиной градусов, и лишь на третий день стала падать. О причине своих недомоганий она никому в санчасти не говорила, и Маша Твардовская, например, была убеждена, что врач простудилась.

Лена все перенесла на ногах, хотя судьба, как назло, подкинула ей хлопот именно в эти трудные дни: начались бои, хлынул поток раненых. У нее дрожали ноги, дрожали руки, казалось, еще миг, и она упадет, не устояв, но надо было принимать и перевязывать раненых, отправлять их дальше, в тыл, и посылать кого-то на поле боя вытаскивать их, и самой идти, чтобы помочь умирающим там, в бою.

Эти дни прошли для нее, как в кошмарном сне, и теперь, когда наметилась какая-то передышка, Лена так ослабела, что не могла волочить ноги. И ей не очень хотелось идти к командиру полка в таком истерзанном, измученном виде. Но командир вызывает, значит, и мертвый должен идти.

Она кое-как привела себя в порядок и пошла к командиру полка.

Бравый вид Асланова ее поразил. Вот что значит держать себя в руках.

Подполковник поздоровался с ней и спросил:

– Как дела, доктор? Эти дни мне не удавалось даже навестить раненых... Даже спросить о них...

– Тяжелораненых мы только что отправили в тыл. Сразу не могли: немцы беспрерывно бомбили дороги... Сейчас у нас осталось только трое легко раненых, будем лечить их здесь.

– Впредь, при любых условиях, тяжелораненых надо отвозить в тыл немедленно. Вы лучше меня знаете, как важно, чтобы раненых вовремя оперировали.

– Мы сделали все, что необходимо и возможно в наших условиях. Задержка с эвакуацией не должна отрицательно отразиться. А везти их в тыл при бомбежке – значило везти на смерть.

Асланов внимательно глянул в осунувшееся, потяжелевшее лицо Смородиной, в ее запавшие глаза. От него не укрылось ее болезненное состояние, лихорадочный румянец на лице. От волнения или еще от чего дрожащими пальцами Смородина вертела пуговицу на полушубке и не замечала этого.

– Простите, доктор, – сказал Асланов. – В последнее время вы кажетесь мне несколько расстроенной и больной. Что с вами?

Такой оборот разговора был для нее неожиданным, однако она отвечала вполне спокойно.

– Просто очень устала, товарищ подполковник. А так ничего, все в порядке.

– А мне подумалось, что у вас неприятности, и вы что-то скрываете...

– Нет, я ничего не скрываю, товарищ подполковник.

Открылась дверь, и вошел майор Пронин с бумагами в руках. Увидев Лену, он слегка замялся: «Зачем она тут?», но сделал вид, что никого, кроме командира полка, не замечает.

Асланов принял у Пронина бумаги, спросил:

– Характеристики и представления к наградам готовы?

– На бойцов написаны.

– А на командиров?

– Пока успел написать только на Корнея Тимохина.

– А на Тетерина? На Данилова? На Гасанзаде? На Макаровича?

– Пишу. Надеюсь, успею закончить, пока передышка...

На самом деле Пронин уже написал вчерне характеристику на Гасанзаде, но, как и следовало ожидать, она получилась тусклая и невыразительная, и у Пронина рука не поднималась и не хватало слов, чтобы описать как следует подвиг ротного. Говорили, что, прикрывая отход Тетерина, Гасанзаде вступил в бой с танками врага, держался мужественно, стойко, сжег несколько вражеских машин, а главное, не дал противнику обойти полк и тем решил многое. «Ну и что? – думал Пронин. – Любой на его месте сделал бы то же самое. Что тут героического? А вот бабу сбить с толку он сумел! За это ему полагается особый орден, уж это бесспорно!»

Смородина слышала от раненых об упорном бое, который провел Гасанзаде. Она не думала, что Пронин задерживает характеристику на лейтенанта и представление к награде, но какое-то беспокойство закралось в ее сердце.

Начальник штаба, ушел от командира полка очень обеспокоенным. Он только скользнул взглядом по лицу Смородиной, но успел заметить, как она переменялась. «Переживает? Или больна? А зачем пришла? Жаловаться? Подполковник ничего не сказал... Может, не хотел при ней говорить? А может, она совсем по другому делу явилась?»

Все эти мысли тревожили Пронина, но он был непроницаем.

А Асланов сидел лицом к Смородиной и потому не видел, как на мгновение смутился Пронин, увидев врача.

Смородина ушла вслед за начальником штаба, так и не ответив Асланову на вопрос, что с ней. А Асланов не стал настаивать на ответе. Женщина! Мало ли какие тайны могут быть у нее. Может быть, это такая тайна, которую нельзя открывать никому.

Главное, дело свое эта женщина выполняет неплохо.

3

После истории в Абганерово Шариф, как все пугливые и шkodливые люди, боялся собственной тени. Всякий раз, когда командир роты или взвода вызывал его к себе, у него сердце уходило в пятки.

Женщина, от которой он получил такой решительный отпор, все время была перед его глазами... Он казнил себя, что не сказал ей и пары слов, не узнал о ней ничего, даже имени не спросил, а накинулся, словно зверь. Поговорить бы, улестить, и, может, она сама пошла бы ему навстречу. Но больше всего он сожалел о том, что не довел свое намерение до конца. Был бы с ней – и любое возможное, наказание принять не обидно, а так – за что?

Но шло время, и чувство страха в сердце Шарифа проходило. И было бы совсем хорошо, он окончательно успокоился бы и ходил – шапка набекрень, если бы не одно обстоятельство, а именно: он узнал, что капитан Макарович абганеровский, и в то злополучное утро был в Абганерово, ходил на свою улицу, заходил к той женщине, которую пытался обесчестить Шариф. Что, если женщина рассказала о нападении и описала приметы? Черные брови, тонкие, закрученные кверху усы, кудрявые волосы и черные глаза тут не у каждого.

А женщина рассказала. И капитан Макарович, возвращаясь из Абганерово с продуктами, сидел в кабине рядом с начпродом и пересказывал ему и шоферу эту историю – так, как слышал ее от женщины, и сожалел о том, что не смог настичь «этого негодяя».

Шариф не слышал, о чем говорили в кабине: он сидел в кузове, между мешками с хлебом и сухарями, ящиками с консервами и делал вид, что дремлет. Но сердце у него бешено колотилось, и он догадывался, о чем могли говорить там, в кабине.

В тылах полка Макарович сошел и пешком отправился в свою роту, а Шариф и другие бойцы принялись разгружать машину, и Шариф старался больше других.

Во время разгрузки начпрод, как бы между прочим, спросил:

– Ребята, когда мы стояли в очереди у склада, никто из вас в город не отлучался?

Бойцы переглянулись, и поскольку отлучки Шарифа никто не заметил, в один голос ответили:

– Да никто и с места не тронулся.

С того дня Шариф сторонился Макаровича. Если капитан узнает его, и вся эта абганеровская история дойдет до командира полка, ему несдобровать. Шариф боялся подполковника, как огня, и лишний раз старался не попадаться ему на глаза. И тогда, с первой встречи, когда Асланов подобрал пьяного Шарифа в лесу, жизнь его висела на волоске. «Слава аллаху, сжалился над своим рабом, вывел заблудившегося фашистского летчика под мои кулаки! Это смыло мои грехи, – думал Шариф... – Но если попадусь сейчас, мне все припомнят – и самоволку, и пьянку... Капут обеспечен».

За время своей службы Пронин написал множество всяких характеристик и представлений и отлично знал, в каком случае как надо писать. Набил руку. Но в таком щекотливом положении как сейчас оказался впервые. Пронин написал уже третий или четвертый лист, но дальше сообщения о том, что Гасанзаде справляется со своими обязанностями и стремится завоевать уважение и авторитет среди личного состава роты, в сущности, не продвинулся.

Он писал, перечитывал, рвал и выбрасывал написанное. Хотел он того или не хотел, но нельзя было написать на Гасанзаде плохую характеристику. И за отличные действия в трудном бою, Пронин понимал, лейтенант должен был быть представлен к награде. Асланов сам назвал, к какой. И спорить с этим не будешь. Но чтобы эту награду лейтенант получил, подвиг его должен быть описан зримо и ярко. И в характеристике не должно быть общих, ничего не значащих слов, а скупое, но выразительно должны быть описаны положительные черты человека. Но майор писал о них скрепя сердце, он не хотел, чтобы это награждение состоялось, и не скрывал этого от себя, и у него не находилось скупых, но точных и ярких слов ни для представления, ни для характеристики. И поэтому вместо выразительного описания существа дела получилось правильное, но обтекаемое и по существу неверное описание, где все на месте, а главного нет, и из этого описания нельзя понять было, что же такого особенного сделал лейтенант, за что его следует наградить.

Закончив свою многотрудную работу, Пронин отбросил ручку, встал и облегченно вздохнул. «Черт бы побрал этого Гасанзаде со всеми его делами! Для него, видите ли, награда, а для другого мука. Счастливчик выискался, будь он проклят!»

Потом майор взял лист чистой бумаги и переписал характеристику на Гасанзаде набело.

Просмотрел все характеристики. Сверил по списку. Так. Все на месте.

Он сложил наградные листы и другие материалы в папку и собрался было нести их к командиру полка, но, вдруг подумав о чем-то, взял сверху материалы на Гасанзаде и сунул их в середину, между остальными. Выходя из штабной летучки, он встретился с Гасанзаде лицом к лицу.

– Я шел к вам, товарищ майор...

– После, лейтенант, после. Я иду сейчас к подполковнику.

Лейтенант молча уступил ему дорогу. Через минуту Пронин положил наградные документы на стол Асланову.

– Вот, я подготовил...

– На всех?

– На всех. Согласно списку.

– Когда надо отправлять?

– Как подпишете, так и отправим. С этим делом тянуть нельзя, еще начальство передумает. – Пронин усмехнулся. – Но, самое позднее, завтра утром отправлю.

Асланов взял первую характеристику, прочел. Прочел другую.

– Хорошо написано. Если все написаны так...

– Все так написаны, товарищ подполковник.

Асланов полистал характеристики, прочел еще одну. Пронин косил глазом, чтобы узнать, чья характеристика в руках подполковника. Но определить не мог. Лишь бы характеристика на Гасанзаде не попала на глаза подполковнику.

– Эта тоже хороша, – сказал подполковник, и Пронин немного успокоился. Раз хороша, то это не о Гасанзаде...

– Если все характеристики на бойцов и младших командиров написаны в том же духе, то я подпишу. – Асланов еще раз глянул на характеристику, отложенную им в сторону. – Но эта, пожалуй, слишком патетична, перепишите.

Подполковник верил начальнику штаба, они давно работали вместе с Прониным, и майор ни разу еще не подводил его, не ставил в затруднительное положение.

– Сам писал? – еще раз спросил он. – Если сам, то в таком случае не стоит беспокоиться. Можно подписать, не читая. – И Асланов, считывая только имена, звания и фамилии, а также сверяя, кого к чему представляет, стал подписывать документы.

Глава двадцать первая

1

С утра генерал Черепанов был в подавленном настроении. Связи с частями не было, и напрасно связисты колдовали возле радиостанции, среди хаоса голосов и сигналов слышались то неразборчивая русская речь, то писк телеграфных сигналов, то отрывистые немецкие команды, а бригады и полки Черепанова молчали.

– Хоть бы кто-нибудь откликнулся! – в отчаянии сказал радист. – Словно сговорились и замолчали все сразу.

Генерал уже не доверял радистам и готов был сам сесть к рации и искать в эфире нужные ему позывные. Но он видел, как стараются радисты, из кожи вон лезут, но если позывные бригад и полков молчат, то чем виноваты эти несчастные парни?

Как не похож был этот сегодняшний день на вчерашний! Вчера вечером, как раз по этой радиостанции, была получена радиограмма из штаба Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал Еременко сообщал Черепанову, что приказом Верховного Главнокомандующего его соединению присвоено звание гвардейского. И по этому поводу поздравлял Черепанова. Получив эту радостную весть, Черепанов немедленно связался со всеми частями и подразделениями соединения, поздравил всех бойцов и командиров с почетным званием гвардейцев и пожелал им в предстоящих боях стяжать гвардейскую славу.

А сегодня все напасти обрушились прямо с утра. К полудню части Черепанова отбили пять атак противника. Но рев танковых моторов на земле и рев самолетов в небе не прекращался. Едва одна эскадрилья, сбросив бомбы, улетала, как на бомбежку заходила другая. Но чаще всего немцы обрушивались на позиции корпуса группами из 20–30 машин. И не только бомбили, но и обстреливали наши позиции.

Еще до начала бомбежки прервалась телефонная связь. Ну, а вслед за тем замолчали и рации. На позывные штаба соединения откликнулся только танковый полк Ази Асланова. Оттуда успели сообщить, что крупные силы танков противника прорвались на позиции полка, идет бой.

Крайне встревоженный, генерал спросил:

– А где подполковник?

Но полковой радист, наверное, уже не слышал вопроса.

С того момента генерал и наседали на своих радистов.

– Свяжитесь, выясните, почему молчат! Что с Аслановым?

Радист вертел ручку настройки и, как заведенный, взывал в эфир:

– «Машук», «Машук»! Ты меня слышишь? «Машук», отвечай!

Спустя некоторое время полк все-таки отозвался:

– «Казбек», я тебя слышу, я тебя слышу. Рядом упала бомба. Бомба, говорю. Машина горит. Горим, «Казбек», ты слышишь?

И снова молчание. Черепанов выходил из себя.

– Сержант, не теряй позывных! Если радист жив, он должен откликнуться!

– «Машук», «Машук», я «Казбек», ты меня слышишь?

Сквозь путаницу голосов, треск и свист послышался слабый голос «Машука»:

– Прощай, «Казбек», я горю...

Радист побледнел и, сняв наушники, сказал:

– Табак дело... Он больше не откликнется, товарищ генерал. Буду вызывать другие части.

И радист продолжал поиск, но никто не отзывался ему. Уже три часа в условиях боя генерал был как бы оторван от частей своего соединения. Он чувствовал себя как в штормовом море, на судне без руля. Ждать нельзя было, надо во что бы то ни стало восстановить связь с частями. Особенно тревожило его положение механизированной бригады, присланной на помощь корпусу, стрелкового полка и полка Асланова – они прикрывали Верхне-Кумский с юга и с правого фланга. И он послал в механизированную бригаду на броневом автомобиле офицера связи. Но офицер вернулся с полпути – пробиться в бригаду не мог. Еще один пошел на связь в танке – его еле вытащили из подбитой машины; раненый, он только и успел сказать генералу: «Все дороги отрезаны, в бригаду не пробиться».

Сержант-радист все еще надеялся выйти на связь хоть с какой-либо частью; генерал, не выдержав мучительного ожидания, вышел из летучки и нервно ходил около нее взад-вперед, думал. А время шло: что делалось в бригадах и полках, никто не знал.

Было очень холодно. Снег, выпавший ночью, еще не улежался, и, поднимаемый свирепым степным ветром, бил в лицо. Черепанов поднял воротник полушубка. «Надо посылать еще кого-то, – решил он. – Другого выхода нет...»

Он вызвал начальника разведки.

– Надежда только на тебя. Поезжай! И не возвращайся, пока не найдешь какой-либо полк или бригаду. Оттуда выходи на связь.

Начальник разведки молча козырнул, взял с собой одного автоматчика и ушел.

Генерал снова поднялся в машину.

– Ну, что, ничего не получается?

– Нет, товарищ генерал. Ищу, надеюсь, но пока – ничего.

– Ищи, ищи. Я верю, что ты в конце концов выйдешь на связь. А потом все сразу заговорят. Связь нужна сейчас, сию минуту!

Действительно, Черепанов, потеряв связь со своими частями, не потерял присутствия духа, потому что был уверен: бригады и полки ведут бой и сами, со своей стороны, ищут связь с ним. Корпус занял круговую оборону, и он был убежден, что его части остаются на своих рубежах, где преградили путь армейской группировке «Дон», и не дают ей продвинуться вперед, иначе немцы были бы уже тут, у командного пункта. И больше всего его огорчало, что в эти трудные минуты он, не имея связи и не зная положения дел, не может никому помочь ни словом, ни делом.

Неожиданно раздался свист снаряда, автофургон тряхнуло взрывом.

Генерал вышел наружу. Часовой сказал, что командный пункт обстреливает противник, и словно в подтверждение этого просвистел и тяжело грохнул недалеко от них еще один снаряд, а потом они стали рваться чаще, и все ближе, а когда стихли звуки разрывов, на горизонте показались немецкие танки – это они обстреливали командный пункт. В распоряжении Черепанова находился дивизион гвардейских минометов, и генерал приказал ему вступить в бой с танками. «Катюши», надежно замаскированные, вышли из своих укрытий и обрушили свой огонь на танки, окружавшие командный пункт. Они били по врагу на предельно малой дистанции; от рева и воя закладывало уши, все вокруг пылало и тонуло в дыму, а когда дым рассеялся, оказалось, что, оставив на поле боя три горящих танка, немцы повернули вспять. «Катюши» той порой уже успели сменить позицию и снова изготавились к стрельбе.

Первые два офицера, посланные командиром соединения для установления связи с частями, вернулись очень скоро, ни с чем. Офицер разведки не возвращался долго, и можно было подумать, что с ним что-то случилось. Однако вскоре после полудня он вернулся. Он принес нерадостную весть: командный пункт и штаб отрезаны от частей, все дороги перекрыты, взяты под обстрел, пробраться ни в одну из частей он не мог, но от пехотинцев узнал кое-что и, сопоставив их сведения и рассказы, сделал вывод, что бригады и части

корпуса повсеместно отходят к Верхне-Кумскому.

Правофланговая механизированная бригада, полк Асланова и стрелковый полк, которым командовал малознакомый генералу грузин, очень толковый и деловитый подполковник, отрезаны, к ним вообще не пробиться; успевшие отойти об их судьбе говорят разное... Самое грустное офицер поберег напоследок: «Пехотинцы говорят, что утром погиб какой-то, танкист, командир полка. Скорее всего Асланов».

2

– Лейтенант, мы окружены.

– Ты что, Тетерин, бредишь?

– Хорошо, если бы это был сон! Но это явь: мы окружены. Дороги перерезаны. Всюду нарываемся на огонь противника. Похоже, мы скоро окажемся в положении Паулюса.

– С чего ты взял? – Гасанзаде схватил за локти взволнованного Тетерина. – Кто сказал, что окружены?

– Я сам вижу, – спокойно ответил Тетерин. – И пехотинцы подтверждают.

– Паникеры какие-нибудь.

– Нет, не паникеры. Командир стрелковой роты очень обеспокоен.

– Наши ребята знают?

– Нет.

– Пусть не знают пока.

Гасанзаде связался с командиром полка. И Асланов, ничего не скрывая, подтвердил: да, Верхне-Кумский окружен, и кольцо окружения стягивается.

– Ты был прав, Анатолий.

– А командир полка не дал никаких указаний? Что делать? Ведь нельзя же сидеть сложа руки!

– Командир полка сказал, что надо сохранять хладнокровие. Готовиться к бою.

Лейтенант вызвал старшину, заменявшего раненого парторга роты:

– Воропанов, мы в окружении, знаешь?

Воропанов вскинул на ротного уставшие глаза.

– В окружении? Ничего себе, подарочек... Только что стали гвардейцами, и уже попали в окружение!

– Вот сейчас самое время оправдать звание гвардейцев. Слушай, старшина. Судя по всему, окружен не только полк. Так что веселее будет отбиваться. Собери-ка коммунистов. Придет командир полка, разъяснит положение.

К обеду вдруг стали возвращаться отправленные в тыл раненые. «Что это с ними? – думал Шариф. – Голову потеряли, что ли? Обливаясь кровью, идут на передовую!»

На лицах раненых – усталость и тревога. Шариф остановил одного пехотинца с перебинтованной рукой.

– Братец, что это такое, а? Объясни мне, что происходит? Зачем возвращаетесь? Вас же отправили в тыл!

Пехотинец покосился на Шарифа.

– Ты что, с луны свалился? А еще танкист вроде! Не знаешь, что творится вокруг? Немцы сунули-таки нас в мешок. Какой теперь тыл? Теперь на все четыре стороны передовая.

И хотел было уйти, но Шариф ухватил его за здоровую руку.

– Постой, дорогой, объясни, в чем дело? Куда делся тыл, почему кругом передовая?

– Ну и балда! Почему, почему... Потому, что мы в окружении, неужели не понимаешь? «Окружены», – прошептал Шариф и хотел еще о чем-то спросить, но пехотинец пошел прочь не оглядываясь.

Шариф был потрясен. Окружение. Это значит – либо непременно убьют, либо...

Он вдруг вспомнил о коране, зашитом в кожаный; мешочек и висащем у него на груди.

Коран дала ему мать, провожая на фронт. Сказала: «Сынок, поручаю тебя творцу корана. С его помощью ты останешься жив и здоров, и вернешься с войны, и мы зарежем у твоих ног жертвенного барана». О коране Шариф не вспомнил еще ни разу – ни когда воровал, ни когда пил, ни когда покушался на чужую жену...

Теперь вспомнил. Расстегнул ворот гимнастерки, достал засаленную книжечку, трижды украдкой поцеловал ее, приложил к глазам.

– О аллах, в этот трудный час на тебя уповаю, помоги! Согласись, если хочешь, на смерть нашу, но не дай попасть в плен!

Плена Шариф боялся больше смерти. Положив руку на грудь, он ходил вокруг танка, утешал самого себя: «Аллах справедлив и милостив, он не оставит своих рабов в беде, спасет нас».

Все в полку помрачнели. Сначала не верилось, что полк и соседняя часть окружены... Потом, всюду натываясь на огонь немцев, убедились, что это так. Верили, что вырвутся, но ведь знали, что враг беспощаден. И нервы у людей были натянуты, как струны тара.

3

Для Асланова обстановка прояснилась с того момента, когда, подавив огневые точки оборонявшихся, немецкие танки прорвались на наши позиции и вскоре захватили высоту 143,7. При этом им удалось смять подразделения механизированной бригады, а вскоре его полк и стрелковый полк оказались в полной изоляции. Но пехотинцы все еще сражались на южной окраине Верхне-Кумского, а роты танкового полка преграждали вражеским танкам, наступавшим со стороны колхоза имени 8 Марта, путь к Верхне-Кумскому и дальше, на север.

Некоторые подразделения моторизованной бригады, застигнутые врасплох, отступили в беспорядке, но у Асланова и в стрелковом полку паники не возникло.

Асланов немедленно связался с командиром стрелкового полка, а затем и встретился с ним, и они выработали совместный план действий. Сначала решено было разведать все направления, уточнить расположение вражеских частей, их численность, поискать слабые места в кольце окружения и потом идти на прорыв.

Разведчики тотчас ушли в свой трудный поиск. И поскольку речь шла о жизни и смерти каждого и всех вместе, о чести полков и, главное, о том, пройдет враг дальше или не пройдет, они особенно тщательно делали свое дело.

Ази Асланов вызвал командиров рот Данилова, Тимохина, Гасанзаде и Макаровича, ввел их в суть дела, обрисовал обстановку и в общих чертах изложил план выхода из окружения.

– Надо найти слабое место в этом кольце, иначе мы ничего не добьемся, сказал он.

Перчаткой смахнул снег с гусеницы танка «Волжанин», развернул планшет с картой, расстелил ее на гусенице. Смирнов прижал карту, и командиры склонились над ней.

– Кого из своих ты рекомендуешь послать в разведку, Гасанзаде? – спросил Асланов.

– Я думаю, Тарникова можно послать.

– Тарников? Да, это человек дельный. Вызовите его.

Командиры рот нанесли на свои карты необходимые данные.

Явился Тарников.

Командир полка поздоровался с ним за руку и подзвал к карте.

– Тарников, как ты насчет того, чтобы пойти в разведку?

– Если прикажете, пойду!

– Тогда смотри и слушай меня внимательно.

И Асланов показал на карте направление, которое Тарников должен разведать.

– Задача ясна? Еще раз повторяю: в основном ты должен обратить внимание вот на этот участок, – Асланов кончиком карандаша указал отметку, сделанную в верхнем углу карты. – Тут желательно выяснить, есть ли артиллерия, танки... Нет ли какой пустоты... Все

высмотреть, разузнать, себя не показать и вернуться обратно, ясно?

– Ясно, товарищ подполковник. Разрешите выполнять?

– Выполняйте, сержант.

Машина Тарникова тронулась в путь. Он вел ее, выбирая пониженные места, на тихом ходу. Вел в надежде, что немцы ушли на север, оголив тылы, и удастся нащупать стык между их частями.

Танкисты следили за ним, пока танк не поглотила темнота.

С разведкой связывали много надежд, и потому провожали Тарникова с тревогой в сердце и с еще большей тревогой ожидали его возвращения. Найдет ли он лазейку в немецком кольце? Что будет, если не найдет?

– Что будет? – переспросил товарища Шариф. – Одно из двух: или мы должны поднять руки, или вступить в бой с этими прохвостами. Но поднять руки перед каким-нибудь сукиным сыном я не желаю. На все согласен, только бы в плен фашистам не попасть.

– Лишь бы Тарников вернулся из разведки с доброй вестью, а там уж Асланов придумает что-нибудь. Вырвемся!

– Дай бог, чтобы сержант вернулся, – сказал Шариф.

– Вернется! Это же Тарников! С самого начала войны он на передовой, изучил противника, знает, как свои пять пальцев. Нешуточное дело: он из «неразлучной троицы»...

– Жаль Кузьму. Он в этой троице был главным.

– После гибели Волкова Тарников и Киселев как будто осиротели...

Тарников в своей машине словно слышал этот разговор товарищей. Он думал о Кузьме и, высунувшись из люка, смотрел вперед, чтобы не пропустить место, где остался лежать его друг. Ветер хлестал сержанта по лицу мелким колючим снегом. Но вот машина поравнялась с могилой Кузьмы Волкова. Ее уже занесло снегом, только маленькой красной точкой светилась звездочка в изголовье.

Остановиться Тарников не мог, не было времени. Но, проезжая мимо могилы, танкисты сняли шлемы, а Тарников дал себе слово, если жив останется, при первой возможности прийти на могилу и перед именем Волкова дописать: «гвардии старшина».

Те подразделения и части механизированных бригад, которые выскользнули из-под удара немецких танков, отошли на новые рубежи и снова заняли оборону. Вместе с ними окопались артиллеристы и минометчики, и их усилиями враг снова был остановлен. Его попытки прорваться на флангах опять окончились безрезультатно, – и части корпуса, и соседи дрались отчаянно, насмерть, и без боя не отходили ни на шаг. Кроме того, в тылу у немцев, как кость в горле, оказались танковый и стрелковый полки русских; они мешали немцам развить успех.

Черепанов понимал, что участь этих полков должна решиться в ближайшие часы: или они погибнут, смятые немцами, или найдут способ к спасению. Но помочь им в этом, опять-таки, в сложившейся ситуации, было невозможно.

Командир стрелкового полка и Асланов тоже понимали это и не рассчитывали на помощь.

По возвращении Тарникова задача на прорыв была подробно обсуждена на совещании командования полка. Окончательно определилось место прорыва. И когда все было решено, Асланов повторил:

– Значит, я на своем КВ иду во главе основной группы. Пронин наносит отвлекающий удар. В случае успеха, там и прорывайся, Николай Никанорович. Если не прорвешься, поворачивай за мной. Тебя, комиссар, прошу: веди за собой всех. Чтобы никто не остался! Там автоматчики, саперы, связисты, комендантский взвод. В атаке участвуют все. Выходят все! С последней машиной пусть уйдет из кольца и последний боец. А если какую-то часть машин потеряем, экипажи спасать и выводить за собой, ясно?

– Ясно, – сказали Филатов и Пронин.

– А еще я прошу тебя, комиссар, об одном: поговори с людьми. Желательно со всеми. Обязательно побывай у тех, где я не был. Скажи: прорываться будем вместе со стрелковым

полком. Разъясни задачу. Втолкуй, какой удар по настроению наших нанесет наша гибель, и какой удар получают немцы, если мы прорвемся. Настало время вариться в котлах им, а не нам! Пусть это прочувствует каждый!

И Филатов ходил из взвода во взвод, из роты в роту, разъяснял, внушал до того момента, когда танковые роты стали стягиваться в кулак.

Через полчаса, когда небо чуть-чуть стало сереть, полк пошел на прорыв.

На участке Пронина бой завязался с первых минут; немцы быстро определили, что удар по ним наносится сзади, – значит, русские пытаются вырваться из мешка! – и обрушили на Пронина огонь минометов и противотанковых пушек. Пронин отвечал, и под грохот этого боя Асланов бросился на прорыв. Он шел в головной машине; она и приняла на себя первый удар. Но сейчас все спасение было в решительности и быстроте; не считаясь ни с чем, надо рваться вперед; этим, кстати, только этим можно помочь и Пронину, которому тоже обратной дороги нет...

Танки Асланова навалились на немцев, круша все на своем пути; следом за ними бежали стрелки, ведя огонь с ходу, отстреливаясь; ночь озарилась трассирующими очередями, вспышками выстрелов и разрывов. Противник, придя в себя, навалился на отходящие советские части. Они отходили сквозь брешь, прорубленную командирской машиной, стараясь не задерживаться, ибо главная задача была вырваться. На пути выходящих из окружения вырастало препятствие за препятствием, и по всей линии окружения полыхали разрывы мин и снарядов.

Асланов требовал одного: не задерживаться, вперед, вперед!

И все-таки он оторвался от остальных: то ли они отстали, то ли обогнали его.

Вдруг по танку грохнуло чем-то страшно тяжелым; в звенящей тишине слышно было только, как кровь стучит в висках.

– Горим! – крикнул кто-то, Асланов не разобрал, кто. Боевой отсек и башня наполнились душливым дымом.

Ази Асланов с трудом, наощупь открыл люк и спрыгнул с горящего танка. Кожаная куртка и шлем горели, он сбросил их и затоптал огонь. Следом за командиром полка выскочили трое танкистов, уже объятые пламенем, и стали кататься по снегу, пытаясь погасить пламя. Асланов кинулся им на помощь.

Подбитый танк горел.

Но горел он уже на нашей стороне – кольцо окружения было прорвано. Асланов и командир стрелкового полка перехитрили врага.

Мимо горящего танка проскакивали группы пехотинцев. Но где остальные машины? Маневрируя под огнем, в темноте, они могли принять в сторону, а, может, сгорели?

То и дело взлетали в разных местах поля ракеты; пулеметным и минометным огнем Асланова и его спутников прижало к земле: нельзя было поднять голову, осмотреться.

Наконец, немцы немного уgomонились.

– Отходите, ребята, вместе с пехотинцами, – сказал Асланов. Стрелки как раз вновь поднялись для броска, и командир танка Бухтаяров, Шариф, стрелок, которого Асланов, увы, не знал, не заставил себя ждать.

Асланов отходил последним. А спереди, из окопов, стрелки какой-то части, державшие оборону, кричали:

– Сюда, ребята, сюда!

– Давай скорее, а то подстрелят.

Немцы опять обнаружили прорвавшихся и накрыли их огнем. Пришлось залечь. Фугаски рвали землю. Один огромный осколок воткнулся в снег прямо перед носом Шарифа. Шариф еще сильнее прижался к земле. «Бисмиллах, бисмиллах! – дрожащей рукой Шариф коснулся копана – О творец, ты все можешь, спаси меня, грешного!» Пока Шариф молился, его товарищи и командир полка уже отползли далеко. Шариф торопливо заработал локтями...

Тяжело дыша, свалились в окопы.

Командир стрелковой роты узнал Ази Асланова. Обрадовался и вместе с тем не мог скрыть огорчения: танкистов было только четверо, а где же остальные?

Этим был озабочен и Асланов.

– Прошу вас, лейтенант, прикрывать отходящих на этом направлении. Я уверен, многие еще выскочат. – Он прислушался к звукам боя где-то в стороне; там шла сумасшедшая стрельба. Может, это Пронин. А, может, Саганалидзе отводит своих пехотинцев и артиллеристов?

– Есть ли возможность соединиться со штабом бригады?

– Есть, – сказал лейтенант. – Соединим.

И в штаб полетела весть, что танковый полк Асланова и сам Асланов вышли из окружения. С потерями, но все-таки прорвались.

Асланов стал собирать людей.

Прорвалось еще несколько боевых машин. А туда, где есть хоть одна боевая машина с экипажем, тянутся все уцелевшие, и возрождается, как Феникс из пепла, подразделение, часть.

Асланов радовался появлению каждого нового человека. Радовался тому, что тылы полка и медсанчасть в окружение не попали, уцелели; теперь с ними был комиссар, и за них он был спокоен.

Разнеслась весть, что вырвался из окружения и снова занимает оборону полк Саганалидзе. Все это хорошо. Увидеть бы этого чудесного грузина! Но, правда, сейчас не удастся. Неясно, где Пронин, что с этой группой прорыва?

Глава двадцать вторая

1

Пронин со своими танками, наносивший отвлекающий удар, прорвав кольцо окружения, давил огневые точки противника.

По огненным всполохам определив местонахождение минометной батареи противника, он поправил съехавший на затылок шлем.

– Осколочным – заряжай!

– Осколочным – готов!

– Огонь!

Так, чуть-чуть снижая скорость, танк бил по обнаруженным целям и шел вперед, прокладывая дорогу роте Гасанзаде.

Вдруг машину тряхнуло. Майор едва усидел в своем кресле. Грохот удара все еще стоял в ушах Пронина. Придя в себя, он понял, что машина стоит.

– Что стоишь? Выводи из-под огня! – крикнул он водителю.

Водитель не отозвался.

Майор спустился вниз, тронул водителя за плечо – тот не шелохнулся, не поднял опущенной на грудь головы... Погиб и стрелок-радист. Свесился вниз головой заряжающий.

Все это майор разглядел не сразу, в танке было темно, как в колодце, и только в рваную пробоину время от времени пробивался суматошный свет ракет.

Майор поразился тому, что уцелел.

Но надо что-то делать, иначе добьют.

Мотор заглох. Надо, пока не поздно, выводить машину из зоны огня.

Майор оттащил в сторону труп водителя, протиснулся на его кресло.

И тут обнаружил, что рычаги бортовых фрикционов наполовину, словно бритвой срезаны. Рычаг главного фрикциона погнут. Отжать его не хватило сил. Теснота, темнота мешали Пронину. Наощупь он отыскал ломик, которым подтягивают траки гусениц. Отжал им главный фрикцион и поставил рукоятку на газ. Мотор заработал, машина прошла

несколько метров. И снова вздрогнула от оглушающего удара – в нее угодил еще один снаряд. Майор глянул вверх – в башне зияла сквозная дыра.

Он ничего не успел предпринять – фугасный снаряд вздыбил землю перед танком. Затем ударило в корму.

Поднявшись, как пьяный, плохо соображая, майор стал искать выход. Пытался сквозь путаницу проводов подняться в башенный люк, но сил на это у него не хватило. И даже если бы он вылез через башню, его подстрелили бы. Оставался один путь: через десантный люк.

Пронин снова отодвинул труп водителя, пересадил в сторону труп стрелка-радиста. Он обливался липким потом и потому снял полушубок. Освободил запоры люка, отодвинул его и кое-как выполз из машины. И там, под танком, на холодной земле, прижатый днищем танка, как крышкой гроба, лежал, высматривая сквозь катки кого-либо из своих. Назад не поглядишь, спереди ничего не видно. Обдирая пальцы, он разгреб снег между опорными катками. В щель величиной с ладонь он увидел нескольких бойцов в белых масках-халатах; все они лежали неподвижно, нельзя было определить, живы они или нет. Чуть правее стояла тридцатьчетверка и стреляла куда-то. Тая радость, Пронин выполз из-под битого танка, перекатился в сторону, прополз к воронке и залег в ней. Сгоряча он не чувствовал холода, но теперь, на мерзлой земле, на снегу, его бил озноб. Он пожалел, что снял полушубок и оставил его в танке. Перчатки тоже остались в танке. Нет, лежать нельзя – если не убили, то вот-вот замерзнешь.

Пронин медленно, осторожно пополз к тридцатьчетверке. И там его заметили.

– Тереша, осторожнее, кто-то из наших ползет, не раздави, – сказал брату командир «Волжанина» Аркадий Колесников.

Майора приняли на «Волжанина» через водительский люк. Он нашел в себе силы сказать танкистам «здравствуйте» и «спасибо».

Аркадий уступил ему свое командирское место, снизу ему подали телогрейку... Пронин надел шлем.

И танк рванулся с места. Уступом за ним, хотя они этого не видели, шли еще две машины из роты Гасанзаде. А наперерез «Волжанину» стремительно неслись два немецких танка.

«Волжанин» с ходу открыл огонь. Оказавшись на командирском месте, Пронин принял на себя и команду, и братья Колесниковы и пулеметчик Осман Хабибулин точно, быстро, сноровисто выполняли его указания.

Терентий маневрировал, стараясь уклониться от вражеского огня, вовремя притормаживал, и Аркадий из пушки, тремя снарядами, подбил один танк. Начали охоту за другим и тоже подбили. «Волжанин» выскочил прямо на немецкие окопы, и немцы-автоматчики шарахнулись было в стороны, но не все, и в танк полетели гранаты. Сквозь их запоздалые разрывы танк перевалил через вражеские траншеи и устремился к своим, гоня перед собой ошалелых немецких солдат, которых Осман Хабибулин, ругаясь по-татарски, косил из своего пулемета.

– Бей их, Осман, – кричал ему механик-водитель Терентий Колесников. Они мечтают об отпусках, вишь, как на нас бросаются – вот и выдай им бессрочные отпуска.

– Дам, дам, – отвечал Осман, – пусть отправляются в гости к шайтану!

Да, немецкие пехотинцы старались подбить наши танки: подбивают же немецкие танки русские стрелки!

Кроме того, немецко-фашистское командование специальным приказом установило, что солдат или офицер, лично подбивший советский танк Т-34, получает двухнедельный отпуск, а подбивший танк КВ трехнедельный. А что такое отпуск от войны? Это отпуск от смерти. И раз уж русские танки оказались рядом, и от них не уйти, лучше попытаться счастья.

И попытались. Но падали с занесенной гранатой, подсеченные пулеметной очередью, пластались под широкими гусеницами танков...

Время от времени пулемет Хабибулина замолкал, и тогда немцы прямо-таки чуть не лезли на танк.

– Что с тобой, Осман? У тебя руки трясутся? – Терентий скосил глаза на пулеметчика, заметил, что тот опустил голову. Но, услышав голос товарища, встрепенулся, приник к пулемету – и толпу немецких автоматчиков, обвязанных тряпками и платками, в уродливых суконных солдатских чунях, как ветром сдуло.

Осман снова опустил голову на затвор пулемета.

– Да что с тобой, Осман? – крикнул Терентий.

– Потом, Терентий, потом... – Осман схватился за грудь и зашелся в кашле.

Сзади на немцев шли танки Гасанзаде. Оказавшись между двух огней, немцы прекратили обстрел, стали искать спасения.

Пронин понял: прорвались.

Убедившись, что находится в расположении наших войск, он отправился на связь, чтобы выяснить, где командир полка и доложить, что он, Пронин, свою задачу выполнил.

А братья Колесниковы вытащили из «Волжанина» совершенно обессиленного Османа Хабибулина, уложили его на шубу, расстеленную на земле.

– Он ранен! – Геннадий накрыл шубой развороченный живот Османа. Терентий опустил на колени.

– Осман, брат мой... Ты меня слышишь? Сейчас придут врачи. Майор за ними послал...

На круглом лице Хабибулина появилась слабая улыбка, глаза наполнились влагой. Он провел ладонью по лицу Терентия, хотел, видимо, погладить, но рука бессильно упала.

Он закрыл глаза.

– До конца бился... И ранение от нас скрыл, чтобы не отвлекать от дела, – кому-то говорил Аркадий.

Хабибулин слышал слова командира танка, хотел что-то сказать, силился сказать – и не мог. С этими последними усилиями кончилась недолгая жизнь Османа Хабибулина.

Геннадий накрыл его лицо полкой шубы.

Братья встали и выпрямились над ним. И все трое плакали беззвучно, ибо с того дня, как Хабибулин был назначен пулеметчиком в экипаж «Волжанина», он стал им родным братом. Товарищи в шутку называли его Османом Колесниковым.

И он никогда не обижался на это.

Глава двадцать третья

1

– Нам не повезло, полковник, – сказал Густав Вагнер. И затянулся сигаретой. – Мы не смогли разгромить эти два окруженных русских полка. Казалось, все возможности для этого были... – он выпустил дым. – Если бы мы уничтожили их, Верхне-Кумский и другие позиции русских оказались бы в наших руках. Открылся бы простор для продолжения наступательной операции... Для нас и для наших соседей. Кроме того, уничтожение этих полков оказало бы должное влияние на моральный дух русских... Мы сломили бы их морально... Вагнер помолчал. – Но блестящая возможность упущена. Мы теряем свое превосходство во внезапности удара... В силах... В технике... Нелегко было обеспечить это превосходство... Не знаю, как обстоят дела в других дивизиях, но наша дивизия за несколько дней боев потеряла много... Больше, значительно больше, чем за сорок дней боевых действий во Франции.

Полковник молчал. Он не допускал даже мысли, что полки Саганалидзе и Асланова, попавшие в окружение, могут вырваться – им оставалось жить считанные часы. И Вагнер, и Динкельштедт знали, что эти два полка понесли огромные потери, а помощи не получили никакой, и своими силами, без содействия извне, им не вырваться из кольца.

Они вырвались. Вагнер считал это своей личной бедой. Он еще не мог заставить себя

проанализировать свои действия, промахи и ошибки, но знал твердо, что выход русских из окружения зачтется ему с отрицательным знаком и никогда не простится. Он знал и понимал, как озабочен Гитлер судьбой войск Паулюса. Фельдмаршал Манштейн делает все возможное, чтобы прорваться к Сталинграду. Каждый день он докладывает Гитлеру о ходе операции. И в этих докладах давно фигурирует хутор Верхне-Кумский, оказавшийся на пути группы армий «Дон». Сопротивление русского механизированного корпуса и частей 51-й армии будет вот-вот сломлено, и огромная группировка войск фон Паулюса, до которой остались считанные километры, вырвется из кольца... Изменится ход войны. Откроется путь на Баку...

Вагнер знал, что фюрер выспрашивает иногда о мельчайших подробностях, и уж, конечно, он захочет знать имена генералов-победителей, генералов-счастливчиков и генералов-неудачников, проворонивших удачу. У Гитлера очень цепкая память, он помнит то, что считает хорошим, и никогда не забудет того, что считает плохим. Конечно, Вагнер очень хотел, чтобы Гитлер запомнил его имя в хорошем контексте...

– Я думаю, полковник, правы те, кто считает русских фанатиками, сказал он после томительной паузы, и Динкельштедт понял, что фанатизм русских будет считаться оправдательным аргументом при выяснении причин неудачи, постигшей дивизию. – За какой-нибудь несчастный метр своей земли сотни русских согласны сложить головы. Ничего подобного не наблюдал я нигде.

– Полдела было бы, господин генерал, если бы фанатиками были одни русские. Я давно на Восточном фронте и знаю, что в Красной Армии служат люди разных национальностей. И все дерутся отчаянно... По нашим данным, полками, которым удалось вскользнуть из кольца, командовали нерусские. Танковым командовал Асланов – азербайджанец, пехотным – грузин. Но чем они отличаются от русских? Я слышал ихнюю... как это?.. а-а, пословицу: привяжи коня возле тугого коня, и если они не станут одной масти, то нрав друг у друга все-таки переймут.

Вагнер слушал полковника.

– Вы правы, господин полковник. Мой отец в молодости был офицером. Ему довелось воевать в России, и он был в Закавказье. Так вот, отец тоже наблюдал фанатизм русских. Если, говорит, русские поверили во что-нибудь, то стоит только махнуть рукой, и они, голодные, холодные, раздетые с криком «ура» кинутся в огонь.

Со времени прибытия под Сталинград Вагнер отправил в Пархим только одно письмо. В нем он, чтобы польстить родителю, с сыновней покорностью признавал, что дети часто пропускают мимо ушей наставления своих отцов. То, о чем ты говорил мне, отец, в полной мере осознал я тут, в этой морозной, пронизанной ветрами степи. «Буду жив, – писал Густав Вагнер, – выполню твои советы, хотя, конечно, реальность наших желаний зависит от успехов наших войск на фронте. Дела наши, слава творцу, идут пока хорошо, надеемся, что так будет и дальше».

Но желания Вагнера-сына, подогретые Вагнером-отцом, опережали ход событий и не соответствовали успехам немецких войск. Мысленно генерал Вагнер уже не раз побывал в Баку. Ему виделись нефтяные промыслы и золотистые пляжи каспийского побережья. Он мечтал построить там красивую виллу, какие ему довелось видеть на юге Франции. Были у него и другие желания, которые он все-таки оставлял на будущее. Вагнер понимал, что если армии рейха удастся захватить Баку, будет тьма охотников поживиться добычей. На этот счет у высокопоставленных генералов и штатских министров и банкиров есть, несомненно, свои планы. Каждый поспешит оттяпать себе кусок побольше и пожирнее. В России другой строй, это не Франция, Польша или Чехословакия, где все принадлежало частным лицам и не каждую вещь можно тронуть, где шевельнешь Шнейдера, Рено или Шкоду, а оказывается, что задел Круппа или Маннесмана... В России все принадлежит государству, а когда не станет этого государства, можно брать все, в зависимости от своих сил, возможностей и положения.

До вчерашнего дня Вагнер еще надеялся, что он достигнет своего. Но вчера вечером в

штабе группы «Дон» генерал-фельдмаршал отчитал его и командира пехотной дивизии за неудачу в районе Верхне-Кумского. Хорошо, если гнев командующего ограничится этой руганью. Вагнер опасался, что вслед за этим будут приняты серьезные меры, и жил в страхе, который едва скрывал. Он много слышал о Манштейне, но не был с ним знаком, не знал, что это за человек; здесь он тоже только дважды видел Манштейна, и оба раза фельдмаршал был не в духе, хмур и сердит. Последняя встреча с ним не выходила из памяти. Ничего доброго Вагнеру она не обещала.

Полковник Динкельштедт не был в штабе группы «Дон» и не слышал, как отчитывал шефа фельдмаршал, и узнал об этом от самого Вагнера, но встревожился так, словно не генерала отчитали, а лично его. Почему? Потому что с престижем Вагнера он связывал свои планы. Если дивизия отличится, авторитет Вагнера возрастет и его непременно повысят в должности, может быть, пойдет на корпус; в этом случае командиром дивизии назначат его, Динкельштедта – нельзя же его обходить, если поощряют командира. Полковник знал, что, пока он не станет командиром дивизии, генеральского звания ему не видать...

... Похоже, что рушилась его мечта. Господи, в который раз!

2

– Ази Ахадович, дорогой! – с этими словами генерал Черепанов, перебив подполковника Асланова, который, взяв под козырек, хотел отдать рапорт, обнял его и крепко-крепко расцеловал. – Все знаю, все знаю, – сказал он. Рад, что ты жив и здоров, из окружения вышел, полк вывел. Спасибо! Рад, что слухи о твоей гибели оказались ложными! Кого хоронили заживо, тот жить долго будет! А меня, знаешь, эти слухи очень опечалили. Проверить немыслимо, сидел без связи. Скоро тридцать лет, как служу, а не помню, чтобы оказался в таком положении. Вы о нас ничего не знаете, мы – о вас. И уже когда с другими частями связь наладили, с тобой и с Саганалидзе на связь выйти не могли. Поняли, что дело плохо... Уверен был, что держитесь и выход ищите, а чем помочь, как, где? Очень незавидное было положение... – и, уже входя в землянку, генерал продолжал: – Вы сделали большое дело, Ази Ахадович, больше, чем можете себе представить. Находясь в окружении, вы с этим славным грузином сковали значительные силы противника... А выход из окружения – это такой удар для фашистов... В общем, вы с честью выполнили свою задачу. Это, дорогой, не только мое мнение, так думают и командующий фронтом, и представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. Только что звонил Еременко, поручил передать тебе и Саганалидзе его личную благодарность. Выполняю это поручение командующего, от всей души поздравляю тебя, Ази Ахадович.

– Спасибо, товарищ генерал.

В землянке были устроены нары. Генерал, крупный, высокий, сел, заняв большую часть нар. Асланов присел с краю.

– Из разговора с командующим я почувствовал, что и тебя, и Саганалидзе ожидает кое-что приятное. Думаю, представят к высокой награде.

– Саганалидзе отважный человек. На такого можно положиться.

Черепанов улыбнулся.

– По дороге я заглянул и к нему. И мне приятно, что точь-в-точь такими же словами он говорил о тебе! Если бы, говорит, не танкисты Асланова, мы не смогли бы вырваться из кольца.

– Подполковник скромничает, товарищ генерал! В этом ночном бою вся тяжесть легла на его пехотинцев.

– Я не хочу возвышать танкистов над пехотинцами или наоборот, пехотинцев над танкистами, могу сказать только, что бойцы обоих полков сражались храбро, как и положено гвардейцам. Это признают все.

Ази Асланов расстался с подполковником Саганалидзе перед броском на прорыв. Они обговорили только, как будут действовать, и все, на большее времени у них не хватило, но,

уходя, Асланов чувствовал прилив уверенности спокойствие, – веселый оптимизм командира стрелкового полка действовали заразительно. Хорошо воевать с таким командиром. Мыслит ясно, на все смотрит трезво, не унывает. И солдаты в него верят, и он верит в солдат, – что еще надо, чтобы дело увенчалось успехом?

Оба полка успешно прорвались к своим, но потери были велики. Ни тот, ни другой полк не могли оставаться на передовой без пополнения людьми и техникой, без экипировки и хотя бы кратковременного отдыха. Но удастся ли после этого снова стать соседями, попасть на один и тот же участок фронта вот вопрос.

Это волновало и Саганалидзе. Воспользовавшись свободной минутой, он зашел к Ази Асланову. «А-а, гамарджоба, шени чириме, живой, здоровый? – приветствовал он Асланова. – А знаешь, о чем лает немецкое радио? Вот брехуны: они сообщают, что окружили и полностью разгромили в Верхне-Кумском не полки, а дивизии: пехотную и танковую! Так что, мой друг, мы уже несколько дней как сидим на том свете! Немцы были уверены, что никто из нас не выберется из ловушки. А мы выбрались. Так что сегодня мы как бы заново явились на свет. И, по обычаю, за это следует выпить. Эх, был бы у нас под рукой хоть кувшинчик доброго вина!» – «Вина нет, а водка найдется», – сказал Асланов и кивнул Смирнову. Тот обернулся мгновенно. Выпили. Обменялись на всякий случай домашними адресами, – если на фронте не доведется свидеться, то после войны непременно найдут друг друга. Обнялись по-солдатски...

Часа два, как Саганалидзе ушел...

– Ну, а чувствуешь ты себя как после всего пережитого? – продолжал Черепанов.

– Да нормально чувствую себя, товарищ генерал. Теперь меня одно только беспокоит...

– А что?

– В строю у меня осталась половина машин... Более половины личного состава выбыло из строя...

– Мы это знаем. И как раз я к этому веду речь. Сейчас на нашем участке относительное затишье. Поэтому принято решение снять полк с передовой, чтобы привести его в порядок. Машин еще нет. Возьмешь в мастерских все, какие отремонтированы, свои, которые нуждаются в ремонте, сдашь. Комплектуй полк. Людей тоже подкинем. Впереди тяжелые бои. Но есть одна радостная весть: пока мы тут отбивались, закончилось сосредоточение ударных частей, они уже на подходе. Туго придется Манштейну! Скоро, очень скоро ему не о прорыве к Паулюсу надо будет думать, а о спасении собственной шкуры. Хлебнет он горюшка в этих степях, вот увидишь!

Глава двадцать четвертая

1

К вечеру полк вывели с передовой. Началась проверка и укомплектование танковых экипажей. Некомплект был большой. Смотришь, машина в порядке, а из экипажа остался всего один человек... И наоборот, экипаж был в полном составе, а машины не было – либо подбита, либо сгорела.

Теперь сколачивали экипажи, распределяли, по машинам.

В полдень, после обеда, объявили перекур. Танкисты уселись в глубоком капонире, окружив человека малознакомой профессии – Махмуда Сеидзаде.

– Жаль, – рассказывал Сеидзаде, – я был один! Много не смог снять. А какие эпизоды были!.. Жди теперь, когда что-нибудь похожее подвернется! Ну, что есть, то есть. Надо было помощника с собой взять... Так на чем же я остановился? Да, вспомнил. Наша машина шла рядом с машиной командира полка. На нашей, кроме меня, еще автоматчики были, один был приставлен персонально ко мне, охранять... Ну, вы знаете, ударили по противнику сзади, да еще врасплох, они даже огня открыть не успели, так растерялись. Тут – приказ Асланова, и

заговорили танковые пушки... И мое «орудие» висело у меня на шее, – указал Сеидзаде на свой аппарат. – Я давай снимать...

Парамонов потянулся к аппарату.

– Что это за штука такая, позволь посмотреть.

– Потом покажу, отец, – остановил Парамонова Сеидзаде.

– Не перебивай, дед, пусть расскажет, потом посмотреть успеешь.

От этих «потом» и особенно при слове «дед» Парамонов вспыхнул, как порох. Он страшно не любил, когда его так называли и, особенно, когда к нему проявляли, как к пожилому, какую-то жалость, снисхождение или старались дать ему что полегче. Во-первых, он не старик, а, во-вторых, чем он хуже других?

«Ладно! – подумал он. – Эка невидаль! „Потом, потом“... Совсем глядеть не желаю!» И гневно глянул на Тарникова, и подергал свой пожелтевший от табачного дыма ус.

– Словом, запустил я свой аппарат и давай снимать все подряд, думаю, в Баку на студии отберу то, что нужно, – рассказывал Сеидзаде. – А в самый разгар боя автоматчик тычет меня в бок. Хватит, говорит, снимать, давай, не зевай, немцы справа прут. Я закинул аппарат за спину и взял автомат. И, действительно, вижу: немцы поднимаются и вместо того, чтобы самим сдаваться, орут: «Рус, сдавайся!» А я впервые их вижу; стрельба кругом, про автомат свой забыл, в руках его держу, а руки онемели, будто не мои...

– Это верно, – подхватил кто-то, – в первый раз всегда теряешься, от страха чего не бывает...

Это – Шариф Рахманов. Махмуд повернулся к нему, но на колкость его не ответил.

– На счастье, автоматчик мой меня рукой отодвинул. Что, говорит, картинки снимать явился? Стрелять надо! А не можешь, так мне не мешай, твою драгоценную жизнь мне доверили, мать твою перемать! – Махмуд переждал смех. – Он весь диск по немцам расстрелял, вижу, другой вставляет. Меня снова – кулаком в бок: чего разлежся? Я к тому времени опомнился, прижал автомат к плечу, стрелять собираюсь. Куда, говорит мой автоматчик, видишь, бегут? Я подумал: поздно стрелять... Если бросаешь камень вслед, угодишь в пятку, как у нас говорят. А мой ангел-хранитель кричит: раньше надо было стрелять, когда немцы пошли в атаку. Раз не стрелял тогда, теперь займись своим делом, снимай. И стал я вертеть ручку своего аппарата. Вот так, лежу и кручу, боюсь только что-либо главное пропустить. Снял несколько изумительных эпизодов. А автоматчик, я думаю, раз пять от верной смерти меня спас. Ранили его. Тут мы к своим вышли, его санитары сразу на носилки – и в санчасть. Я его только на носилках и успел снять – один-два кадра... Очень жалею...

– А оно завсегда так: ищем героев где-то далеко, а тех, кто рядом, не замечаем, – сказал Парамонов. – Поди, и проститься с парнем не успел?

– Не успел, – огорченно произнес Сеидзаде. – И фамилию не знаю...

– Вот-вот... Ну, а когда же мы увидим снятое тобой кино? Любопытно поглядеть, что ты там снял, стоило ли из-за этого тащиться сюда из Баку?

– Это будет киножурнал. Короткий фильм, проще говоря, и не скоро.

– А когда же, к примеру?

– Наверное, через месяц. Завтра отправлю в Баку заснятую пленку, ее там проявят, подготовят. Скажу, чтобы одну копию прислали сюда.

– Ну и ну! А я – то думал, что ты тут же покажешь нам все, что снял. А так выходит, что ты брал в кредит, а мы тебе дали аванс, которого обратно, может, и не получим.

– Нет, ребята, я верну наличными, – смеясь вместе со всеми, сказал Сеидзаде. – Мне только не хватало одного-двух эпизодов.

Он поднялся на кромку капонира.

– А чего еще не хватало? – спросили танкисты.

– А вот этого самого эпизода, который я снимал, пока мы говорили: «Танкисты после боя». Оставляйтесь на своих местах, курите, говорите, смейтесь, я еще раз, для верности, сделаю несколько кадров...

После обеда в штаб полка было вызвано восемнадцать человек. Офицер связи выстроил их около землянки командира полка, проверил по списку. Спустился в землянку Ази Асланова, доложил Черепанову, что люди собраны.

Генерал Черепанов в сопровождении Ази Асланова и других командиров вышел к строю. Поздоровался.

– Товарищи бойцы и командиры! Вы приглашены для получения заслуженных вами высоких правительственных наград за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Поздравляю всех вас и надеюсь, что впредь вы будете сражаться так же, до самой победы.

Генерал закончил свою речь, и вперед вышел комиссар полка Филатов со списком награжденных.

– Сержант Василий Киселев!

– Я!

Сержант вышел из строя. Из-за генерала выступил веснушчатый молодой лейтенант, открыл маленький коричневый чемоданчик, достал из него красную коробочку величиной со спичечный коробок, передал ее генералу. Тот раскрыл коробочку – в ней лежал орден Красной Звезды.

– Поздравляю вас, товарищ сержант!

– Служу Советскому Союзу!

Так, один за другим, бойцы и командиры получили из рук генерала свои награды.

Чтобы не привлекать внимания противника, полк при вручении наград не выстраивали, но все равно позади строя награжденных собралось немало людей штабники, связисты, ремонтники, медперсонал.

Лена Смородина, как и все в полку, знала, кого представляли к награде, и знала, что среди представленных был и лейтенант Гасанзаде. Кроме того, она знала, что оформлял представления Пронин. Она удивилась и обеспокоилась, когда комиссар прочел весь список, а имя Гасанзаде среди награжденных не было названо. Утром она видела командира роты – вышел из окружения цел и невредим, не ранен, не болен. Что, не мог явиться на вручение наград? Видимо, на него либо не было представления, либо ему отказали в награде. И вдруг догадка обожгла ее: «А не подставил ли Пронин ножку лейтенанту?»

Еще утром из штаба корпуса сообщили в полк имена награжденных. Пронин сверил их по списку. Фамилии Гасанзаде, как он втайне ожидал, в списке не оказалось. Майор еще раз перечитал оба списка. «Нет, я не ошибся, – он удобно уселся на стуле, закинул ногу на ногу. – Ну, так... Гасанзаде ничего не получит... Подождет... Да, но из двадцати представленных награждены восемнадцать. Кто же второй неудачник?»

Вторым оказался Парамонов. «Тоже вычеркнут, – майор почесал пальцем подбородок. – И тоже из второй роты... Ну и дела».

Он вспомнил, как лейтенант Гасанзаде приходил к нему за чем-то, а он его не принял. Вспомнил, как четко действовал ротный при выходе из окружения.

Вспомнил это и смутился сначала, а потом встревожился. Комроты-два награды не получил. И боец из его роты тоже не получил... Это будет замечено. Даже удивительно, что до сих пор не замечено. И Филатов ничего не сказал... «Да, но кто виноват, что Парамонов не получил награды? – утешал он себя, вспомнив представление на Парамонова, – оно было написано вроде бы убедительно? Так чего я волнуюсь? Кто-то там, наверху, кого-то вычеркивает, а я должен об этом думать?» Но майор знал, что Асланов непременно заинтересуется, почему двое вычеркнуты из списка представленных к награде, и ему надо ответить точно. Поэтому он предусмотрительно позвонил в штаб, поинтересовался, почему Гасанзаде и Парамонов не попали в число награжденных. И там ответили, что командир роты не прошел «наверху»: нашли, что неясно, за что награждать, а Парамонова хотели было

утвердить, но тоже отложили до другого раза. Ответ вполне удовлетворил Пронина, и он тотчас пошел к Ази Асланову.

– Ази Ахадович, только что передали список награжденных, – сказал он. Двое, к сожалению, не прошли. Я подумал, может, какая ошибка, проверил список, позвонил в штаб...

– Кого вычеркнули?

– Парамонова и Гасанзаде.

– А почему, не спросил?

– Спросил. – И Пронин передал командиру полка то, что сказали в штабе.

Асланов выслушал его, задумался.

– Не огорчайтесь, Ази Ахадович, сказал Пронин. – Я думаю, это дело поправимое. Не получили награды в этот раз, так получат в следующий. Слава богу, оба живы, здоровы. Воюют неплохо, месяцем раньше или месяцем позже свое получают, так что невелика беда...

– Было бы лучше, если бы получили в этот раз. До следующего раза мало ли что может быть. Но ты их обоих имей в виду, и будем твердо стоять на своем. Каждый должен получить то, что заслужено. Это закон.

То ли в землянке было жарко, то ли потому, что он был в полушубке, то ли от волнения майор вспотел. И немудрено: со времени совместной службы с Ази Аслановым, он впервые был так неискренен, и впервые подставил ножку другому. Даже двоим, в том числе рядовому солдату.

От всего этого ему стало не по себе.

3

А к вечеру Асланов сам зашел в землянку начальника штаба.

Пронин как раз брился.

– Николай, – ласково сказал Асланов, – сколько времени мы вместе с тобой воюем?

– Да уже около года.

– А были у меня какие-нибудь тайны от тебя?

– Не было! – искренне сказал Пронин.

– А у тебя – от меня?

Пронин опустил бритву в мыльную воду да так и застыл, задумавшись над непонятным вопросом подполковника.

– Ази Ахадович, – медленно орудуя бритвой и стараясь взять себя в руки заговорил Пронин. – В последнее время было много такого... не было возможности посидеть, поговорить... Нет в полку ничего такого, чего бы ты не знал... Но, понимаешь, со мной приключилась одна история, давно надо бы поделиться...

– Да, я кое-что знаю, хотя ты и скрытничаешь. Однажды я даже пытался окольными путями что-нибудь выведать у Лены. Я ведь вижу, что оба вы не в себе... Но она так и не сказала, что произошло между вами.

– И не скажет. Интеллигенция... Гордости и высокомерия хоть отбавляй.

– Не могу с тобой согласиться. Нет у Лены ни излишней гордости, ни высокомерия. Когда женщина обижается на мужчину или мужчина разобижен, от них едва ли услышишь объективные суждения друг о друге.

Пронин выбрил ямочку на подбородке, нащупал ее пальцем. Тянул с ответом, потому что, действительно, был неправ. Лена хотела поговорить с ним, а он...

– Хочешь знать правду, Ази Ахадович?

– Конечно.

– Если узнаешь, что произошло, переменишь свое мнение...

– Ничего, говори... Поделись своим горем, спроси совета – может, как говорится, полегчает? Итак, из-за чего поссорились?

– Самая обычная причина. Изменила мне.

– Не верю, – возразил Асланов. – Эта женщина на такое не пойдет.

– А вспомни, что рассказывал Филатов... Он застал их в землянке, одних, и в таком виде, что сомнений быть не могло.

– А я вот в тот же день был в роте Гасанзаде, говорил с лейтенантом. Не заметил в нем ни смущения, ни фальши, а ведь если человек врёт, это сразу видно.

– Допустим, Филатов ошибся. Но я – то своими глазами видел.

– Что видел?

– Видел их вместе. В лесу.

Асланов смутился.

– Нет, ты что? Видел их, как говорят, на месте преступления?

– Ну, конечно, не так... Но шли, чуть ли не обнявшись, так что сомнений не остается...

– Значит, шли рядом? Через лес? – Асланов засмеялся. – И из того, что шли рядом, следует...

– А что тут смешного?

– А все! – погасил улыбку Асланов. Ты зря что-то вообразил. Лена серьезная девушка, ты ошибаешься, подозревая ее в измене.

– Хотелось бы ошибиться, Ази Ахадович. Ведь я любил ее.

– Любил? А теперь не любишь?

Доблив лицо и вытеревшись полотенцем, Пронин отодвинул в сторону кусок зеркала.

– У тебя все ясно, с тобой не приключалось такого, поэтому ты не понимаешь, что я пережил.

– А что, если сейчас вызвать Лену и Гасанзаде? И поговорить с ними? Разумеется, без тебя. Мне-то ты веришь? Все сразу станет на свое место.

– Ни тот, ни другой ни в чем не признаются...

– Ты слишком запальчив, Николай. Советую тебе быть хладнокровнее.

Пронин промолчал.

Асланов искренне сочувствовал ему. Он знал про близость майора и Смородиной, верил, что у них настоящая любовь, и не осуждал их. И он решил про себя, что при первом же удобном случае, как старший, поможет Пронину распутать узел, который тот сам затянул.

4

Илюша Тарников и ребята из других рот и экипажей вместе с помпотехом Чеботаревым приехали в ремонтные мастерские за машинами. Чеботарев сразу занялся переговорами с начальством и оформлением дел, а Тарников, узнав, что до опробования машин придется ждать еще не один час, отпросился у майора, чтобы, как он уверял, навестить кого-то в полевом госпитале. И он действительно пошел в госпиталь, хотя никого из знакомых у него там не было, – просто ему захотелось на людей поглядеть, особенно – на женщин, поговорить, поболтать с ними, а может, и знакомство какое свести, если повезет. «Посмотрим, кого тут пошлет нам судьба», – решил он, осматриваясь и придумывая какой-нибудь предлог «для затравки». Он заглянул в крайнюю палату. Ему повезло: на койке спиной к двери лежала девушка. «В таком положении, конечно, она должна смущаться, а в этом случае разговаривать легче», – решил он.

– Разрешите войти.

Девушка вскочила, села, подобрала под косынку светлые волосы. Это была крупная, приятная с лица девушка – как раз такая, каких Тарников обожал.

– Что у вас? – спросила сестра.

Тарников скорчил гримасу, отчего некрасивое его лицо стало совсем безобразным, маленькие глазки потонули в складках век, и схватился за живот.

– Так что с вами?

– Не знаю, доктор, так схватило живот, что порой вздохнуть не могу.

– Я не доктор, я медсестра.

– У меня от боли в глазах двоится, извините, пожалуйста, но помощь какую-нибудь можете оказать? Я думал, мятные капли помогут или таблетки какие-нибудь.

– Подождите, сейчас принесу.

– Что хотите делайте, только помогите... И как некстати она напала... Тарников опять скривил лицо, словно роженица, схватился за живот, сел.

– Поносит вас?

– Нет, не поносит, что вы! Но колет. Может, в дороге меня растрясло, или простуда... Или съел чего-нибудь не то... Уф-ф-ф...

Медсестра поспешила за лекарством. Тарников, довольный первым успехом сыгранной роли, глядел ей вслед, думал, как быть дальше.

Медсестра вернулась озабоченная. Налила в стакан воды, чего-то накапала.

– Пейте. Не горькое, только холодить будет.

Тарников выпил, вздохнул.

– Скоро боль прекратится.

– А она уже, кажется, проходит. – Тарников понемногу, словно пробуя, выпрямился, встал, оценивающим взглядом посмотрел на девушку. Она почувствовала это, смутилась. Потом спросила:

– Вы из какой части? Артиллерист?

– Нет, наша часть стоит на передовой. Мы тут технику получаем. Я танкист.

– Танкист?

– А что? Вы так спрашиваете, будто у вас среди танкистов есть родственник, муж или брат?

– Есть человек. Он мне ближе отца и матери.

– Так, понятно, – Тарников крикнул. – А как его фамилия, если не секрет? Может, я его знаю?

– Как раз хотела спросить о нем. Волков его фамилия. Кузьма Волков.

– Кузьма? Кузьма Евграфович?

– Да, – загорелась девушка. – Но откуда вы знаете, что Евграфович?

– Откуда знаю? – растерялся Тарников. – Вы удивляетесь, что я знаю отчество своего лучшего друга?

– Кузьма – ваш друг? Да вы сядьте, сядьте, скажите, где он, могу ли я увидеть его?

Хотя девушка и не назвала своего имени, Тарников понял, что это и есть невеста Кузьмы, и сейчас она начнет выпрашивать о нем. Сказать правду, огоршить ее страшным известием он не решился. Надо сделать вид, что все хорошо, Кузьма жив... Надо, чтобы Люда ничего не заподозрила.

– Как хорошо, что я сюда забежал! Иначе вы не узнали бы, где служит ваш друг.

– Это верно.

– Чтобы вы убедились, что я его знаю, скажу, как вас звать...

Медсестра засмеялась.

– Скажите.

– Люда.

– Верно. Что, Кузьма рассказывал вам обо мне?

– Чуть ли не каждый день.

– Он не приехал с вами сюда? Нет? А не может ли он отпроситься у командира хоть на часок?

– Не знаю...

И Тарников снова скрючился, как будто боль вернулась к нему.

– Полежите, пройдет.

И девушка помогла Тарникову лечь.

– Сейчас придет врач, посмотрит. Вдруг у вас аппендицит...

Тарников испугался. Если события будут развиваться таким образом, тут уморят вниманием, во всяком случае не скоро выпустят.

– Аппендицита у меня нет, его еще в детстве вырезали. Это колики, самые обыкновенные колики. Думаю, от пищи. Переел. Спасибо вам, я пойду, постепенно и боль пройдет. Простите, меня ждут.

– Разве не можете подождать хоть немножко?

– Не дай бог, опоздаю, ошпилют меня, как цыпленка. До свидания! Я все скажу...

– Подождите, я хочу передать с вами маленькое письмецо Кузьме. Не затруднит вас?

– Что вы! Пишите, я подожду. Да не спешите: минута – туда, минута сюда, за нее не повесят...

– Видите, как я быстро. В конверт не кладу. У меня нет тайн ни от Кузьмы, ни от его друзей... Привет ему передайте.

– Обязательно.

Тарников положил письмо в карман и вышел, стараясь не глядеть Люде в лицо.

Глава двадцать пятая

1

Так, неожиданно для себя, Тарников вышел на Люду, о которой мечтал и которую искал его друг. Все игривые намерения Илюши отлетели прочь; занятый опробованием машин, он думал весь день о судьбе своего друга и о судьбе Люды; не знал, как быть с ее письмом, мучился тем, что не открыл ей правды, и в конце концов решил пойти к комиссару полка – он посоветует, что делать.

К Филатову шли в трудных случаях, и, как правило, вдвоем с командиром полка, или сам он всегда находил решение.

Филатов уже довольно долго служил в полку. Когда ему предложили должность в танковом полку, он попросил члена Военного совета направить его в стрелковую часть, где все ему близко и знакомо – специфики танковых частей он не знал.

– Ничего, ничего, послужи и в танковом полку, – сказал член Военного совета.

Но Филатов неохотно принял это назначение.

Прибыв в полк Ази Асланова, он неожиданно обнаружил, что люди в нем хорошие, спокойные, доброжелательные, и решил, раз уж так пришлось, войти в курс всего, чем танкисты заняты. Взял у Пронина наставления, руководства и инструкции по танковому делу, по тактике танковых войск. Неизменно участвовал на занятиях по боевой подготовке, а вскоре водил танк и стрелял из танковых пушек.

Удивляясь и радуясь его рвению, Ази Асланов как-то сказал шутя:

– Михаил Александрович, никак задумал отнять у нас кусок хлеба?

– Наоборот, хочу честно отрабатывать свой кусок хлеба.

– Ну, ты же изучаешь все, чем заняты стрелковые командиры.

– Так я же обязан все это знать, или, по крайней мере, разбираться в элементарных вопросах.

– Верно, – согласился Асланов.

Постепенно авторитет Филатова рос. И вовсе не случайно Тарников по возвращении пошел к нему, передал письмо Людмилы. Сержант мог написать ей и сам, но решил, что Филатов как лицо официальное и как старший найдет, как лучше ответить.

Письмо Люды было, как все подобные письма, исполнено любви и тревоги.

«Кузьма, милый мой, я совершенно случайно встретила твоего сослуживца и узнала о тебе. Оказывается, мы рядом, а ведь могли разминуться. Писем от тебя ждала-ждала... Думаю, надоело ему писать, или некогда, или разлюбил... Если нет, если любишь, то отпросись у своего командира хотя бы на часок, повидаться, поговорить. Мне так много надо сказать тебе! Буду ждать тебя со дня на день, а если хочешь, сама напишу командиру твоей части, чтобы отпустил тебя... Или лучше сама отпрошусь и приеду. Целую тебя, милый мой.

Жду. Твоя Люда».

Комиссар долго сидел, вздыхал над письмом девушки.

«Дорогая Люда, ты ждешь своего любимого и, конечно, не ждешь письма от комиссара полка, – писал ей Филатов. – Сержант Тарников рассказал мне о вашей встрече, но он не решился сказать вам горькую правду – это приходится делать мне. Знаю, как будет вам больно читать эти строки, но рано-поздно должны вы узнать, что ваш друг Кузьма Евграфович Волков пал смертью героя в боях на Сталинградской земле. Вы сами человек военный, и хорошо понимаете, что войны без жертв не бывает. Кузьма погиб, но погиб славной смертью, и много врагов убрал с нашей дороги.

Будьте мужественны. Надеемся, смерть любимого человека не заставит вас опустить руки, склонить голову. Гордитесь, что вас любил такой человек. Боевые товарищи Кузьмы Волкова отомстят врагу за его смерть. Считайте нас своими товарищами и однополчанами, знайте, что вы нам как сестра, и мы всегда с вами!»

Перечитав письмо, Филатов еще раз вздохнул и подписался.

Тарников встал – у него было такое ощущение, будто письмо это они с комиссаром писали вдвоем.

2

В последних числах декабря советские войска перешли в наступление против группы армий «Дон» и гнали ее на юго-запад.

Бои были страшные.

В метельную темную ночь два солдата, наклонив от ветра головы, несли кого-то на носилках. Рядом шла женщина, то и дело поправлявшая полушубок, которым был укрыт раненый. Казалось, женщина не замечает снега, бившего ей в лицо.

Из темноты кто-то спросил:

– Кого несете? Куда?

Женщина обернулась и увидела в темноте высокого человека, а за ним еще одного, но не могла узнать, кто эти люди. Она ответила неохотно:

– Несем раненого, товарищи, в ближайший медсанбат.

– Капитан Смородина, это вы?

– Я, товарищ генерал, – отвечала Смородина – из темноты выступил Черепанов, и врач узнала его.

– А кто ранен?

– Майор, Пронин.

Генерал подошел к носилкам. Солдаты опустили раненого на землю.

– Пронин? Seriously ранен? Тяжело?

– Почему не на машине? Так ведь и тяжело, и долго...

– Очень он ослабел, товарищ генерал, едва дышит. А дорога неровная, в машине разтрясет. До дороги понесем на носилках, а там переложим в машину.

– Тогда не медлите.

Солдаты подняли носилки и пошли. Смородина пошла рядом. Генерал Черепанов в сопровождении адъютанта направился к машине.

Танковый полк Ази Асланова пополнился людьми и отремонтированными танками – пятью КВ и шестью Т-34 – снова был послан на передовую и вскоре вступил в бой с большой танковой частью противника, прикрывавшей отход немцев в сторону Котельниково.

Пронин был ранен под вечер, когда две танковых роты под его началом выполняли маневр, стараясь обойти фашистов с фланга и отрезать им путь к отступлению. Машина Пронина напоролась на мину. Майора выволокли из танка без сознания.

Лена Смородина оперировала его в санчасти.

О ранении начальника штаба сообщили Ази Асланову.

Асланов ушел далеко вперед, вернуться он не мог; но приказал принять все меры, чтобы спасти майора и вовремя доставить его в медсанбат.

Смородина выполняла двойной приказ: приказ командира полка и приказ сердца.

Глава двадцать шестая

1

С тех пор, как с фронта пришло известие о гибели сына Гаджибабы, Нушаферин лишилась сна.

Слезы то и дело текли по ее сморщенному лицу, глаза выпвели от слез, и худые руки тряслись.

Сначала решили скрыть от нее черную весть. Но соседка, старая Гонча, зять которой работал в военкомате узнав от него о гибели Гаджибабы, пришла выразить Нушаферин соболезнование, и начала голосить еще с улицы.

Нушаферин после этого едва привели в чувство, но стоило ей взглянуть на фотографию сына, как она начинала причитать.

– Ох, сынок, сынок! Надломил ты меня, как былинку! Лучше бы та пуля сразила меня! Не видеть бы мне этих горьких дней! Я жила и надеялась, что мои сыновья понесут на плечах мой гроб. А я тебя оплакиваю. И памяти по себе не оставил ты, сынок, – ни внука, ни внучки... Зачем мне жить дольше сына? И за что, аллах, ты покарал меня, не дал увидеть еще раз лицо сына, закрыть его глаза?! За что ты оставил меня жить, для чего, для кого?

Хавер боялась оставлять ее одну, и по ее наказу Тофик, где бы ни был, присматривал за бабушкой.

Нушаферин успокаивалась немного только тогда, когда приходили письма от Ази. Каждое письмо она просила прочесть вслух, и не раз и не два, а потом прятала его у себя на груди. Зазывала в дом кого-либо из соседских ребятишек-школьников и просила их снова и снова читать письмо. Убедившись, что домашние не обманули ее, прочли письмо от слова до слова, ничего не пропустили и не скрыли, она на время затихала.

Тофик, выпачканный в песке и в грязи, обычно влетал в комнату, как метеор. Кричал с порога:

– Бабуля, я хочу есть, дай хлеба!

Услышав голос внука, старуха вытирала слезы, старалась выглядеть веселой. Но Тофик, глянув на красные глаза и набрякшие веки, тотчас обо всем догадывался.

– Бабушка, ты плакала? Что случилось? У тебя что-нибудь болит?

– Нет, дорогой мой, я не плакала. Глаза у меня болят, глаза.

– Хочешь, я поведу тебя к доктору?

Старуха прижимала внука к груди.

– Ох, сладкий ты мой! Радостно мне от твоих слов! – она целовала ребенка в губы. – Да стану я жертвой твоего нежного сердца, аи киши!⁴ Маленький мужчина. Пока отец воюет, ты тут вместо него...

– Так идем к доктору?

– Да зачем, зачем, звездочка ты моя ясная! Я не больна. Давай сперва я тебя умою как следует, потом одежду грязную сменим, потом налью тебе довги.⁵ Да хватит бегать по улице, отдохни, скоро мама придет с боты.

Нушаферин кормила внука, любовалась им и думала про себя: «Господи, что я делала

⁴ Киши (азерб.) – мужчина.

⁵ Довга (азерб.) – рисовый суп на кислом молоке с зеленью.

бы без детей? Когда слышу их голоса, когда смотрю на их лица, кажется, я самый счастливый человек на свете».

Из соседней комнаты послышался детский крик. Нушаферин проворно встала, прошла в соседнюю комнату, накрыла одеяльцем младшего внука. Ариф, не открывая глаз, повернулся на бок и сладко зачмокал во сне. На личике играла улыбка. Нушаферин осторожно оттерла пот с лица ребенка, погладила его по головке. «Гаджибаба не оставил памяти по себе», – горестно подумала она и опять заплакала.

2

Осенью в Ленкорань и ее окрестности слетаются на зимовку из дальних холодных краев огромные птичьи стаи. На южном берегу Каспия тепло, как весной или летом. Даже зимой тепло, в декабре, в январе деревья, смотришь, еще несут на себе свой зеленый убор.

Стаи птиц кружат над густыми лесами, над горами, над чайными плантациями, ищут корм.

Возвращаясь из районной конторы кинопроката, ребята загляделись на птиц. Один пацан остановился и долго смотрел на вершину гигантской чинары. Потом побежал догонять товарищей.

– Ты что рот разинул? – накинулся на него Полад. – Все время сзади плетешься.

– Так... Знаешь, посмотрел на дерево и глаз отвести не могу. Никогда не видел таких птиц. – Таваккюль показал рукой на верхушку чинары. – Давай вернемся, посмотрим.

– Ай Чапыг, именно сейчас надо тебе полюбоваться птицами? Помешался на них, что ли?

Полад покосился на Рашида, назвавшего Таваккюля «Чапыгом».

– Так, Рашид: ты нарушил обещание, которое мы дали тете Хавер. Передай коробку с лентой Таваккюлю, а сам убирайся.

Рашид спохватился, опустил голову. Остальные молча стояли вокруг Полада, Таваккюля и Рашида.

– Ну, кому говорю? – повторил Полад. – Тебе говорю, Рашид: отдай коробку Таваккюлю.

– Ей-богу, это нечаянно вырвалось, Полад-джан, клянусь отцом, больше так не скажу. – Таваккюль был обескуражен.

– Больше не скажет, – загалдели ребята.

– Ладно, Полад, я прощаю его, – сказал Таваккюль.

– Таваккюль прощает меня. Полад-джан, клянусь, я больше не назову его так...

Гнев Полада прошел.

В кинотеатре он с помощью своих добровольных помощников разложил ленты кинофильма и подготовил их к демонстрации. Но до начала первого сеанса оставалось еще несколько часов.

Он пообещал ребятам пропустить их вечером бесплатно в кинотеатр и отправил по домам.

Потом зарядил аппарат.

И с первых же кадров понял, почему заведующий кинопрокатом, выдавая ему фильм, сказал: «Мы даем тебе замечательный киножурнал».

Киножурнал этот был очерк о воинах Сталинградского фронта, танкистах Ази Асланова.

Полад остановил аппарат, повесил замок на дверь кинотеатра и хотел уже уходить, когда появилась Хавер.

– Есть новый фильм? – спросила Хавер.

– Есть. Не новый, но хороший. «Крестьяне», как и указано в афише...

– А журнал?

– Новый, тетя Хавер, новый журнал. Я такой журнал принес, если бы вы знали!

- Что за журнал?
- Замечательный! Будем смотреть не насмотримся!
- О чем он?
- Сейчас не скажу. Сядьте в зале, я его для вас одной прокручу, а?
- Некогда мне, спешу. Скажи только, о чем?

Радость Полада заинтриговала ее, но у нее, конечно, и в мыслях не было, что она может увидеть своего мужа на экране.

- О дяде Ази, о дяде Ази этот фильм, тетя Хавер! О нем и о его бойцах!
- Об Ази? Ты не обознался? Правду говоришь?
- Истинную правду, тетя Хавер!

Хавер обняла Полада.

- Нет, ты своими глазами видел, или в конторе сказали?
- Своими глазами! Вот только что, здесь, дядя Ази стоял около танка. В полушубке, в папахе.

Обессиленная Хавер присела на старую расшатанную табуретку киномеханика.

- Разве я не говорил вам, что рано или поздно дядю Ази покажут в кино? Вы мне не верили. С вас магарыч, тетя Хавер.

– Хорошо, дорогой. Если правду говоришь, я сошью тебе шелковую рубаху.

3

До начала первого сеанса оставался еще час, а перед кинотеатром уже толпились люди. Женщин и детей здесь было, конечно, больше, чем мужчин. Над закрытым окошечком кассы висела большая табличка «Все билеты проданы». Прочитав объявление, люди все-таки не хотели уходить, толклись в толпе в надежде достать лишний билетик. Уже все знали каким-то образом, что в кино покажут танкиста Ази Асланова, их земляка.

Старая Нушаферин никогда в жизни не видела кино. Она слушала рассказы своих детей о фильмах, но, сколько ее ни просили, ни разу не согласилась пойти в кинотеатр. Это, считала она, развлечение для молодых.

Впервые придя в кино, она увидела здесь толпу людей и испугалась. Крепко держа за руку старшего внука, кое-как пробралась к дверям. Тут она увидела много знакомых и чуть-чуть осмелела. Люди подходили к ней, поздравляли, сверстницы обнимали и целовали.

- Большое счастье, – говорили они, – иметь такого сына!
- Спасибо. Дай бог, чтобы и о ваших сыновьях шли хорошие вести.
- Матери и жены, которые с трепетом думали о своих близких, отвечали ей:
- Да услышит это аллах, тетушка Нушу!

Маленький Тофик удивленно смотрел на женщин, целовавших его бабушку, не понимая, зачем они это делают. Но незнакомые чужие женщины порой обнимали и целовали не только бабушку, но и его. Тофик боязливо прижимался к бабушке, прятался в складках ее широкой юбки.

– Нанали,⁶ чего эти женщины хотят от тебя? Зачем они все идут к тебе, целуют тебя и меня? Почему не целуют других? – спрашивал Тофик.

– Это они поздравляют меня, маму, тебя. Знаешь, с чем поздравляют? Сегодня твоего отца в кино будут показывать. Мы с тобой радуемся, и они радуются.

- Они тоже любят моего папу?
- Твой отец герой. А героев любят.
- Тогда и я стану героем, когда вырасту. Хочу, чтобы меня тоже любили.
- Рости героем, милый, расти, – старуха гладила голову внука.

Стали впускать зрителей в зал; шум и гам усилились. Те, кто не достал билетов, в

⁶ Нанали (азерб.) – бабуля, бабушка.

тесноте и давке протиснулись к дверям, но бдительный контролер сразу уловил их намерения.

– Куда, куда? Дайте пройти тем, у кого есть билеты. Есть ведь и завтрашний день, кино от вас не убегает, кто не сможет посмотреть сегодня, посмотрит завтра!

Но старика никто не слушал.

– Дадите вы работать? – Старик сердился, отталкивал в сторону безбилетников, но все-таки многие из них проскочили в зал.

Нушаферин стало не по себе, она хотела отойти в сторону и войти в зал после того, как все успокоится, все чин-чином рассядутся, но внук не давал ей покоя:

– Нанали, почему стоим? И где мама? Пойдем, займем место, а то не достанется, будем стоять. Давай сядем впереди, в первом ряду. Я хочу видеть папу! – Тофик тянул бабушку за юбку. Нушаферин волей-неволей сделала шаг к дверям. И тут, к ее удивлению, толпа расступилась, и их беспрепятственно пропустили в зал.

Зал был набит до отказа. Даже в проходе были поставлены стулья. В помещении стало жарко и душно. Зрители обмахивались платками и папахами, утирали со лба пот и то и дело говорили:

– Ай Полад, начинай же!

– Задохнемся от жары. Начинай!

– Кого ждешь?

Наконец, раздался третий звонок, и в зале воцарилась тишина.

Полад, словно собираясь совершить героический поступок, с напряженным выражением лица, пустил в ход проекционный аппарат.

Горя желанием скорее увидеть отца, Тофик то садился на подлокотники между стульями, то забирался на сидение, спрашивал то мать, то бабушку:

– А когда, когда моего папу покажут?

На экране один за другим возникали эпизоды военной жизни. Хавер, все внимание которой было приковано к ним, тихо уговаривала сына:

– Не шуми, сынок, покажут папу. А вот если не будешь сидеть спокойно не покажут, и люди обидятся на тебя, скажут, что ты плохой мальчик.

Тофик повернулся к бабушке, зашептал:

– Нанали, ай нанали...

Нушаферин обняла внука. Ей было понятно нетерпение ребенка: у нее у самой сердце билось, как ошалелое.

– Почему папу не показывают, нанали? Я хочу видеть папу!

– Сейчас покажут, родной, не спеши.

По оживлению в зале Нушаферин поняла, что на экране что-то сменилось. Пошли какие-то тексты; неграмотная, она не могла их прочесть. Но вот непонятные строчки исчезли, и на зрителей надвинулся огромный заснеженный простор, перечеркнутый дорогой, по которой куда-то вдаль мчались со страшным грохотом приземистые машины. На экране возникла надпись «Отважные танкисты», а под ней мелким шрифтом фамилия оператора в черной рамке – «Махмуд Сеидзаде». «Других заснял, а сам погиб», – зашептались в рядах. Но танки, набирая скорость и поднимая облака снежной пыли, неслись по заснеженной равнине; на танках сидели бойцы в белых маскахалатах, с автоматами в руках. Ленкоранцы вглядывались в их мелькающие лица в надежде увидеть кого-либо знакомого. Но не было среди десантников земляков, не было среди них и Ази Асланова.

Нушаферин не выдержала, наклонилась к невестке:

– Дочка, а где же наш Ази? Или я плохо вижу?

– Да вот он, мам, вот!

– Где, где же?

– Вон, видишь, в танке стоит, в башне. Видишь?

– О господи, он! Вижу, вижу сыночка!

Нушаферин узнала сына, но слезы мешали ей ясно видеть, все двоилось в ее глазах.

Хавер в волнении смотрела на мужа. Хоть бы обернулся, глянул на них! Нет, смотрит куда-то вдаль.

Все – как во сне. Только голос Тофика вернул их к действительности.

– Мама, мамочка, нанали, видели моего папу? Вот он. Нанали, смотри, смотри, вот он! – радостно вопил Тофик, поворачиваясь то к матери, то к бабушке. – Это мой папа, нанали, мой папа!

– Успокойся, детка!

– Я хочу к папе. Папу, ау, папа! Смотрите, он услышал мой голос, услышал! – Тофик вскочил и рванулся к экрану, но Хавер удержала его за руку. Нушаферин, вытирая слезы, смотрела на своего преждевременно постаревшего сына.

Хавер успокаивала ребенка.

– Сыночек, папа ведь на фронте. Далеко он, а это кино...

– Нет, это мой папа, не обманывайте меня, не обманывайте! Это не кино, вот он, папа, – и Тофик голосил во всю мочь. – Папа, папа, я хочу к тебе, они не пускают меня, возьми меня с собой!

– Тихо! – прикрикнула Хавер. – Я тебе говорю, это кино, папа не тут.

На крик Тофика кое-кто рассмеялся, иные из женщин расплакались.

А танки неслись по исхлестанному полю сквозь разрывы снарядов. Один взметнул землю около танка отца, и Тофик вздрогнул – разрывом отца заслонило, а когда опала земля, командирский танк уже скрылся, из темноты, стреляя с ходу, наплыли другие машины, а по сторонам стояли немецкие танки с размотанными гусеницами и свернутыми набок, покореженными стволами орудий...

... Нушаферин не осталась смотреть художественный фильм. Взяв за руку внука, она сказала Хавер:

– Мы пойдем, а ты посиди, погляди.

– Куда мы идем, бабушка? – спросил Тофик.

– Домой, дорогой.

– Нанали, я не хочу домой. Лучше отведи меня к папе.

– Ой, какой ты еще непонятливый! Ты смотрел кино. Его снимали на фронте, а показывают здесь. Но папа твой остался там, где бьют этих проклятых фашистов.

Вместе с Хавер они кое-как уговорили мальчика.

С моря дул слабый ветерок. Издалека на зеленый берег катились волны; широко разбежавшись по отмели, затихали и гасли. Воздух, насыщенный пряным запахом моря, травы и еще не просохших водорослей, освежал и успокаивал.

Тофик, переволновавшись, дремал на руках у бабушки.

– Тяжелый стал, голубчик ты мой, – сказала Нушаферин, пронеся его немного, – а сил у меня нет прежних, устала. Давай, беги своими ножками.

И опустила внука на землю. Внук понял ее, молча взял за руку и пошел рядом с бабушкой.

Старая Нушаферин вела внука и думала о сыне: «Где ты сейчас, сынок, что делаешь?»

Память перенесла ее в прошлое, и она вспомнила, как маленький Ази бежал навстречу отцу, когда тот возвращался с работы... Давно это было! Жизнь сделала большой круг; теперь она ведет за руку внука, как когда-то водила сына...

Нушаферин наклонилась и поцеловала внука. «Сын сына моего, частица души моей!» – прошептала она, вытирая слезы.

– Нанали, куда мы идем? Наш дом в той стороне, – Тофик указывал ручонкой направо.

Действительно, задумавшись, Нушаферин забыла вовремя свернуть к дому.

– Ах, голубчик ты мой, видно, от старости я поглупела, да и память не слушается меня. Тысячи раз ходила по этой дороге, и вот перепутала...

– Вон наш дом, иди за мной!

– Иду, детка, иду. – Хотя Нушаферин время от времени отвечала внуку, мысли ее витали в другом месте. «Эх, Ахад, Ахад... Если бы ты мог встать из могилы! Посмотрел бы

на своего сына, порадовался бы. Чужие люди гордятся им, а ты и не знаешь».

Тут она заметила, что внук устает, ноги у него заплетаются. С трудом нагнувшись, она взяла его на руки, и то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание, понесла домой.

Глава двадцать седьмая

1

Наутро необычайное оживление наблюдалось у стенда, где вывешивались свежие газеты. С первой полосы на читателей смотрел ясноглазый человек в военной форме, с открытым, тонким, одухотворенным лицом.

Ни один человек не мог пройти мимо, чтобы не остановиться, не прочесть статью о подвиге этого человека, не посмотреть ему в лицо.

В газетах были напечатаны указ о присвоении Ази Асланову звания Героя Советского Союза, его биография и рассказ о его службе и подвиге.

И сегодня во всех уголках города – в учреждениях, школах, на базаре, в каждом доме говорили о нем. Встретившись на улице, люди спрашивали друг друга:

– Ты слышал?

– Слышал... Прославил нас Ази. И себя прославил. Сколько добрых дел успел сделать!.. А по делам и честь. Не каждый мужчина удостоится такой чести. Да пойдет ему впрок материнское молоко...

– Достойный человек везде себя проявит...

– Почти сразу и Героя получил, и полковником стал.

Хавер, которую пригласили в горком партии, по дороге туда и обратно слышала эти разговоры, и ей было невыразимо приятно их слышать, и, незаметно для себя, она выпрямилась, шла уверенным, бодрым шагом, весь мир, казалось, расцвел для нее.

Люди оборачивались ей вслед.

– Видел? Это жена Ази.

– Где, где?

– Да вон пошла... Гордая такая... Прямо светится вся от счастья.

– Что ж ты не сказал, поздравили бы ее.

– Теперь не только ее, всех нас поздравить можно!

Нушаферин по случаю радостных вестей готовилась варить плов, чистила рис.

Еще вчера вечером слышала она по радио указ о присвоении сыну звания Героя Советского Союза. Весь день родня и соседи шли к ним с поздравлениями. От радости она не находила себе места, и только за кропотливой работой немного успокоилась.

Но тут вошла Хавер, сняла с головы келагай.

– Мама, ты знаешь? Колхозники приняли решение собрать деньги на строительство танковой колонны.

– Только колхозники собирают деньги на это или все?

– Все. Кто захочет и кто сколько может. Все население города принимает в этом участие... Танковую колонну назовут «Ленкоранский колхозник» и отправят в полк Ази.

Старуха выпрямилась от гордости. Поставила поднос на стол. Спросила:

– Говоришь, пошлют в полк нашего Ази? Кто так решил?

– Да в народе так решили, кто первый это придумал, теперь уж не узнать, а все так говорят... Танковая колонна «Ленкоранский колхозник»... Будет отправлена в полк Ази Асланова.

Нушаферин смахнула слезу, задумалась.

– Что молчишь, мама?

– Думаю... Все будут вносить деньги. А у нас сбережений нет... Нехорошо как-то. Люди скажут: сын стал героем, полком командует, танки для этого полка будут строить, а

семья жадничает, ничего на это святое дело не дала...

– Скажут, – подтвердила Хавер.

– Не знаешь, сколько стоит, как его, да, танк? Дорого?

– Говорят, тысяч сорок.

– Сорок тысяч? Ох, дочка, даже если мы весь дом продадим, сорок тысяч не собрать.

– Ты не поняла, мама. Не каждая семья покупает танк, а каждый дает на это сколько может. Потом все эти деньги соберут и передадут на строительство танков.

– А, вот так. Но денег-то все равно нет.

– И не обязательно вносить деньги, можно внести ценные вещи.

– То есть золото, серебро?..

– Все можно.

– Тогда другое дело, – старуха облегченно вздохнула. – Надо посмотреть, что еще осталось...

Тофик, еще не встававший, с большим интересом слушал разговор матери с бабушкой. Он сел в кровати и спросил:

– Нанали, тебе нужны деньги?

– Бый! – всплеснула руками Нушаферин. – Ты что, не спишь?

– Нет, я спал. Я только проснулся.

– Спи, спи, мой мальчик, спи, моя умница! Не нужны мне деньги! На что мне деньги, если есть такой внук?

Тофик обиженно сказал:

– Ты говоришь, деньги не нужны, а мама думает, нужны.

– Нет, я не думаю. Спи, рано еще!

– Ты неправду говоришь...

– Я говорю правду. Мама не может говорить неправду. А вот ты не слушаешься нас, и это плохо. Смотри, напишу папе...

– Мама, я слушаюсь. Но у меня в копилке много денег... – Тофик всхлипнул. Накрылся одеялом и отвернулся к стене. – Не хотите взять, тогда пойду и на свои деньги куплю танк. Напишу на нем: «Это от Тофика» и pošлю папе.

Женщины невольно улыбнулись.

Вечером, собираясь на работу, Хавер сказала свекрови:

– Вернусь, еще раз посоветуемся, что отдать.

Но старая Нушаферин уже про себя решила, что отдает на строительство танка свое обручальное кольцо. Сколько оно стоит теперь, она не знала, но для нее оно было очень дорого. Чтобы купить это кольцо, Ахад-киши, работавший на кирпичном заводе, с каждой полочки откладывал деньги. Потом сел на пароход и отправился в Баку, обошел там не одну ювелирную мастерскую...

После смерти мужа Нушаферин перенесла немало бед и лишений, случалось, голодала со своими сиротами, но кольцо сохранила. Кроме этого кольца, у нее ничего ценного не было. У невестки были золотые часики, браслет с мелкими алмазами и колечко с бриллиантом. Но как сказать ей, что эти вещи следует отдать? Это она должна решить сама.

В последнее время билеты в кино продавались по коллективным заявкам предприятий и колхозов, в общую продажу шло мало, и очередь у кинотеатра, похоже, не убывала. Шли, главным образом, чтобы посмотреть журнал о танкистах, о своем земляке, некоторые смотрели его по несколько раз, а другим еще не удалось посмотреть, и Хавер просила кассира продавать билеты в первую очередь тем, кто еще не видел эту ленту. Но как узнать, кто видел, кто не видел? И как отказать в билете? Пришлось прибавить еще один сеанс, и все равно желающих было много.

В очередях говорили о сборе средств на танковую колонну. Кому пришла в голову эта мысль?

– Говорят, агроном Рза Алекперли первый сказал об этом.

– А ведь дельное предложение.

– В газетах пишут, в России во многих местах так поступают. Уже сколько таких колонн построено...

– А кто собирает деньги?

– Комиссия выбрана. Рза председателем...

– Хорошо. Человек расторопный, справится. Он ведь воспитанник Нушаферин, вместе с Ази вырос...

Как раз появились Хавер и Рза.

– Легок на помине, – засмеялся кто-то.

Хавер проводила Рзу в зрительный зал.

– После сеанса непременно к нам приходите, – она надеялась, что Рза в разговоре со свекровью лучше всех разъяснит ей суть начинания со сбором средств, наверняка расскажет, как идет это дело, и ей будет легче убедить старуху в необходимости сдать кольцо, браслет и часы в общий фонд, на строительство танков.

– Да, надо зайти, навестить тетюшку Нушу. Если узнает, что был в городе, а к ней не зашел, на всю жизнь обидится.

В будке киномеханика слышался громкий разговор, вернее, слышался оттуда только голос Полада.

– Выгоню вас всех! К будке больше не подпущу. Сколько раз вы смотрели это кино? Вдобавок, бесплатно. Нет, не просите, нечего вам тут делать!

– Что случилось? – спросила Хавер.

Увидев ее, добровольные помощники Полада отошли от дверей.

– Сокращаю своих помощников, тетя Хавер. Они меня не слушаются, да вдобавок, вредят.

– Как? Чем?

У ребят были растерянные лица.

– Потом объясню, Хавер хала, – Полад повернулся к ребятам, ожидавшим своей участи. Таваккюль остается, а вы топайте отсюда.

Сары и Рашид, огорченные, молча вышли из будки киномеханика.

– Да что они натворили-то, Полад?

– Что натворили? Да вырезали из киножурнала тот кусок, что о дяде Ази. Хорошо, Таваккюль вовремя сказал, а то опозорились бы! Им, видите ли, пришлось в голову сохранить эту ленту себе.

– Это Рашид придумал, а Сары с ним согласился, – сказал Таваккюль. – Я сказал, что нельзя этого делать, все люди хотят видеть дядю Ази, а не только мы. Рашид сказал, что я трус, что я не люблю дядю Ази, – Таваккюль всхлипнул. – А я люблю... Но они все равно кусок ленты вырезали...

– Вот чудaki... Но ты, Полад, прав. Не пускай их сюда, пока не придут, не извинятся.

– Таваккюль, на минутку выйди, – сказал Полад. И повернулся к директору. – Хавер хала, они же хорошие ребята... Сделали это из любви к дяде Ази...

– Я понимаю. Но если любишь, так глупости делать ради любви не надо. Пусть извинятся и дадут слово, что так поступать не станут.

– Уже клялись! – засмеялся Полад. – Но ничего, один сеанс пусть пропустят.

– Поздравляю тебя, тетя Нушу! Да придет день, когда Ази вернется домой! Ты все хотела знать, где твой сын, как он там, на фронте... Теперь знаешь... Может, хоть немного успокоилась?

– Засыпал вопросами... Зубы мне заговариваешь, как я гляжу... Чтобы не расспрашивала, где ты, Рза, был эти дни, почему не подумал, как тетюшка Нушу, здорова ли? Но явился все-таки, ясно солнышко, спасибо!

Рза обнял Нушаферин.

– Не сердись, не думай, что забыл про тебя, – помню. Все время думаю. Но дела! Редко бываю в городе. А когда бываю, куда в первую очередь прихожу? К вам!

– Не упрекай его, мама, а то он совсем перестанет ходить, – засмеялась Хавер.

Она сняла жакет и повесила его на гвоздь, пригладила руками волосы и села на диван.

Нушаферин была рада приходу Рзы, но продолжала его упрекать.

– Вечером уложили детей, сидели вдвоем с невесткой, всех вспоминали. Уж я промывала твои косточки, промывала... Совсем изменился, остыл к нам. Три дня вся Ленкорань у нас, двери не закрываются, а Рзы все не видно и не слышно. А ведь Рза не кто-нибудь, а брат Ази!

– Клянусь тобой, тетушка Нушу: рвался приехать, но, сама знаешь, мужчин не осталось, все на фронте, а остальные дефектные, вроде меня, – он дотронулся до черной повязки, закрывавшей ослепший глаз, – не успевают с кучей дел... С одним глазом, с одной рукой какие мы работники...

– Не говори так, сынок. Мужчина, каким бы он ни был, все равно мужчина. У мужчины свое место, у женщины свое. Мужчина – опора в доме, надежда в колхозе.

– Это верно. Но раз надежда, то всем надо помочь. Вот и вертись, как белка в колесе...

Рза считал Нушаферин матерью. Нушаферин приложила немало сил, чтобы он стал на ноги. Родители Рзы жили по соседству с Аслановыми. Рза был еще грудным ребенком, когда отец его, рыбак, вместе с товарищами попал в шторм и утонул. Мать, работавшая в домах богатых людей, вскоре заболела, слегла и больше не поднималась с постели. В пятнадцать лет Рза остался сиротой. Нушаферин взяла его под свое крыло, заботилась о нем, как о родном сыне. Стирала, шила, штопала, подметала и наводила порядок в убогой лачуге Рзы, готовила, поила и кормила. Наконец, Рза поступил на работу и, работая, заочно учился, стал агрономом. Поехал в село. Жил очень экономно, откладывая с получек, приобрел все необходимое, женился. И с первых дней войны, конечно, пошел в действующую армию. В сорок первом году, в бою под Ростовом, он потерял глаз.

Сколько мог, Рза в свою очередь оказывал. Нушаферин сыновнее внимание.

Она, Рза хорошо знал, всерьез не могла на него сердиться. Вон уже чаем занялась. Жаль, уезжать надо...

– Сынок, ты что как чужой? Почему не снимаешь пальто?

– Времени нет, тетушка Нушу. Через полчаса машина колхозная в село возвращается. Я договорился с ребятами. Если задержусь, будут волноваться. К тому же, в райкоме мне поручили важное дело: средства на танковую колонну собираем. Завтра думаем сделать первый взнос. Так что работы тьма...

– Ай, сынок, человек работает со дня появления на свет и до ухода на тот свет! Пойди, скажи ребятам, пусть едут, и возвращайся. Ночевать у нас останешься, я плов приготовила, а утром чайку попьешь и поедешь.

– Уж как бы остался, ты знаешь, как я люблю твой плов! Не будь этих срочных дел, с места не сдвинулся бы... Приятно ведь посидеть, поговорить с вами, но что делать?

– Ну, вижу, удержешь, не удержать. Так дай хоть спрошу тебя об одном деле... Слышала я, тебе поручено собирать деньги на строительство этих страшных машин, не запомню, как они называются, танк или манк, язык сломаешь... Это правда?

– Я член комиссии. А что?

– Сам-то ты собираешься что-то внести, как вы там у себя решили?

– Честно говоря, по наследству не досталось мне ни золота, ни серебра, самому тоже не довелось в руках держать. Но в прошлом году я заработал в колхозе пять тысяч рублей, да еще наскребу тыщонку – вот их и внесу. Больше негде взять.

– Пять-шесть тысяч? Так ты что, стесняешься, что мало? Это же хорошо! Если бы каждый мог столько отдать! И потом, не забывай, что дающему по возможности смущаться нечего. Рубль отдает человек – и за то спасибо. Время трудное, каждый должен думать о чести родины, и делать для нее, что может. Правильно говорю?

– Правильно, тетушка Нушу, – сказал Рза.

Хавер обрадовалась, что свекровь сама завела разговор о взносах на строительство танков, и хотела было вставить свое слово, но Рза выразительно глянул, на нее – потерпи,

мол, немного.

Нушаферин отбросила на спину конец келая, упавшего на пол, и подалась к собеседнику.

– Стыдно, Рза, если нечего дать на это дело. Семья Ази не должна отстать от других. Не то ребенку за нас неловко будет, хоть он и далеко.

– Какому ребенку? – удивился Рза.

– Да Ази нашему, какому же? Да умру я за него!

– Удивила ты меня! Ази, слава богу, скоро дедушкой станет, а ты его все еще ребенком называешь.

– Для меня он все равно еще ребенок... Будто вчера я его на руках носила...

– Я догадываюсь, Хавер-баджи, что тетушка Нушу хочет отличиться. Сын отличился на фронте, она – здесь. Говорят, трава растет на корню. Сын все перенимает от матери...

– Куда уж отличиться, – вздохнула Нушаферин с сожалением. – О чем ты говоришь, мир праху твоих родителей?! Давно миновало время, когда я могла отличиться. – Она показала кольцо, сверкавшее на среднем пальце руки. – Если я отдам вот это, не мало будет? Не засмеют?

И посмотрела на невестку, взглядом спрашивая: «А ты что дашь?»

Рза кивнул Хавер.

– Одно колечко, мама, я думаю, маловато... Что ты скажешь, если я отдам свой браслет? – Хавер пыталась по взгляду свекрови понять, как отнеслась она к ее предложению.

Опережая Нушаферин, Рза сказал:

– Мне кажется тоже, что одного колечка маловато... Но кольцо и браслет – это уже другое дело, этого вполне достаточно.

– Отдай, дочка, отдай. Бог даст, вернется твой муж с войны живой и здоровый, купит тебе браслет получше этого.

– Не будет смерти для таких сыновей, как Ази! Живыми вернутся с фронта. А Хавер-баджи проживет и без браслета, – поддержал Рза старуху.

– Я признаться, не очень-то люблю браслет. Руке как-то неловко бывает...

И Хавер сняла с руки браслет и положила его на стол.

– Спасибо, дочка, – сказала свекровь, довольная этим поступком невестки. Сняла с пальца кольцо и положила его рядом с браслетом. – Пусть сильным будет этот... как его... танк, в который и наша доля вложена.

Тофик все это время слушал взрослых, но делал вид, что рассматривает книжку с иллюстрациями. Увидев, что мать и бабушка положили на стол браслет и кольцо, с которыми никогда не расставались, он незаметно прошел в соседнюю комнату. Немного погодя он вернулся с красивым гипсовым зайцем-копилкой.

– А вот мой заяц, посмотрите, какой он тяжелый. – Он протянул зайца бабушке. – Смотри, нанали, она уже полная. Нет, ты возьми в руки, видишь, какая тяжелая?

– Зачем ты ее принес, сыночек? Дай ее сюда, а то уронишь, сломаешь.

– Нет, нанали, пусть дядя Рза откроет ее. – Тофик повернулся к Рзе. Откройте это, там я собрал много денег. Куплю на них танк и пошлю папе, пусть убивает фашистов!

Отказать ребенку в его чистой наивной просьбе нельзя было, но и вскрывать детскую копилку жалко. Рза посмотрел на Хавер и Нушаферин, испрашивая их разрешения. И Хавер, и Нушаферин взглядом сказали: что делать – открывай.

Рза достал карманный нож и раскрыл его. Аккуратно расширил лезвием продолговатое узкое отверстие между наостренными ушами зайца.

В копилке оказалось много мелочи. Были и бумажные деньги – в основном, рублевки и трешницы. Подсчитали. Оказалось, двести шестьдесят рублей и восемьдесят копеек.

– Сколько танков дадут за это, дядя Рза?

– А сколько ты хотел бы?

– Нам надо четыре. Самые большие, на каких мой папа ездит. Ты видел в кино? Вот такие.

Рза погладил Тофика по голове.
– А зачем четыре?
– Один за бабушку, один за маму, один за меня и один за моего братца.
– Значит, от каждого по танку?
– Ага.
– А вдруг не дадут?
– Если денег не хватит, я соберу еще и рассчитаюсь. Дядя Рза, ты скажи им, что Тофик хочет послать своему отцу четыре танка.
– Скажу, милый. Дадут!
Тофик радостно завернул деньги в газету и передал сверток матери.
– Мама, положи это с теми вещами. Скажешь всем, это Тофик дал.

Глава двадцать восьмая

1

Остался позади Сталинград, где наши войска в январе-феврале сорок третьего года добились окруженную немецкую группировку; давно осталось в тылу Котельниково, где танкисты приняли удар Манштейна, где оборонялись, а потом наступали; остались позади Ставрополье, Кубань, донские степи, Батайск и Ростов.

С середины февраля танкисты Асланова, захватив ряд важнейших населенных пунктов, в том числе село Генеральское, вышли в район Матвеева Кургана. Снова танкисты действовали в составе 51-й армии. И снова им пришлось вести тяжелые бои с врагом.

На правом берегу реки Миус, от Азовского моря до Ворошиловграда немцы успели создать сильно укрепленную линию обороны. Путь нашим войскам преградили река, минные поля, проволочные заграждения, доты, дзоты, несколько линий траншей, хорошо организованная система артиллерийского и минометного огня.

Это был так называемый «Миус-фронт». С ходу наши войска захватили плацдарм на правом берегу Миус. Распутица днем, заморозки – ночью. Плохие дороги. Плохой подвоз. Насквозь простреливаемая переправа... Трудно.

Наши войска овладели позициями немцев в районе Матвеева Кургана.

Вскоре на левом берегу Миуса возникла сеть окопов, блиндажей и укрытий; зарылись в землю пехотинцы, артиллеристы, танкисты; зарылись и замаскировались так, что даже самолеты-разведчики не могли увидеть их с воздуха.

Чтобы выявить наши огневые точки, немцы не раз открывали по нашим позициям оружейный огонь, но наши не отвечали им.

Завязались ожесточенные бои за каждый вершок земли, за плацдарм, за переправу через Миус.

Главную роль в этих боях играли стрелковые части.

Танкисты вышли в резерв, заняв позиции на правом фланге наших войск.

Пользуясь относительным затишьем, старшина второй роты Воропанов устраивал банные дни чаще обычного, менял белье, кормил танкистов почти домашними вкусными обедами. Он любил говорить, что солдат горы может свернуть, если он сыт, одет, обут и спокоен за своих домашних. Первые три условия зависят от старшины, и в этом отношении моя совесть совершенно чиста, я делаю все, что могу.

Как раз в это время весь личный состав армии перешел на новую форму одежды; вводились погоны и офицерские звания.

И Воропанов выдавал танкистам новое обмундирование, доставленное со складов соединения. Танкисты одевались, перебрасывались шутками.

– Коля, тебя не узнать!

– Мустафа, как ты похорошел!

– А чего ему, не похорошеть, – отвечал Киселев, расправляя складки на гимнастерке Парамонова. Надень такую одежду на жердь, и она тоже станет красивой, правда, дядя Миша?

– Прямо как форма старой армии. – Парамонов отступил назад, разглядывая Мустафу. Помню, в шестнадцатом, когда я был на действительной, под Петроградом, фотографировался в такой вот форме. Было мне тогда примерно столько же, сколько сейчас тебе. Пуговицы сверкали, как золотые. И погоны ровненькие, аккуратные. Погоны – это вещь! Человек делается строже, стройней. Солдат, одним словом.

– Отличная форма!

– Эх, Вася, настоящей формы ты еще не носил. Это полевая форма. Надел бы парадную обомлел бы А офицерская форма парадная... Ты ее видел? Погоны золотые, на фуражке кокарда, пояс, пуговицы – все золотое. И кортик – тоже сверкает золотом.

– Какое нам дело до офицеров, дядя Миша? У вас, у солдат, тоже была парадная форма или только такая вот, полевая?

– И полевая, и повседневная, и парадная. Правда, погоны были простые. Но уже у ефрейторов и фельдфебелей форма от нашей отличалась. На погонах золотые лычки...

Мустафа хвастливо вытянулся.

– Значит, и на моих погонах лычки будут?

– Ну, ты особенно не бахвалься, – сказал Велиханову сержант Киселев. Если у ефрейтора лычки будут, то у сержантов и подавно. А парадной формы, пока война, нам, наверное, не видать.

– Доктор идет, ребята! Вы, в случае чего, крепких словечек, того, не употребляйте, – предостерег Парамонов.

Вася и Мустафа замолчали, принялись кусками от шинели наводить блеск на густо смазанные сапоги.

Поскольку полк был отведён с переднего края, работы в медсанчасти не было, и, тоскуя от безделья, Лена Смородина ходила по ротам, справлялась у танкистов о здоровье и самочувствии, а по вечерам читала книги.

На сей раз Киселев, Велиханов и другие напрасно прихорашивались, – не дойдя до них, Лена свернула влево и направилась в другой конец села, чтобы повидать свою подругу, инженера Барышникову.

– Лена! – раздалось откуда-то.

Смородина вздрогнула и остановилась. Потом подошла к полуразрушенному дому, заглянула в окно. Никого. Но окрик раздался откуда-то отсюда. Поэтому, отойдя на середину улицы, Лена крикнула:

– Тамара, где ты там, выходи! У меня нет желания играть в прятки.

Барышникова, смеясь, вышла из разрушенного дома.

– Куда ты направляешься?

– К тебе.

Вслед за Барышниковой из дома вышел Анатолий Тетерин в коротком полушубке, красивый, уверенный в себе, при усах, бровях и ресницах – не скажешь, глядя на него, что он горел. Тетерин подал Смородиной руку.

– Здравствуйте, капитан.

– Здравствуйте. Нашли укромное местечко?

Тетерин слегка покраснел.

– Нет, мы село осматривали.

Чтобы замять неловкость, Тамара обняла Лену за талию, спросила:

– От Николая есть весточки?

Лену покорило, что Тамара задала вопрос в присутствии младшего лейтенанта: обязательно надо, чтобы все знали о ее отношениях с Прониным? Она пропустила вопрос подруги мимо ушей, не ответила на него. Тамара снова спросила о Пронине, и Лена снова прикинулась, будто не слышит.

Тетерин заметил смущение Смородиной, понял ее нежелание отвечать на вопросы Барышниковой при нем, при Тетерине, но уйти сразу он не мог, не хотелось и с Тамарой расставаться; он сделал вид, будто прислушивается к далекой орудийной канонаде, потом поднялся даже на ступеньки крыльца и устремил взгляд к горизонту и, наконец, глянул на часы.

- Ого, у меня осталось всего десять минут. До свиданья, девочки, я пошел.
- И зашагал прочь. Барышникова тотчас ласково обняла Смородину и спросила:
 - Скучаешь?
 - Некогда скучать. Среди столько людей разве заскучаешь?
 - Не говори. Будь рядом хоть миллион, а если среди них любимого нет, тоска возьмет!
 - Не всегда и не каждую. Все зависит от характера человека.
 - Будет тебе кривляться! Если бы Николай был рядом с тобой, тебе, наверное, было бы лучше, чем теперь?
 - Конечно, когда он был рядом со мной...
 - Вот ты и ответила на мой вопрос.
 - Слушай, зачем ты при других-то задаешь такие вопросы?
 - Да не обижайся, что тут такого? Подумаешь, секрет! Каждому солдату известен. Но если бы я знала, что ты обидишься, и рта не раскрыла бы.
 - Стыдно ведь.
 - Чего стыдиться? Тетерин тоже все знает. А что касается твоего ненаглядного Коли, то не обижайся, Лена, я скажу прямо: не нравится мне его поведение. Да имея такую девушку, как ты, он должен считать это счастьем, молиться на тебя должен! А он от радости обалдел и не понимает, что делает. То ревность какая-то глупая, то обида. Писем ведь не пишет? Так мужчины, извини меня, не поступают. Я бы на твоём месте до конца жизни даже разговаривать с ним не стала.
 - Каждый со своей колокольни смотрит. Я думаю, ты не права, Тома. Я ему докажу, что он ошибается. А пока мы не встретимся и откровенно не поговорим, ничего не прояснится, правды он так и не узнает.
- Беседуя, они шли по улице.
- Все это пустые книжные слова! – горячо возразила Тамара. Поверь мне, придет время, ты убедишься в моей правоте. А пока что ты сидишь одна день и ночь, ждешь писем и всего такого прочего, а он той порой пишет в полк, я уж не говорю, командиру полка – ему обязан! – но вообще всем, кому попало, а тебе – ни строчки. Это как понимать?
- Я верю, что рано-поздно он в этом раскается и попросит прощения.
- Я знаю, в подобных случаях неуместно лезть с советами, но все же хочу сказать прямо: плюнь ты на него! Что ты в нем нашла? Уже немолод. Характер плохой. Разве мало в полку красивых ребят? Вот хотя бы тот же командир роты Гасанзаде? Я слышала, он относится к тебе с уважением. Если копнуть глубже, то даже с благоговением. Отчего? Почему? Потому что любит, я в этом уверена. Он красавец прямо, пора тебе повернуться лицом к нему.
- Прекрати, Тома! Брось свои фантазии. Ни у Гасанзаде ко мне, ни у меня к нему нет никаких чувств, кроме дружеских.
- Это тебе так кажется. И потом, что ты, монашка? Есть возможность, дай понять своему Николаю, что стоит тебе бровью повести, как самые интересные мужчины будут у твоих ног. Ну, пофлиртуй немножко. Думаешь, он там беспокоится о тебе, помнит хотя бы? Как бы не так! Мало ли в госпитале красивых девушек, незамужних женщин?... Развлекается с какой-нибудь, пока ты тут сохнешь...
- О чем ты говоришь, Тома? Что советуешь? Разве я способна на такое?
- Не способна? Ну, тогда сиди и жди, чем все это кончится. Желаю тебе успехов!
- Нет, ты все это серьезно говоришь? Не шутишь? Не разыгрываешь меня?
- Боже, какая ты наивная. Конечно, серьезно.
- Ты и о Тетерине так думаешь?

– Конечно, как еще о них думать? Да если бы Анатолий обошелся со мной, как Пронин с тобой, я бы ему так отомстила, что всю жизнь помнил бы.

– А ты жестокая, Тома, я не представляла тебя такой.

– Да, в этих вопросах я очень жестока. Никому не прощаю и от других милосердия к себе не жду!

Смородина не могла согласиться с Барышниковой, с ее взглядом на отношения мужчин и женщин, но поняла, что спорить об этом попросту ни к чему. Тамара, наверное, никогда по-настоящему не любила, и друг друга они не поймут.

Они расстались возле кирпичного здания, в котором разместился хозвзвод. Смородина зашла к портному, попросила его сузить юбку, а заодно и ушить шинель.

2

Вернувшись с совещания в штабе корпуса, полковник Асланов вызвал комиссара.

– Михаил Александрович, я привез хорошие вести.

Филатов подумал, что это та новость, о которой он уже слышал.

– Наверное, пошли на фронт машины танковой колонны «Ленкоранский колхозник»? А, может, уже прибыли?

– Нет, дорогой Михаил Александрович, совершенно другие вести. Согласно приказу командования, на базе нашего полка создается танковая бригада.

– Бригада?

– Да. И мы с тобой должны развернуть полк в бригаду. Так сказал Черепанов.

– А руководство бригадой?

– Остается прежним. Мы возглавим бригаду. Думаю, нас вызовут на собеседование. Генерал велел все обдумать, прикинуть, взвесить и явиться к нему с готовыми предложениями. Как ты смотришь на это?

– Самым восторженным взглядом. Это же какое доверие! Спасибо за это. Все, что зависит от нас, мы сделаем. Нас перебросят в тыл, или будем переформировываться тут?

– На какое-то время придется отойти в тылы. Прибудет много новых людей, техника. Как я понял генерала, нам передадут из других частей целые взводы и роты.

– Это облегчает работу. И времени нам меньше потребуется.

– Очень кстати будет нам колонна «Ленкоранский колхозник».

Асланов открыл полевую сумку, достал памятную книжку, просмотрел свои пометки, сделанные во время беседы с генералом.

– Значит, основная техника будет, будет и рядовой и сержантский состав; надо думать о командирах среднего звена. Черепанов советовал подумать, кого из наших людей можно повысить в должности.

– Достойных у нас много. Ротных можно смело выдвинуть на должности командиров батальонов, командиров взводов – на должности ротных. Есть командиры экипажей, которые потянут на должность командира взвода. Среди сержантского состава есть такие ребята, которых можно представить на присвоение офицерского звания.

– Я такого же мнения, Михаил Александрович. И даже записал себе некоторые имена. Я вообще сторонник того, чтобы на свободные места по возможности назначать кого-то из своей части. Ну, а если уж таких людей не окажется, или не хватит, надо просить из резерва.

– Продвижение по службе, перспектива роста всегда возвышают людей. Если люди видят, что достойных, самоотверженных ценят и выдвигают, это лучше всяких речей поднимает моральное состояние.

– Эх, как нам сейчас не хватает Николая Никаноровича! Он ведь пунктуален и точен, он бы уже многое взял «на карандаш». Увы, еще лечится. Правда, когда Черепанов спросил, как мы обходимся без Пронина, и предложил подыскать нам нового начальника штаба, я ответил, что капитан Данилов пока с делами справляется, а там, смотришь, и Пронин вернется. – Асланов закрыл записную книжку. – Да, Пронин скоро должен вернуться, будем

его ждать.

– Правильно, Ази Ахадович. Лучше Пронина мы вряд ли кого можем найти. Но почему-то от него писем давно нет.

– Я тоже давно не получал весточки, но твердо знаю, что тоскует он в госпитале, и если бы мог, давно уже оттуда удрал бы. Думаю, письма где-нибудь задержались. Ничего, подождем. Ради дельного человека и подождать можно.

Они сидели по разные стороны стола, прислоненного к стене землянки. Колеблющийся свет коптилки падал на золотую звезду на груди Асланова, при каждом движении звезда слегка покачивалась, и четкие грани ее отбрасывали на стену тонкие лучи.

Из всех своих орденов и медалей полковник носил только эту звезду – все остальные отдал на хранение лейтенанту Смирнову. А у Филатова хранился орден Красного Знамени, которым был награжден Пронин. Что орден пришел, об этом Пронину написали и поздравили его, но посылать в госпиталь побоялись: еще пропадет в дороге.

Глава двадцать девятая

1

Получив отпуск после госпиталя, Густав Вагнер приехал в родной Пархим, в надежде привести в порядок здоровье, и особенно нервы, после пережитого под Котельниково, где он был ранен, надо прийти в себя. Но так уж складывалась судьба, что и под родной крышей он не нашел спокойствия. Отец и жена были в ссоре, говорили между собой только в силу необходимости, короткими фразами, чаще слышалось лишь «да» и «нет», да и его встретили холодно.

«Все отступаете и отступаете?» – угрюмо спросил отец, и Вагнер сразу вспомнил морозный февральский день, наблюдательный пункт, с которого он озирает поле боя, и русские танки, прорвавшиеся с фланга в тыл дивизии. Это были танки того самого Асланова, который был у Вагнера в руках, ускользнул и вновь обрушился на дивизию, на этот раз на тылы и штаб; раненого, адъютант Макс Зоненталь толкнул его в машину и вывез в безопасную зону. Вагнер потерял много крови, отлеживался в двух госпиталях и благодарил бога, что не попал в плен. «Вот тебя бы сунуть туда на денек, перестал бы ворчать, что отступаем, – думал он, слушая Вагнера-старшего. – Много вас тут, стратегов, и ни один не представляет даже, как дерутся эти советские дьяволы».

За два месяца пребывания на Восточном фронте Густав ничего не заработал, кроме этого нелепого ранения. Оставалось с тоской вспоминать дни, проведенные в Париже. Когда он ехал на Восточный фронт, в армейскую группировку «Дон» фельдмаршала Манштейна, он глядел на мир совсем по-иному, твердо рассчитывал, что сумеет себя показать, прибавит кое-что к своим наградам, получит очередной чин генерал-лейтенанта. Теперь он думал только о том, чтобы сохранить свои позиции в армии, не лишиться того, что имел.

Будучи в госпитале для генеральского состава, Вагнер получал информацию о положении на Восточном фронте, читал газеты и слушал радио, обменивался мнениями с другими и понимал, что дела на Восточном фронте плохи. Капитуляция шестой полевой армии Паулюса и других окруженных под Сталинградом войск произвела тягостное впечатление на всю страну и, конечно, на армию. Прошло немало времени после траура, объявленного Гитлером, но матери и вдовы все еще не снимали черных платьев – Вагнер убедился в этом, когда ехал в Пархим.

Ночью, нежась в объятиях Герты, Густав думал только о том, какое это счастье, что он остался жив.

С утра шел дождь, погода была пасмурная. Они проснулись поздно. Густав выпил чаю, принял ванну и массаж. Раненую ногу надо было активно разрабатывать, чтобы не хромать, и, надо сказать, слуги и Герта старались ему помочь.

Днем почтальон принес свежие газеты.

Старый Вагнер не стал их читать – он больше не верил газетным сообщениям.

– Что ты ищешь в них? – спросил он сына. – Все ложь! Орала во всю глотку, что мы захватили Сталинград. А чем кончилось? Трауром по сотням тысяч наших солдат.

И Людвиг схватился за больное сердце, закрыл глаза и несколько минут сидел неподвижно. Густав подсел к нему.

– Тебе нельзя волноваться.

– А тебе? Жена сказала, почему мы в ссоре с ней?

– Нет, отец. А вы разве поссорились?

– А ты не заметил? И не спросил у нее, в чем дело?

– А в чем?

– Я бы хотел, чтобы она сама тебе сказала.

– Вечером спрошу.

Хладнокровный ответ сына удивил старика.

– Ты способен ждать до вечера? Ну, а я не могу! И скажу тебе прямо: твоя жена занимается недостойными делами, порочит твое имя. Мне надоело отвечать на звонки посторонних мужчин. Надоело ждать вечерами, когда она вернется из своих странствий!

– Чего они хотят, эти мужчины?

– Чего хотят от легкомысленной женщины? Спрашивают ее непрерывно!

– Но о чем они говорят? – спросил побледневший сын.

– Спроси у жены, – старик иронически посмотрел на сына. – Очень часто она уносит телефон в спальню и говорит часами. Потом одевается и исчезает. Ведет себя так, будто никаких обязанностей перед семьей, перед мужем у нее нет. Боюсь, она в конце концов опозорит всю нашу семью. Поговори с ней серьезно!

– Поговорю!

Старик помолчал.

– В прошлый раз ты только успел показаться... И сразу уехал.

– Тогда я был здоров. После ранения и госпиталя сразу на фронт не отправят.

– Как я понимаю, положение на Восточном фронте еще хуже, чем в прошлом году. Мы упустили из рук многие города и села, обширные территории, завоеванные ценой крови тысяч и тысяч немецких солдат. Но дело идет к лету, можно ожидать нового наступления русских. Думаю, тебе не придется пожить дома, Густав.

Густав похлопывал по сапогу скрученной газетой, избегая смотреть в лицо отцу.

– Дело так повернулось, что русские гонят вас перед собой, как баранов... До каких пор будете отступать? Куда отступаете? В Германию? Тогда зачем же принесено столько жертв? Если были неспособны одержать победу, то не следовало трогаться с места. Невозможно понять, что творится! Если бы в Сталинграде вы проявили побольше упорства, победа была бы наша. И Кавказ был бы нашим, и Поволжье, и Баку. Потеряв Баку и Кавказ, Советы прекратили бы сопротивление. Я думаю, потеряно главное: дисциплина. А с ней – и чувство долга. А с ними – и чувство нашего превосходства. Раньше, услышав слова «Генерал идет!», все трепетали и готовы были по знаку генерала идти в огонь и в воду. И генеральский чин давался не каждому. И армией, и страной руководили генералы. Разве Бисмарк не генерал? А Мольтке? А теперь любая штафирка лезет – в фельдмаршалы. И вот результат...

2

Герта начисто отрицала обвинения свекра. Она чиста перед мужем! Старик врет! Но Густав знал, что отец врать не станет. И зачем ему клеветать на невестку, ведь это, кроме вреда, ничего ему не принесет?

Густав изводил Герту допросами до самого ужина. Видя, что он ей не верит, Герта пустила в ход слезы.

Густав слез не выносил, растерялся и... простил.

Потом они сидели рядом. Руки Густава запутались в ее густых волосах. Правда, Густав молчал и смотрел в окно, но голова Герты лежала у него на груди, и он слышал, как бьется ее невинное сердце. Старый хрыч, конечно, много чего наговорил, Густав не сразу это забудет. Но она постарается убедить его, что старик врет... И у нее хватит и для Густава теплоты и ласки...

... Старый Людвиг вставал рано. Как обычно, проснувшись, он шел в сад. В саду, среди цветов и деревьев, он на время забывал свои тревоги, заботы и болезни, и многого не замечал. Но однажды он увидел, как из растворенного окна спальни невестки выпрыгнул какой-то мужчина; быстро пройдя через сад, он перемахнул через ограду и скрылся. Сперва старик решил, что это вор, и хотел поднять шум, позвать на помощь, попытался задержать злоумышленника, но, к счастью, подумал, что если это вор, то почему он уходит с пустыми руками? Старик подошел к окну, внимательно осмотрелся. Под окном росли цветы – и ни один из этих кустов не был помят. Вор не был бы так осторожен для него каждая секунда имела бы значение. Людвиг понял, что мужчина, выскочивший с окна, не кто иной как любовник Герты. Гнев душил старика. Двух месяцев не прошло, как приезжал муж... Недавно получили письмо: Густав обещал вот-вот приехать. Так что же за скотина эта Герта, какая похоть ею завладела, что неделю – две без мужчины прожить не может? А чуть попозже старик получил новое доказательство ее шашней: служанка, убиравшая в комнате Герты, вынесла пепельницу, до краев полную окурков и конфетных бумажек. Всякие сомнения отпадали: Герта ставит Густаву рога, и занимается этим весьма прилежно...

Старый Людвиг не сдержался и рассказал все сыну. Густав уже почти простил жену, но, вспомнив сказанное отцом, отстранил Герту и подошел к окну. Долго глядел в сад. Вот, значит, какая-то сволочь через это окно лазила к его жене, пока он сражался во славу рейха! Густав сослался на головную боль и ушел спать.

Он не спал. Думал о жене, которая вряд ли образумится, об отце, который вот-вот предстанет перед всевышним – скоро ему некуда будет возвращаться, никто его не ждет! Вспоминал он и фронт, пытался понять причины неудач. В чем они, эти причины? Русские, конечно, воюют хорошо, дерзко. Техники у них прибавилось. Но у Манштейна техники было больше. И немецкий солдат воевать не разучился. А-а, вот в чем секрет! Где действовали немцы – там успех, а где румыны, итальянцы, венгры – там провал. Нельзя на них положиться. Не умеют они воевать, слабы духом. Вся надежда – на немецкого солдата, только на него.

Придя к этому выводу, Вагнер подумал о том, что если не доверять союзникам, не опираться на них, не использовать их, то немцы, по существу, останутся с Россией один на один. Такая перспектива ничего хорошего не сулит.

Размышлять обо всем этом Вагнер мог сколько угодно – на этот раз его не отозвали из отпуска, он отдыхал целый месяц. Поправились нога. Помирился с женой, точнее, простил Герту. Как он мог требовать верности от нее, если там, во Франции, он сам о верности жене и не вспоминал?

Глава тридцатая

1

Утром Ази Асланову позвонил заместитель командира соединения по тылу, сказал, что получена новая форма для офицеров, пригласил приехать и выбрать себе обмундирование.

Асланов поехал.

Адъютант командира полка Смирнов хорошо знал, что полковник, вернувшись с холода, всегда просит горячего чаю.

Вернувшись, Асланов весело сказал:

– Чай заварен? То-то я еще издали запах слышу. Спасибо! Таких заботливых, как ты, на

свете больше нет. Один, и тот ко мне попал. Налей, попьем чайку, согреемся.

Полковник снял кожанку и предстал совершенно преображенным. Китель, брюки, сапоги все новое, с иголки, и сидит, как влитое.

– Поздравляю, товарищ полковник.

– Спасибо. На днях привезут обмундирование для всех офицеров полка друг друга тогда не узнаем.

Видно было, что новая форма полковнику нравится.

– Товарищ полковник, – сказал Смирнов. – Из запасного полка прибыл один капитан. Говорит, вы его знаете. Такой – с усами и бакенбардами, но не кавказец.

– С усами и бакенбардами? Что-то не припомню такого. А где же он?

– Где-нибудь поблизости, наверное, зашел в какую-нибудь землянку погреться. Очень хочет представиться лично вам.

– Фамилию свою не назвал?

– Нет.

– Разыщи его. Я буду ждать.

Смирнов ушел. Асланов отпил глоток чаю, поставил стакан на блюдце. «Капитан... С бакенбардами, с усиками... Кто бы это мог быть?»

Снаружи послышались голоса: «Проходите, товарищ капитан». – «Нет, сперва ты проходи».

– Заходите, капитан, заходите, – сказал Асланов. – Что соревнуетесь в вежливости?

Дверь землянки открылась, и на пороге появился высокий, атлетического сложения офицер – с усиками и бакенбардами, только светлыми действительно, не кавказец.

– Здравствуйте, товарищ полковник!

– Здравствуйте, капитан!

– Не узнаете? – капитан заулыбался. – А старшего лейтенанта Юозаса Григорияйтиса тоже не узнаете? Подмосковье... Зима сорок первого...

– Сорок первый год? Ноябрь? Подмосковье?... Разве можно забыть? Полковник встал, пожал большую сильную руку капитана. – Очень рад этой встрече. Ты очень изменился, Григорияйтис.

– Так ведь прошло столько времени... После ранения – госпиталь, после госпиталя – запасной полк... Потом – другая часть. Очень хотел вернуться в свой батальон, но ничего не вышло.

– Кого-нибудь из наших сослуживцев встречал?

– Искал всюду, но не встретил никого.

– Да, – Асланов вздохнул. – Под Москвой многие из наших погибли. Или были ранены. А что с ними случилось потом – неизвестно. Я тоже никого из знакомых не встречал. Ты первый. Очень я тебе рад. А не назвался бы – не узнать. Ну, садись, дорогой. Валя, налей капитану чайку. Из дому какие-нибудь вести имеешь, капитан?

– Нет, товарищ полковник. Кто мне сообщит о родных? Пока Вильнюс не будет освобожден от немцев, я ничего не смогу узнать. А до литовской земли еще далеко. Лишь бы дойти, дожить, своих повидать. День и ночь о них думаю.

– Не тоскуй, Юозас, уже недолго осталось, дойдем.

– Этой надеждой и живу. Как подумаю, что Вильнюс мой у немцев, места себе не нахожу... А сил прибавляется, ни пуль, ни бомб не страшусь.

Капитан Юозас Григорияйтис окончил до войны строительный институт и получил назначение в архитектурный отдел горисполкома. Ему так и не удалось закончить работу, над проектом жилого дома, началась война. Призванный в армию, Григорияйтис сражался под Москвой, в Крыму, на Северном Кавказе, был дважды ранен...

– Когда меня в ваш полк послали, – рассказывал он, – я не знал, кто командир полка, и мне было уже все равно, где служить... А тут слышу: полковник Асланов. Я думаю: двух Аслановых быть не может. И не ошибся. Так что теперь я как дома.

– Знакомое чувство, – согласился Асланов. – Ну, сегодня ты отдохни, а мы

посоветуемся с комиссаром, подыщем тебе подходящее место. Вовремя прибыл. Я рад, что мы снова вместе. Повоюем еще, капитан!

2

Со дня на день Ази Асланов ждал приказа командования о выводе полка из резерва корпуса в глубокий тыл, где полку предстояло развернуться в бригаду, а приказа все не было и вообще никакой весточки ниоткуда не поступало.

От ожидания полковник уставал больше, чем от конкретного дела, заметно нервничал, беспокоился, ночью долго ворочался на нарах, не мог уснуть, зато днем его неожиданно клонило ко сну. В такие часы адъютант ходил на цыпочках.

Вот и сегодня, войдя, в землянку, Смирнов увидел полковника спящим и, чтобы не разбудить его, неслышно прошел в угол, положил на планшет полковника письмо.

– Что это, Валя? Ходишь крадучись, как в разведке...

– Так ведь вы отдыхаете...

– Делаю вид, что отдыхаю... Совсем сон потерял.

– От кого письмо?

– От Пронина.

«Ази Ахадович! – писал Пронин, – здравствуйте! Пишу из тылового захолустья, где подыхаю от скуки и считаю томительные дни – сбился со счета! Здесь все идет медленно – часы, дни, недели. Медленно течет река... Прекрасные условия для лечения, но невыносимо для души!

Многие очень быстро выздоравливают и уматывают на фронт, а я все еще валяюсь на своей койке. Думаю, однако, что пора убегать. Но госпитальное начальство все наши уловки изучило, убежать, как бывало в начале войны, невозможно. Поэтому написал рапорт на имя начальника госпиталя: так, мол, и так, считаю себя здоровым, прошу выписать. Получил устный ответ: здесь мы определяем, кто здоров, кто болен... Когда увидим, что поправился, выпишем, даже если будешь просить, чтобы оставили. Иди, лечись. И вот лежу, сижу, хожу. Врачи говорят, хорошо бы на месяц-другой поехать подальше в тыл, отдохнуть... Допустим. А куда? Луга моя занята немцами, жив ли кто из моих не знаю. Так что, как в песне поется, гвардейский танковый полк теперь моя семья... Соскучился я по Вас, Ази Ахадович, по товарищам. Словно десять лет, как расстался. И обидно, не попрощался ни с кем. Здешний хирург говорит: „Тебе повезло, что быстро оказали первую помощь, на месте оперировали и сразу доставили в госпиталь, иначе давно был бы на том свете“. Если так, то жизнью я обязан Лене Смородиной... Многое хотелось бы еще написать, а еще лучше – увидеться бы, поговорить. Если не выпишут, а погонят на отдых, приеду в полк. Отдохну в тылах полка. Может, и вам помогу в чем-нибудь?»

Письмо пришло как нельзя кстати. Значит, начальник штаба, пусть через месяц, через два, но вернется. Данилов, заменявший Пронина, не имел опыта, да, пожалуй, и вкуса к штабной работе, и всякий раз, замечая упущения, полковник вспоминал майора.

Он тут же сел писать ответ Пронину. Значит, этот чудак считает, что можно отдохнуть в тылах полка? А поехать ему куда? А Ленкорань?

«Поезжай к нашим, – писал Ази. – Там ты будешь для моих, да и для всех моих земляков, самый желанный гость. Во всяком случае, не пожалеешь. Не скажу, что там курорт, но что рай – это уж точно. Я сегодня же сообщу жене и матери, и они будут ждать. Мать у меня старая, ее обмануть грех, так что ехать надо, ясно? Если не поедешь, она обидится надолго, а я – на всю жизнь. Вот тебе адрес и следующее письмо от тебя жду из Ленкорани».

3

Когда Смирнов сказал Смородиной, что ее вызывает полковник, она решила, что

Асланов приболел, прихватила с собой фонендоскоп, лекарства и не пошла побежала.

Ази Асланов был в землянке один. Он приветливо встретил Лену, предложил ей сесть. Значит, командир полка не болен, и вызвали ее по другому вопросу.

– Ну, как дела, доктор?

– Спасибо, товарищ полковник, все хорошо.

– Письма от майора получаете?

Смородина промолчала. Ази Асланов подумал, что Смородина не поняла, о ком он спрашивает.

– Я о Николае Никаноровиче говорю. Пишет он вам или нет?

«Почему он спрашивает меня об этом? Что мне сказать ему? – Смородина смотрела на конверт в руке Асланова. – Может, это письмо от Николая? Мне или ему? Что пишет?»

– Майор не пишет мне, – сказала она.

– Уже сколько времени Николай Никанорович в госпитале... Ну, допустим, он вам не писал, может, и не мог писать... А вы? Вы писали ему? Вы что, так и не помирились? А я-то думал, что у вас все в порядке. – Ази вытащил из конверта письмо майора. – Николай Никанорович пишет, что обязан вам жизнью...

«Он мог бы написать об этом мне, а не вам, – подумала Смородина. – Я даже адреса его не знаю...»

– Что же вы молчите? – спросил Асланов. – Если хотите знать, как его дела – вот письмо Николая Никаноровича, можете прочесть.

Лене хотелось узнать о Николае, и особенно – своими глазами прочесть, что написал о ней Николай.

– Если считаете нужным, чтобы я прочла...

– Конечно. Читайте.

Прежде чем прочесть все письмо, Лена, бегло пробежав его глазами, нашла то место, где говорилось о ней. Как раз зазвонил телефон, и полковник поднял трубку.

Пока он разговаривал по телефону, Лена прочла письмо от начала до конца. Она ожидала, что обязанный ей жизнью что-то особенное, приятное для нее пишет о ней, но ничего не нашла такого и не могла скрыть разочарования.

Положив телефонную трубку, Асланов спросил:

– Ну, прочли? Оставьте свои обиды. Ранен-то он, а не вы. Идите и напишите Николаю хорошее, доброе письмо. Я знаю, что вы нужны друг другу, зачем же выжидать, кто первый поклонится? Будьте поласковее, и все наладится. Напишите?

– Напишу, товарищ полковник.

Она переписала в записную книжку адрес госпиталя, в котором лежал Николай. Асланов сказал:

– Звонил Черепанов. Сегодня ночью уходим. Идите. Готовьте санчасть к маршу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

1

Баркас, прибывший в Ленкорань из Баку, медленно причалил к пристани. Пассажиры, которым не терпелось увидеть дом, семью, с чемоданами и узлами в руках, уже теснились на палубе.

– Да не спешите же, успеете сойти, пытался успокоить их вахтенный матрос.

Позже всех сошел на пристань военный с вещмешком за спиной, в новенькой шинели, опирающийся на палку; он решительно не спешил.

Это был майор Николай Пронин.

Он поискал глазами, куда бы присесть. Старая облезлая скамья без спинки стояла около приземистого строения. Пронин сел, неловко вытянув ногу, снял вещевой мешок, вытащил оттуда две-три сухих, как доска, галеты. На море его здорово укачало, и даже на берегу поташнивало. Хотя есть и не хотелось, он заставил себя откусить кусочек галеты и принялся жевать – авось, тошнота пройдет.

Пристань обезлюдела. Пассажиры баркаса давным-давно разошлись. Лишь одна пожилая женщина неторопливо подметала причал. Все еще не решив, что ему делать, Пронин смотрел на море и думал, что, наверное, зря он послушался командира полка. До гостей ли людям в такое время? Но уж очень Ази настаивал, нельзя было отказаться, обиделся бы... С другой стороны, и повидать эти южные края хотелось... Но лучше всего заглянуть бы домой... Не заглянешь... До Луги еще далеко. Где-то сейчас мать? Как она там? Только бы с ней ничего не случилось...

– Спичек не найдется, сынок?

Перед майором стоял седой старик в черной папахе, с трубкой в зубах. Пронин молчал, и старик повторил свой вопрос. Он плохо говорил по-русски, поэтому подумал, что Пронин не понял его.

– Что?

– Спички... спички прошу, – старик выразительно показал на трубку, закурить.

Страхнув с руки крошки печенья, Пронин принялся шарить в карманах. Однако карманы были пусты. Под пристальным взглядом старика, ожидавшего спичек, Пронин сконфузился.

– Отец, потерял я их где-то.

Старик смерил его с ног до головы насмешливым взглядом и прошел мимо.

«Да, первое знакомство с ленкоранцами состоялось не лучшим образом», подумал Пронин, с сожалением глядя вслед старику.

Глыбы тяжелых облаков наплывали на город со стороны моря, громоздясь друг на друга, и вскоре накрыли Ленкорань плотной непроницаемой завесой, спустившись почти до земли. Городок казался пустынным, серым и неприютным. Мало похож на тот, каким рисовал его Ази.

Пронин огляделся в поисках укрытия. «И погода хочет сорвать на мне зло», – подумал он, глядя на стоявший у берега баркас. Баркас стоял под парами, из трубы валил дым. Пронину вдруг захотелось сесть на баркас и вернуться в Баку. Только кто там его ждет?

На пристань понемногу сходились пассажиры, едущие рейсом Ленкорань-Баку. Пронин спросил у подростка, который направлялся к пристани вместе с полной женщиной, держа в руках чемодан, где находится улица Максима Горького, дом номер семнадцать.

– Этот дом в Ленкорани знают все, товарищ майор. Там семья дяди Ази живет. Героя Советского Союза, полковника Ази Асланова, – сказал подросток, внимательно разглядывая Пронина. – А зачем вам этот адрес?

– Я от Ази Асланова.

Парень поставил чемодан на землю.

– Вы – товарищ нашего дяди Ази? Вы с фронта?

– Нет, не с фронта. Из госпиталя.

– Чего ты там застрял, ай Полад? – позвала полная женщина. – Пойдем быстрее.

– Иду, тетя, сейчас. – Полад повернулся к Пронину. – Если бы вы не спешили, я бы вас проводил... Если можно, подождите меня тут. Я тетку в Баку провожаю, сейчас вот дотащу ее чемодан и вернусь. Я мигом!

– Спасибо, я разыщу сам.

– Меня зовут Полад, товарищ майор, киномеханик Полад. Приходите вечером в кинотеатр смотреть фильм! – все это парнишка выпалил одним духом, и даже не стал дожидаться, что ответит майор – подхватив чемодан, помчался за теткой.

«Смышленный малый», подумал о нем Пронин, вновь закидывая за плечо вещмешок.

Серые тучи, сплошь закрывшие небо, ревниво прятали вершины зеленых гор, плотным кольцом обступивших город. Где-то вдалеке грохотал гром. Пронин, у которого не было с собой плаща, опасаясь вымокнуть под дождем, ускорил шаги.

2

Дом Аслановых он нашел без особого труда. Сначала маленький краснощекий бутуз, деловито возившийся вокруг детской тележки, увидев перед собой мужчину в военной форме, мгновенно выпрямился и, вытирая нос рукавом рубахи, спросил, кто ему нужен, не Тофик ли, а если Тофик, то он сейчас позовет, это его друг; потом появился вызванный этим бутузом Тофик – и все сразу решилось.

– Дядя, вы меня спрашивали?

– Я дом Аслановых ищу. Пронин моя фамилия. Николай Пронин. Служу с твоим папой в одной части.

– Дядя Коля! – воскликнул мальчик. – Мы вас давно ждем. Папа писал про вас. Пойдемте скорее в дом, бабушка там. И мама скоро вернется.

Нушаферин, по возбужденным ребячьим голосам поняв, что кто-то приехал, сама вышла во двор и сразу догадалась, что это человек, о котором писал Ази.

– Здравствуй, сынок! Почему не заходишь? – ласково заговорила она. Заходи в дом. Сколько времени тебя ждем! Кто ни постучит в ворота, думаем, это ты.

Пока Пронин умывался и приводил себя в порядок, Нушаферин зарезала курицу и приготовила гостю чихиртму; словно молодая, суежилась она по хозяйству, и хотя на скорую руку, но постаралась накрыть боевому товарищу сына достойный стол. Кроме чихиртмы, появились на столе масло и сыр, маринованные баклажаны и соленые огурчики.

Пронин, смущаясь, съел два кусочка курицы и отодвинулся от стола.

– Да ты что, сынок? – обиделась Нушу. – Значит, не понравился тебе мой обед? А если понравился, почему не кушаешь? Ты с дороги, по морю добирался... Съешь вот огурчик, баклажан попробуй, откроется аппетит...

Пронин не понял Нушаферин, она говорила по-азербайджански, но по выражению ее лица и жестам догадался о смысле сказанного. Кушанья были незнакомые, непривычные, соленого сыра, чихиртмы и баклажан он вообще не едал, да и устал он так, что было не до еды, но, чтобы не обижать добрую старушку, он съел еще кусок курицы и запил обед ароматным чаем.

Нушаферин оглянулась на внука.

– Что делать, сыночек, Николай по-нашему не понимает, я по-русски говорить не могу, ты уж растолкуй гостю, что я сказала: так нельзя, он же мужчина, пусть кушает, иначе обижусь.

Тофик перевел слова бабушки Пронину.

Тот улыбнулся, поблагодарил еще раз.

– Больше не могу. Спасибо!

– Ну, тогда иди, отдыхай.

Когда Ази уведомил семью, что, возможно, к ним в Ленкорань приедет его сослуживец, женщины первым делом приготовили для него отдельную комнату.

– Чувствуй себя, как дома, сынок, – сказала Нушаферин, а Тофик слово в слово перевел бабушкину речь. – Ты друг моего сына, значит, как брат ему и сын – мне. Я тебе мать. И не надо меня стесняться. Вижу, устал ты с дороги. Иди, поспи, а потом поговорим. Расскажешь нам об Ази...

Став переводчиком между бабушкой и гостем, Тофик сразу почувствовал себя повзрослевшим, и, как хозяин, повел гостя в отведенную ему комнату, где стояли кровать, стол, четыре стула и старенький шифоньер. Комната была аккуратно прибрана. Тофик помедлил, в надежде, что гость не сразу ляжет, и можно будет спросить его об отце. Он давно обдумал, о чем и как спросить майора, вот только не знал, с чего начать. Но все

решила бабушка.

– Не докучай гостю, сынок, – сказала она, – дай ему отдохнуть!

И Тофик тихо выскользнул из комнаты.

Пронин так устал в пути, что единственным его желанием было уснуть. Раздевшись, он постоял около кровати, не решаясь лечь. Конечно, в госпитале койка была с сеткой, и белье чистое, но такой белоснежной и мягкой постели он уже года три не видал. Давно уж постелью ему служили деревянные или земляные нары, а чаще всего голая земля; охапка веток, соломы или сухой листвы, вещмешок вместо подушки да пыльная шинель сверху, – вот и вся постель...

Натягивая на себя легкое пуховое одеяло, он подумал: «Где-то сейчас Ази?! Что делает? Если не в бою, так все равно чем-либо занят, забыл, когда отдыхал, а я вот тут сибаритствую в его доме». Ему стало как-то неловко от этой мысли.

Повернувшись на правый бок, он закрыл глаза. И словно утонул в мягкой перине.

3

Напористый дождь в полчаса вымочил все вокруг, прибил пыль на дорогах и тропках, смыл листву деревьев. Чистый, ясный воздух был напоен запахом сырой земли, ароматом южных цветов и плодов, под тяжестью которых гнулись ветви. Птицы, попрятавшиеся перед дождем под кустами и листьями, под крышами домов, теперь звонко щебетали, радуясь солнцу.

Пронин не раскаивался в том, что приехал к Аслановым. Приветливость и предупредительность хозяев, принявших его, как родного, очень его тронула и покорила, от его сомнений, правильно или нет он поступил, послушавшись командира полка, и следа не осталось, и только мысль о том, чем он может ответить на доброту и ласку Хавер и бабушки Нушаферин, тревожила теперь его. Воздух Ленкорани тоже пошел ему на пользу. На впалых, бледных щеках майора появился румянец, лицо округлилось, как у юноши; глядя в зеркало, Николай усмехнулся: «Ну и ну! Отъелся на даровых хлебах». А тетушке Нушу, которая без устали хлопотала вокруг него, ласково говорил: «Избаловали вы меня, мама. Баринომ сделаете! Не успею глаза открыть, как у вас уже все готово. Привыкну, а потом что буду делать на фронте?»

Старушка уже привязалась к нему, как к родному. «Ты не из таких, сынок, – отвечала она. – Но пока здесь, отдыхай как следует! Может, еще все и кончится до твоего возвращения на фронт... Молю аллаха, чтобы пригнул он этих немцев к земле. Тогда и моя кровиночка домой вернется, вместе бы и отдохнули... А я такой обет дала: пусть только мой Ази живым и здоровым вернется, месяц буду держать пост».

Пронин недавно бросил палку. По мере того, как уменьшались боли в ногах, настроение у него поднималось, но вместе с тем усиливалась тоска по родной части, и он не знал, куда себя деть и чем заняться. Часами вышагивал он по двору и по улице, вновь возвращался во двор, а там тоска тотчас брала его за сердце. Хорошо еще, что подвернулся киномеханик Полад. Парень навещался почти ежедневно, оказывал ему всяческое уважение, и всякий раз, когда демонстрировался новый фильм, сам приходил за Николаем. Юношеская искренность и восторженность, сердечная открытость парня пришлись Пронину по душе. Иногда Пронин и сам во время прогулок сворачивал в сторону кинотеатра; он любил наблюдать, как Полад деловито колдовал у своего аппарата. У парнишки всегда была тьма новостей и тьма вопросов о фронте, об Асланове, о танкистах – ну, практически, обо всем казалось, парень живет в Ленкорани, а сердцем – весь на войне...

Наконец, нашлось дело для майора, которое сразу его захватило.

На общем собрании колхоза, которым руководил Рза, было выдвинуто предложение: собрать молодежь, которая достигла призывного возраста, подготовить ее и отправить с пополнением в танковую бригаду Ази Асланова. Предложение получило поддержку и моментально облетело весь район и город. От юношей, в том числе и живущих в самых

отдаленных селах, полетели заявления в военкомат. Пронин, узнав об этом, прямо-таки ожил и на другой день появился в военкомате.

Военный комиссар, приняв во внимание просьбу Пронина, поручил ему подготовку допризывников с таким уклоном, чтобы они могли служить именно в танковых войсках. Пронин разработал детальный план обучения, и, не будучи педагогом, но прекрасно зная предмет обучения, с первых же занятий увлек молодежь, да и сам увлекся. Магически действовало на ребят и то обстоятельство, что он служил с Аслановым, рассказывал об Асланове и обещал после обучения повезти ребят к Асланову. Немудрено, что к нему тянулись и те, кто не вышел годами.

Однажды, после очередного занятия, Пронина перехватил на пороге военкомата Полад.

– Дядя Николай, здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, рад тебя видеть, как поживаешь?

– Спасибо, хорошо, – Полад уставился в землю и сказал, смущаясь: – У меня к вам дело, дядя Николай. Все хотел вам сказать, да вы теперь у нас не появляетесь... Я хотел попросить... Думаю, вы поможете...

– Пожалуйста, Полад, скажи только, в чем дело.

Полад проглотил слюну.

– Совершенно пустяковое дело для того, кто за него возьмется...

– Ты растолкуй сначала, что это за дело такое, а потом уж посмотрим, пустяковое оно или нет.

– Дядя Николай, вы майор, а он – капитан. Если вы скажете, он вас послушает... – Полад протянул Пронину, видимо, давно приготовленную и сложенную вчетверо бумагу.

Ничего не понимая, Пронин взял листок.

– Я там изложил свою просьбу, – решил пояснить Полад.

Просьба была изложена в заявлении, адресованном военному комиссару города Ленкорани.

«Хотя я не достиг призывного возраста, – писал Полад, – я хочу добровольно пойти в армию, в часть, которой командует наш земляк, полковник Ази Асланов. Даю слово, что не отстану от тех ребят, которых решили послать в танковую бригаду. Я совершенно здоров, немного разбираюсь в радиотехнике и могу быть стрелком-радистом. Очень прошу не отказать мне в моей просьбе».

Майор, свернув заявление, внимательно оглядел Полада. Тот выпрямился, поставил ноги по-военному: пятки вместе, носки врозь. Пронин невольно улыбнулся.

– Ростом ты ничего... Но выполнить твою просьбу не так-то легко. В этом деле я не могу указывать капитану. Военком мне не подчинен. Я могу попросить его, а ты возьми пока свое заявление; понадобится, – отнесешь.

Полада, который так надеялся на помощь Пронина, этот ответ обескуражил совершенно. Он молча сложил заявление, которое вот уже несколько дней носил с собой, и спрятал его в карман.

– Извините, что задержал вас, дядя Николай.

Донельзя обиженный Полад, направился в кинотеатр. До начала сеанса оставалось с полчаса, а сделать надо было многое. И Полад жалел, что потерял столько времени, ожидая Пронина, и, главное, зря!

Пронин, конечно, почувствовал, что Полад обиделся на него. Он решил помочь парню, но обещать что-либо, не зная, что получится, не хотел.

На следующий день он имел разговор о Поладе с военкомом. Решили написать в военный комиссариат республики и просить разрешения учесть просьбу несовершеннолетнего добровольца, а пока суть да дело, капитан позволил Поладу заниматься вместе с допризывниками.

Свое решение Полад скрыл от матери. Забегав однажды в кинотеатр, мать не застала там сына. Спросила у Хавер, где Полад. Хавер обо всем ей рассказала. Ну а вечером Сария упала к ногам Полада, умоляя его забрать заявление обратно. Что же ты хочешь, сынок,

причитала она, оставить меня одну? Отец погиб под Керчью, разве мало с нас этого? Полад не знал, как ее успокоить, и сказал, что он передумал, не пойдет в армию, пока не призовут, но мать не поверила и тайком от сына явилась к военкому – все с той же просьбой не отправлять сына на фронт. Вдобавок, из военкомата республики пришел отрицательный ответ: не достигших призывного возраста в армию брать нельзя!

И Полада отстранили от участия в занятиях, которые вел Пронин.

Полад обиделся на мать, затаил глубокую обиду на Хавер, которая открыла его намерения матери, вообще на всех, кто, по его мнению, помешал ему. Придя в кинотеатр, он первым долгом выставил за дверь Таваккюля, Сары и Рашида и решил управляться с работой в одиночку. А после работы нарочно задерживался в кинотеатре допоздна, не хотелось идти домой, – едва он успевал переступить порог, как мать принималась плакать, и без того еще больше растравляя ему сердце.

Только от Пронина он не отвернулся, и в свободное время по-прежнему приходил к майору, все еще не теряя надежды, что Николай поможет ему. Хотя ему запретили ходить на занятия, которые проводил с призывниками Пронин, он каждое утро, сказав дома, что идет на работу, заходил в военкомат и со двора, куда выходили окна комнаты, где вел занятия Пронин, внимательно слушал каждое слово майора. В этом деле помогал ему Керим Керимов, работающий в кинопрокате и знавший Полада. Чтобы Поладу было лучше видно, что чертил Пронин на доске, и слышно, что он рассказывал, Керим приоткрывал половинку окна. Но вскоре какой-то работник военкомата поймал Полада на попытке «узнать военную тайну», и парня перестали пускать во двор, и таким образом перекрыли для него источник военных знаний. Тогда Полад снова явился к Пронину. Все с той же просьбой.

Увидев его во дворе, Нушаферин, стегавшая на веранде одеяло, перегнулась через перила.

– Это ты, Полад? Опять насчет фронта? Да ведь ты еще ребенок! Образумься, детка, пожалей мать. После гибели твоего отца несчастная осталась одна с тремя сиротами на руках. Вот ты чуть-чуть подрос, и на войну рвешься. А ведь у нее на тебя вся надежда. Если ты уйдешь на фронт, что она делать будет? В доме не останется ни одного мужчины! Разве ты не знаешь, что в трудную минуту нельзя оставлять мать одну. Это и людям не по душе, да и аллах не простит такого...

Полад, опустив голову, слушал старушку.

– Но послушайте, бабушка, зачем я хочу пойти на фронт, – сказал он звенящим от слез голосом. – Я хочу отомстить фашистам за отца! Вон ведь сколько людей идет на фронт. Что, у них нет матерей, сестер, маленьких братьев? Почему им никто такого не говорит и поперек пути не ложится?

– Так они, слава аллаху, взрослые. У них усы и бороды отросли. А ты еще маленький. Когда понадобится, тебя позовут, не забудут, и никто не спросит, хочешь или не хочешь на фронт. Пошлют, и все. Так что опусти голову и работай. А воевать еще и без тебя людей хватает.

Полад не рискнул возражать старушке, да и не за тем он пришел. Он пришел по возможности выяснить, когда призывники поедут на фронт. Еще утром, возвращаясь с базара, он встретил друга своего, Керима, и тот сказал, что в пятницу будет погрузка на пароход, морем поплывут до Баку, а там уж скажут, на какой фронт ехать. Полад понял, что настал решительный момент. Куда бы он ни приходил в эти дни, все, как один, начинали упрекать его и упрашивать, чтобы он выбросил из головы мысль об армии. И в конце концов он решил, что один только Пронин способен понять его и что только он поможет ему. Однако после разговора с Нушаферин ему расхотелось встречаться и с майором. Но чему быть, того не миновать: майор оказался во дворе, и Полад решил еще раз попытать счастья. Конечно, Нушаферин тотчас обернулась к Пронину:

– Сынок, ну хоть ты попробуй его образумить! Куда ему на фронт?

Пронин остановился у калитки.

– Зачем приходил, Полад? Что опять стряслось?

– Да ничего. Только все меня либо ругают, либо упрашивают... Не знаю, что это с ними?

– Так ведь они правы! Закон есть закон, и малолетним на войне делать нечего. Если ты уйдешь на фронт, дом останется без мужчины. Мать у тебя с горя вся извелась.

– Значит, если я дома останусь, то буду считаться мужчиной, а если на фронт, – так я еще ребенок?

– Сразил! – засмеялся Пронин. – Но, все-таки, тебе еще следует подрасти. Потерпи годик-другой. Дай мне хотя бы съездить в бригаду, осмотреться там, и тогда я напишу письмо в военкомат, чтобы тебя направили в нашу часть.

– А разве не лучше сейчас, с вами, поехать?

– А если тебе там дадут от ворот поворот? Асланова-то сейчас в бригаде нет, поехал на учебу в Москву. Так что побудь пока дома, а к тому времени, как полковник с учебы вернется, пожалуешь к нам. Той порой и мать успокоится, поймет, что воевать тебе надо... Ну, как, согласен?

Полад, поразмыслив, сказал:

– Хорошо.

– Я знал, что ты умный парень. В пятницу мы отплываем. Придешь меня проводить?

– Приду.

4

На пассажирской пристани собралось множество людей: провожали пополнение для бригады Ази Асланова. Кроме родных, тут находились секретарь районного комитета партии Мамедбейли, другие руководящие работники города, представители общественности.

Мелкий морозящий дождь не помешал людям сказать сердечные напутственные слова.

Мамедбейли открыл митинг, и с насоро сооруженной трибуны звучали короткие прочувствованные речи.

Последним взял слово Рза Алекперли.

– Товарищи! Матери и отцы, провожающие своих сыновей! Дорогие сынки наши! Милые братья и сестры! Азербайджанский народ всегда высоко нес свою честь и славу и никогда не преклонял колени перед врагом. Юноши и девушки, которых взрастила прекрасная земля Ленкорани, всегда были верны этой народной традиции и останутся верны ей и впредь... – Чтобы его могли слышать в самых дальних уголках пристани, Рза говорил громко, но без жестов – стоял на трибуне спокойно, лишь изредка поправляя черную повязку на увечном глазу. Ленкоранцы хорошо его знали; это был тот самый Рза, который в 1941-м году под Ростовом дважды за день ходил в тыл врага и оба раза брал «языков», о нем много тогда писали в газетах. – У нас есть с кого брать пример, говорил он. – Вспомните наших земляков. Участник русско-японской войны, один из героев Порт-Артура генерал Самедбек Мехмандаров... Герой Отечественной войны Балаоглан Аббасов... И наконец, отважный танкист полковник Ази Асланов – все они слава и гордость ленкоранской земли. Мы уверены, что молодежь, которую мы сейчас добрым словом провожаем в путь, будет достойна этих славных имен. Счастливого вам пути! Бейте ненавистного врага! Бейте безо всякой пощады! Будем ждать вас с победой и всем миром встретим вас вот здесь, на ленкоранской земле!

Митинг закончился. Коротко остриженных юношей с чемоданами и вещмешками вновь окружили родители и родственники. Смешалось все напутствия, смех и слезы.

Мать Полада, услышав, что призывников отправляют на фронт, тотчас вспомнила, что Полад не то в шутку, не то всерьез сказал на днях, что, если захочет, запросто уедет вместе со всеми, на одном пароходе. Не подав виду, что встревожилась после этих слов сына, Сария сбегала на пристань и попросила кое-кого присмотреть, чтобы парень не проскользнул на пароход незамеченным, а сама с утра стояла недалеко от трапа и со страхом вглядывалась в каждого, кто поднимался на судно. Полада, который вышел из дому раньше ее, даже не поев,

нигде не было видно.

Пронин, сопровождавший призывников, прихрамывая, ходил по пристани, присматривая за погрузкой, и одновременно следил, не появится ли Полад. Ведь пароход скоро отчалит, а парня нигде не видно. «Наверно, обиделся на меня, решил он. – Что ж, надо отдавать якоря...» Пронин поднялся на палубу, проверил по списку состав команды. Все на месте.

Подняли трап.

Сария вздохнула спокойнее: слава аллаху, Полад остался дома!

Стоя у борта, Пронин прощально махал рукой Нушаферин, Хавер, Рзе, маленькому Тофику.

– До свиданья! – кричал он. – Спасибо за все. Будьте здоровы!

Нушаферин неотрывно глядела на отплывающий пароход. «Поехать бы мне с вами, повидать бы сыночка, насмотреться на него вдоволь... – горько думала старая женщина. – Увидеть бы, что он, родимый, делает...»

Люди медленно расходились. И Нушаферин, понимая несбыточность своей мечты, вместе с Рзой, Хавер и внуками поплелась домой.

Скрылась из глаз Ленкорань... Пассажиры, которых укачивало, лежали по каютам; другие, не обращая внимания на дождь, стояли на палубе, смотрели на море и на исчезающий берег.

Пронин был среди этих людей. «Как там теперь бабушка Нушаферин, Хавер ханум, дети? – думал он с острым чувством сожаления. Какие прекрасные люди!»

Боль расставания сейчас, в море, с особенной силой сжала ему сердце. Потом он опять подумал о Поладе. Куда запропастился мальчишка? Почему не пришел попрощаться? Это на него не похоже!

Пароход выходил в открытое море. Дождь прекратился, но похолодало, и сырой ветер усиливался с каждой минутой. На палубе остались только Пронин да вахтенный матрос, и каждый, наверное, думал о своем. Майор радовался, что, наконец, после долгой разлуки, возвращается в часть, к своим боевым товарищам. Не думал он, что так долго проваляется в госпиталях, да еще и в тылу задержится. Больше всего он опасался за рану в живот. Однако она затянулась, против ожидания, быстро и безо всяких осложнений. А вот ранение в ногу, чуть выше коленной чашечки, которому он не придавал значения, оказалось опаснее всего. Он не мог теперь полностью согнуть и разогнуть ногу, едва избежал анкилоза, и медицинская комиссия надолго закрыла ему путь на фронт.

Приподняв воротник шинели, Пронин перебрался в защищенное от ветра место и, один, без помех, вспоминал прошлое и думал о будущем. Скоро он увидит своих товарищей. Всех ли увидит? Кто жив, а кто погиб или ранен? Увидит ли он Смородину? Как она отнесется к его появлению? И как он посмотрит ей в лицо? Тогда, под Сталинградом, он не смог совладать с ревностью. Ревность диктовала поступки. Получив письмо от Смородиной, он тут же, не думая, написал ей резкий ответ. Потом-то он понял, что не следовало этого делать. Поторопился он с ответом... Но письмо ушло, и, наверное, сделало свое дело. Тем более, что в том письме, желая сделать ей больно, чтобы и она почувствовала муки ревности и обиду отвергнутой женщины, он сообщил ей, как бы между прочим, что познакомился в госпитале с прекрасной девушкой, на которой намерен жениться. Девушки этой и в помине не было, но Лена поверит его клевете на самого себя! Да и почему ей не поверить? Это ведь не кто-нибудь про него, а он сам о себе написал.

Ну, что же, дело сделано. Как она отнеслась к его сообщению, неведомо. Во всяком случае, не писала больше.

Хотя Пронин давно выбыл из полка, он был в курсе всех дел, поскольку получал письма и от Асланова и от Филатова. Знал, что полк развернут в бригаду, и бригада успешно сражалась на Миус-фронте. Знал, что она отличилась при взятии Харькова, Полтавы, Сум, Золотоноши. О ней он читал в приказах Верховного Главнокомандующего. А сейчас его друзья сражаются на белорусской земле. Самого Ази Асланова в части нет, он на курсах в

Москве. Данилов стал командиром батальона. Из тылов в бригаду прислали какого-то майора, в летах, он теперь начальником штаба. Временно, а может быть, и постоянно.

Поезд Баку-Ростов только что отошел от станции Хасавюрт, как в конце вагона поднялся шум.

– Что там случилось? – спросил Пронин Керимова.

– Не знаю, товарищ майор. Пойти разузнать?

Майор промолчал. Но не прошло и минуты, как Керим Керимов ворвался в купе.

– Полад здесь, товарищ майор.

– Полад?.. Не может быть!

– Здесь, товарищ майор. Не верите, – можете взглянуть.

Пронин подошел к группе парней, толпившихся около последнего купе и в тамбуре. Увидев майора, ребята расступились.

– Где он? – спросил Пронин, и сразу увидел Полада, который стоял на «фартуке», между вагонами за наглухо закрытой дверью.

Он был без шапки, в мокром пиджаке, на плечах – снег...

– Как ты тут оказался? Что ты наделал, а? – закричал Пронин.

Полад, видно, что-то ответил, но из-за бешеного стука колес голоса его не было слышно, только видно, как шевелились губы.

Пронин гневно погрозил ему пальцем. Потом, вызвав проводницу, открыл дверь. Сжавшись, Полад вошел в вагон. Он весь посинел и дрожал от холода, черные глаза словно потускнели. Хорошо, что его вовремя заметили – еще немного, и легко одетый, уже изнемогавший от усталости парень свалился бы с «фартука». Наверное, Полад думал, что на всем свете стоит такая же погода, как в Ленкорани.

Пронин повел Полада в свое купе. Полад остановился около дверей; он был сильно встревожен. Что скажет майор? Повезет его вместе с группой ребят на фронт или же вернет обратно?..

Пронин оглядел Полада с ног до головы. О чем-то подумал. Что-то хотел сказать. Но потом вытащил из-под сиденья сундучок, достал из него лаваш, жареную курицу, зелень, завернутые в бумагу – все, что положила в дорогу бабушка Нушаферин.

– Садись, Полад. Знаю, ты голоден. Поешь, а потом поговорим.

Такое начало обнадеживало. Полад был голоден, как волк, и поэтому безо всяких церемоний присел к столику.

Пронин молчал. Что он решит? Этот вопрос, по мере того как утолялся голод, все явственнее вырисовывался перед Поладом.

– Ну, покушал? А теперь скажи, что мне с тобой делать прикажешь?!

Полад не ответил.

– Вот видишь, и сам не знаешь, как быть... А поставь себя на мое место... Так что в Грозном сдам тебя на руки военному коменданту или в милицию. Они направят тебя домой.

Полад испугался.

– Дядя Николай, – умоляюще сказал он, – что хотите делайте, но не отправляйте меня назад. Я только на вас и надеялся.

– А разве я не сказал тебе еще в Ленкорани, что надо потерпеть? Ты дал слово, а не сдержал его. Значит, тебе нельзя доверять. Так что у нас с тобой ничего не получится!

Ребята в соседнем купе явственно слышали весь разговор. Они все знали о мечте Полада, все ему сочувствовали и все были против возвращения Полада в Ленкорань, но вмешаться не решались.

– Ты представляешь, что творится теперь в Ленкорани? Наверняка, военкомат и милиция тебя ищут. Я уже не говорю о твоей бедной матери. Она, наверно, обегала весь город, обыскала каждый уголок. Тебе что, и мать не жалко?

– Да никто меня не ищет, товарищ майор! Мать знает, где я. Я ей письмо оставил! Может, и плачет... Но знает, что я никуда не делся!

Полад выехал из Ленкорани раньше команды, которую Пронин вез на фронт. Как

обычно, он сделал вид, что идет на работу. Но, дойдя до шоссе Баку-Ленкорань, он дождался знакомого шофера, и с ним добрался до Баку и переночевал на морском вокзале, где решил дожидаться Пронина. А утром, едва подошел пароход, издали выследил ребят из родного города и следом за ними сел на поезд. Если бы не холод и голод, он, может быть, до станции назначения не попался бы никому на глаза.

Он не особенно тревожился о домашних. Проживут! Есть пенсия за погибшего отца, мать еще молодая, может работать. Дети могут друг за другом присмотреть...

Выходя из дому, Полад оставил на видном месте письмо.

«Дорогая мама, я тебя люблю больше всех на свете! Я уезжаю на фронт, как тебе говорил. Не ругай меня, не сердись и не обижайся, что оставил с двумя девочками. Я уверен, что вы сможете прожить без меня, пока идет война. Мне надо быть на войне. Я – единственный ваш сын... Если бы я знал, где погиб отец, где его могила, я добрался бы туда хоть ползком. Я должен отомстить за него, поэтому и послушался тебя. Если я стану дожидаться призывного возраста, может, и война кончится. А если не отомщу за отца, плохо мне будет жить на свете. Я поеду и догоню ленкоранских ребят, и постараюсь попасть в бригаду, где дядя Ази командир, ты не беспокойся обо мне. А как доеду до фронта, напишу. Целую тебя и сестричек».

– Полад, приготовься. В Грозном сойдешь, – сказал Пронин.

– Что ж, дядя Николай... – тихо сказал Полад, – я сойду, если вы меня гоните. Но домой все равно не вернусь. Пойду в любую часть.

Решительный ответ Полада заставил майора задуматься, а к тому времени будущие бойцы уже заполнили купе майора. Они наперебой стали упрашивать Пронина взять Полада с собой.

– Столько уже проехал. Намучился... Оставьте его с нами, товарищ майор... Пусть парень останется. Напишем матери, растолкуем, что к чему, она поймет.

– Я ей письмо оставил, – сказал Полад, поворачиваясь к землякам. – А если еще и вы напишете...

Керим Керимов, которого Пронин особенно любил, тоже встал на сторону Полада.

– Разрешите ему с нами поехать, товарищ майор. Будет в бригаде кино крутить. Он же прекрасный киномеханик.

Не по душе пришлась Поладу такая перспектива – «крутить кино», да что делать? Главное, чтобы с полдороги домой не вернули. А когда он доберется до части, можно поглядеть, кому что будет сподручнее. Что он, хуже других? Ехать на фронт, чтобы там кино показывать? Ну, нет, этого вы не дождетесь. Не будь я Полад!

Выслушав «ходатаев», Пронин замолчал и больше не проронил ни слова. А поезд, гремя колесами, мчался на север. Полад один стоял у окна. Уже наступила ночь, ребята постепенно разошлись по купе, легли отдыхать. Они выделили полку и Поладу, но ему было не до сна. Его грызли сомнения. Может, он неправильно поступил? Все осуждают. Осуждать легко. А вот понять? Понять трудно. Даже майор не может понять его! И, наверно, все-таки высадит в Грозном. Сказал, и сделает. И с каким лицом вернется Полад в Ленкорань? Нельзя будет людям на глаза показаться...

Поезд приближался к Грозному. Беспокойство и волнение Полада достигли предела, он ждал теперь рокового слова Пронина и неотрывно следил за его лицом. Вот сейчас, вот сейчас майор встанет и скажет: «Ну, пошли». Но майор сидел нахмуренный, мрачный, и казалось, забыл обо всем.

На остановке в Грозном он даже не шелохнулся.

Но пока поезд не отошел от станции, Полад все еще не верил, что его не ссадят, что его берут на фронт и вместе со всеми везут в танковую бригаду.

Глава вторая

Фируз Гасанзаде получил звание капитана и был назначен командиром танкового батальона. Уходя из второй роты, он взял с собой Парамонова.

Парамонов чувствовал себя так, словно и он получил повышение, и с особенным старанием прислуживал капитану.

Утро в промежутке между боями начиналось обычно с зарядки и умывания холодной водой. Сам Парамонов процедуру эту не любил, но неукоснительно выполнял свои обязанности, связанные с нею. Он, как всегда, спустился к реке и приволок бадью воды.

Капитан набирал воду пригоршнями и плескал себе на грудь, на шею, на плечи и в лицо.

– Не жалея воды, Парамонов! Лей, лей как следует!

– Мне воды не жалко, товарищ капитан, мне за вас боязно: простудитесь.

– Не простужусь, лей!

Парамонов, приподняв бадью, обрушил воду на шею и на плечи командира. Гасанзаде наклонился еще ниже, и Парамонов вылил всю оставшуюся воду ему на голову.

– Ах-ха!.. Вот это дело!

Сняв висевшее на суку березы полотенце, капитан вытерся насухо.

Парамонов, опустив бадейку, с удивлением смотрел на огромный шрам на груди Гасанзаде. «Видно, еще повезло, – думал он о командире. – От такой раны не скоро оправишься. А он выкарабкался».

Растирая полотенцем поросшую густым волосом грудь, Фируз даже забыл о ране. Потом попробовал ее рукой и вздохнул облегченно: зажила.

Он вспомнил, как, узнав о том, что он, недолеченный, оказался в строю, отчитывал его Ази Асланов.

– Что же это вы, Гасанзаде, в конспирацию тут играете, а? Не ожидал я от вас!

– Я не мог поступить по-другому, товарищ полковник, – оправдывался он тогда. Пришлось выложить комбригу все начистоту.

– Неправильно поступил, Гасанзаде, не оправдывайся! Ты должен был сразу же прийти ко мне и рассказать всю правду. Может, и даже наверное, я все-таки оставил бы тебя в полку.

– Сначала я не решился... Не знал вас... Сейчас я, конечно, ничего бы не утаил... Ну, а потом понял, что совершил ошибку, но было поздно. Боялся, что вернете меня в госпиталь. А тогда и госпитальным врачам неприятностей хоть отбавляй... Особенно хирургу.

– Да, там хирургу нагорело бы, а здесь нагорит Смородиной...

– Смородина тоже не виновата, товарищ полковник. Сначала она не хотела и слышать, чтобы я остался в полку, хотела немедленно вернуть меня в госпиталь. Я ее еле уговорил.

– А Смородина всю вину берет на себя.

– Елена Максимовна – благородная девушка. Это она меня выгораживала.

Хотя в землянке было прохладно, он едва успевал вытирать пот на висках, на шее, на лице.

– Ты знаешь, что произошло между Смородиной и Прониним?

– Знаю.

– Вот видишь, что ты наделал?

– Это недоразумение меня до сих пор мучает, товарищ полковник. Я хотел разъяснить майору все, но он не пожелал со мной разговаривать.

– Надо было все-таки попытаться все разъяснить.

– Елена Максимовна не разрешила.

Асланов оставил все без последствий. Но было бы лучше, если бы он наказал его. Гасанзаде не любил упреков, да и кто их любит? После того разговора он долго ходил сам не свой, и всю ночь не спал, чувствуя на себе осуждающий взгляд полковника. Долго думал, оставил бы его Асланов в полку, если бы он рассказал ему о своей незажившей ране. Нет, пожалуй, турнул бы в тыл.

Услышав о предстоящем возвращении Пронина в часть, Фируз обрадовался: все прояснится! Он знал, что настойчивые просьбы Асланова возымели действие, и командир корпуса зарезервировал за Прониным должность начальника штаба бригады. Много говорили в бригаде и о том, что Пронин везет пополнение молодых ленкоранских ребят.

В последнее время Гасанзаде часто видел Смородину. Она была весела и приветлива, и он думал, что отношения с Прониным у нее наладились. Поэтому как-то по пути на очередное совещание командиров он заглянул в медсанчасть и поздравил ее с возвращением близкого человека.

Смородина взглянула на него с удивлением.

– С чем вы меня поздравляете?

– Говорят, Николай Никанорович на днях возвращается.

– Это касается меня столько же, сколько любого другого человека в бригаде.

– Я вас что-то не пойму, Елена Максимовна.

– Я и сама себя не понимаю. – Смородина вытирала руки спиртом, словно готовилась к приему больного. – Возвращение майора Пронина в часть не радует меня, Фируз. Скорее наоборот. Эти месяцы я, по крайней мере, его не видела, и уже было успокоилась. А теперь я каждый день буду его видеть... А ведь вы знаете, что значит видеть человека, который когда-то был близким, а стал чужим.

– Разве вы ему не писали? Я думал, все разъяснилось.

– Да, написала, и получила ответ...

Он счел нетактичным расспрашивать, а Лена, задумавшись на минуту, вдруг сказала:

– Он, конечно, правильно поступил. Сама во всем виновата. Я предложила ему после госпиталя поехать к моей матери. Ну, а он... Он меня отчитал... Впрочем, раз уж судьба велела вам встать между нами, я не хочу скрывать от вас ничего. Натё, читайте. Это письмо, которое он написал мне из госпиталя. Читайте, читайте, не смущайтесь, там есть кое-что и про вас.

«Елена Максимовна, – писал Пронин, – ваше письмо я получил. Ваши объяснения мне совершенно безразличны, могли бы не трудиться, я не верю ни одному вашему слову. Дело сделано, а вы хотите объяснить мне причины ваших встреч с Гасанзаде, оправдать свои недостойные поступки, обелить себя. Только наивный простачок попадет на эту удочку. Я не ребенок, и слава богу, могу отличить отношения между врачом и больным от отношений между женщиной и женщиной. Мне все ясно. Очень сожалею, что до сих пор плохо знал вас. А ведь мы дали друг другу известные обещания, были у нас и общие мечты и планы. Куда подевалось все это, стоило только появиться на пути смазливому лейтенанту? Значит, все ваши обещания – это пустые слова... Разве они шли от сердца? А я так верил им, так любил вас... Но что говорить, дело прошлое... В одном я, по крайней мере, нахожу утешение – в том, что судьба послала мне здесь достойную, красивую девушку, и я не один. В эти тяжелые дни она поддерживает меня. Я мечтал построить жизнь именно с такой девушкой, и думал, что это будете вы, но жизнь все решила иначе.

Справедливости ради, раз уж представился такой случай, должен сказать, что если бы после ранения вы не оказали мне помощь и не эвакуировали в полевой госпиталь, кто знает, что было бы сейчас со мной. Скорее всего, меня не было бы. Однако я вижу в ваших действиях не проявление какой-то особой любви и расположения ко мне с вашей стороны, а просто добросовестное исполнение профессионального долга. Долг этот благородный, вы его выполняете хорошо. Лично я весьма вам признателен. Вот и все. Не трудитесь больше писать мне, я не стану читать ваших писем, а просто их порву. Н. Пронин».

– Я думаю, рано-поздно все встанет на свои места. Как только майор вернется, я пойду к нему и поговорю обо всем. Я покажу свою рану, чтобы он понял, наконец, причины моих визитов в санчасть. Ну, а если уж и это его не успокоит, тогда...

– Фируз, я уже сказала вам, что запрещаю говорить с ним на эту тему. Мне не в чем оправдываться, а вам – тем более.

– Но почему? Пока рана не зажила, я молчал. Теперь все хорошо, и молчать глупо.

Давно надо было все разъяснить.

Смородина, все еще державшая в руках письмо Пронина, стояла, нахмурясь.

– Вы внимательно прочли это письмо? – спросила она. – Что вы думаете по поводу «достойной, красивой девушки»? – Свернув письмо, она положила его в карман.

– Если он пишет правду, тогда...

– Выдумать такое трудно, значит правда. – Лена старалась быть спокойной и равнодушной. – Будем считать, что и я его никогда не любила.

Идя в медсанчасть, он никак не думал, что испортит женщине настроение.

Почувствовав, что кто-то подошел к палатке, но войти не решается, Смородина крикнула:

– Заходите, я не занята.

Явился фельдшер, лейтенант медицинской службы.

– Товарищ капитан, с какого батальона начинать прививки? У нас все готово.

– Командир второго батальона здесь. Он пойдет с вами в роты и даст необходимые указания. Так что начинайте со второго.

Приход военфельдшера положил конец неприятному разговору.

2

Преемником Гасанзаде на роте стал лейтенант Анатолий Тетерин. Старая дружба между комбатом и бойцами и командирами роты не оборвалась, и даже новички, недавно прибывшие в роту, завидев капитана, радостно оповещали друг друга: наш Гасанзаде идет!

Когда Гасанзаде пришел во вторую роту, прививки уже начались.

Братья Колесниковы, которые подверглись этой процедуре первыми, занялись гимнастикой, чтобы, как они говорили, разогнать лекарство. Зато те, кому еще предстояло получить «свое», нервничали. Ефрейтор Шариф Рахманов, услышав о противотифозных прививках, решил улизнуть: он давно вкусил «сладость» этого укола, и в свое время два дня не мог повернуться на спину, температурил.

Фельдшер вызывал танкистов по списку, а Маша Твардовская очень точно и ловко делала им уколы.

Поняв, что улизнуть незамеченным едва ли удастся, Шариф подкатился к Мустафе.

– Земляк, хоть на что-нибудь ты годишься?

– Что могу, все знают. Я своих способностей не скрываю.

– Э-э, пустые слова. Ты докажи, что хоть чем-то можешь быть полезен...

– Кому? Тебе? – засмеялся Мустафа. – Придет время, докажу.

– Когда еще такое время придет... И зачем долго ждать? Возьми, и сейчас докажи, если ты мужчина.

Мустафа начал догадываться, куда клонит Шариф.

– А ну, давай, выкладывай, в чем дело?

– Клянусь твоей головой, Мустафа, я этого укола больше чем пули боюсь. Будь он неладен! Делаешься хуже больного. Прошу как друга: намекни своей Маше, пусть там в списке передо мной поставит «птичку». Никто не узнает. Я подойду, затем отвалю в сторону, будто получил этот проклятый укол, и все шито-крыто, никто ни о чем и не пронюхает.

– Значит, укола боишься? А послушать тебя, иногда ты прямо-таки соловьем разливаешься! Герой, да и все тут: того схватил, этого ударил, придушил, кого-то на тот свет отправил... Слушают его, уши развесили... А он, оказывается, иголки малюсенькой, короче ноготка, испугался. Вот и верь герою... Такой, слава аллаху, верзила... Похоже, трус.

– Да что ты заладил? – вскипел Шариф от подначек Мустафы. – Верзила! Трус... При чем тут храбрость? Ты мне острый нож в тело воткни, я и не охну, а вот эту проклятую иглу... я ею брезгую. – Шариф весь даже передернулся то ли от страха, то ли от отвращения. Он закатал рукав гимнастерки. – Вот видишь! Ножевая рана! Как-то мы поехали кейфовать в село Дуруджа, в Куткашен. Ты эти места знаешь, летом там рай. Выпили вдоволь. Захмелели

чуть-чуть. Пошел я к роднику и увидел там свеженькую девочку... такую, знаешь, только-только созреть стала... Не удержался, сказал кое-что... Задел ее, в общем. Ну, подхожу к костру, собираюсь нанизывать шашлык на шампуры. Вдруг кто-то встал передо мной с ножом в руке. «Эй, ты, – говорит, пес этакий, к кому пристаешь?!» Всадил бы он мне нож в бок, да я локоть подставил. Руку он мне пропорол, но я все-таки вцепился в горло этому дураку и свернул бы ему голову, как цыпленку, да нас растащили. А кровь из руки фонтаном, так и хлещет. Но я даже в больницу не пошел. Кое-как перевязали, и все... А ты говоришь, я трус, чего-то боюсь. Ничего я не боюсь.

– Если бы не боялся, пошел бы и принял укол, без лишних слов, продолжал подшучивать Мустафа, хотя, откровенно говоря, начинал верить, что Шариф кое-что может. – Ты, наверное, после того удара ножом прийти в себя не можешь...

Шариф побледнел, сунул руку в карман и вытащил нож.

– Так, говоришь, я трус?

Мустафа насторожился.

– Да, трус, – повторил он.

– И даже иглы боюсь?

– Боишься!

Шариф нажал кнопку, – нож раскрылся. И не успел Мустафа даже глазом моргнуть, как Шариф воткнул нож себе в руку.

– Теперь поверил?! Поверил, что Шариф не из пугливых?

– Сумасшедший! – крикнул потрясенный Мустафа. – Сам себя поранил! Ну и дурак, ну и дурак!

Нож проник чуть не до кости, кровь стекала Шарифу в ладонь.

– Эта рана побольше будет, чем сто уколов твоей Машеньки! – Шариф победоносно оглядел тех, кто сбежался на их голоса и услышал крик Мустафы. Вот она, рана! Это тебе не иголочка паршивая, это – нож. А я, как видишь, даже и не поморщился...

– Потому что сумасшедший! – Мустафа рвал индивидуальный медицинский пакет. Дай перевяжу.

– Перевязывай, перевязывай. Я ему, видите ли, трус! Это он сказал мне, ребята. А еще земляк называется.

– Я пошутил. Если бы знал, что ты такую глупость из-за шутки выкинешь, я бы рта не открыл.

– А вот теперь, назло тебе, иду я этот проклятый укол делать.

– Иди, иди, да попроси руку йодом смазать. И перевяжут пусть как следует.

В руке возникла острая боль. Но Шариф крепился еще, улыбался через силу. Хотел казаться веселым.

Гасанзаде, обходящий с Тетериным роту, еще издали заметил, что Шариф с Мустафой стоят, чем-то явно возбужденные, в окружении группы бойцов.

– Как дела, ребята? – спросил он, подходя.

– Спасибо, товарищ капитан. Вертимся потихоньку, – сказал Шариф, опуская пораненную руку.

– Прививку прошли?

– Я прошел, товарищ капитан.

– И я...

– А вы, Шариф?

– И я... – но взгляд комбата упал на испачканный кровью рукав гимнастерки.

– Это что? Откуда кровь?

– Да около машин возились. Зацепился за какую-то железку, – сказал Шариф.

Язык у него заплетался. Капитан глянул на Мустафу. Мустафа, не выдержав его испытующего взгляда, сказал:

– Да врет он, товарищ капитан.

И рассказал все как было.

Изумленный, Гасанзаде потребовал, чтобы Шариф показал рану.

– Марш к врачу!

– Я и так хотел идти, да вижу вы...

– Немедленно к врачу! Перевязать, сделать антистолбнячный укол! Герой! Я думал, он человеком станет... Нет, не услышу я о вас доброго слова, Шариф!

– А что делать, товарищ капитан, я им рты не закрываю. Не хотят говорить хороших слов.

– А что хорошего вы совершили, чтобы заслужить доброе слово?

– Пусть не хвалят, но пусть и не задевают! Товарищи, называются, земляки... Попробуй попросить их о чем-нибудь – беды не оберешься. Помочь не помогут, а до белого каления доведут... На глупость подтолкнут, а потом стоят себе в сторонке, словно им и дела нет ни до чего.

– Я вас знаю, Шариф, вы тоже хороши. Но голову надо иметь свою...

– Шариф, ты что тут препираешься? – вступил в разговор Тетерин. Хорошо, что комбат понимает все, характер там, обычаи ваши кавказские. А ну как нарвался бы на кого другого? Знаешь, что можно подумать насчет твоей выходки, а? Марш в медпункт.

Шариф похолодел. Смерив бешеным взглядом с ног до головы Мустафу, он неторопливо направился к палатке врачей. Через некоторое время, перевязав рану и сделав укол, он вернулся.

– Вот так!.. Всего-то ничего. Укол. Перевязка, – заговорил он, подходя. – Но, товарищ капитан, скажу – не поверите: место от укола болит больше, чем рана!

– Когда вы образумитесь, Шариф? Только на днях присвоили вам звание ефрейтора, думали, человек посерьезнел. А вы опять за старое!

– Товарищ капитан, лучше мне умереть, чем такие слова слушать! Не знаю, что плохого я сделал на этот раз? Меня считают трусом только потому, что не выношу одного вида иглы! Я доказал, что не трус. Сам себе руку порезал, вреда никому не причинил...

– Еще бы кому причинил вред! Мы бы с вами тогда в другом месте говорили. Сейчас речь о вашей безответственности идет!

– Товарищ капитан, это я во всем виноват, – сказал Мустафа.

– Я пока не ищу виновных и не собираюсь никого наказывать. Мне хочется только, чтобы вы поняли, какую глупость сотворил человек. Нет, Шариф, таким сумасбродством ничего не докажешь, героем не прослывешь. Настоящая храбрость проявляется в бою.

– Что ж, я хуже других в бою, товарищ капитан?

– Не лучше. В середняках ходите. Хитрите там, где дело надо делать. Мне ваши развязность и ухарство не нужны. Мне нужен дисциплинированный, собранный, мужественный боец! И запомните: если из-за этого ранения выйдете из строя – отдам под суд.

– Эх, что вам ответить, товарищ капитан? Жаль, что сейчас спокойно на нашем фронте. Не в чем себя проявить. Но знайте: Шариф может испугаться чего угодно, но только не немцев. Это все знают, И если по-честному, то во всей бригаде только один человек меня принижает и этим выводит из себя, – вот этот самый Мустафа. Его ко мне вроде наставника прилепили, а он хуже няньки. А я ведь не мальчик. Клянусь аллахом, товарищ капитан, я его боюсь больше, чем полковника Асланова. Стоит мне один кривой шажок сделать, как этот зловредный Мустафа – тут как тут на мою голову. Будто следит за мной. Не понял своей задачи, превышает власть, ей-богу!

Гнев комбата немного поостыл.

– Лейтенант, – повернулся он к Тетерину, – как они вели себя на учениях?

– Мустафой я доволен. А Шариф особого рвения не проявляет...

– Вот как? А мне помнится, вы и раньше, и только что говорили, что покажете себя в первом же бою? Но, чтобы не ударить лицом в грязь, надо учиться, надо многое знать, если хочешь выполнить свою задачу. А вы? Слышали, что говорит командир роты? С прохладцей к занятиям относитесь? На язык вы бойкий, да ведь противника острым языком не сразишь.

Бой – это не состязание ашыгов, где сопернику можно запечатать рот искусной строфой.

– Но что делать? Значит, это все, на что я способен, товарищ капитан. Теория, всякие там науки не лезут мне в голову. Мое дело – практика. Стрелять – могу, а что такое траектория или как там ее еще – не соображаю! Но если я из пятидесяти возможных не выбью хотя бы сорок пять, можете делать со мной все, что угодно. Хоть эту ефрейторскую полоску с погон снимите. А что касается этой, как ее, – тактики, карт и тому подобного, то это не мой огород. Если бы у меня были к науке хоть какие-нибудь способности, стал бы я в магазине работать? Давным-давно в институт побежал бы и закончил. Инженер или там доктор был бы, и на войну не пошел бы, бронь себе схлопотал... Но ничего не попишешь – когда я вижу книгу, у меня все внутри обрывается. Хуже чем при виде иглы этой... Вообще, не понимаю, как это у людей терпенья хватает такие толстые тома читать? Мне легче, кажется, весь день камни таскать, чем одолеть одну страницу.

– Что ж, весьма откровенно, – усмехнулся Гасанзаде, смягчившись от простодушно-наивного и чистосердечного, как ему показалось, признания Шарифа. – Но только не вижу, что особенно трудного вы проходите, что так жалуетесь, товарищ Шариф Рахманов? С тех пор, как вы в армии, эти истины столько раз повторяют, что пора бы их знать назубок.

На прошлой неделе командир взвода едва-едва поставил Шарифу тройку по огневой подготовке. «Может, ты чего не понимаешь?» – спросил он. И поручил Мустафе: «Помоги товарищу. Что не дошло, объясни. Спрошу без скидок». Шариф, конечно, обиделся... «Брать меня на буксир... Что я, телега без колеса?» – накинулся он на Мустафу. – Что усвоил и чему научился до тебя, – этого мне за глаза хватит. Нечего голову всякой всячиной забивать. В бою я уж как-нибудь без тебя сориентируюсь. И потом, если я буду много знать, для чего тогда командиры? Так что ты иди, родимый, учись прилежно, бог даст, получишь звание генерала. А с меня и ефрейтора хватит. Как-никак, рядовой солдат – главная фигура на войне».

С Шарифом спорить трудно: он так ловко мешает истину и вздор, так приправляет эту мешанину житейской мудростью, что не успеваешь разобраться, что к чему, а он всегда, вроде, прав. Поэтому Мустафа очень обрадовался, когда комбат завел разговор о серьезном отношении к занятиям – сам Мустафа, как ни старался привить Шарифу интерес к учебе, не смог, тот под любым предлогом ускользал от дела, от излишнего, по его мнению, напряжения мысли.

– Я еще такого упрямца не видывал, товарищ капитан. Хочу показать ему, что и как, объяснить, помочь, а он прибаутками пробавляется.

– Ты работай с ним, а если вздумает улизнуть, скажешь командиру роты. Смотрите, Шариф. Вы уже не мальчик. Не хочу, чтобы мы поссорились!

Искоса глянув на Мустафу, Шариф понял, что тот весьма доволен тем, как Гасанзаде отчитал его, Шарифа. «Да, да, вижу, тебе нравится, как меня распекают. Сам довел до глупости, да еще командиров на меня напустил. Не отличишь, когда ты друг, а когда – недруг. Ну, ничего, теперь буду знать». Но комбату он смиренно ответил:

– Буду учиться, товарищ капитан. Если что будет непонятно, спрошу у Мустафы.

– Через несколько дней проверю.

Шариф мгновенно отступил от своего бодрого заявления.

– Не хочу хвастаться, товарищ капитан; как бы я ни старался, все равно не отвечу так, как вы хотите. Однако, даю слово, что в бою буду драться, как подобает мужчине.

– Командование отвело нас с передовой, чтобы мы отдохнули, привели в порядок машины, подучились немного. Не хотят, чтобы напрасно лилась наша кровь. Хотят, чтобы мы воевали с умом, со знанием дела. Или ты думаешь, нас тут за красивые глаза держат, бесплатно кормят, поят, обувают-одевают? Подумайте о тех, кто на заводах и на полях трудится. Хлеб для нас добывают, оружие нам куют, лишений терпят не меньше нашего. Рабочие пробаваются в день пятьюстами граммами хлеба, а нас, смотрите, как обеспечивают. Так что мы в ответ должны повышать уровень боевой подготовки. Тяжело?

Ничего. Тяжело в ученье – легко в бою.

После ухода комбата Мустафа сказал Шарифу:

– Любой другой на его месте стер бы нас с тобой в порошок. А он с нами так обращается, что неловко делается.

– Еще бы. Ты же виновник всей этой заварухи.

– Ладно, хватит об этом. Я тебе вот что скажу: если мы будем заниматься с тобой по полчаса в день, и то нам краснеть перед ним не придется.

– Не придется! Ты только его послушай! Да разве другие больше меня знают?

– Во всей роте ты хуже всех разбираешься в деле. Может, еще один-два таких, как ты, найдутся, но не больше!

– Ну и пусть. Нас, незнаек, мало, а вас много... Все-таки чем-то выделяемся.

– Зря хорохоришься. Приложи немного стараний, и у тебя все будет получаться.

– Хватит твоих поучений, братец. Не ты первый с моралью лезешь. Слыхал такую легенду – будто Азраил⁷ наплодил детей и стал раздавать их людям? Ну, вот, послал он одному человеку своего детеныша, а тот говорит: пусть он только наших детей не трогает, а своих оставит при себе. Вот и ты: не трогай меня, и пусть твои знания останутся при тебе. А я своим умом проживу, ясно?

Глава третья

1

Пронин с пополнением прибыл в расположение бригады ночью. В части были обо всем уведомлены, и все было заранее подготовлено к встрече. Новички, поужинав, остались ночевать у хозяйственников. Утром им выдали новую форму и распределили по батальонам.

Сказать, что Пронин радовался встрече со старыми друзьями, значит ничего не сказать. Всю дорогу о встрече этой он думал, волновался, временами терял сон. Как встретят? Помнят ли его? Кто из сослуживцев жив, кого уже нет? По мере приближения к месту назначения нетерпение и волнение его росло – так волнуется человек, после многих лет странствий возвращаясь в родные края. И вот – бригада. Пронин почувствовал себя как рыба, которую из садка выпустили в море – она мгновение стоит, словно остоленевшая, а потом, освоившись с родной стихией, ныряет в бездонную глубину. Всю ночь он не сомкнул глаз, и не дал поспать Филатову, все расспрашивал и выпрашивал. К тому же, в бригаде его ждал приказ о присвоении ему звания подполковника. Филатов этим летом тоже стал подполковником. Он на радостях подарил Пронину новенькие погоны с двумя большими звездами. Немного позволили: себе выпить по этому поводу и за встречу, и Филатов, между прочим, сказал, что среди офицеров корпуса было немало таких, кто поглядывал на вакантное место начальника штаба бригады.

– Ты Ази Асланову скажи спасибо. Чтобы оставить это место за тобой, он не раз просил генерала... Вообще, любит он тебя... И знаешь, хорошо, что ты вернулся: он будет рад!

Утром Пронин принял дела у пожилого майора, который временно занимал должность начальника штаба. Работал до полудня. И за это время, повидался, кажется, со всеми. Кроме Смородиной.

Все, что он передумал, обиженный на Лену, сейчас, когда она была где-то рядом, отлетело прочь. Он хотел ее видеть. Перед завтраком, якобы знакомясь с местом дислокации штаба, он дважды прошел мимо санчасти, но Смородиной не встретил. Увидел ее около походной кухни; она о чем-то говорила с поваром. Пронину показалось, что Смородина его

⁷ Азраил – ангел смерти.

заметила, однако сделала вид, что не замечает. Глядя прямо перед собой, он широким шагом прошел мимо. Сколько месяцев он не видел ее, не стоял с ней лицом к лицу? И сейчас даже взглянуть на нее не удалось, и он не смог бы сказать, как она выглядит, изменилась или нет.

Да, впрочем, он не знал даже, как посмотрит ей в лицо, что скажет ей при встрече.

Вернувшись в штаб, он увидел Гасанзаде. Тот, видимо, ждал его. Отдав честь, капитан сказал:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться. У меня важное дело. Если сейчас не располагаете временем, скажите, когда зайти.

– Раз уж пришли, зачем возвращаться? Садитесь.

Нарочито медленно снимая шинель, Пронин оглядел Гасанзаде с ног до головы. «Хм, уже капитан. И говорят, комбат. Парень не промах...»

Гасанзаде о чем-то раздумывал; было заметно, что он волновался.

– Ну-с, капитан, я вас слушаю.

– Я пришел к вам не по служебному делу, товарищ подполковник. Дело это личное, но не мое. Но в какой-то степени оно меня касается.

Пронин что-то чертя красным карандашом на листе бумаги, спокойно-холодно сказал:

– Если вы хотите сказать о Лене или о ваших отношениях с ней, то не стоило трудиться – это меня несколько не интересует. Однако не выслушать вас было бы несправедливо. Я надеюсь, наша беседа будет недолгой. Времени у меня в обрез. Я только что прибыл и только что принял дела. Еще не ознакомился как следует с обстановкой, да и командир бригады пока не вернулся, так что, сами понимаете...

Капитан пришел к подполковнику без ведома Лены Смородиной и вопреки ее желанию. Уйти, ничего не выяснив, он теперь уже не мог. А подполковник чертил на бумаге какие-то замысловатые фигурки, будто ожидая, когда капитан уйдет.

– Товарищ подполковник, я хотел бы на время нашего разговора забыть о разнице в званиях и должностях.

– Увы, об этом забыть нельзя. Но вы, как я понял, хотите говорить как мужчина с женщиной? – Пронин швырнул карандаш на письменный стол. – Так говорите, к чему эти предисловия? Я вас слушаю, чего вам еще?

– Мне кажется, если минут на пять мы забудем о разнице в служебном положении и поговорим друг с другом как простые люди, вреда от этого никому не будет. – Пронин не отозвался. Гасанзаде, посерьезнев еще более, продолжал: – Николай Никанорович, мы мало знаем друг друга. Служа в одной части, мы всегда говорили только по служебным вопросам. И служили рядом мы очень недолго. Я вас как начальника знаю, а как человека – не знаю. Вы меня – тем более.

Пронин, которому не понравилась пространность этого второго предисловия, оборвал Гасанзаде.

– Это все так, но переходите к делу, по которому явились.

– Ясно. Буду краток. Я пришел сюда из-за Елены Максимовны. Хотел, ничего не скрывая, поговорить начистоту и раз и навсегда прояснить все. Я сожалею, что ваша размолвка с ней приняла такой характер, и мне совестно, что она как-то связана с моим именем...

– А вам не совестно совать нос в чужие дела? Я думаю, вы не имеете права даже говорить о совести, Гасанзаде! – Пронин с такой злостью нажал на карандаш, что тот переломился надвое. Собрав обломки карандаша, майор бросил их в мусорную корзину и, комкая в ладони рисунок, сказал: – Так что, это она послала вас парламентаром? Пришли оправдывать виновную? Честно говоря, капитан, не хотелось бы мне видеть вас в этой роли! Роль соблазителя – еще куда ни шло, попробуйте сыграть, но роль посредника вам не подходит.

По мере того, как распалялся Пронин, истощалась и выдержка Гасанзаде. Однако он старался держать себя в руках, чтобы не выйти за границы дозволенного.

– Никто меня к вам парламентаром не посылал. Ошибаетесь. Я пришел по своей воле,

Николай Никанорович. И вовсе не для того, чтобы оправдать Елену Максимовну. Я не адвокат, она не подсудимая...

– Так зачем же вы пришли в таком случае? Состязаться в остроумии? Пронин повысил голос. Он не мог уже сдерживать гнев. Лицо его почернело, губы пересохли. Дрожащими руками он то шарил в карманах, то складывал и перекладывал на столе уставы и наставления и менял местами пепельницу и спички.

Если бы так пошло и дальше, беседа могла плохо кончиться, особенно для капитана. Поэтому Фируз подождал, пока Пронин успокоится. Его выдержка отрезвила Пронина.

– Николай Никанорович, давайте закончим беседу. Я пойду, а когда вы успокоитесь, позволю себе зайти снова.

И он встал.

– Садитесь и продолжайте вашу речь!

– Но мы условились, что забудем на минутку о субординации! Пронин не нашелся, что ответить. – Немного терпения, и мы пойдем друг друга очень легко.

– Извините, может, я был грубоват.

– Вы хотели сказать, что презираете меня. Я читаю это в ваших глазах. Как к кому относиться – дело ваше. Однако, Николай Никанорович, я хочу, чтобы вы знали: ни в чем я перед вами не виноват, никогда ничего плохого против вас и в мыслях не имел. Ваши подозрения напрасны. Они возникли на недоразумении, на случайности. Сам того не желая, я, может быть, стал причиной вашей ссоры с Еленой Максимовной. Но готов поклясться чем хотите, что между мной и доктором не было ничего, кроме простых товарищеских отношений. Она необыкновенная женщина, я ее уважаю. А о любви не думал. Что касается ее, то она не любит никого, кроме вас, Николай Никанорович. Я пришел к ней как пациент, и она на меня смотрела именно как на больного...

По мере того, как Фируз рассказывал свою историю, сдвинутые брови подполковника потихоньку расходились. Когда Гасанзаде кончил свой рассказ, Пронин глухо спросил:

– Что это за рана, лечение которой продолжалось так долго?

Гасанзаде встал, расстегнул ворот гимнастерки и рывком сдернул ее с себя.

– Вот она, эта рана. В госпитале она затянулась, это помогло мне вырваться, а в дороге я почувствовал: дело плохо. Конечно, Елена Максимовна имела право доложить обо мне и отправить меня в госпиталь. Она рискнула... Ей я обязан тем, что служу в полку и что теперь, практически здоров.

Шрам на груди капитана был ужасающий. С таким ранением иной счел бы свой долг перед родиной выполненным...

– Что ж вы... Застегнитесь! – сказал Пронин.

– Вот и вся история, товарищ подполковник. Елена Максимовна достойна самых высоких чувств. Хотел бы я, чтобы мне когда-нибудь повстречалась подобная женщина.

2

Несколько дней Полад жил при штабе бригады, возле Пронина. Иногда ему поручали хозяйственные дела. Сначала Пронин хотел было оставить его в вестовых, но Полад рвался к танкистам и всегда вертелся среди них. Хотя подполковник с утра до вечера был занят работой, о Поладе он не забывал; за завтраком, обедом и ужином они сидели за одним столом.

Совершенно по-другому представлявший себе фронт, Полад со дня приезда места себе не находил. «Что это за война такая? Где она, эта война? Живем, как в тылу. По расписанию. Пушки не стреляют, самолеты не бомбят... А где же враги? В киножурнале танки дяди Ази шли в наступление. Грохот, огонь, стрельба. Вот это была настоящая война. А здесь как в пионерском лагере. Интересно, долго так будет?»

Однажды Полад не выдержал, спросил Пронина:

– Мы на войне, товарищ подполковник? Сколько дней как мы приехали, а все на одном

месте... Когда же наступать? Вы тоже с утра до вечера что-то пишете, как в конторе... Так всегда?

– Не нравится?

– Вы о войне другое рассказывали. Я думал, фронт – это фронт... А я так совсем не у места. Целый день только и делаю, что по лесу слоняюсь. В Ленкорани хоть кино показывал, а здесь и этого нет.

– Не переживай, Полад, и не торопись. Война не такая. Но всему свое время. Когда придет наш час, получим приказ, вот тогда и двинем на врага. А до этого надо получить машины, боеприпасы, снаряжение. Надо людей получить, распределить по батальонам, ротам, взводам, по машинам. Всех надо научить. Надо еще учения провести, стрельбы. Много чего надо сделать, прежде чем идти на врага.

– Я написал маме, что стал танкистом. А что я за танкист, если еще и танка не видел?

– Не надо было писать, что ты уже танкист. Ты в танковой бригаде, но еще не танкист. А танки ты увидишь, Полад, не спеши, столько танков увидишь, что удивишься, откуда они берутся.

Полад и рад был бы остаться возле Пронина, но он стесненно чувствовал себя среди офицеров штаба, поэтому некоторое время спустя он попросился в какую-нибудь роту.

– Товарищ подполковник, отправьте меня к бойцам, которые с вами из Ленкорани прибыли. Тут я вам мешаю.

– Скучаешь по землякам?

– Каким-нибудь делом заняться бы...

– Хорошо, я скажу, чтобы тебе нашли посильную работу. Пойдешь к ремонтникам. Ты ведь кое-что смыслишь в радио, будешь помогать мастеру восстанавливать танковые радиостанции.

– Я пойду. Но если можно, отправьте меня в роту, к танкистам.

– Трудно тебе там будет, не сможешь управляться, силенки у тебя еще не те... Я вот с минуты на минуту нагоняй из-за тебя должен получить...

– А газеты все время пишут о подростках, которые еще меньше меня, а уже партизанят, сражаются с врагом наравне со взрослыми.

– Армия и партизанский отряд все-таки не одно и то же. Много общего, но... Да и условия разные. Что можно там, то недопустимо здесь.

Спустя несколько дней после этого разговора Пронин разрешил Поладу отправиться в роту, с условием: если будет трудно, – доложить и возвращаться в штаб.

Так Полад оказался в роте лейтенанта Тетерина. Тетерин, оглядев Полада, остерегся включить его в состав экипажа и перепоручил старшине Воропанову:

– Погляди-ка, может, найдешь подходящую работу для паренька? Только не слишком тяжелую.

Вторая рота стояла в лесу. Танки были так укрыты, что Полад не сразу их обнаружил. Первый танк, который он увидел, был танк «Волжанин» братьев Колесниковых. Уже потом в глазах у Полада зарябило от надписей «Ленкоранский колхозник». Он вспомнил, как собирали деньги на колонну танков. Но почему этот танк называется «Волжанин»?

У «Волжанина» Полад и столкнулся с Шарифом Рахмановым.

– Ты кто такой, а? Откуда взялся?

– Из прекрасного южного города.

– Ай, плут! Но на плохого парня ты не похож. Кроме шуток, откуда явился?

– От начальника штаба.

– Ого! От начальника штаба? Ловко начинаешь, у больших чинов пригнулся. Хорошо, а имя-то можешь сказать?

– Могу. Меня зовут Полад.

– И кто ж тебя в армию взял? По виду тебе лет четырнадцать, от силы пятнадцать... Таких у нас не берут. Наверняка тебя вместо кого-нибудь толкнули... – Шариф пытливо осматривал Полада. – Совесть там, в военкоматах, видно, потеряли! А ты что думал? Здесь

фронт, деточка. Не игрушки. Пока не поздно, браток, действуй, требуй свои права. Пусть тебе какой-нибудь грамотный человек умное заявление состряпает, и пошли прямо командующему фронтом: пусть пошлют тебя на комиссию и вернут домой, потому что ты малолетний, послан на фронт незаконно.

Полад не мог слушать разглагольствования Шарифа.

– Да что вы, дядя, вы сначала разберитесь, в чем дело, а потом говорите. Никто меня насильно на фронт не отправлял. Я сам, по своей воле, пошел в армию. Что я, хуже вас? Так говорите, будто я вам жаловался!

– Добровольцем на фронт пошел?! Ну, тогда другого такого дурака, как ты, еще не видали. Ты что, с ума спятил? Еще молоко на губах не обсохло, а на фронт заявился? Да в этом огне и пламени такие ли люди в цыплят превращаются? А ты что здесь будешь делать, джыртдан?..⁸

Полад отвернулся. А Шариф, ругаясь, пошел прочь.

В роте прослышали, каким образом Полад попал на фронт. И стали проявлять к нему большое уважение. Вскоре Полад сделался всеобщим любимцем. Повар старался дать ему обед пожирнее, танкисты оберегали его от непосильных, трудных дел. Ближе всех сошелся Полад с экипажем танка «Волжанин». Братья были добры и покладисты, и Полад в свободную минуту мчался к «Волжанину», лазил в танке и вокруг него, как дома, обо всем расспрашивал братьев, и те охотно удовлетворяли его любознательность.

Ценя сообразительность Полада, Аркадий Колесников про себя решил, что возьмет мальчишку в экипаж, и потому часами занимался с ним. Полад быстро освоил радиоаппаратуру. Потом Аркадий нажал на изучение пулемета, и снова остался доволен способностями своего ученика.

Однажды Аркадий Колесников сказал:

– Отлично ведешь себя, Полад. Хвалю. И думаю, тебя можно перевести в состав экипажа.

Вместе пошли к командиру роты. Колесников сказал:

– Товарищ лейтенант, я давно уж без стрелка-радиста. Чувствую: скоро выступать. А что буду делать с неполным экипажем?

– Подыщем тебе подходящего человека.

– Когда? Где? Пришлют какого-нибудь неумеху, его еще научить надо. А между тем в роте подходящий человек есть.

– Кого имеешь в виду?

– Полада Талышлы.

– Талышлы? Да разве он справится? Выучился чему-нибудь?

– Всему, чему надо, я его научил.

– Проверим, что он умеет и знает, а там поговорим.

Вскоре Тетерин самолично проэкзаменовал Полада.

Колесникову сказал:

– Судя по знаниям, Талышлы можно ввести в состав экипажа. Однако не забывай: ребенок! Возраст – не призывной, В качестве сына полка пожалуйста, пусть живет, а в экипаж его нельзя.

– Я спрошу разрешения у капитана.

– От Гасанзаде ничего не зависит. Дело в Пронине. Будет его указание возьмем. Нет – ничего не попишешь. Да ты не журысь, як говорят украинцы, не получится с Талышлы, дадим тебе хорошего стрелка-радиста, прошедшего огни, воды и медные трубы. Чего ты к Поладу прицепился? Он еще подросток, в бою может сдрейфить... Не хочу, чтобы о «Волжанине» плохая слава пошла...

Аркадий Колесников этих опасений не разделял. Непосредственно, глазом опытного

⁸ Джыртдан – Мальчик-с-пальчик из народной сказки.

бойца, он внимательно наблюдал за Поладом, и только после того, как уверился, что из парня выйдет достойный солдат, принял решение просить о включении его в состав экипажа.

– Если бы знали Полада поближе, товарищ лейтенант, вы убедились бы: надежный парень. В бою не подведет. Я, как командир танка, ручаюсь за это.

Но командир роты все же не рискнул решить самостоятельно этот вопрос, решил посоветоваться с комбатом.

Полад во время этого разговора крутился возле «Волжанина». Увидев, каким расстроенным вернулся Аркадий Колесников, он догадался, в чем дело; он решил, что надо самому проситься в экипаж «Волжанина», и просить об этом надо Пронина.

Глава четвертая

1

Сдав последний экзамен, Ази прямо из гостиницы «Москва», где жил во время учебы, созвонился с Ленкоранью. Правда, он всю ночь ждал, пока его соединят с далеким пограничным городком; Ленкорань дали только под утро. Он обрадовался, как ребенок, услышав дрожащий голос матери.

– Мама, это ты?..

– Я, я сынок, да перейдут на меня все твои заботы и горести! Откуда ты говоришь, сынок? Где ты? Здоров ли?

– Далеко я, мама, из Москвы говорю. Я здоров, мама, а как ты?

– Как мне быть, дорогой, все мои мысли о тебе, сердце мое с тобой. Скажи, когда домой-то приедешь, хоть на денек? Увидеть бы тебя, на жену, на детишек взглянул бы...

– Хотел приехать. Не смог. Работы очень много. Завтра снова на фронт.

– Куда, ты сказал? Опять на фронт? А домой? На часок бы...

И мать замолчала. Встревоженный, Ази дул в телефонную трубку, звал «Алло, алло!», и наконец, в отчаянии крикнул:

– Мама! Мамочка, почему молчишь?

Давясь слезами, мать тихо ответила:

– Я не молчу, сынок. Я просто слушала тебя, родной мой, говори, говори! Скажи, чтобы я знала, кто тот человек, который не пустил тебя домой на денек-другой? Большой командир? Янарал или кто там? Если он близко, дай ему трубку, я сама с ним поговорю.

Растроганный Ази мягко упрекнул:

– Что ты, мама? Сейчас я в гостинице. Что здесь начальству делать? Нас война по домам не пускает. Не горюй, мамочка, береги себя, скоро свидимся. Больше половины войны прошло, немного уже осталось. Как там детишки? Как Хавер? Что нового в Ленкорани?

– Дети, слава аллаху, хорошие. Спят оба. Если хочешь с ними поговорить, пойду разбужу, а Хавер у телефона стоит...

Ази, так мечтавший услышать голоса ребят, сначала хотел было сказать, чтобы их разбудили, но потом передумал:

– Нет, мама, не буди, только поцелуй их завтра за меня!

– Эх, сынок, сколько раз я их за день целую! Наверно, уже опротивела им. Но за тебя сто раз поцелую, родимый, не тревожься о детях, слава аллаху, здоровы, подросли, если увидишь – не узнаешь.

Голос Нушаферин был слышен так отчетливо, словно Ази сидел с ней и беседовал за одним столом. Говоря, мать тяжело вздыхала, всхлипывала. Как хотелось Ази побыть с ней рядом, прижать к груди, поцеловать ее морщинистые, худые руки!.. Так бы и лег, положив голову ей на колени, как в детстве... И хорошо, если бы мать погладила его по голове...

В разговор вмешалась телефонистка, и Нушаферин поняла, что времени мало, и заторопилась:

– Будь здоров, сынок, благословляю тебя. Не рискуй зря, а о нас не думай. Мы тут кое-как обходимся. Прощай, сынок, опора дома нашего, до свидания, родной, – и она передала трубку Хавер. – На, говори, доченька, только смотри, чтобы слова твои сердце ребенка не задела, а то он будет потом на чужбине терзаться.

Услыхав эти наставления, Ази засмеялся:

– Не скажет она такого, мама, не беспокойся. Сердце твоего усатого-бородатого ребенка крепкое, не растает и не дрогнет.

... Пока Ази говорил с Хавер, проснулся Тофик. Старушка взяла внука на руки вместе с одеялом, хотела было успокоить. Однако Тофик не унимался. Голос сына услышал и отец. Хавер прижала трубку к уху ребенка. Тофик, глядя то на трубку, то на бабушку, вытер мокрые от слез глаза. Он еще не понимал со сна, в чем дело.

– Это твой отец, сынок, говорит по телефону. Слушай и отвечай, сынок, а то время кончится, – заторопила старушка внука.

Тофик обеими руками прижал к уху трубку.

– Папа, папа, это ты? Ты меня слышишь?

– Слышу, мой джейран, очень даже хорошо слышу. Как ты?

Не понимая, что время разговора истекает, Тофик говорил не спеша, по-детски растягивая слова. Каждое его слово, как бальзам, проливалось на сердце отца.

– Папа, тебя здесь в кино показывали. Я тебя звал, звал, а ты мне не откликнулся... Я закричал громко, неужели ты меня не слышал? Почему ты к нам не приедешь, папа? Я хочу тебя видеть. Мы все тебя ждем...

На этом разговор оборвался. Ази с сожалением повесил трубку. «Бессовестные! Прервали разговор, оборвали ребенка на полуслове. Кто знает, когда я еще смогу поговорить с ним?... Даже с Хавер поговорить не успел».

Вечером ему предстояло ехать на фронт. Из-за чрезмерной перегруженности телефонной связи заказать разговор заново было просто невозможно. Чтобы еще раз поговорить с Ленкоранью, придется весь день сидеть в гостинице. А время его поджимало. Надо еще столько успеть, и все дела закончить до вечера. Надо зайти в Управление бронетанковых и механизированных войск. Получить назначение. Выслушать пожелания и наставления. Заглянуть в канцелярию, привести в порядок документы. Да, все это потребует времени. Но главное увидеть командующего бронетанковыми и механизированными войсками. Тут опоздать нельзя, все планы нарушатся. Кроме того, надо попрощаться с товарищами, генералами и офицерами, с которыми несколько месяцев учился. Было еще много мелких забот, и на все про все – один день.

Рассветало. Включив настольную лампу, Ази отодвинул занавеску. На улице виднелись редкие прохожие. Только что вышедшие на линию автобусы были еще пусты.

Зима сдавала свои позиции, немного оставалось до весны, но в Москве было еще холодно. А в Ленкорани уже всю бушует весна. Подумав об этом, Ази почувствовал усталость во всем теле. Откинув одеяло нетронутой постели, лег на кровать, однако заснуть не мог. Разве после такого разговора уснешь?

Ази вспомнил слова сына: «Папа, здесь тебя в кино показывали, я тебя звал, звал, а ты мне не откликнулся. Почему ты к нам не приедешь?»

Вздыхнув, Ази повернулся на правый бок. Сын, как наяву, встал перед его глазами, и он представил себе, как тот мечется: «Я хочу говорить с папой, с папой хочу говорить!» А телефон молчит. Эта воображаемая сцена некоторое время неотступно стояла перед мысленным взором Ази.

Хавер писала, как долго мальчик не мог успокоиться после того, как увидел его на экране. Целую неделю после этого Тофик кружил по двору, и чуть что – вспоминал отца; «отец» – единственное слово, которое было у него на языке. А если бы он снова услышал голос отца? Нервное потрясение повторилось бы снова, он тосковал и волновался бы не по-детски, нагоняя страх и тревогу на мать, а что говорить о Нушаферин, – у старой женщины сердце разрывалось бы.

Но раздался телефонный звонок, и Ази вскочил, решив, что телефонистка вторично соединила его с Ленкоранью.

– Алло, алло! Я слушаю!

– Кто говорит? – спросил мужской голос.

– Я, Асланов, – Ази прислушался. Человек спросил его по-азербайджански, к тому же интонация была очень знакома. – Алло, алло, откуда, откуда вы? Это Ленкорань?

В трубке послышался смех:

– Э-э, друг, какая Ленкорань? Ты что, не узнал меня? Это Самед говорит. Я рядом с тобой, в Москве.

– Поэт Самед Вургун?

– Ну, поэт он или нет, этого сказать я не могу, а что он Самед – это точно.

– Здравствуй, Самед! Какими судьбами? Когда приехал? Где остановился?

– Я же говорю: в Москве. В гостинице «Москва», между нами один этаж!

– В каком номере? Я спущусь к тебе.

– Пока ты оденешься, то, се, а я готов, сейчас поднимусь.

И действительно, едва Ази успел одеться, в дверь постучали.

Прямо на пороге они обнялись и расцеловались.

– Сердце по тебе истосковалось. О том, что ты здесь, в академии учишься, я еще в прошлом месяце узнал от Нушу хала, когда был в Ленкорани. Ну, неверный, в последнее время совсем ты меня позабыл, даже писем не пишешь!

– Да, Самед, виноват, времени отдышаться не было. Но ты же знаешь и без писем: стихи твои у меня на устах, а любовь – в сердце. Я тебя всегда помню...

Самед смутился.

– Я, как только в Москву приехал, в академию сразу позвонил. Сказали, что ты живешь в гостинице «Москва». Ну, вот, тут уже я тебя разыскал.

– Ну, а ты? Когда из Баку? Как там дела? Как в Ленкорани?

– Приехал вчера ночью. – Самед сел на диван, вытащил из серебряного портсигара папиросу, прикурил. – Все по-старому, особых новостей нет. Но, конечно, на каждом шагу чувствуешь и в Баку, и в Ленкорани, что мужчин мало... – говоря, Самед приглядывался к Ази. – Вид у тебя усталый, хмуришься. Все ли благополучно с учебой, с экзаменами? Или чем другим озабочен?

– Экзамен я сдал на отлично.

– Тогда что же? – настойчиво допытывался Самед.

– Да ничего особенного. Ночью говорил со своими, ну, и на полуслове прервали. Тофика к телефону подвели, а поговорить с ребенком не удалось. А вечером уезжаю. Если заново заказать Ленкорань, придется весь день ждать, а тьма дел, надо все успеть.

– Из-за этого расстроился? Жаль, конечно, что не дали поговорить со всеми, особенно с сыном, но что делать, связь перегружена... Я в Москве тоже не задержусь, завтра уезжаю, а как только вернусь в Баку, сразу поеду в Ленкорань, что нужно передать, какое поручение выполнить, – скажи, все в точности сделаю.

– Большое спасибо, Самед, но я против того, чтобы ты из-за моих поручений ездил в Ленкорань. А пока давай закажем что-нибудь по случаю встречи.

Но Самед не дал ему даже за трубку телефона взяться.

– Постой, я рад быть твоим гостем, но только давай сначала условимся: если ты сможешь отыскать в ресторане то, что есть у меня, тогда я остаюсь, звони! Если же нет, мы спускаемся вниз, ко мне, идет?

Ази засмеялся.

Беседуя, они спустились на третий этаж. Неиссякаемый оптимизм Самеда, его веселость развеяли мрачное настроение Ази, хотя, конечно, не могли заставить его забыть о сыне, о семье.

После встречи с Самедом Ази поехал в Управление бронетанковых и механизированных войск, на прием к командующему.

– Поздравляю вас, товарищ Асланов, – сказал маршал бронетанковых войск, крепко пожимая ему руку. – Вам присвоено звание генерал-майора танковых войск. Оно вами заслужено. В академии вы обдумали и обобщили накопленный опыт и едете на фронт с новыми силами. Фронт нуждается в способных, решительных военачальниках, в молодых генералах, как вы.

Командующий, полный, с кротким, мягким лицом человек, был добр и сердечен, его слова окрыляли.

... О присвоении Ази Асланову генеральского звания никто в академии еще не знал, разговоров на этот счет среди слушателей не было, это событие явилось для Ази полной неожиданностью. Купив в газетном киоске, в вестибюле гостиницы, «Красную Звезду», он увидел и прочел постановление Совнаркома СССР о присвоении высших воинских званий, и среди фамилий ряда товарищей увидел свою фамилию. Он был рад этому событию в своей жизни, целиком отданной армии.

Командующий прошел за стол, сказал:

– Садитесь, генерал Асланов. Я знаю, как вы сражались на Сталинградском фронте, знаю о ваших действиях в районе Верхне-Кумского, наслышан об отваге ваших танкистов при форсировании Днепра. Впереди много еще трудных дел.

И маршал заговорил о положении на фронтах. Сказал, что на танковые войска, и, конечно, на танкистов Асланова, командование возлагает большие надежды.

– Ваша бригада переводится из резерва в состав войск третьего Белорусского фронта, сказал маршал. – Это новый для вас театр военных действий. Подумайте о возможных его особенностях...

Как будто сказано было все, но, прежде чем отпустить Асланова, маршал переговорил с кем-то по телефону и вызвал к себе молодого полковника:

– Знакомьтесь, полковник: перед вами генерал-майор танковых войск Ази Асланов. Поручите, чтобы его обеспечили генеральской формой!

– Товарищ маршал, я могу поехать на фронт и в этой форме... Разве что сменю погоны, – сказал Ази, представив, сколько времени потребуется на экипировку.

– Генералу нельзя носить форму полковника, маршал повернулся к офицеру. – Так раздобудьте форму, погоны, фуражку, сапоги, вообще все, что положено.

Маршал пожелал молодому генералу боевых успехов и попрощался.

Ази, не теряя ни минуты, к обеду выправил все необходимые документы и завершил все важные дела, потом поехал в академию, попрощался с преподавателями и сокурсниками, накупил груды книг, в детском отделе магазина прихватил два игрушечных танка для своих сыновей и охапку других игрушек, и поспешил в гостиницу.

Дежурная передала ему телеграмму.

«Дорогой мой брат, от души поздравляю тебя, обнимаю, целую. В шесть буду в гостинице. Обязательно подожди меня. Твой Самед Вургун».

Взволнованный, Ази поднялся в номер.

Следом за ним горничная принесла пачку телеграмм из Баку, Ленкорани, из других районов Азербайджана. Мать и Хавер, Рза, друзья и знакомые – все поздравляли его с присвоением генеральского звания.

«Как быстро узнали об этом, – думал Ази, сидя на кровати. – Как выразить им свою признательность и благодарность? Одних адресов я не знаю, другие позабыл... Пишут совсем незнакомые люди...»

Поезд отходил в девять часов вечера. Еще было время. Ази аккуратно сложил вещи; упаковал игрушки и подарки детям, заглянул в памятку: все ли сделано? Все. Он ничего не упустил из виду. Написал матери и жене, отдельно – Тофику, потом разделся и лег в постель. Ноги гудели от усталости, в голове шумело. Закрыв глаза, он задремал.

Проснувшись, Ази перечитал телеграмму из дому; вспомнил мать, жену, сыновей, и погрузившись, глянул на часы: еще час до отъезда.

Он спустился к Самеду. Номер был заперт.

– Ох, как вовремя ты пришел, брат, – сказал подросевший Самед, останавливая Ази, который уже повернул назад. – Извини, я задержался. Ну, поздравляю тебя! Сегодня наш праздник. Давай, проходи, садись, сегодня ты именинник, ей-богу! Ты хоть представляешь, как радуются в Азербайджане? Там читают все, что пишут о тебе в газетах. И сами пишут. Рады! А почему? Потому что наш народ испокон веков любил своих героев, чтит их имена!

– Мне кажется, ты увлекаешься, Самед, и слишком расхваливаешь меня. Я не из тех героев, о которых пели поэты. Я просто служу. Сейчас такое время, что каждый старается делать все, на что только способен, во имя победы. Выполняю свой долг. – Ази сел на мягкий диван в углу комнаты. – Этого от нас требуют, этому нас учили. Ну, а насчет генеральства... Генералов у нас было немного. Но были. И каждый был яркой личностью. Я вот сегодня вспомнил Шихлинского. В двадцать шестом году – мне было тогда шестнадцать лет, – я был в Баку на курсах. Однажды нашу школу военной подготовки посетил генерал Алиага Шихлинский. Он тогда непосредственно занимался подготовкой национальных командирских кадров. Переводил на азербайджанский язык военные уставы, инструкции, наставления, учебные пособия, потому что большинство юношей, обучавшихся на курсах и в военных школах, прибыло из уездов и районов Азербайджана, и русского языка не знал почти никто... Так вот, нам говорят, что придет генерал. Мы прямо трепетали от волнения, потому что много слышали о Шихлинском, наши учителя и командиры много о нем рассказывали, да, честно сказать, и генерала живого мы не видавали, тогда ведь это звание было упразднено, но за ним оно оставалось. Участник русско-японской войны, проявивший героизм в боях при Порт-Артуре, известный специалист в артиллерийском деле, автор своей системы артиллерийской стрельбы, известной под названием «треугольник Шихлинского», «бог артиллерии»... Мы, курсанты, ждали встречи с ним, и не обманулись в своих ожиданиях. Помню его лицо. Оно как бы излучало свет. Он был очень приветлив, внимателен. Ознакомился со всеми делами, с методикой, говорил и расспрашивал... А нам, курсантам, сказал: «Быть командиром народной армии, дети мои, огромная честь. Любите эту истинно мужскую профессию, которую вы избрали, всем сердцем, овладевайте ее тайнами и секретами. Старайтесь вникнуть во все, постичь всю глубину военных знаний и никогда не останавливайтесь на полпути. Без знаний и без решительности победы в бою не одержать!» Помню, у меня был составленный Шихлинским «Краткий русско-тюркский военный словарь». Мой собственный экземпляр. Вижу, генерал человек доступный. Я осмелел, взял словарь и подошел к нему: «Если можно, напишите несколько слов на память». Он спросил у меня имя, фамилию, и наискось на первой странице написал: «Курсант Ази Асланов, я хотел бы, чтобы ты стал достойным командиром нашей армии. Чтобы наш народ, наша родина гордились тобой. Алиага Шихлинский». Ты не можешь представить себе, Самед, как я был горд! Радости моей не было предела. Этот словарь я берег пуще глаза. Товарищи завидовали мне. Но однажды мы поехали на тактические учения, а вернувшись с них, я обнаружил, что словарь исчез. Я и сейчас, после стольких лет, жалею об этой потере... Но вот еще момент: сдавал я экзамен одному старому артиллерийскому генералу. Узнав, что я – азербайджанец, он сказал, что хорошо знал моего земляка Алиагу Шихлинского, и долго о нем говорил. И именно от него я узнал, что Шихлинский скончался в августе прошлого года... И сегодня я первым долгом о нем вспомнил. Кажется, какую-то часть его наказов я выполнил... А известие о его смерти меня потрясло...

– Да, он долго и тяжело болел.

– Если бы он не болел, я убежден, несмотря на преклонный возраст, был бы занят чем-нибудь полезным, делал бы для Родины, для народа все, что мог.

– Такой человек не мог жить без дела... В последний раз я видел его в начале сорок

третьего года в АзФАНе.⁹ Он приходил к профессору Гейдару Гусейнову. К тому времени он совсем обессилел. Академия просила, чтобы он написал воспоминания. Рад бы, говорит, но плохо вижу... Просил дать человека, которому он мог бы диктовать. Что делать, говорит, мне бы не мемуары надо писать, а помогать народу и армии, чем могу... Проклинал старость и болезнь...

– А успел хоть закончить воспоминания?

– Завершил. Книга в типографии. В этом году должна выйти из печати.

– Ты мне непременно пришли экземпляр этой книги, очень прошу и буду ждать.

– Будь спокоен, пришло.

– У нас не больше часа осталось, давай спустимся в ресторан, пообедаем.

– Об этом не беспокойся. Я еще утром заказал все, сейчас принесут. В ресторане толкотня, не успеем ни поесть, ни поговорить, – говоря, Самед достал из чемодана и поставил на стол две бутылки вина. – Азербайджанское «Матраса». – Так что, товарищ генерал, хотя по званию я и ниже тебя, сегодня ты подчиняешься мне. Ну, что смеешься, или из поэта командира не выйдет?

– Почему не выйдет? Может выйти преотличный командир! Высоты, которыми полководцы не могут овладеть, поэты берут словом. А вот из командира поэта не получится. – Ази взял в руки бутылку вина, прочел этикетку. – Да, вино хорошее, а где же обед?

– Будет, будет. Вот что есть еще, – Самед доставал из чемодана пахлаву, шекербуру,¹⁰ складывал на столе. Той порой появилась официантка с подносом.

Открыв бутылку, Ази наполнил стаканы вином.

– Давай выпьем это за твоё здоровье, Самед!

– Нет. Мы договорились: ты подчиняешься мне. Я имею право отсрочить тост за мое здоровье. Послушай меня, Ази. Во-первых, сегодня ты едешь на фронт. Во-вторых, получил генеральское звание. Каждое из этих событий можно бы отмечать отдельно. Но объединим эти два события, выпьем за твоё здоровье, за будущие боевые успехи генерала Асланова.

Распили одну бутылку. Вторую Ази не дал открыть.

– Хватит. Лучше отведать этих вот сладостей. Давно не пробовал домашнего печеного. Помню, мама пекла пахлаву, шекерчурек. Мы с сестренками всегда ей помогали. Вокруг «семени»¹¹ кружились, пели: «Семени, семени, меня храни, зеленой каждый год», – Ази вздохнул. – Да, было время...

– И будет еще, – подхватил Самед. – Будут весны, и будут праздники, будут в чести прекрасные обычаи и традиции, лишь бы только пришла победа. Выпьем за грядущую победу, наш генерал!

Перед отъездом на вокзал Ази передал Самеду маленький легкий сверток.

– Если не затруднит, передай детям.

– Только это?! Что-нибудь еще хочешь послать? Не стесняйся, я отвезу.

– Только это.

И вот наступила минута расставания. Ази и Самед все еще стояли на перроне. И только когда поезд потихоньку тронулся, Ази обнял Самеда, поцеловал его и вскочил на подножку вагона.

– Будь здоров, Самед. В следующий раз встретимся с тобой в Баку.

– Счастливого пути! За детей и за своих не волнуйся: я присмотрю!

Самед стоял на перроне, пока последний вагон поезда не исчез из виду. Потом, заложив

⁹ Аз ФАН – Азербайджанский филиал Академии наук СССР.

¹⁰ Восточные сладости, которые пекут чаще всего на новруз-байрам – праздник весны, новый год.

¹¹ Семени – всходы пшеницы, которые выращивают к празднику новруз-байрам.

руки за спину, медленно пошел по улице. Задумавшись, он не замечал ни холода, ни мелкого, колючего снега. Перед глазами его было лицо Ази, который долго махал ему рукой из дверей вагона. Кто знает, удастся ли еще когда-нибудь свидеться? Такое время, что никто не сможет угадать, что ждет его завтра. Боль разлук – не самое ли большое несчастье, которое принесла людям война?

Глава пятая

1

После возвращения в бригаду Пронин не раз встречался с Леной Смородиной и беседовал с ней по служебным вопросам, но никак не решался поговорить с девушкой по личному делу, искал подходящего случая и не находил, а сам по себе подходящий момент так и не подвернулся. А мысль о том, что любимая женщина рядом, не давала ему покоя, и однажды подполковник решил пойти в медсанчасть.

Смородина о чем-то говорила с военфельдшером.

Кровь отлила от ее лица, когда она увидела Пронина, но Смородина, ничем не выдавая своего волнения. Несомненно, она поняла, что Пронин пришел для серьезного разговора, но повернулась к нему не раньше, чем закончила разговор с фельдшером и отпустила его. И только потом спокойно сказала:

– Я слушаю вас, товарищ подполковник. На что жалуетесь?

– Ни на что.

– Может быть, беспокоит рана?

Голос Смородиной дрожал от волнения, как ни старалась она с ним совладать, и выражение лица было таким отрешенным, будто она в жизни не улыбалась...

На людях, сталкиваясь друг с другом они так не терялись, а сейчас и Пронин был необычайно взволнован, однако быстро овладел собой.

– Раны меня не беспокоят, – ответил он, – и ничего у меня не болит... Я пришел, чтобы поговорить с тобой, Лена.

Смородина вспыхнула и, словно стараясь смахнуть краску с лица, поправила волосы.

– Нам не о чем говорить, товарищ подполковник. И не стоит вспоминать прошлое.

– Я виноват, Лена, – сказал Пронин, глядя ей прямо в лицо.

Смородина, сама не зная зачем, перебрала на столе больничные листки.

– Виноваты вы или нет, от этого уже ничто не изменится, – тихо сказала она.

– Почему ты говоришь со мной отчужденно, Лена? – Подполковник сел к столу и положил свою руку на руку Лены, как, бывало, он делал, желая ее успокоить или приласкать. Но Лена мгновенно отдернула руку, словно ее коснулся раскаленный кусок железа. Рука сконфуженного Пронина осталась на столе, и неудобно было ее убрать. Оба молчали.

– Я сказал, что виноват перед тобой... Почему ты молчишь?

– А что отвечать?... По-моему, разговор бесполезен.

– Скажи хотя бы, прощаешь меня или нет?

Пронин обращался к Смородиной на «ты», а она продолжала говорить ему «вы». С каждой минутой она овладевала собой, смирляла волнение и теперь могла вести себя спокойно и холодно, как никогда. Пронин, помня ее отзывчивость и податливость, не сомневался, что они помирятся, как только он повинится перед ней и попросит прощения. Теперь, столкнувшись с ее холодным упорством, он растерялся и не знал, как быть.

– Предположим, я, вас прощу, а что дальше? – спросила Смородина и посмотрела на него, как на чужого.

– Как что? – сказал подполковник и встал, чтобы шагнуть к ней и обнять как прежде. – Ведь я тебя люблю, и никогда не переставал любить!

Смородина тоже встала и отступила от столика.

– Да? Любите? А все, что делали вы до ранения и после ранения – это что, доказательства вашей любви? Нет, товарищ подполковник, мы можем общаться с вами только по служебным вопросам.

– Что ты говоришь, Лена? Ведь мы же были близки, и я люблю тебя по-прежнему...

– Можете думать, что между нами ничего не было.

– Я не смогу так думать.

– А я не смогу быть с вами прежней. К этому возврата нет!

– Я виноват, Лена, признаю свою вину. Не будь так сурова. Я много пережил за эти несколько месяцев, настрадался сверх всякой меры...

Смородина, смерив его насмешливым взглядом, прошла и села на свое место.

– Мне нет надобности, быть с вами суровой. Я говорю с вами как с любым другим.

– Лена, ну, зачем такое упрямство?

– Это не упрямство. Это нечто большее, что трудно выразить словами.

Пронин не нашелся, что ответить. Отказ Смородиной от примирения совершенно его ошеломил.

– Ты очень изменилась за это время, Лена.

– Обстоятельства вынудили измениться.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

– Не понимаете? Ну, что ж, я не собираюсь говорить намеками. Время показало, что мы разные люди.

– На каком основании ты сделала такой вывод?

– Я убедилась в этом после того урока, который вы мне преподали.

Пронин на мгновение запнулся.

– Нет, Лена, ты не права. Послушай меня. Я признаю, что несправедливо приревновал тебя к Гасанзаде. Я прошу у тебя прощения. Скажи, что я должен сделать, чтобы ты поверила мне? – У Пронина развязался язык, он разгорячился, сам того не замечая, Смородина это тотчас заметила, но осталась по-прежнему сдержанной, ни на миг не теряя хладнокровия. Спокойно подошла она к окну, отодвинула марлевую занавеску; скосив глаза, выглянула наружу.

– Похоже, ты не со мной разговариваешь, а кого-то ждешь?

Смородина, опутив занавеску, повернулась к Пронину:

– Мне вовсе не безразлично, что подумают о нашей долгой беседе любопытные люди...

Ну, ладно, не это я хотела сказать... Вы говорите, что виноваты... Но вы признались еще не во всех ваших делах...

– Я ревновал тебя к другому, вот и все. Если знаешь обо мне еще что-то, скажи.

– Я бы хотела услышать об этом от вас.

– Я виноват в том, чего сам не ведаю?

– Если не хотите признаться, я вам напомню.

– Если знаешь за мной что-то еще, пожалуйста.

И Пронин с искренним недоумением смотрел на нее, втайне надеясь, что Лена заговорит о том, чего на самом деле не было и быть не могло, и он легко докажет ей, что она ошибается и сейчас, и во всех других случаях.

Но то, что она сказала, поразило его.

– Николай Никанорович, я хотела бы знать, почему тогда, после первых боев, Гасанзаде не был представлен к награде? Почему его обошли? Ведь наградные вы составляли?

Смородина смотрела на него в упор, словно гипнотизировала. Подполковник замер в изумлении: «Я никому об этом не рассказывал. Откуда ей это известно? Догадалась сама, или?..»

– Вы что, мстили тогда лейтенанту? Из-за меня?

– Нет, я не мстил. Рано было его представлять.

– Но ведь командир полка считал, что надо?

– Ты неправа. О мести я не думал.
– Не упорствуйте в неправде, товарищ подполковник. Я и тогда почему-то с подозрением отнеслась к некоторым вашим поступкам. И оказалось, что была права...

У Пронина пересохло в горле.

– Было такое дело... Да, признаю.

– А говорите, что, кроме ревности, ничего другого за вами нет. Я уже не говорю о письме, которое вы мне прислали.

– Лена, клянусь тебе: все, что там написано, чепуха! Я ни с кем не встречался! Никого у меня, кроме тебя, не было и нет! Написал, чтобы досадить тебе. Если не веришь, можешь хоть сейчас поехать в госпиталь и все разузнать.

– Если бы я была вашей законной женой, и то до такого не опустилась бы! Да о чем речь? Встречались вы с кем или нет – это меня совершенно не касается, и давайте на этом закончим наш разговор.

– Но ты не дала мне окончательного ответа.

– По-моему, окончательный ответ ясен.

– Значит, ты никогда и не любила меня. И все, что ты сейчас говоришь только предлог для разрыва.

– Что я могу сказать? Пусть будет по-вашему!

В последних словах Смородиной Пронину почудилась надежда, поэтому, поднявшись и надев фуражку, он не спешил уйти. Прошелся рукой по пуговицам гимнастерки, поправил пряжку ремня. Ему казалось, что, увидев, как он огорчен, Лена смягчится, скажет: «Не уходи». Но желанных слов он не услышал – Смородина сидела за столом с таким видом, словно хотела сказать: «Ну, кто следующий?» «И зачем я только пришел сегодня? – думал Пронин, берясь за скобу двери. – Может, попал под горячую руку? Пришел бы в подходящий момент, может, по-другому бы встретила. Столько ждал, столько выбирал время для встречи, и вот... Нет, не надо было сегодня приходить», подумал он и взглянул на Смородину.

И в тот же момент Лена подняла голову от стола.

– Когда я решила соединить свою жизнь с вашей, я представляла вас совсем другим. Открытым, честным, прямым!.. Жизнь показала, что я ошиблась. Поэтому будет лучше, если мы расстанемся сразу. Не буду скрывать... – Голос ее дрогнул, на глаза навернулись слезы, она замолкла на мгновение, и, чтобы не показать Пронину слез, отвернулась к стене: – Не буду скрывать, у меня был от вас ребенок...

– Ребенок!.. – повторил Пронин и сел на стул, словно внезапно обессилев.

– Я не раз пыталась поговорить об этом с вами, а вы не пожелали даже меня видеть... Что оставалось делать? Ребенок был бы... А его нет. – Глаза Лены наполнились слезами, и, уже не скрывая слез и не отворачиваясь больше, она сказала: – Теперь у меня ничего не осталось от моей любви к вам, и нас уже ничто не связывает. – Смородина с трудом сдерживала себя. Теперь вы свободны, Николай Никанорович. И прошу вас: оставьте меня одну.

Пронин ушел, не попрощавшись.

2

Оправившись от раны, полученной под Котельниково, Густав Вагнер явился за новым назначением. Несколько месяцев он служил в штабе сухопутных войск, инспектировал армейские части на Восточном фронте, писал толковые и обстоятельные донесения и ждал новых распоряжений. Ему нравилась его новая должность: он не нес никакой персональной ответственности за состояние войск и за исход той или иной операции и мог не беспокоиться за свою жизнь. В то же время от него, от его мнения многое зависело, это все понимали, многие искали случая сойтись с ним поближе; он свел знакомство с рядом известных и влиятельных генералов, от которых он и сам мог зависеть, сблизился с видными военными

специалистами, и многому научился, находясь рядом с опытными военачальниками, и из всех сил старался угодить кому следует, чтобы создать о себе положительное мнение, не упустить прекрасную должность, открывающую столько возможностей.

Но всему приходит конец. Вслед за радостной вестью о присвоении ему звания генерал-лейтенанта, от которой он возликовал, и по случаю которой даже устроил небольшую пирушку, пришла другая весть, испортившая ему настроение: Вагнер получил новое назначение и вступил в командование танковым корпусом...

Сорок четвертый год начался для немецкого командования с больших неприятностей. Четырнадцатого января войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление под Ленинградом и Волховом. Между двадцать четвертым и двадцать шестым января войска Первого и Второго Украинского фронтов, перешедшие в широкое наступление на правом берегу реки Днепр, окружили группировку немецких войск в районе Корсунь-Шевченково и приступили к ее ликвидации. Назревали и другие удары, это чувствовал каждый мыслящий человек.

Фюрер, ежедневно получая горькие вести с Восточного фронта, как обычно, искал виноватых и занялся перетасовкой высшего командного состава, выдвигая новых людей, которые этим выдвижением обязаны лишь своим качествам, как он думал, и ему, фюреру. Был в числе выдвиженцев и Вагнер – да, он стал командиром танкового корпуса в составе группы армий «Центр», и попрощавшись с семьей, которую частенько навещал в минувшие месяцы, отправился в холодную Белоруссию. Приняв командование корпусом, он стал знакомиться с положением дел и с людьми.

И первым, кого он встретил, был бывший начальник штаба дивизии Герман Динкельштедт – теперь, как и следовало ожидать, он командовал дивизией, имел чин генерала.

Встретившись, старые друзья вспомнили бои под Сталинградом, Волгу, Миус-фронт.

– А ты здорово изменился с тех пор, как стал командиром дивизии, заметил Вагнер, – стал солидным, располнел.

– Полнота генеральская примета, – смеясь, ответил Динкельштедт.

Однако Вагнер даже не улыбнулся этой шутке.

– Я очень рад твоему повышению и поздравляю тебя, генерал, надеюсь, что нам с вами сейчас больше повезет, чем на Волге.

– Я тоже радуюсь, что вы стали генерал-лейтенантом и командуете нашим корпусом. Я рад, что снова служу вместе с вами, и надеюсь, что мы оправдаем надежды фюрера.

Так высокопарно ответил Герман Динкельштедт Густаву Вагнеру, а сам подумал: «Не оправдаем мы ничего под командованием твоим, старая тыловая крыса; что ты умеешь, и что ты знаешь? Будешь сидеть позади и покрикивать: „Герман, вперед!“ Тоже мне, вояка, рассчитывает на успехи... Тебе бы в приемных подошвами шаркать, а не корпусом командовать!»

– Познакомившись с частями корпуса, я пришел к выводу, что они отнюдь не в блестящем положении. Техники не хватает, людей мало...

– По сравнению с другими частями у нас еще пока ничего.

– Пока... А завтра? Противник не даст нам времени на поправку дел. С начала года он повсюду взял инициативу в свои руки. Страшно подумать, на сколько они продвинулись на один только год. Они приближаются к границам Германии. Ты представляешь, Герман, что будет, если огонь войны найдет дорогу к нашей земле?

– Не найдет. Отходя, мы сокращаем линию фронта, уплотняем боевые порядки. Русским через них не пробиться. Кроме того, степи остались позади, тут лесистая местность, миллионы солдат можно укрыть – не заметишь. Здесь можно обороняться сколько угодно, отсюда можно наступать. Русским не видать фатерлянда, как это?.. как своих ушей. И я рад, что мы вырвались из этого ада в степях...

– Хотелось бы верить в то, о чем вы так горячо говорите, – сказал Вагнер, снова закуривая. – Но тревожит меня эта ваша самоуспокоенность... Я не чувствую среди

командного состава беспокойства. В штабах состояние нашей армии многих сильно тревожит. Видные военные специалисты заняты изучением положения на Восточном фронте. Во всяком случае, я надеюсь, что какие-то меры будут приняты, положение надо исправлять. Фюрер очень озабочен, он лично вникает во все дела. Ведь если мы позволим Советам продвигаться вперед так же быстро, как они шли прошлым летом, мы поставим на карту судьбу Германии.

Динкельштедт как будто даже не слышал Вагнера. Раскурив сигарету, он обронил:

– Если наверху не примут разумных мер, то, как бы мы ни усердствовали, желаемых результатов не получим.

«Значит, ждет разумных мер, – подумал Вагнер, с неприязнью взглянув на Динкельштедта. – Что он подразумевает под этим? И что намеревается делать сам? Долго ли он думал об этих „разумных“ мерах? А, может, он и не думает ни о чем, кроме как о своей внешности? Во фронтовых условиях наводит такой лоск... Когда успевают? Где что берет?»

Динкельштедт был одет во все новое, с иголочки, изящно, можно сказать, кокетливо, и двигался по кабинету и особенно садился с явным желанием не помять форму, не посадить пятно. Вагнер еще раз взглянул на гладко выбритые щеки, зачесанные назад, припомаженные и надушенные волосы, на мундир, словно влитой, без единой морщинки, на щегольские бриджи, начищенные до блеска сапоги, смерил Динкельштедта взглядом с головы до ног и сказал:

– Инициатива сверху, несомненно, последует. Но и мы должны делать все возможное и невозможное, чтобы не уронить честь немецкой армии. Если каждый солдат будет делать все, что в его силах, мы вскоре сможем вернуться на первоначальные позиции на берега Волги, в окрестности Москвы. Какие бы прекрасные и умные планы сражений ни разрабатывались верховным командованием, положение никогда не изменится к лучшему, если на местах – в армейских группах, армиях, корпусах и дивизиях, в полках и, наконец, в ротах эти планы не будут исполняться добросовестно. Сейчас решается вопрос, быть или не быть, и предаваться беспечности в такое время – значит лить воду на мельницу врага.

Динкельштедт понял, куда гнет Вагнер, и испугался, а испугавшись, миг потерял свою напыщенность и самодовольство, съежился и стушевался. Положив недокуренную сигарету в пепельницу, он глотнул слюну и с собачьей готовностью вытянул шею, ловя взгляд Вагнера.

«Если бы он с таким же рвением относился к делам, как к самому себе!» все еще раздраженно думал Вагнер о командире дивизии.

Вошел Зонненталь, адъютант Вагнера с первого дня войны, отдал честь. Его приход вывел Динкельштедта из затруднительного положения.

– Ого, старый друг, и ты здесь? – воскликнул Динкельштедт, на что Зонненталь спокойно ответил:

– Я всегда там, где мой генерал!

Положив на письменный стол принесенные с собой карты, адъютант вышел. Вагнер склонился над картами. Динкельштедт, подойдя, спросил из-за его плеча:

– Вы знаете, господин генерал-лейтенант, что наши старые противники находятся рядом?

Вагнер, оторвавшись от карт, с интересом откликнулся:

– Кто?

– Против нас стоит корпус генерала Черепанова.

– А Асланов?

– Асланова пока нет.

– Жаль! – Вагнер снова склонился над картой. – Я бы хотел встретиться с Аслановым. В тот раз он выскользнул, на этот раз я бы его не упустил...

«Неизвестно, кому от кого придется еще „ускользнуть“», – подумал Динкельштедт и встал.

– Извините, мне пора.

– Куда вы, генерал, пообедаем вместе.
– Через полчаса у меня беседа с офицерским составом дивизии, надо успеть, уже собираются.

– О чем будет речь?

– О дисциплине. Об обязанностях каждого. Я придаю этому особое значение.

– Это очень хорошо. И, к тому же, весьма актуально.

После ухода командира дивизии Вагнер, слегка закусив, выпил кофе, и, вызвав адъютанта, приказал убрать из кабинета все, что осталось от предшественника. Когда Зонненталь, собрав целый ворох книг и иллюстрированных журналов, выносил их, из охапки выпала книга. Вагнер поднял ее. Фридрих Шиллер, стихи. Один листок был загнут. В глаза бросилось название стихотворения. «Перчатка»... Вагнер любил эти стихи с детства и знал их наизусть. Чтобы проверить память, он прочел наизусть несколько строк. Сверил. Точно! Перевернул несколько страниц. Взгляд упал на концовку стихов «Торжество победителей»:

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий!

Вагнер задумался над этими словами. «Спящий в гробе, мирно спи, жизнью пользуйся, живущий!». Пользуйся плодами победы... Победа! Как она была близка... И как недостижимо далека сейчас. Где и когда встретит он конец войны? Встретит ли? Каким он будет, конец этой войны? «Каким бы ни был, я солдат, солдат великой Германии, и должен сражаться до последнего вздоха во славу империи, это мой долг».

Глава шестая

1

Генерал-майор Ази Асланов прибыл из Москвы на Третий Белорусский фронт. Его бригада входила в состав войск, нацеленных на Оршанско-Витебский укрепленный район немецкой обороны. Прежде чем выехать в свою бригаду, Асланову следовало представиться генералу Черепанову. К командиру соединения он выехал с офицером связи из штаба фронта.

Сидя рядом с шофером, генерал глядел на занесенные снегом поля. Эти места были освобождены еще прошлой осенью, но деревни все еще лежали в развалинах, на полях темнели бесформенные остовы хозяйственных построек, разрушенных бомбами и сгоревших. Вокруг царил полное безмолвие, как на кладбище, и кроме военных машин, везущих на фронт грузы и войска, на дорогах никого и ничего не было. Только галки и вороны, сороки и синицы, густо усеявшие ветви придорожных деревьев, порой оживляли пейзаж.

Шофер увеличил скорость. Мотор дышал жаром, и от жара и запаха бензина воздух в кабине стал невыносимо тяжелым. Ази опустил ветровое стекло и полной грудью вдохнул чистый, пахнущий мокрым снегом воздух. Гомон птиц ворвался в кабину, и Ази подумал: «Скоро весна».

Прибыв в штаб соединения, он нашел Черепанова больным. Генерал, поднявшись с постели, обнял его:

– Хорошо, что ты закончил учебу и вовремя к нам приехал. Честно говоря, я уж немного беспокоился. Думал, по окончании курсов тебя направят в другую часть...

– Кое-кого из моих сокурсников по другим частям и фронтам разослали.

– Да и тебя хотели было послать в другую армию. Как только мне стало об этом

известно, мы написали в Москву, командующему бронетанковыми войсками, очень просили вернуть тебя к нам. Спасибо маршалу, уважил мою просьбу. Здесь твое отсутствие чувствовалось, да и скучали мы по тебе.

Черепанов не скрывал, что любил и уважал Асланова, как одного из способнейших командиров, но никогда не хвалил его в глаза, на совещаниях называл Ази официально, по званию и фамилии, однако наедине с ним обращался к нему с ласковым «сынок».

Прошлым летом погиб на фронте сын Черепанова. Его небольшую фотографию, вправленную в рамку, генерал всегда держал на своем походном столе. Во время передвижений, маршей, бросков адъютант брал ее себе, бережно хранил, а по прибытии на новое место, по обыкновению, снова ставил перед глазами генерала. После гибели сына генерал совсем поседел, а морщины на лице углубились, да их и прибавилось.

– Дома знают о получении генеральского звания?

– В тот же день вычитали об этом в газетах и прислали в Москву телеграмму. Много пришло поздравлений.

Растирая колющий бок, Черепанов сказал:

– Я радуюсь твоим успехам, сынок, и мне кажется, что ты рожден командиром.

– Это большая похвала для меня, Евгений Иванович.

– Не скромничай. Скажи лучше, доволен учением? Академия много дала?

– Очень доволен. Это большое счастье: столько месяцев провести в ее стенах, да еще во время войны. На многое глаза открылись. Да и с сокурсниками менялись опытом. Спасибо вам. Если бы не вы, я на курсы не поехал бы. Хорошо, что вы настояли и отпустили. Много важного и нового для себя узнал я там.

– В наше время, когда так стремительно развивается техника, войсковой командир должен быть во всеоружии знаний. Высокообразованный, культурный человек сможет умело управлять войсками, используя всю мощь современного оружия. Жизнь не стоит на месте, идет вперед. В армию приходят новые люди. Продолжая прекрасные традиции старых командиров, следуя им, они говорят и свое слово. Растут сотни молодых, способных, подобно тебе, закаленных в огне и пламени войны командиров. Настанет срок, и ветераны, такие старики, как я, смогут со спокойной совестью поручить армию вам и выйти в отставку. Лично я, как только кончится война, распрощаюсь с военной службой. Конечно, если до той поры ничего не случится, если голову не сложу...

Асланов пододвинул стул поближе к кровати, на которой лежал Черепанов.

– Евгений Иванович, пока фронт стоит, почему бы вам, не лечь в госпиталь, подлечиться? Ваш заместитель мог бы пока заменить вас.

– Командир может отбыть в тыл только тяжело раненным или убитым. Точнее говоря, не отбыть, а быть отправленным. На носилках. Военному человеку не подобает по всякому поводу ложиться в больницу и занимать там чужое место... Причитать, как ваш Солтан-бек из «Аршин мал алана» – тут болит, там болит... – Поднявшись с постели, Черепанов подошел к большой карте, прибитой к стене. – Видишь, сколько сил нагнало сюда фашистское командование? В группе армий «Центр» сосредоточены отборные немецкие части. Сейчас наши разведчики наблюдают, смотрят, ловят «языков» – надо определить число и состав вражеских войск. Как я могу в такое время лечь в госпиталь? Пока дышу, встаю, хожу понемногу, я есть я. А лечение оставим до более спокойных времен.

2

В бригаде Асланова встретили с особой предупредительностью. Командиры батальонов, рот, офицеры штаба собрались вместе с раннего утра, и к моменту появления комбрига в лагере бригада была построена. Едва Асланов, прибывший в сопровождении адъютанта Черепанова, вышел из машины, подполковник Пронин, отдав команду «смирно», широкими шагами пошел ему навстречу.

– Товарищ гвардии генерал-майор, личный состав бригады находится на отдыхе после

занятий. Докладывает начальник штаба бригады гвардии подполковник Пронин.

Асланов выслушал рапорт, сказал:

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

Дружно прогремело ответное приветствие. Асланов подал команду «вольно», пожал руку начальнику штаба, поздоровался с офицерами.

До вечера Асланов обходил подразделения, беседовал с людьми, и с каждым часом успокаивался: он дома, в своей большой боевой семье, где каждому есть свое место и каждый дорожит принадлежностью к воинскому коллективу, а коллектив помнит о каждом.

Адъютант генерала Смирнов с утра прибрал в походной летучке командира бригады, создал максимум удобств, для работы и минимальные условия, для отдыха и под конец поставил в стакан с водой цветок подснежника и водрузил на походный стол. Асланов давно заметил в адъютанте склонность к прекрасному, и на этот раз он не оставил без внимания старания Смирнова.

– О-о... где ты нашел этот цветок? – Генерал взял подснежник, понюхал. – Прекрасный цветок! – И вдруг признался: – Я очень скучал по бригаде, Валя.

– Еще бы, вон уже сколько времени как мы врозь, товарищ генерал!

Вошел Пронин. Смирнов, переглянувшись с ним, спросил генерала:

– Вы с дороги, обедать будете?

– Я пообедал у Черепанова. Будь другом, приготовь нам чайку.

Смирнов вышел. Асланов, еще не успевший переговорить с Прониным, сказал:

– Если бы ты не поехал в Ленкорань, и не провел отпуск возле моих ребят, я бы на тебя и не взглянул.

– Никогда этому не поверю, Ази Ахадович.

– Я не шучу, – Асланов посерьезнел. – Если бы меня не послушался, наша дружба – побоку! Если ты мне друг, то чего стесняться? Ведь если бы не твоя, а моя семья оказалась на оккупированной врагом территории, и ты предложил бы мне поехать к своим, разве я стал бы колебаться?

– Все это так, Ази Ахадович, вот только перед Нушу хала мне очень неловко: очень уж много я им хлопот причинил.

– Какие хлопоты?... Ты поправился, снова вернулся на фронт, а это главное. Лучше скажи, как ты? Совсем выздоровел?

Пронин коснулся рукой правого колена:

– Оно меня подвело. Не ожидал я, что мое выздоровление так затянется.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – заметил Асланов. И только после того, как выспросил у Пронина все о здоровье и о службе, спросил о своих: Ну, как там мои, чем заняты, как выглядят дети?

Пронин рассказывал долго. Под конец он снова сказал:

– В Ленкорани я был, как дома, а, может, было и лучше, чем дома... Спасибо вам, Ази Ахадович. Вообще, вы столько сделали для меня доброго...

– Да что я такого особенного сделал? – генерал поправил эмблему танковых войск на погонах начальника штаба.

– Будто вы ничего не знаете! А кто способствовал моему назначению начальником штаба бригады? Кто упросил генерала Черепанова вернуть меня в часть?

– Тут я преследовал свой интерес. Я давно воюю с тобой вместе, знаю твои способности, характер. Ты достоин быть начальником штаба бригады и с этой должностью справишься лучше других. Поэтому я и постарался, чтобы ты вернулся к нам.

– Это очень много для меня значит, Ази Ахадович, и большая для меня честь. И мне неловко говорить сейчас о том, что моя дальнейшая служба в бригаде невозможна.

Ази Асланов удивленно взглянул на Пронина:

– Что это значит? Почему невозможна?

Пронин пожалел, что сразу ляпнул такое, да, поступил не лучшим образом, надо было оставить этот разговор на завтра, генерал только что с дороги, не жарко ведь, мог бы на

следующий день спокойно обо всем сказать. Но было уже поздно, как говорится, слово не воробей, вылетело – не поймаешь: Асланов ждал ответа. И Пронин сказал:

– Я очень рад, что вернулся в бригаду, что нахожусь среди добрых товарищей, Ази Ахадович. Здесь мой дом, все тут мне близкие и родные, но бывает порой, что человек и дом покидает, и родных... Вот я сейчас именно в таком положении.

– Да что случилось, наконец? Объясни толком.

– Между нами создались такие напряженные отношения, что я не могу более служить с капитаном Смородиной в одной части. Или я, или она. Я давно ожидал вашего возвращения. Помогите мне в этом вопросе. С генералом Черепановым поговорите, пусть пошлет меня в другую бригаду. Он вас послушает.

– Но почему дело дошло до этого? Смородина как-то сказала мне, что писала тебе...

– Она-то писала, да я... На этот раз я сам во всем виноват, Ази Ахадович, признаюсь, сам все испортил.

И подполковник рассказал о своем резком ответе Смородиной, о том, как врач поверила в его выдумки о предполагаемой женитьбе на другой девушке.

– Ты меня, конечно, извини, – сказал Асланов, – но ты поступил самым глупым образом, Николай Никанорович. Разве можно женщине такое писать?

– Очень уж я зол был тогда на нее, вот и поторопился с ответом. Да еще приписал себе грех, какого не было. Ну да что уж, поздно каяться.

– Н-да, попробуй представить, каково ей было читать такое...

– Теперь между нами все кончено, и я не могу больше здесь оставаться.

– О переводе в другую часть не может быть и речи. Выкинь это из головы. Давай повременим. Может, обида и гнев Лены поостынут. Тогда и подумаем, что предпринять. По-моему, это дело поправимое.

– Мне почему-то в это не верится.

– А ты поверь, Николай Никанорович. Как сумел все испортить, так постарайся и исправить. Заставь ее поверить тебе, а о выдумке твоей насчет какой-то иной девушки – забыть. Не мне говорить тебе, зрелому человеку, что любовь дается однажды. Что ж ты, хочешь от нее убежать?

В кармане у Пронина лежал рапорт на имя Ази Асланова, в котором он просил откомандировать его из бригады, и Пронин очень надеялся, что Асланов подпишет его и отправит командиру соединения. Но после разговора с Ази подполковник ушел, так и не заикнувшись о рапорте.

Перед уходом он доложил, что недавно приезжала комиссия, проверяла боевую готовность бригады. Проверявшие уехали довольные, но отметили и некоторые недостатки. Теперь пришел приказ по результатам проверки. Принеси этот приказ, обсудим, обдумаем, что и как исправлять.

Наутро Асланов снова был в ротах.

Вместе с подполковником Филатовым он пришел в роту Тетерина и приказал дежурному подать сигнал тревоги.

Танкисты выскочили из помещений, на ходу обуваясь и одеваясь, и вскоре стояли возле своих машин, затягивая ремни, застегивая гимнастерки. Экипажи всех машин, кроме «Волжанина», доложили о полной боевой готовности, и только Аркадий Колесников не мог доложить об этом: опаздывал Полад, недавно зачисленный в экипаж «Волжанина».

Стоя в стороне, генерал Асланов, с часами в руках, внимательно наблюдал за происходящим. Он видел, как молодой боец, забежав сбоку строя, обратился к Тетерину:

– Товарищ лейтенант, разрешите встать в строй!

– Надо сначала привести себя в порядок, обратиться к старшему, а уж потом просить разрешения встать в строй! – заметил Ази Асланов.

Полад, мечтавший увидеть командира бригады, не узнал в темноте генерала. Он видел Ази в Ленкорани, мельком, еще до войны, слышал от отца и матери, от соседей, что к тетушке Нушу приехал сын, который служит в армии, в России, и что будет свадьба. Потом

он слышал, что Ази увез жену в город. И все. Он сто раз видел Ази на экране, в кинохронике, а вот сейчас не узнал.

Быстренько приведя одежду в порядок, Полад получил разрешение встать в строй и шмыгнул за спину Геннадия. Ему до слез было обидно, что опоздал. А Геннадий, чуть-чуть обернувшись, спросил шепотом:

– Знаешь, кто сделал тебе замечание? Генерал Ази Асланов, командир бригады.

– Ази Асланов?! – глаза Полада сначала сверкнули радостью, но тут же и потухли. Получить замечание от своего кумира! Это ему и в дурном сне не могло присниться.

– Никогда не думал, что ты так крепко спишь, – шептал Геннадий.

– А я долго не спал, и вдруг, как назло, провалился в сон... Теперь боюсь: генерал не погонит меня в распоряжение старшины?

– Думаю, нет!

– Разговорчики! – прошипел Аркадий Колесников. – Хотите получить еще одно замечание?

Когда Тетерин доложил о боевой готовности роты, генерал, взглянув на часы, покачал головой:

– Гвардии лейтенант Тетерин, твои танкисты очень медлительны. Словно к ногам у них пудовые гири привязаны. Что это такое? Сигнал боевой тревоги когда еще раздался, а вы только-только докладываете! Если в бою так будете пошевеливаться, враг не даст вам даже вздохнуть!

После отбоя Асланов, Филатов и другие командиры пришли в землянку Тетерина. Командир роты все еще не оправился от конфуза.

– В приказе по результатам проверки твоя рота, Тетерин, названа среди отличившихся. Однако сегодня она меня не порадовала.

– Опоздавший по тревоге боец, товарищ генерал, впервые оказался в таком положении. Новичок. Если бы не его опоздание...

– Кем он числится в экипаже? Стрелок-радист? А смыслит он хоть что-нибудь?

– За короткое время, что он находится в роте, с помощью старшего сержанта Аркадия Колесникова Полад Талышлы вполне освоил свою специальность. Мы его дважды экзаменовали. Ответил на вопросы и практические действия выполнил хорошо.

– Командир танка что о нем думает?

– Аркадий Колесников сам просил меня за него.

– Тогда ничего. Аркадий Колесников – командир требовательный, слабого бойца в экипаж не возьмет. Но опоздание...

И уже уходя из роты, генерал вновь поинтересовался Поладом.

– Он прибыл с пополнением, товарищ генерал. Ваш земляк, – улыбнулся Гасанзаде. – С приключениями, но в бригаду пробрался... Будет солдатом.

– Фамилия его Талышлы? Что-то знакомое. А как по отчеству?

– Талышлы Полад Ибрагим оглы.

– Ибрагим оглы? Я знал одного Ибрагима Талышлы. Он был нашим соседом. В начале войны погиб при защите Крыма. Может, это его сын?

– Можно позвать его, спросить.

– Нет, не стоит тревожить. Пусть отдыхает. Узнаем – и спросим в другой раз.

Асланов с Филатовым сели в машину и направились в другой батальон.

Глава седьмая

1

Внимательно следя по газетам и сводкам Информбюро за событиями на фронтах, Асланов с нетерпением ожидал приказа командования о наступлении.

Войска Третьего Белорусского фронта все еще стояли в обороне, но на других фронтах, протянувшихся от Балтийского до Черного моря, произошли большие перемены. Войска Ленинградского фронта, перешедшие в наступление еще в январе, окончательно прорвали мощное кольцо блокады вокруг города и продвинулись до эстонских земель. Войска Четвертого Украинского фронта, перешедшие в наступление на юге, освободили Крымский полуостров. А войска Первого, Второго и Третьего Украинских фронтов, отбросив врага с правого берега реки Днепр, во многих местах вышли к западным границам Украины. Немецкое командование, предвидя новое широкое наступление советских войск, срочно перебрасывало на Восточный фронт войска, стоящие в европейских странах.

Третий Белорусский фронт не мог долго оставаться в бездействии, это было видно по всему. Наступили теплые дни. Дороги просохли, земля прогрелась, деревья покрылись густой листвой. Танкисты, стоявшие в белорусских лесах еще с зимы, с радостью наблюдали перемены, происходящие в природе, каждый день замечая вокруг что-нибудь новое. Листик, который вчера еще был с ноготь, сегодня вырос; воды ручьев, бегущих в реки, с каждым днем становились прозрачнее; раскрывались бутоны полевых цветов, все зазеленело вокруг, поляны стали похожи на яркие пестрые ковры, и даже на брустверах окопов пробилась густая трава.

Самое время наступать!

А приказа все не было.

Люди устали ждать. По правде, они устали и от занятий, от тактических учений, которые следовали друг за другом, практически без передышек. Ази не терял ни часа, ни минуты, не пренебрегал ни одной мелочью, и строевая подготовка сменялась изучением материальной части, изучение – тревогой, марш заканчивался «боем», «бой» – теорией, теория – политинформацией, а за ней следовало построение, смотр и снова занятия.

Белорусские леса были хорошо знакомы Асланову еще до войны. Тут с бойцами стрелкового взвода, которым тогда командовал, частенько проводил он занятия, да иногда на охоту изредка хаживал. Да и сейчас, едва выдавалась свободная минута, он садился за руль своей машины, усаживал рядом шофера и выезжал в окрестности подышать лесными запахами, полюбоваться зеленеющими полями. Но времени все меньше и меньше было, и теперь он едва урывал минутку, чтобы освежить в памяти академическую премудрость, заглянуть в наставления.

За этим занятием и настиг его телефонный звонок. Ази взял трубку.

– Алло, я слушаю. Добрый вечер. Да, это я, товарищ генерал... Ну, слава богу, пришла, наконец-то, и наша очередь.

Никто не знал, когда начнется наступление, но к переднему краю с вечера до утра шли и шли войска, появлялась техника и исчезала в лесах.

Бригада Ази Асланова стояла в тылах. Чтобы выйти к переднему краю, следовало совершить молниеносный бросок; командиры получили приказ приготовиться к этому броску.

Ждали только сигнала.

Ожидание изматывало. Устав от всех хлопот и от этого ожидания, Гасанзаде, весь день ходивший по ротам, проверяя их готовность, прилег в своей землянке и тотчас уснул.

Но спал он чутко и вскочил, едва его кто-то позвал: «Капитан!», и потянулся за гимнастеркой и сапогами.

У входа стоял подполковник Пронин.

Гасанзаде оделся, обулся, застегнул воротник.

– Я вас слушаю, товарищ подполковник.

– Извини, что разбудил. Я к тебе пришел по делу, которое считаю очень важным.

Гасанзаде протер сонные глаза.

– Садитесь, пожалуйста.

– Ничего, насиделся. Постою. Так вот, капитан, я, должен попросить у тебя прощения.

– Не понял вас, товарищ подполковник. Я или вы должны просить прощения? За что?

– Я. Я должен получить твое прощение. Ты знаешь, что с часу на час мы ждем приказа о выступлении. Может быть, приказ придет через пять минут. Нам укажут пункт и рубеж, с которого мы с ходу уйдем в бой. Ты человек военный, фронтовик не сегодняшний, и прекрасно понимаешь, что каждая операция, каждый бой потребует жертв. Без них редко какой бой обходится. И кто знает, кому что суждено в этом бою. Может случиться так, что меня, либо тебя не будет в живых...

– Напрасно вы об этом. Давайте не будем перед наступлением говорить о смерти.

Пронин сел, положил руку на колено Гасанзаде.

– И вот я хочу, чтобы между нами было сказано все. Хочу вытащить занозу из сердца. И давно намереваюсь это сделать, искал только случая. За этим и пришел. Если сейчас мы не поговорим в открытую, я не смогу уйти в бой со спокойным сердцем. Все эти дни, что бы ни делал, куда бы ни пошел, все об этом думаю, и все время ты мельтешишь перед моими глазами.

– Извините, я все-таки не пойму, о чем вы?

– Сейчас поймешь. Я русский человек, Фируз, а русские не любят лукавить, не боятся сказать правду и признать свои ошибки. Я долго размышлял над тем, что ты сказал мне в тот свой приход... Что скрывать, сначала я многому не поверил, но потом убедился, что ты был искренен, и ты был прав...

– Я думал, что мы к этой теме больше не вернемся...

– К той теме возврата нет! Я о другом. Дослушай до конца. Не исключено, что когда ты узнаешь, о чем речь, не сможешь простить меня.

Снаружи слышались голоса; замолчав, они прислушались. Менялись часовые.

– Это не очень приятно – говорить о своих грехах, Фируз. Но надо. Если я не скажу о той несправедливости, которую допустил по отношению к тебе, я перестану себя уважать...

Видно, Пронин не решался без оговоров, прямо сказать то, что хотел сказать, но эти оговорки встревожили Гасанзаде, и он замолчал, выжидательно глядя на Пронина.

– Ты помнишь, Фируз, когда состоялись первые награждения за Сталинград. Так вот, большинство наградных листов и других документов составил я... Ты тогда ничего не получил. Почему? Да потому что я написал холодную, невыразительную характеристику, а из описания боя, в котором ты отличился, нельзя было понять, что же тобой все-таки сделано? И от награждения воздержались. Асланов очень удивился, хотел было переговорить со штабом, но я переубедил его – будет, мол, еще случай, бой не последний, успеет Гасанзаде отличиться...

Пронин достал папиросу, закурил...

– Вот все, что я хотел тебе сказать. Теперь ты знаешь, как много весит хорошее, теплое слово; и сколько весит холодное... Считай, что я украл у тебя этот орден. Хорошо, что ты жив, заслужил другой. А если бы выбыл из строя?

Гасанзаде молча слушал Пронина.

– Не скажу, – заговорил он, наконец, – что я не был обижен, уязвлен и так далее... Но что жалеть о том, чего не получил? Забудем это. Что было было, и стоит ли к этому возвращаться?

– Не говори так, Фируз. Было, и этого не вычеркнешь. Этого я не смогу, себе простить никогда. И тебе вред причинил, и Ази Ахадовича ввел в заблуждение. Злоупотребил доверием, которое он мне оказывал. И вот сейчас намерен пойти и все ему рассказать.

– Я бы не советовал делать это, товарищ подполковник. Лучше, если генерал вообще не узнает об этой истории.

– Но ведь...

– Это же касается нас двоих. Вы высказали все, я все знаю... Понял, почему так получилось. Претензий не имею. Ну, и все. Если бы от ваших признаний Асланову могла быть какая-то польза, тогда другое дело. А вдруг возникнут осложнения между вами? Зачем они, особенно накануне боя? Главное, вы сами себе сознались, что были неправы.

– Не скажу, не успокоюсь.

– А вы успокойтесь. Генерал вам скажет то же самое, что и я. Лучше дайте вашу руку, и забудем об этой неприятности.

Пронин не сказал больше ни слова. Протянул руку Гасанзаде. Тот крепко пожал ее, по-товарищески. Подполковник надел шапку:

– Ну, спасибо, капитан. Очень сожалею, что не знал тебя ближе, и только сейчас понимаю, что ты за человек.

Глава восьмая

1

В конце июня войска фронта перешли в наступление. 24 июня танковая бригада Асланова вошла в прорыв и, продвигаясь вперед, подавляя огневые точки врага, стала успешно прокладывать дорогу нашей пехоте. Обойдя с тыла и разгромив немецко-фашистские части на станции Толочин, танкисты стремительно ринулись дальше. Той порой наша пехота добивала врага на улицах Толочина. Новый приказ нагнал бригаду во время преследования отступающих немцев: бригада должна встретить вражеские части, отходящие на Борисов, остановить и разгромить их еще до подхода к реке Березине. Цели немцы смогут прорваться и переправиться на ту сторону, хлопот с ними будет немало.

– Не прорвутся, – сказал Асланов.

По данным разведки, отступающая колонна немецкой пехоты имела множество машин, бронетранспортеров, ее «вели» и сопровождали танки. Немцы шли форсированным маршем, торопясь добраться до Борисова. Железная дорога Орша-Минск была разрушена нашей авиацией и партизанами, войска противника отходили по шоссейным дорогам. Отступающим на Борисов благоприятствовало то, что дорога шла лесом, это давало возможность прятаться от налетов авиации, а танки, прикрывавшие отход, могли сдерживать натиск наших войск. Танки Асланова, преследуя немцев, все время натывались на огонь их танков, а немецкая пехота той порой почти бежала в сторону Березины.

– Григорияйтис, не вылезай вперед! – передал комбату Асланов. – Держись на расстоянии, не подставляй себя под снаряды.

– Уйдут, товарищ генерал! – кричал комбат.

– Не уйдут! – успокоил его Асланов. – Ты только из виду их не упускай, бей при удобном случае. Так, хорошо, Гасанзаде, ты меня слышишь? Начинай!

В распоряжении Гасанзаде находились взвод мотоциклистов и артиллерийская батарея. Обойдя противника, батальон неожиданно преградил ему путь спереди; немецкая колонна оказалась захлопнутой на лесной дороге, где танки и бронемашины были лишены возможности маневрировать, и аслановцы принялись громить противника. Танки Григорияйтиса и Гасанзаде сдавливали колонну с двух сторон, вели меткий уничтожающий огонь; от убийственного огня артиллерийской батареи вспыхивали машины, солдат, кидавшихся в стороны, настигали пули мотоциклистов и автоматчиков. И все-таки немцы организовались, залегли по обочинам дороги, в кустах по опушке леса и открывали ответный огонь. Вперед поползли «фаустники», а с ними шутики плохи. Бой принял такой ожесточенный характер, что люди потеряли счет времени, оглохли от выстрелов и взрывов, и потери с обеих сторон росли.

Изменение в ход боя мог внести ввод новых сил, а сделать это было невозможно. Нужен рывок батальонов Гасанзаде и Григорияйтиса навстречу друг другу.

Но не тут-то было! Передний танк Илюши Тарникова был остановлен огнем немецкого танка, который бил из-за машин. Что было в машинах? Груды снарядных ящиков. Но пустые ящики фашисты никогда не потащили бы с собой в этой суматохе, подумал Тарников. «Ну, сейчас я покажу вам кузькину мать!..» – сказал он про себя и навел оружие на грузовик, стоявший в середине колонны.

От мощного взрыва вздрогнула земля, раскатилось по лесу эхо. Снаряды в ящиках взрывались, один взрыв порождал другой, и было такое чувство, что началось землетрясение.

На месте машин дымились кучи дерева и железа. На ветвях деревьев вдоль дороги повисли куски тлеющей резины, обрывки солдатских мундиров; на одном дереве висела лошадиная нога, и с нее капала кровь...

Тарников, не теряя мгновенья, повел свою машину вперед, стал теснить противника.

Бой продолжался весь день, и не стих даже в сумерках, хотя наступающая темнота затрудняла боевые действия. Тем не менее танк Колесниковых «Волжанин» двумя снарядами поджег немецкий бронетранспортер, потом, заметив скопление вражеских автоматчиков, танкисты рассеяли их пулеметным огнем, но при этом проглядели вражеское орудие; первым же выстрелом сорвало гусеницу...

– Полад, видишь? – спросил Терентий. – Вон они, перебегают от дерева к дереву, к нам подбираются.

– Вижу, – Полад взял немцев на прицел.

– Что делать? – спросил Терентий. – На полдороге остановили... Придется вылезать...

Полад разметал немецкую пехоту. Уцелевшие убегали в глубь леса.

– Ребята, смотрите вперед, да и по сторонам оглядывайтесь. А то они спереди нам голову закурят, а навалятся с боков.

– Колесников, что у тебя, почему стоишь? – раздалось в шлемофоне Аркадия.

– Правую гусеницу сорвало, товарищ капитан.

– Ждите. Я вас прикрою и пошлю ремонтников.

«Волжанин» остался в лесу. Звуки стрельбы постепенно стихали.

– Если ремонтники вот-вот подъедут, все равно ничего не сделают, темнота, хоть глаза выколи, – сказал Аркадий. – Давай, ребята, осторожно вылезайте.

Вылезли. Огляделись. Прислушались.

Вокруг было тихо. Даже трудно поверить, что тут только что шел бой.

– Сколько придется ждать? – спросил Полад. Ему не терпелось идти вперед; тоскливое чувство отставшего от общей массы людей охватило парня.

– Кто знает, когда до нас дойдет очередь? Если мы одни подбиты, ребята скоро подъедут, а если не одни, придется ждать. У них работы всегда довольно. – Аркадий обошел вокруг машины. Гусеница была перебита в двух местах. – Будь она проклята, придется менять полностью.

Геннадий обнял Полада.

– Ты это наблюдаешь впервые, а мы привыкли. Подбитый танк – явление обычное.

Проходя мимо них, Аркадий шутливо надвинул шлем на глаза Поладу.

– Не хмурься. Починимся, и своих догоним.

Но Поладу казалось, что, отстав от роты, они не скоро ее догонят. Когда еще новую гусеницу натянут! Тут и бригаду потеряешь. Что сделают с оставшимися? Включат в какую-нибудь следом идущую часть – и все, не видать ни Асланова, ни Пронина, ни Мустафы, ни друзей из Ленкорани.

«Волжанин» подбивали не первый раз, и были повреждения посерьезнее, чем обрыв гусеницы. Иногда казалось: придется расстаться с танком. Аркадий тревожился, пока ремонтная бригада не выносила своего заключения: как и что ремонтировать. Самое страшное, если скажут, что отремонтировать нельзя тогда пиши пропало. Но всякий раз говорили, что отремонтировать можно, и весь экипаж кидался помогать ремонтникам. Так что в конце концов Аркадий Колесников уверовал в бессмертие своей машины, никогда не высказывал братьям беспокойства по поводу ее судьбы, чтобы их не расстраивать, напротив, если даже братья безнадежно качали головами, глядя на поврежденную машину, Аркадий говорил: «Не торопитесь с выводами, „Волжанин“ возьмет еще немало вершин, перевалит через холмы и овраги, переплывет не одну реку, и в конце концов доставит нас прямехонько в самый Берлин! Танк, купленный на деньги Пелагеи Кондратьевны, не так-то легко

превратить в груды металлолома!».

Ожидая ремонтников, танкисты заночевали в лесу.

Аркадий сказал братьям и Поладу:

– Поспите немного. Я пока подежурю.

Полад вытащил из танка ватники. Сунув их под головы, танкисты легли рядком. Геннадий и Терентий уснули мгновенно, лишь только головы коснулись земли. А Поладу не спалось. Аркадий, подойдя поближе, спросил:

– Ты чего не спишь? Может, проголодался? Там есть хлеб, колбаса, возьми, подкрепись.

– Я не голоден. Я думаю: вам надо отдохнуть, а я пока подежурю.

– Тебе непривычно. Да и ночь еще долгая. Мало ли что нас ожидает. Спи! Перед рассветом Гена или Терентий меня подменят, и я тоже сосну часок.

– Вы мне не доверяете, товарищ старший сержант.

– Нет, Полад, я верю тебе, как любому из братьев, ты этого разве не чувствуешь?

– Если доверяете, тогда позвольте стать в карауле.

Аркадию не хотелось обидеть Полада:

– Ну, хорошо, пусть будет по-твоему, сказал он. – Но если что, немедленно буди!

Перекинув через плечо автомат, Полад принялся вышагивать около «Волжанина». Иногда, останавливаясь, он слушал голоса ночных птиц, вслушивался в шорохи листьев и зорко посматривал вокруг. Ему казалось, что Аркадий тоже уснул. Но командир машины не спал. Чутким ухом улавливал он далекие звуки стрельбы, разрывы снарядов, и пытался представить, где находится сейчас рота. Наверно, уже у Березины... «Если бы эти собачьи дети не подбили машину, мы были бы вместе с ребятами».

Полад не знал, что Аркадий бодрствует. Пусть бы, думал он, именно в этот момент к «Волжанину» подполз фашист, и он, Полад, сразился бы с ним один на один, и только после этого разбудил бы товарищей – они узнали бы, как он их любит, и убедились бы, что он ничего не боится.

Послышался еще далекий пока шум моторов. Полад весь превратился в слух. Шум приближался, причем с обеих сторон шоссе, становился все явственнее и сильнее. Полад хотел было разбудить Аркадия, потом подумал:

«Ну, разбужу, а если это окажутся наши? А если это враги?.. Что мы, четверо, можем с ними поделать?»

Невдалеке от танка шум машин заглох – значит, остановились. И послышался строгий голос:

– Кто вы? Куда едете?

Полад отчетливо расслышал слова, произнесенные в тишине ночи. Кто-то ответил:

– Раненых везем в тыл, товарищ генерал.

– Чьи раненые?

– Из хозяйства капитана Григорияйтиса.

Наконец, Полад узнал голос Асланова и подошел к Аркадию, чтобы разбудить его, но старший сержант проворно поднялся с земли.

– На дороге – наши. Генерал Асланов. Раненые.

– Я слышал, Полад.

2

Батальоны Григорияйтиса и Гасанзаде выполнили очень важную задачу. Ударив по немцам с двух сторон, и притом совершенно внезапно, они разгромили колонну отступающих немецких войск – скрыться, убежать не смог, практически, никто... Батальоны захватили много машин, техники, оружия, боеприпасов, взяли в плен около двухсот солдат и офицеров. И генерал Асланов имел основания быть довольным. Сейчас он направлялся на передний край, на рекогносцировку – требовалось развить успех и организовать переправу

бригады через реку Березину.

Проводив в тыл машину с ранеными, генерал сказал водителю своей машины:

– Володя, подожди тут, мы сейчас вернемся. – И направился с Колесниковым к подбитому «Волжанину», освещая дорогу карманным фонариком.

– Капитану Гасанзаде известно о повреждении машины?

– Командир батальона знает.

– Я думаю, с рассветом ремонтники подъедут. – Генерал осветил борт машины, катки, размотанную гусеницу.

– Это легко починить. Заменить два-три звена. У вас что, нет запасных траков?

– Не хватит.

– Ну, ничего. Если что, натянут новую. Мотор в порядке? Так. Как починитесь, догоняйте роту. – Потом, помолчав, спросил: – Ну, а сами, ребята, все здоровы?

– Здоровы пока, товарищ генерал, – разом ответили братья.

Генерал повернулся к Поладу, который стоял в стороне, опустив к ноге автомат.

– А ты как?

– Хорошо, товарищ генерал.

– Матери пишешь?

О том, что Полад редко пишет матери, Ази знал от Хавер и Нушаферин, и от самой Сарии. Сария писала генералу и просила надрать Поладу уши...

Ази навел справки. Да, Полад писал редко. Но свое небольшое солдатское жалованье полностью посылал домой.

– Я пишу, товарищ генерал, – оправдывался боец, – но, сколько ни пиши, она все равно недовольна.

– Материнское сердце, Полад. Она рада бы получать письма ежедневно. Невозможно писать каждый день, но как появится свободный часок, ты не ленись, напиши хотя бы несколько строк. Она ведь беспокоится, тысячи мыслей в голову лезут. Когда долго нет письма, она думает, не случилось ли с тобой чего-нибудь. Так что почаще пиши, Полад, порадуй мать, не пожалеешь об этом.

– Есть чаще писать; товарищ генерал!

– Ну, вот и договорились, – генерал улыбнулся и спросил Аркадия Колесникова: – А как воюет Полад Талышлы? Оправдывает доверие?

Вопрос этот встревожил Полада. Вдруг Аркадий расскажет, как он испугался во время первого боя? Но Аркадий сказал:

– Уже втянулся, с обязанностями своими справляется, действует как старый фронтовик. Мы им довольны. Рады, что сумели найти хорошего стрелка-радиста. Вполне заменил Османа Хабибулина.

– Что ж, отлично! Не зря, значит, зайцем добирался до фронта из Ленкорани! Подполковник Пронин в тебе не ошибся. Ну, а ты сам как считаешь: отомстил за отца?

– Пока нет, товарищ генерал.

– Как так? Разве за эти дни ты из пулемета не стрелял?

– Стрелял.

– Как же так стрелял, если не попал ни в одного фашиста?

– Я своими глазами видел, скольких он уложил, товарищ генерал, вмешался Аркадий. Он повернулся к Поладу, – Ты что это на себя напраслину возводишь?

– Посечь из пулемета – это еще не то, чего я хочу, – тихо сказал Полад. – Вот если я встречу с фашистом лицом к лицу, схвачу его за горло и задущу собственными руками, – тогда другое дело. А до тех пор буду считать себя в долгу перед отцом.

– Ну, – покачал головой генерал. – А если силенок не хватит?

– Должно хватить, товарищ генерал.

Понравился генералу ответ Полада. Он мягко положил руку на плечо бойца.

– Посмотрим... Если случится так, я сам напишу о тебе твоей матери. А пока бей врагов из пулемета. Бей без промаха! Много они нам задолжали, за многое надо с них

спросить.

Глава девятая

1

Немцы, оборонявшие город Борисов, держали под непрерывным минометным и артиллерийским обстрелом берега Березины. К обороне они готовились основательно, еще с зимы, построили вдоль Березины мощные огневые точки, возвели укрепления, установили минные поля и проволочные заграждения. Все спуски к воде, подъемы, участки, поросшие лесом и кустарником, даже болота, то есть каждая пядь земли, где советские войска могли сосредоточиться или скрытно подойти к реке и форсировать ее, находились под неусыпным наблюдением врага. Да и сама по себе река была серьезным препятствием – и все это осложняло переправу частей Третьего Белорусского фронта на тот берег.

В Борисове был крупный гарнизон, усиленный за счет отступающих частей, и немецкое командование не собиралось сдавать город, напротив, решило удерживать его как можно дольше. Все мосты на реке Березине были взорваны. Зенитные батареи, стоящие в окрестностях города и у пристани, открывали ураганный огонь по самолетам и переносили его на наши наступающие наземные войска.

Батальоны танковой бригады Асланова шли в составе ударной группировки фронта; им предстояло форсировать Березину южнее города, разгромить танковые и пехотные части противника, продвинуться вперед, обойти город и соединиться с частями, наступающими севернее Борисова.

С вечера, под огнем врага, саперы приступили к наводке легкого моста. Понтоны, побывавшие не в одном переплете, зачастую не имели замков и захватов, их сводили в линию моста и крепили самодельными крюками, тросами, проволокой; табельного настила не хватало, приходилось подгонять заготовленные на берегу бревна и накатник; дело шло медленно, саперы трудились в кровавом поту... Когда обстрел становился невыносим и губителен, приходилось прекращать работу и отводить людей на берег, в окопы.

Танкисты ожидали своего часа в лесу. Ночью на западный берег Березины переправился батальон капитана Григорияйтиса, вместе с бойцами взвода разведки и захватили плацдарм; пряча основную часть батальона в прибрежном лесу, комбат последовательно отбивал все попытки немцев столкнуть его в воду, и, сохранив связь с бригадой, регулярно докладывал комбригу обстановку. Ази Асланов в нетерпении следил за работой саперов. Он очень спешил с переправой. Немцы атаковали мотострелков Григорияйтиса все настойчивее, положение на крохотном плацдарме осложнялось; противник вводил в бой новые силы, намного превосходящие численность наших потрепанных подразделений, и немногословный Григорияйтис уже просил о помощи, а он зря не попросит... Еще немного, и сомнут Григорияйтиса.

Связист, установивший свою рацию между деревьями, на берегу, крикнул:

– Товарищ генерал, комбат.

– Как у тебя, Григорияйтис? – спросил Асланов, чтобы дать комбату успокоиться. – Трудно? Знаю, что очень трудно, но потерпи, дорогой, продержись еще немного.

– Не знаю, как быть с ранеными, – отвечал Григорияйтис. – Жмет, проклятый! Голову поднять нельзя...

– Мы прикроем вас огнем, держись, комбат! – Асланов повернулся к связисту: – Соедини с Прониным.

– Это ты, Николай? Попроси корпусную прикрыть Григорияйтиса. Да поживей, ему там невыносимо!

Генерал спустился к реке. Командир саперного взвода, видя, каким мрачным стал генерал, стал торопить бойцов.

Генерал видел, что люди трудятся на пределе, и ничего саперам не сказал, но они тоже его видели и старались как только могли.

Снаряды падали в непосредственной близости от будущей переправы. Но вот, как бы в ответ им, из наших тылов с тугим напористым шелестом пролетели и ухнули в расположении немцев тяжелые снаряды, а затем донеслись глухие удары дальнобойных орудий: противоположный берег реки был взят под обстрел; это артиллерия прикрыла мотострелков капитана Григорийайтиса, и саперам тоже стало веселее работать.

Асланов умылся прохладной речной водой, достал носовой платок, вытер лицо, руки. Потом прошел немного вниз по течению. У самого уреза воды виднелась немецкая каска, наполовину затянутая мокрым песком. Немного ниже, прижавшись лицом к прикладу своего короткого автомата, лежал мертвый унтер-офицер. У съезда к воде валялись измятая легковая автомашина и мотоцикл, а вокруг них – трупы солдат. Давно ли, подумал Асланов, наблюдая эту картину, старый генерал, преподававший в академии военную историю, напоминал слушателям о сражении на Березине, где Наполеон, убегая из Москвы, потерял остатки своей армии? Войска французского императора были разгромлены тут, под Борисовым. Такова участь всех завоевателей. Сто тридцать два года тому назад трупы неприятельских солдат, пушки и боеприпасы, наверное, вот так же, как сейчас, валялись на берегу Березины...

– Товарищ генерал, мост готов, – с радостью отрапортовал командир взвода саперов Асланов. – Спасибо, лейтенант!

И Асланов с частью легких сил переправился на другой берег.

А той порой неподалеку от моста, наведенного бригадными саперами, понтонеры наводили тяжелый мост для переправы танков.

И как только он был готов, саперы поставили дымовую завесу.

Танки ринулись на тот берег.

Густой беловатый дым, похожий издали на плотный туман, поплыл долиной реки, накрыл мосты, берега, кустарники и приречные рощи. Переправа не просматривалась ни сверху, ни с флангов. Немцам пришлось вести огонь наугад и по ранее пристрелянным ориентирам, но корректировать его было невозможно, и они яростно били из минометов и орудий то по одному, то по другому участку реки, то по всему предполагаемому району переправы. Река кипела от взрывов. Плотный полог дыма кое-где разорвало, но танки, направляемые саперами, шли и шли по мосту, остальные выходили из леса, на ходу вытягивались в колонну и тоже спускались на мост. В пламени взрывов, в свисте осколков, сквозь фонтаны воды, поднятые снарядами, переправлялись они по обеим мостам через реку – взвод за взводом, рота за ротой, и там, на западном берегу, сразу включались в бой. Казалось, все шло хорошо. Но тут, как назло, один из снарядов взорвался перед самым танком Илюши Тарникова; разорвало гусеницу, танк развернулся и преградил путь машинам третьей роты, как раз спустившимся на мост. Все застопорилось. По мосту ударили еще два снаряда – и образовались большие пробоины.

Командир роты Тетерин тотчас нашелся, – он отозвал одну машину с берега, чтобы она взяла машину Тарникова на буксир.

Асланов, действовавший с передовыми подразделениями на правом берегу, сразу почувствовал неладное и вернулся на мост, где произошла заминка: ведь если к ротам, которые ввязались в бой, не подоспеет подмога, немцы этим немедленно воспользуются. К тому же, развернуть активные действия, имея половину бригады еще на нашем берегу, Асланов не мог.

– Что там, на мосту? – спросил он какого-то автоматчика.

– Говорят, мост поврежден.

Навстречу Асланову медленно шел «Волжанин», таща на буксире подбитую машину Тарникова; вытянув ее на берег, поволок в сторону, под береговой обрыв, где экипаж танка, выскочив из машины, начал колдовать вокруг нее.

На мосту саперы уже принялись заделывать пробоины, но танкам, которые успели

опуститься на мост, предстояло ждать.

– «Мишень прямо», – подумал Асланов.

Заговорили зенитные автоматы, вставшие на охрану мостов, и почти тотчас воздух наполнился гулом самолетных моторов. Над самой рекой, вынырнув из-за леса, прошла эскадрилья «юнкерсов» в сопровождении «фокке-вульфов». «Юнкерсы» проскочили невредимыми под зенитным огнем и, определив цель, стали заходить на мост. Один за другим они сваливались на него. Бомбы сыпались градом, взметая столбы воды и земли; казалось, ничего живого уже не осталось после такого удара – ни на мосту, ни на земле. Но зенитчики били по самолетам в упор, и один «юнкере», дымя, рухнул в воду. Однако дымовую завесу совсем разбросало и снесло взрывами, и следующий пикировщик сыпанул бомбы прямо на мост. Мост разорвало в двух местах.

Освободившись от бомбового груза, вражеские самолеты ушли, и, словно только этого и ждала, заговорила немецкая артиллерия.

Двое саперов, убитые наповал, лежали на краю моста; один, тяжело раненный, полз по настилу к берегу.

Но танки, ожидавшие своей очереди на переправу на берегу, не пострадали; те, что стояли на мосту, пятась, отползали на берег...

Асланов был уже на левом берегу; тут, у моста, появился и Пронин.

– Николай Никанорович, отведи танки от берега подальше, пусть замаскируются и ждут... Немцы не успокоятся, пока не разнесут мост вдребезги, а восстановить его не просто... Много уйдет времени. Так что не стоит машинами рисковать. Я возвращаюсь на тот берег. А ты звони наверх, проси понтонеров – надо восстановить переправу как можно скорее.

– Ази Ахадович, куда вы? Не проскользнуть?

– Не могу ждать. Полсердца моего там осталось!

– Невозможно переправиться, товарищ генерал! Обождите!

– Невозможно и ждать, – отвечал Асланов. Саперы по его приказу уже спустили на воду лодку. – Пошли, Смирнов, пошли! – окликнул генерал своего адъютанта. – Пока, Николай Никанорович, действуйте тут, как я сказал.

– Есть! – сказал обескураженный Пронин. Лодка медленно отошла от берега. Обстрел моста продолжался, снаряды вонзались в воду то впереди лодки, то позади, то справа, то слева. Но пожилой сапер, не теряя самообладания, гнал лодку к противоположному берегу. Пронин с волнением наблюдал за ее движением. Вдруг около лодки взметнулся фонтан воды, лодка скрылась из виду, а когда вода опала, Пронин увидел, что она плывет вверх дном. Последними словами ругал он себя, что отпустил генерала в этот ад, боясь подумать, что генерал с адъютантом и сапер погибли. Но нет, сначала вынырнул сапер, потом показалась голова Асланова; снизу к нему торопился Смирнов. Все трое плыли к берегу, значит, целы. Пронин махнул саперам, те потащили к воде новую лодку, но Асланов, обернувшись и поняв, что саперы спешат на помощь, сделал знак: «не надо». Перевернутую лодку уносило течением. А генерал, адъютант и сапер еще энергичнее рванулись к берегу и вскоре, к облегчению всех, кто это видел, достигли его.

2

Положение подразделений бригады, переправленных на тот берег Березины, все больше осложнялось. Немецкое командование задалось целью разгромить их прежде, чем подойдет подмога, и восстановить свою линию обороны вдоль реки.

Вражеская авиация препятствовала восстановлению разрушенного понтонного моста. А танкисты и мотострелки держались уже на пределе.

Асланов выбрал себе наблюдательный пункт на лесистом холме, с вершины которого хорошо просматривались позиции наших подразделений, дороги, по которым немцы подбрасывали силы к плацдарму, а если глянуть на восток, то видна была и река, и место, где

наши саперы латали разбитый мост.

Конечно, в первую очередь следовало нейтрализовать вражескую авиацию. Быть может, наша авиация задействована на других участках, но здесь тоже без нее не обойтись. Хотя бы строительство моста прикрыли, дали возможность переправиться всей бригаде...

Батальоны просили помощи.

Асланов отвечал, что в ближайшие часы помощи не будет.

– Обходитесь своими силами... Не давайте обойти себя с флангов, предостерегал он комбатов, зная, однако, что они ждут не слов, не советов, а чего-то более реального. Наконец, он решился.

– Соедини меня с генералом Черепановым, – сказал он радисту.

– Генерал Черепанов слушает.

– Здравствуйте, Евгений Иванович. Как наши дела? Плохи наши дела! Половина хозяйства тут, половина еще там. Здесь немцы жмут. Переправа разбита, восстановить не могу: «юнкерсы» висят над рекой. Подкиньте крылышек, пусть хоть на время нас прикроют.

Пока Асланов говорил с Черепановым, позвонил Григорийайтис: батальон вынужден отходить. Асланов сказал Смирнову и радистам:

– Идем к мотострелкам!

Они спустились с холма и низом побежали в батальон, позиции которого насквозь простреливались пулеметным огнем и обрабатывались вражеской артиллерией.

Немцы под прикрытием танков пошли в атаку. Бойцы Григорийайтиса взяли за гранаты. Двое наших артиллеристов на правом фланге выкатили на позицию пятидесятисемимиллиметровое орудие и прямой наводкой открыли огонь по танкам. Подбили одну машину, и, наверное, другую тоже, потому что танки остановились, не решаясь идти напролом, и открыли ответный огонь.

– Ты видишь? – спросил Асланов Григорийайтиса, спрыгнув в его окоп. Спокойствие, деловитость и мужество артиллеристов поразило генерала. – Ты просишь подмогу. Да эти два твоих артиллериста стоят роты солдат противника. Остановили немцев. Ай молодцы! Как их фамилии?

– Тот, чернявый, Чингиз Алиев, а другой – Родион Иванов. Они с утра нас поддерживают. Одна пушка ихняя и осталась и только двое – во всем расчете.

Асланов повернулся к стоящему позади адъютанту:

– Смирнов, запиши их фамилии, имена, другие данные. Как только вернемся в штаб, напомним мне, я их к награде представлю.

Хотя атака фашистов продолжалась, батальоны остановились и словно вросли в землю. Губительный огонь автоматчиков прижал немцев к земле, их танки вели огонь с места. Перед пушкой Алиева и Иванова грохнул снаряд. Орудие замолчало. Оба артиллериста лежали не шелохнувшись. Потом вдруг вскочили, откатали орудие, поменяв огневую позицию. В небе послышался гул моторов. Но не немецких, а наших. Почти над самой землей промчались штурмовики, обрушив бомбы и снаряды на позиции немецких частей.

– Капитан, свяжись с Гасанзаде, – сказал Асланов Смирнову. – От моего имени скажи: пусть выдвинет сюда роту танков. Григорийайтис! Вместе с Гасанзаде приказываю вам взять вот эту высоту, – он показал ее на карте. Там у них наблюдательный пункт. Пока вы достигнете ее и укрепитесь там, мост восстановят, и дело пойдет веселее.

– Генерал Черепанов, на проводе, – окликнул связист Асланова. Спрашивает, как штурмовики помогли?

– Спасибо! – взяв трубку, сказал Асланов. – Если еще разок над немцами пройдутся, будет совсем неплохо... Это возможно? Очень хорошо! Как? Уже? Еще раз спасибо! Теперь живем.

– Рота танков из батальона Гасанзаде подошла, – доложил Григорийайтис.

– Прекрасно, капитан. Вы знаете, начальству сверху виднее, оказывается, подкинули саперов, и мост восстановлен. Я буду в батальоне Гасанзаде. Готовься. В наступление пойдем вместе, когда подойдут остальные наши машины...

Словно предчувствуя перелом в ходе боя, фашисты напоследок очень точно ударили из танковых пушек по позициям батальона и по противотанковому оружию. И тут же стало известно, что оружие разбито.

– А артиллеристы уцелели?

– Нет, товарищ генерал... Чингиз Алиев убит наповал, Иванов еще дышит... Вот санинструктор его тащит...

Но, пока санинструктор дотащила раненого и начала его перевязывать, он уже не нуждался в перевязке.

Трупы артиллеристов положили на дно окопа. Асланов снял фуражку.

3

К вечеру бригада Асланова, полностью переправившись через Березину, отбросила немцев и, преследуя их, продвинулась далеко вперед. Немцы отходили к городу Плещеницы.

В селе Мстиж, где остановился штаб бригады, адъютант сообщил Асланову, что его хотят видеть какие-то гражданские люди.

– Пригласи.

Их было двое. Молодой, краснощекий, очень здоровый на вид, был в полинявших домотканых штанах и рубашке из черного сатина. Другой, по всему видно, немолодой и больной, был в сапогах, выцветшем пиджаке, в кепке, густо оброс бородой, сутулился и тяжело передвигался.

– Не узнаешь, Ази? – спросил он. Но узнать в этом изможденном, измученном человеке кого-то из ранее близких, знакомых людей было просто невозможно. И только голос и глаза были знакомы.

Асланов встал, пристально вглядываясь в этого человека. Тот шагнул навстречу генералу.

– Ази, это я, Сергей, – сказал он.

– Сережа?! Живой?

– Я уж не думал, что доживу и встречу с тобой.

Они обнялись.

Потом, усадив гостей, Ази долго смотрел на Сергея Сироту, словно боялся поверить, что этот седой человек, именно он, его друг Сергей.

– О семье что-нибудь знаешь?

Сирота вздохнул:

– Ничего не знаю, Ази.

– А я знаю. Все живы-здоровы. И Наташа, и дочка твоя, Люба. Живут на Кубани, в станице Славянской, у твоей тещи. Хавер их разыскала. Пишет, живут нормально, и все думы только о тебе.

– Я тоже о них думаю. Ты не представляешь, как обрадовал меня... Боюсь поверить, что вижу своих, вижу тебя, что мы живы... Я ведь с утра тебя жду. Бой на реке завязался, потом видим, немцы бегут. Мы им тоже всыпали. Ну, наше командование еще накануне предупредило, что танкисты поведут наступление... Наконец, увидели танкистов, услышали: танкисты Асланова. Сердце так и екнуло. Танкистов-то, думаю, много, а Аслановых не так часто встретишь. Он, думаю. И не ошибся.

Глаза Сироты увлажнились. Растрогался и генерал. Смирнов, свидетель этой сцены, хотел незаметно выскользнуть, но Асланов сказал:

– Распорядись насчет еды. Товарищи, наверное, голодны.

– Не беспокойся, мы сыты. – Сирота загасил папиросу, бросил окурок в пепельницу. – Перед выходом пообедали.

– Все равно, мы должны отметить эту встречу. По-фронтовому, на ногах! – пошутил Ази. – И не забывай, что с тобой генерал разговаривает: придется тебе подчиниться.

– Рад подчиниться, – засмеялся Сирота и взглянул на товарища: перспектива

поужинать у генерала того явно обрадовала.

Смирнов вскоре вернулся; помощник повара нес за ним полный поднос еды. Котлеты. Жареная картошка. И грибы. Их собирали, чистили и солили под наблюдением знатока этого дела Парамонова.

– Садитесь, ужин немудреный, знал бы, кого увижу, приказал бы азербайджанский шашлык сделать... А сейчас закусим тем, что есть.

Выпили по сто граммов, за встречу после трех лет войны, за близких, за дружбу, над которой годы не властны, разговорились. И Сергей Сирота коротко рассказал обо всем, что было с ним за эти три тяжелых года.

– Первый день войны страшным для меня оказался.

Сразу после совещания у командира полка я со своими людьми принял бой. Пехоту мы задержали. Сказать по совести, мои бойцы сделали все, что могли. Но танки нас обошли, их задержать мы не смогли. А немцев было во много раз больше, чем нас, кругом кишели, как муравьи. Я думаю, из наших мало кто уцелел. В плен не сдавались, а попадали только в бессознательном состоянии или раненые, беспомощные. Помню, очнулся я в лазарете. У немцев. Как только понял это – жить уже не хотелось. Но и умереть не давали. Когда раны затянулись, отправили нас в лагерь для военнопленных. Ну, вы слышаны, как обращаются с военнопленными в немецких лагерях... Всего не расскажешь... А после лагеря попал я вместе с другими, кто поздоровей, да помоложе, в Германию. С утра до вечера гнули спины на заводе. Знаем, что каждая деталь это как пуля в своих... Тянули, канителили... Карцер зарабатывали, а то и виселица качалась перед глазами... Немцы довели нас до такого состояния, что уж и не предполагали, что мы способны бежать. Как-то в воскресенье начальство укатило в город. Поняли мы: это последний шанс. Обезоружили и связали охрану, побежали в ближайшие леса. Там разошлись, дождались темноты и пошли, кому куда казалось удобней: большой группой сразу напорешься на кого-нибудь, да и не прокормиться. Везде посты, облавы. Отощали мы от голода, разум мутился. Товарищ заболел. Оставил его в лесу, в каком-то местечке рискнул подойти к местным жителям, спросить хлеба, еще чего-нибудь. Было у меня несколько марок. Продуктов дали, но погоню вызвали... Едва я успел к товарищу выйти. А он уже отошел. Похоронил я его на скорую руку и стал уходить в глубь леса. Шел и хлеб грыз, и картошку сырую. А леса там какие? Несколько километров пройдешь, и на какой-либо населенный пункт выходишь. Но до Польши добрался я. А там стало легче, помогали поляки. Так дошел я до Катовиц. Там один старик устроил меня на шахту. Проработал месяца три. На всякий случай бороду отрастил. Но вдруг вызывает меня к себе надзиратель-немец. Спрашивает, служил ли я в армии. Тут, как ни крути, ничего придумать невозможно... Служил, говорю ему по-польски, в тридцать девятом еще ранен, а с тех пор не призывали... Долго глядел он на меня и на фотографию, на которой я был увековечен, когда находился в лагере для военнопленных. Сфотографировали меня еще раз, сказали: иди, работай. Старик-поляк сказал мне: уходи, уходи сейчас же, а то будет поздно. А надзиратель пусть считает, что ты в шахте... Мы скажем после смены, что от коменданта ты не возвращался. Так и пошел я, и к декабрю сорок второго добрался до Украины, а в феврале сорок третьего вышел под Сморгонь. Некоторое время скрывался, потом удалось установить связь с партизанами. Ну, а с тех пор воюю...

– Да, хлебнул ты горяшка. Но хорошо, что жив остался. Уйти из фашистской Германии – все равно, что из ада вырваться... Теперь бы тебе отдохнуть хорошенько, домой съездить.

– Рано об этом думать.

– Почему?

– Дело есть одно. Если получится – хорошо, если нет – центральный штаб партизанского движения просить придется... А, может, и ты сможешь? А? По старой дружбе?

– Всегда рад помочь, Сережа! Говори, в чем дело?

– Видишь ли, я все-таки кадровый, военный. Хочу в армию вернуться. Отряд мой теперь остается не у дел, наши места освобождены, в Польшу партизан если перебросят, то

не всех...

– Но ты – в таком состоянии... Инвалид, в сущности...

– Это не мешало мне воевать в партизанах, командовать отрядом. Все бывало. Рука ничего, не мешала. Стрелял не хуже других... Но ведь я давал присягу! И в плену я об этом помнил, и потом, в партизанах, не забыл, что я – офицер, временно выбывший из строя. Армия идет на запад. Я ее дождался и должен быть в строю. Скажи, мог бы ты оставить меня в своей бригаде? Кем угодно!

– В принципе – да. Но вопросы такие – переход из партизан в кадровую армейскую часть – решаю не я. Кадровики. Направят ко мне – приму с радостью. Буду просить, чтобы направили. Но послушай меня: после всего пережитого, не лучше ли тебе хоть немного подлечиться? Отдохнуть? Семью навестить?

– Твои солдаты разве меньше моего пережили? А на отдых и лечение их никто не посылает, пока не ранят. Я живой; о семье знаю. Чего еще? Воевать должен!

Ази не знал, что ответить.

Сирота сам наполнил стакан водкой и выпил одним духом. Встал. Надел шапку.

– Ну, вижу, ты стоишь на своем. Дай адрес полевой почты, скажи номер бригады. Выйду на большое начальство. Может, получу направление в твою бригаду. Хотелось бы быть под твоей рукой... И больше не расставаться до конца войны. Сегодня у меня праздник. Если бы не дела, посидел бы у тебя еще. Место спокойное, еды вдоволь, генерал – гостеприимный, кто от этого бежит? Но надо идти. До свиданья, Ази.

Они обнялись.

Потом Сирота и его молчаливый спутник шагнули за порог и пошли, не оглядываясь.

Глава десятая

1

Генерал Вагнер острыми ястребиными глазами впился в карту. Карта наспех нанесенными стрелами и знаками показывала обстановку и скупое рассказывала о событиях последнего времени. События были неутешительными, обстановка ничего хорошего не сулила. За неделю боевых действий немецко-фашистские войска отступили от Витебска до Сморгони. Все попытки задержать русских, контратаковать окончились неудачей. Стрелы, обозначавшие направления контрударов, наткнувшись на встречные удары русских, сгибались, плющились, поворачивали обратно. Гигантский вал русского наступления сметал все на своем пути. Своим холодным практичным умом генерал взвешивал положение группы армий «Центр» и приходил к выводу, что оно незавидное. Еще недавно ему и в голову не могло прийти, что за столь короткий срок будет взломана вся немецкая линия обороны, сооруженная с такой продуманностью и тщательностью.

Особенно мощные оборонительные укрепления были возведены в районе Орши-Витебска. Первая полоса укреплений глубиной от трех до семи километров. Две линии окопов полного профиля, огневые точки, убежища, минные поля... Вторая полоса ничуть не уступала первой, и по западному берегу реки Березины шла еще одна линия укреплений, и все они заблаговременно были заняты войсками.

Гитлер лично интересовался строительством укреплений, придавал им исключительное значение, Белоруссию он называл «воротами Берлина». Он требовал укрепить эти ворота. И что же? Русские распахнули эти ворота настежь. Отступал не только танковый корпус Вагнера – вся армейская группировка «Центр» не выдержала натиска и отходит, а русские прорываются вперед, берут войска фюрера и в клещи, и в тиски, охватывают, окружают, бьют по частям! А сзади действуют партизаны – рвут мосты, минируют дороги, ввязываются в бои с регулярными частями немецкой армии. Какие преграды можно поставить русским? Как задержать? Вся надежда на то, что удастся раньше них отойти на рубеж реки Вилия. Там

надо зацепиться, перегруппировать силы. Только там, больше нигде!

Неслышно вошел адъютант Макс Зонненталь, доложил о прибытии Динкельштедта.

– Зовите, – сказал Вагнер, не отрываясь от карты.

И даже когда Динкельштедт вошел и поздоровался, он, не оборачиваясь и не отвечая на приветствие, сказал:

– Подойдите сюда, Динкельштедт. Видите, как выглядит линия фронта? Куда мы отеснены за эти десять дней?

– Враг имеет большой перевес в силах, мой генерал. Даже сейчас его резервы не истрачены, перевес сохраняется, порой просто невозможно удержаться под их натиском.

– Невозможно? Но ведь мы в обороне, и сил у нас вполне достаточно. Просто мы их не можем эффективно использовать, и в этом давайте признаемся!

Вагнер повернулся наконец к Динкельштедту и взглянул в лицо командира дивизии. Никогда он не видел Динкельштедта в таком удрученном состоянии. Лицо бравого генерала, давно небритое, поросло неопрятной щетиной, воспаленные глаза были красны, одежда помята, сапоги давно нечищенные. Динкельштедт перехватил удивленно-презрительный взгляд Вагнера. «Да черт с тобой! – думал он, глядя на карту, где были перечеркнуты названия оставленных корпусом городов Толочин, Плещеницы, Вилейка, – сунулся бы туда, где я был, посмотрел бы тогда я на тебя!»

– Фюрер никогда не простит нам отступления, – сказал Вагнер. – Вы хоть представляете, чем все это кончится?

– Представляю. Но, мой генерал, предположим, что на данном направлении мы отступили по своей вине... Корпус отступил, моя дивизия отступила... Но ведь отступает и вся группа армий «Центр»? В этом кто виноват?

– Вы о себе подумайте, Динкельштедт. Ваша дивизия отходит под натиском бригады небезызвестного вам генерала Асланова, нашего старого знакомого. И надо признать, этот молодой генерал действует решительнее и изобретательнее, чем вы. Так что не вам рассуждать о том, почему отступает вся группа армий «Центр». Смотрите сюда! Вот Сморгонь. Вот река Вилия. Русские не должны перейти через нее, слышите?

– Но чем я смогу их задержать? От дивизии почти ничего не осталось, господин генерал.

– Дивизия ваша получит подкрепления. Но если и на этот раз не выполнит задачи, пеняйте на себя.

Динкельштедт явился на вызов Вагнера, как на казнь. И то, как Вагнер встретил и принял его, и разговаривал с ним, не сулило ему ничего хорошего. Предчувствие не обманывало Динкельштедта. Он не знал еще, что командир корпуса решил отстранить его от должности, подал рапорт об этом командованию группы армий «Центр», и что ему уже обещали прислать нового командира дивизии, – всего этого он не знал, но внутренне уже примирился с тем, что станет козлом отпущения, и что военная карьера его оборвется на этом.

2

На дороге разорвался немецкий снаряд, и секунду спустя что-то сильно и резко ударило Мустафу по ноге. Мустафа упал лицом в песок. Сгорая он не почувствовал боли, сел. Осколок снаряда ударил ему в голень. Мустафа осторожно коснулся раны; пальцы окунулись в теплую кровь. Что делать? Сзади оставался молчаливый лес, впереди была река Вилия... Товарищи остались позади... Они-то и послали Мустафу за помощью. Как ни тяжела рана, нельзя вернуться назад. Надо переправиться через Вилию, доставить донесение командира роты Тетерина командиру бригады Асланову. Судьба товарищей, оставшихся на западном берегу, зависела сейчас от него, Мустафы.

Мустафа перевязал ногу прямо поверх брюк. Но кровь никак не останавливалась. Он прополз метров десять-пятнадцать, навал в канаве пригоршню листьев подорожника.

Обложил ими рану поверх бинта и еще раз перевязал носовым платком. Не помогло. Тогда он снял платок, смотал бинт, выжал с них кровь, снова обложил рану листьями, замотал бинтом и сверху стянул платком. Выше раны он стянул ногу ремнем. Кровь, кажется, унялась. Он поднялся, добрел до ближайшего дерева, сломал толстую ветвь, обломал сучья. Опираясь на эту палку, доковылял до берега. На песке отчетливо виднелись следы танковых гусениц – это три тридцатьчетверки Тетерина вчерашним вечером переправились тут на западный берег Вилии. Вон торчит и хворостина, которую воткнул сопровождавший танкистов кудрявый подросток-партизан, чтобы обозначить место переправы.

В последние дни сопротивление немцев усилилось, вновь активизировалась вражеская авиация, и как раз в эти дни продвижение советских частей, в том числе танкистов Черепанова, замедлилось. Командование группы армий «Центр» полагало, что причиной тому именно возросшее сопротивление немецких войск, что меры, принятые им, наконец-то приносят плоды: советские войска остановлены!

Действительно, танковые и механизированные войска, в том числе соединение Черепанова, снизили темп наступления, но по другой причине: на исходе оказалось горючее и смазочные масла. Их везли из далеко отставших тылов машинами, доставляли до полевых аэродромов самолетами... Но Ази Асланов, наученный горьким опытом, всегда имел в запасе и горючее, и масла. Во всяком случае, в баках его машин горючее еще было. Получив приказ форсировать Вилию и освободить важный опорный пункт немцев город Сморгонь, он не стал ждать дозаправок. Взяв с собой Тетерина, вышел в разведку к берегу Вилии. Тут, недалеко от реки, их встретили партизаны из отряда Сироты, от которых Асланов узнал, что мост на реке Вилия немцами взорван, однако есть место, где танки могут пройти вброд. Двое партизан, сели на броню переднего танка, чтобы показать танкистам это мелкое место.

Три танка вышли к берегу реки. Один из партизан разделся и прошел до середины реки. Асланов прикинул: да, тут действительно неглубоко, танки пройдут. Сойдя со своего «виллиса», Асланов пересел в танк лейтенанта Тетерина; один за другим танки перешли на другой берег. Их никто не заметил. Асланов даже не ожидал, что так легко и беспрепятственно можно перейти реку.

Западный берег Вилии был лесистый, удобный для маскировки и для засад. Командир бригады сам выбрал место для танков; поставил их примерно в ста-двухстах метрах друг от друга, велел занять оборону.

Немцы не сразу узнали о переправе танков Асланова на западный берег, и вообще они не ожидали, что советские танки так скоро подойдут и форсируют Вилию вброд.

Ази Асланов, очень довольный тем, что без боя, без потерь удалось захватить кусок западного берега реки, приказал роте Тетерина удерживать этот клочок земли до подхода главных сил, а сам вернулся на восточный берег, чтобы переправить через Вилию всю бригаду, пока немцы ничего не проводали.

На западном берегу Вилии остались экипажи трех машин, пятнадцать солдат и офицеров. Жерла танковых пушек смотрели на Сморгонь. А за тыл танкисты были спокойны, оттуда вот-вот подойдет бригада.

Весь день прошел спокойно. Ночью явственно слышался шум моторов видимо, танки врага тоже подтягивались к Сморгони. Тетерин усилил охрану и выслал разведку. Вернувшись, разведчики подтвердили догадку: немцы выдвигают к Сморгони войска.

Но и утро следующего дня прошло спокойно. Однако вскоре немцы начали выдвигать свои силы к реке, и тут-то они вышли на танки Тетерина и заметили их. Пехота осторожно стала обтекать советские машины, а так как танкисты еще не открывали огня, у немцев появился соблазн врасплох захватить их. Танкисты подпустили противника на расстояние в несколько десятков метров, и в упор ударили из пулеметов.

Вражеские автоматчики отхлынули. А через полчаса стоявший в дозоре стрелок-радист Мустафа Велиханов доложил, что со стороны Сморгони, из лесу, под прикрытием самоходных орудий «фердинанд», идут автоматчики. Слева, полем, шли к реке немецкие танки. Что мог предпринять Тетерин тремя танками против таких сил? Он приказал

экипажам действовать скрытно, подпускать врага как можно ближе, бить наверняка, маневрировать, следить друг за другом, поддерживать друг друга, и если будет неважно, отходить к месту переправы. Радиовать о создавшемся положении он не рискнул: немцы засекут не только его, но и месторасположение бригады, – и поэтому приказал ефрейтору Мустафе Велиханову доставить командиру бригады срочное донесение...

Осколок подсек Мустафу в самом начале пути. Мустафе было тяжело, но он помнил, что товарищам трудно, они могут погибнуть, если не подойдет помощь... Кое-как доковылял он до берега, не раздеваясь, вошел в воду. Холодная вода схватила ногу как обручем, от боли перехватило дыхание, и на минуту Мустафа остановился. В глазах мутилось. Рука с автоматом бессильно упала в воду, и он чуть было не упустил оружие. Наконец, собравшись с последними силами, по горло в воде, он стал пробиваться к берегу.

Выйдя на берег, упал. Земля вздрагивала и гудела от близких ударов пушек: это Тетерки вел неравный бой с врагом, и каждый удар своей и вражеской пушки Мустафа ощущал всем телом, прижатым к земле лицом. «Гибнут ребята», – возникала в гудящей голове тревожная мысль. И с этой мыслью Мустафа заставлял себя вставать. Так, падая и поднимаясь, он постепенно удалялся от берега. Он обессилен, от потери крови дрожал, стуча зубами. Мокрая одежда была как железная.

Но каждый раз, когда гремели орудия, ноги Мустафы словно наливались новой силой и тянули его вперед; он говорил себе: «Иди! Ты должен дойти!» Однако скоро силы совсем иссякли, он упал посреди дороги, не смог больше подняться и потерял сознание.

... Генерал Асланов был в своей боевой машине впереди большой колонны танков к переправе через Вилию. Хорошо, что он вовремя заметил: кто-то, лежит посреди дороги, и остановился. Адьютант комбрига Смирнов узнал в лежащем Мустафу Велиханова.

Вышел из машины и командир бригады. Под ногой солдата растеклась лужица крови. Солдат лежал как убитый, но, приглядевшись, генерал заметил, что он дышит.

– Живой!

Мустафа услышал и узнал голос генерала. Раз живой, надо встать. Но смог только приоткрыть глаза. Не смог ничего сказать. Смирнов снял с Мустафы шлем и вытащил из-под подкладки измятую записку. Мустафа показал глазами: отдай генералу. И, поскольку Смирнов снова правильно его понял, удовлетворенно закрыл глаза.

– В медсанчасть его. На моем «виллисе»! – сказал Асланов и развернул записку.

«До десятка танков и самоходок идут на, нас. Буду держаться, но жду подкреплений. Гвардии лейтенант Тетерин».

Свернув записку, генерал положил ее в карман. По звукам выстрелов он знал, где идет бой. Танки Тетерина отвечали немцам активно. Держатся. Молодцы!

Он занял место в командирском танке и передал приказ: «Реку форсируем вброд. Обходим немцев с двух сторон. Быть готовыми к открытию огня с ходу. Полный вперед!»

Через десять-пятнадцать минут танки Асланова на полной скорости врезались в воду; в водоворотах песка, камня, воды неслись они на западный берег; один батальон устремился влево, другой вправо; танки окружали противника, который втянулся в бой с Тетериным...

Покончив с противником у реки, бригада устремилась на Сморгонь, а после Сморгони открылась дорога на столицу Литвы – Вильнюс, и все соединение Черепанова повернуло туда.

Глава одиннадцатая

1

Немцы лихорадочно укрепляли подступы к Вильнюсу и сам город. Через Вильнюс шло снабжение войск на северо-западном и центральном участках Восточного фронта. Вильнюс с его густой сетью коммуникаций связывал группы армии «Центр» и «Север»; Вильнюс

прикрывал Прибалтику и позволял угрожать советским войскам, наступавшим в рижском направлении. Наконец, в политическом плане потеря Вильнюса, одной из столиц союзных республик, приобретала особый резонанс. Гитлер приказал любой ценой отстоять Вильнюс. Для руководства обороной города по его указанию прилетел генерал-лейтенант Штахель, который развил бурную деятельность. За короткий срок на подступах к Вильнюсу выросли мощные заграждения, в том числе противотанковые. В самом городе множество домов старинной постройки были приспособлены к обороне, в подвалах установлены пулеметы, на чердаках засели снайперы. К городу стягивались надежные части.

Войска Третьего Белорусского фронта наступали на Вильнюс с двух направлений – с востока и юго-востока. Бригада Ази Асланова и полк самоходной артиллерии вырвались вперед; танкистам и самоходчикам удалось захватить аэродром, на котором стояло тридцать два самолета. Овладев железнодорожной станцией, они первыми из частей фронта ворвались в Вильнюс и завязали бои на улицах города. Фашисты до последней возможности вели борьбу за каждую улицу, за каждый переулок, за каждый дом. Особенно досаждали наступающим артиллеристы, снайперы и истребители танков.

Но, несмотря на яростное сопротивление, наши части все настойчивее пробивались к центру города, шаг за шагом сокрушая узлы вражеской обороны.

Капитан Григорияйтис воевал в родном городе.

О том, что он хотел увидеть родной дом, капитан говорил генералу еще до боев за город. Асланов сказал, что сделает все возможное, чтобы он увиделся с родными, но всячески сдерживал нетерпение комбата, чтобы тот не полез на родную улицу раньше времени.

И вот, судя по всему, эта улица была очищена от противника, и капитан напомнил комбригу о своей просьбе.

– Я не забыл, капитан. Оставь за себя заместителя. Один не ходи, возьми трех-четыре проворных бойцов, мало ли какая может быть неожиданность.

Григорияйтис взял с собой двух автоматчиков, а из разведчиков Керима Керимова, Александра Павлова, Шарифа Рахманова, который уже с месяц служил во взводе разведки и чувствовал себя среди разведчиков как рыба в воде.

Улицы, ведущие к центру города, усыпаны битым кирпичом и камнем, обломками бревен, остатками разбитых заграждений. Под ногами хрустит битое стекло. Стены зияют дырами от снарядов, штукатурка и камень испещрены следами пуль и осколков. И все же в центре меньше разрушений, чем на окраинах. Григорияйтис шел, настороженно оглядываясь, с трудом узнавая знакомые улицы и дома.

Через шесть-семь кварталов группа во главе с капитаном, миновав гостиницу «Вильнюс», вышла на проспект Георгия. До дома Григорияйтиса оставалось совсем немного, когда пули просвистели в верхушке от головы капитана, и прогремела автоматная очередь, капитан споткнулся.

– Вы ранены, товарищ капитан?

– Нет, обошлось. Но осторожно, ребята: кое-где остались еще фашисты.

С противоположной стороны улицы ударил пулемет. Капитан и его бойцы успели заскочить в двери разбитого здания, осмотрелись. Похоже, они рановато двинулись в путь, улицы от врага не очищены, чего доброго, подстрелят на пороге родного дома, да и бойцы пострадают.

Григорияйтис примирился с мыслью, что к своему дому надо пробиваться с боем. Он приказал разведчикам затаиться, наблюдать, выискивать, откуда бьет враг, и сам привычным взглядом осматривал противоположную сторону улицы. Вот он, мерзавец, на третьем этаже, бьет из наполовину заложеного мешками окна.

Керим Керимов и Шариф Рахманов переговаривались по-азербайджански.

– Ты цел? – спросил Керим.

– Кажется, да. А очередь прошла рядом.

– В рубашке родился.

– Тебе смешно? – вскинулся Шариф. – Меня не случай бережет... Э-э, да ты все равно не поймешь! Вот здесь, понимаешь, есть кое-что понадежнее брони. – Шариф стукнул себя по груди, нащупал мешочек с кораном, успокоился, хотел было показать коран Кериму, но, заметив, что позади стоит Павлов, передумал, рука замерла. Ни к чему знать другим... бог весть что подумают. Пусть лучше Керим, этот насмешник, чеснок ленкоранский, думает о себе, а он сам о себе позаботится. Капитан, между тем, сунул пистолет в кобуру и обернулся к Шарифу:

– Дай-ка мне автомат. Диск полный?

– Пострелять можно. Недавно набил.

Капитан долго и терпеливо наблюдал за вражеским пулеметчиком, и, едва тот зазевался, дал длинную очередь. Подождал немного. Окно безмолвствовало.

– Все; накрылся, – сказал Шариф. – Но хотите, проверим? – и он выставил в окно на обломке палки свою пилотку.

– Товарищ капитан, не реагируют! Пристукнули вы прохвоста, а?

Они подождали, не заявит ли как-то о себе противник, осмотрелись, по одному вышли из дому и стали пробираться дальше.

Город выглядел чужим, настороженным, жители не могли еще показаться на свет божий, и Григориайтис в который раз подумал, все ли в порядке дома, встретит ли он мать.

Встреча произошла раньше, чем он ожидал, и не дома, до которого оставались считанные шаги.

– Смотрите, – сказал сержант Павлов. – Что это? Из подвала большого кирпичного здания валил густой черный дым.

Перебежав через улицу, разведчики попытались было заглянуть в подвал через узкое низкое оконце. Ничего не было видно из-за дыма, но крики, детский плач, кашель доносились до слуха.

– Несомненно, там люди, – сказал Григориайтис. – Рахманов, Павлов, обследуйте все вокруг, осмотрите двор! Керимов, выбейте стекла в окнах, чтобы воздух туда попадал, а то задохнутся. Ищите вход в подвал.

На дверях подвала висел огромный замок. Автоматчики сбили его прикладами. Не входя, Григориайтис крикнул:

– Кто тут есть? Не бойтесь, мы свои!..

Он повторил это по-литовски, и тогда в подвале поднялась суматоха, крики: «Помогите. Задыхаемся!»

Услыхав эти сдавленные голоса, Григориайтис дал знак разведчикам войти. Едкий дым разъедал глаза, и ничего не было видно. Ощупью, держась за стены, разведчики спустились вниз. Григориайтис время от времени спрашивал на литовском языке:

– Где вы? Откликнитесь!

– Здесь... здесь...

Наконец, наткнулись на людей и стали выводить их во двор. Стариков и детей вытаскивали почти на руках. Шарифу попала под руку совершенно обессиленная старая женщина, которую он, уже почти ничего не видя и давясь кашлем, вытащил во двор.

Едва открыв глаза, женщина сказала:

– Там еще есть люди. Много... Дети, старики. Их надо спасти.

Капитан ходил в дальнем углу подвала. Сквозняк постепенно рассеивал дым, стало легче дышать, и разведчики одного за другим вытаскивали полузадохнувшихся людей во двор, клали их у стены, и тут они постепенно приходили в себя, судорожно глотая свежий воздух.

– Проверить еще раз все углы, – сказал капитан. Шариф на последнем заходе вытащил щупленькую старушку с изможденным сухим лицом. Женщина что-то говорила. Шариф не мог понять что, пожимал плечами.

– Скажите по-русски, мамаша. Знаете немного по-русски?

– Воды, воды...

Шариф обернулся мгновенно; в руках у него было полное ведро, и в нем плавала консервная банка.

– Пей, мамаша, пей, оживешь, и вы пейте, спасенные граждане, – говорил Шариф, обходя вытащенных из подвала.

– Знаете, в чем дело? – спросил разведчиков Григорийтис. – Немцы согнали их в подвал и бросили туда зажженную дымовую шашку... И закрыли на замок. Еще несколько минут, и люди задохнулись бы. В чем провинились старики, женщины и дети, эти подлецы не спрашивают. Убивают любыми способами, и все...

Они стояли как раз около старой женщины, которую вынес из подвала Шариф. Женщина, придя в себя, вглядывалась в лица военных; голос старшего был ей очень знаком; она приподнялась на локтях, вгляделась в него и вдруг вскрикнула:

– Юо... Юо... Юозас!

Капитан резко обернулся на голос. Страх и радость мелькнули в его глазах.

– Мама?!

Старушка потеряла сознание. Капитан, сопровождаемый разведчиками, на руках отнес ее до дому.

– Юозас, сынок, – открыв глаза, старушка обняла сына и расплакалась.

– Ты умница, мама. Если бы ты не узнала меня, я мог тебя не узнать.

– Сердце узнало тебя, сынок. Дождалась. Спасибо, что пришел. Живой. Здоровый. Юозас мой...

2

В просторной гостиной в доме Григорийтиса, за накрытым столом, сидело человек пятнадцать гостей, товарищей и начальников капитана. Все они, за исключением двух-трех человек, включая комбрига, впервые сидели за таким огромным столом, в огромной строгой комнате с лепным потолком, с зашторенными окнами, с могучей богатой люстрой, свисавшей над серединой стола, со строгими картинами на стенах и увеличенным портретом самого Юозаса – видимо, сын, важно восседавший во главе стола, помог матери поднять из тайников все – картины, посуду, – и привести квартиру в должный вид.

За столом среди полутора десятка мужчин сидела еще одна женщина, молодая, цветущая; в полном сознании своей красоты она спокойно принимала ухаживания и знаки внимания со стороны мужчин. Это была Лена Смородина.

Пронин, сидящий напротив, изредка поглядывал на нее, и тотчас отводил глаза, стараясь не встретиться с ней взглядом.

Мать Юозаса, задав тон компании, встала, извинилась и засуетилась на кухне. Смородина время от времени порывалась ей помочь, но ее опережали то один, то другой офицер.

Асланов принял приглашение капитана, ничуть не заботясь о том, что кому-то это может показаться панибратством, а кого-то, напротив, стеснит он умел поставить дело так, что его и не стеснялись, и в то же время помнили, что рядом генерал. Больше того, он принял предложение стать тамадой и с улыбкой заявил, что есть большой смысл в том, что мы можем в гостеприимном литовском доме вести стол по-кавказски и говорить по-русски. В этом, сказал он; как и в бою, проявляется наша дружба. То одному, то другому он говорил: «Скажи тост!» – и офицеры вставали и очень умно говорили. Только Пронин опасался такого предложения: все мысли его были заняты Смородиной, и он решительно не знал бы, что ему сказать, если бы очередь говорить дошла до него. Но Асланов очень тактично обходил его, как бы оставляя наедине со Смородиной – у вас, мол, свои заботы, свои дела, вот и решайте их, нам до этого дела нет...

Наконец, Асланов сказал с улыбкой:

– Что-то я замечаю, друзья, что вино убывает быстрее, чем еда... А необходимо равновесие. Тем более, что наш хозяин, под большим; секретом, сказал мне: если у кого в

тарелке останется что-нибудь... – генерал, нагнувшись, спросил капитана: – Юозас, говорить? – Тот пожал плечами, улыбнулся. – Если, говорит, останется что-нибудь, он все завернет в бумагу вместе с тарелкой и сунет гостю под мышку. Так что решайте, как быть...

– Поняли, товарищ генерал, – под общий смех сказал капитан Гасанзаде, надо больше есть и меньше пить!

– Правильно поняли, – сказал генерал. – Ну, так кому слово?

– Разрешите мне, товарищ генерал?

– Говори, Гасанзаде. Ты обычно помалкиваешь... Но сегодня начал хорошо... Должен закатить такую речь, чтобы сразу поняли: ты не молчун.

Гасанзаде, уже слегка захмелевший, оглядел сидящих за столом:

– Дорогие друзья, мы впервые сидим за таким столом... Словно в далекое-далекое мирное время... И в нашей мужской компании – две женщины. Одна из них – мать. Другая мечтает стать матерью, и не будь войны, давно бы ею стала...

Пронин мельком взглянул на Гасанзаде. Куда его понесло? Но оборвать капитана он не решился: генерал рядом...

– А что есть женщина? – продолжал Гасанзаде, ничуть не смущаясь встревоженных взглядов товарищей. – Женщина – это все. Это жизнь. Продолжательница рода. Хранительница семейного очага. Каждая настоящая женщина – это героическая личность. И мы должны относиться к женщине с пониманием, терпением и нежностью, верой и правдой служить ей – всю жизнь. Почему? Потому что той самоотверженности, которая присуща женщинам, нет у мужчин!

Пронину показалось, что Гасанзаде метит прямо в него, имея в виду его взаимоотношения со Смородиной. «Он пьян, негодник, и может ляпнуть что угодно», – подумал Пронин, и вслух, еле сдерживаясь, сказал:

– Капитан, вы не уклонились?

Но Асланов тотчас отреагировал:

– Не мешайте, подполковник, пока что капитан очень дельно говорит.

Пронин покраснел. И, чтобы не привлекать к себе внимания, сосредоточенно принялся орудовать ножом и вилок. Но не преминул взглянуть на Лену, – она сидела задумчивая, слушала философствования Гасанзаде.

– Позвольте, капитан, – продолжал Гасанзаде, обращаясь к Юозасу, называть мне вашу матушку мамой. Мама! Оставьте тарелки, мы сами их уберем, и подойдите к нам. Вот встаньте здесь, чтобы все вас видели... Знаете, почему мы сегодня у вас? Мы отмечаем самый радостный день в жизни нашего боевого друга Юозаса Григорияйтиса; он встретился со своей матерью. Он счастлив, мы вместе с ним счастливы, но счастливее всех вы, мать. Кончилась долгая разлука, позади горькие годы тоски и ожидания. Мы знаем, в каком состоянии он вас нашел. И вот вы на ногах. Почему? Потому что рядом – ваш сын... Юозас! Ты знаешь, что печаль и радость – это неразлучные сестры... Фашисты убили твоего отца, это горе – огромное. Но все же ты счастливый человек: у тебя есть мать, – голос Гасанзаде дрогнул, он заволновался, и, хотя выпил не больше других, почувствовал вдруг, что захмелел. Но поздно было отступать и тост следовало завершить. – Ты счастливый человек, Юозас, и я завидую тебе, потому что я вырос без матери, только из сказок узнал, что бывают колыбельные песни, да издали видел, как другие дети засыпают в горячих объятиях матерей. – Он прошел к матери Юозаса с бокалом в руке и спросил: – Мама, я правильно говорю? – И мать Юозаса, не столько поняв, сколько почувствовав смысл его слов, сказала: «Ты очень правильно говорил, сынок». – Да, я вас называю мамой, вы – наша мать. И прошу товарищей выпить за ваше здоровье, за матерей!

Он наклонился, обнял и поцеловал мать Юозаса, потом залпом выпил бокал и сел.

Никто не прервал Гасанзаде. Пронин заметил, что Смородина очень растрогалась. Да и сам он пожалел, что пытался оборвать капитана.

– Спасибо, капитан, – сказал Асланов, – если бы я знал, что ты такой оратор, я бы тебе давно предоставил слово. Мы тоже, Юозас, пьем за здоровье твоей матушки. Матери, Юозас,

стареют. И тут мы должны вовремя им помогать. Помогите ей, Юозас, приведите в дом молодую хозяйку. Верно я говорю, мать?

– Так, сынок, спасибо!

– Если же он этого не сделает, мы снова зачислим его в свою часть...

– Это как раз то, чего я более всего желаю, товарищ генерал, – сказал Юозас. – Не знаю, кому пришлось в голову демобилизовать меня? И вы почему-то сразу согласились. Разве я плохой комбат?

– Так нужно, Юозас. Просьба горкома партии... Товарищи правы: нужны твердые люди – налаживать мирную жизнь. Город ты знаешь, как свои пять пальцев, с людьми работать умеешь. Победу мы добудем, и ты отсюда нам очень поможешь.

Капитан Григорияйтис был отозван из армии – по этому поводу как раз и собрались его боевые товарищи. Генерал Асланов, взглянув на часы, сказал:

– Ну, друзья, пора и честь знать. Город хорош, хозяева – добрые, приветливые, не хочется даже вставать. Но надо. От имени всех большое спасибо вам, особенно мамаше вашей, Юозас.

Офицеры подходили прощаться с матерью Юозаса и с ним самим.

Генерал Асланов, выходя последним, обнял капитана.

– Я вас никогда не забуду, товарищ генерал. Счастливого пути! Желаю победы!

– До свиданья, Юозас.

Проводив гостей, Григорияйтис с тоской взглянул на опустевшую гостиную, на пустые стулья, на недопитые бутылки с вином, недоеденные блюда, и у него сжалось сердце. Кто знает, увидит ли он когда-нибудь боевых товарищей, и когда. И ему захотелось бежать вслед за ними.

Но куда побежишь?

Юозас налил полный бокал вина и выпил.

Глава двенадцатая

1

Соединение Черепанова вскоре было передано в состав войск Первого Прибалтийского фронта. Вместе с другими частями танкисты приняли участие в освобождении городов Шауляй, Елгава, Тукумс. Иногда темп продвижения составлял шестьдесят-семьдесят километров в сутки. В результате войска фронта вышли к берегам Балтики в районе Шауляйского и Рижского заливов, перерезали все коммуникации, связывающие войска группы «Север» и группы «Центр», и перекрыли им все пути отхода в Восточную Пруссию. Немцы, оказавшиеся в котле, стремились вырваться из него, и одновременно большими силами перешли в контрнаступление с запада, чтобы вызволить свои части из котла и восстановить положение. Вторая половина августа оказалась очень трудной для войск Первого Прибалтийского фронта, им приходилось ежедневно отражать по несколько контратак пехоты и танковых частей, поддерживаемых авиацией, на большом участке от Шауляя до Елгавы.

В районе Жагаре, северо-западнее Шауляя, бригада Ази Асланова и другие части отражали атаку за атакой; кое-где немцы сумели, прорвав нашу оборону, продвинуться вперед на десять-пятнадцать километров.

За один день бригада отразила три танковые атаки, поддержанные артиллерийским огнем. В конце концов немцы отступили, потеряв много машин и живой силы, но участок, который обороняла бригада, продолжали держать под непрерывным арт-огнем, настолько точным, что стало ясно: кто-то этот огонь корректирует с такого пункта, откуда все расположение бригады видно как на ладони. Были определены несколько мест вероятного нахождения корректировщиков, и генерал приказал найти их и обезвредить.

Это дело было поручено разведчикам – Александру Павлову и ефрейтору Шарифу Рахманову.

Получив приказ генерала, разведчики взяли свои автоматы и двинулись в путь.

Шариф не раз сожалел, что не перешел в роту разведчиков раньше. Ему казалось теперь, что самая лучшая в армии профессия – это профессия разведчика. Когда товарищи, слегка задетые тем, что он ушел из танковой роты, шутя спрашивали, кем лучше служить, танкистом или разведчиком, Шариф, поглаживая черные тонкие усики, отвечал: «По мне, лучше разведчика ничего быть не может. Может, кому-то и приятно быть стрелком-радиом, не спорю, но лично я в танке ничего хорошего не обнаружил. Нет, я по нему не скучаю. Влезешь в эту стальную коробку, тесную, как могила, ни шелохнуться, ни повернуться, и тоскуешь по глотку свежего воздуха. Я уж не говорю о сумасшедшем грохоте моторов, лязге гусениц, громе выстрелов, дыме и копоти. Знаю, без танкистов какая война, но если мне суждено умереть, хочу умереть на свежем воздухе». Так говорил Шариф, который, будучи призван в армию, долго мечтал и стремился устроиться на какой-либо склад, куда-либо подальше от опасности и от придирчивых глаз командиров. Что фронт с людьми делает! Сейчас ни за что на свете Шариф не променял бы профессию разведчика на профессию хозяйственника.

В последние дни Саша Павлов много раз ходил с Шарифом в разведку. Кроткий, терпеливый и заботливый, сержант был как раз из тех людей, которые более всего по сердцу Шарифу. Саше нравились находчивость и проворность ефрейтора. Так что не случайно командир взвода посылал их на дело вместе.

Ночью прошел дождь, но с утра выглянуло солнце, и в жарких его лучах над лесом поднялась беловатая дымка испарений. Во впадинах, ямах, воронках от мин и снарядов стояли лужи воды, и трава еще была мокрая, тяжело хлестала по сапогам.

Разведчики оставили позади боевое охранение и вышли на нейтральную полосу.

– Если они не ушли, то где-то тут, на этой высотке, сидят. Будь осторожней, Шариф.

Прячась за деревьями и кустами, тихо, словно кошки, разведчики шли вперед, придирчиво оглядывая все, прежде чем сделать шаг. Корректировщик должен сидеть там, откуда хорошо просматривалась местность. Они старались поставить себя на место вражеских корректировщиков... У Павлова был большой опыт, он ходил в разведчиках еще в Крыму, на Миус-фронте, и ему удавалось обезвредить не одного вражеского наводчика. За нейтральной полосой Павлов вышел вперед. Оставалось рукой подать до переднего края немцев. Теперь малейшая неосторожность могла обернуться бедой. Остановились.

– Мы слишком далеко зашли, Шариф, – сказал Павлов. – Надо возвращаться. Корректировщиков следует искать не здесь.

Повернули назад. Стали обходить снизу неприметный с виду холм, поросший высокими соснами.

Павлов выглянул из-за кустов. Среди деревьев что-то блеснуло в лучах солнца. Павлов отклонил голову – блеск исчез. Сержант подождал. Потом опять блеснуло в двух местах сразу, словно кто-то оглядывал окрестность сквозь большие очки.

– Шариф, – шепнул Павлов, – я заметил вон там кое-что подозрительное. Посмотри-ка и ты, – и передал Шарифу бинокль.

Деревья и кусты сразу надвинулись на Шарифа.

– Это, по-моему, на дереве. Там какая-то труба. Или палка. Похожа на змею, когда она торчит на хвосте, ужалить собирается.

– А больше ничего не видишь? Людей нет?

– Не вижу.

Сержант взял бинокль. Но не только подозрительного блеска, но и вообще ничего подозрительного не заметил. И тогда он подумал, что это сверкает роса на листьях – утренний ветерок шевелит их, и капли росы сверкают; теперь они, наверно, высохли или скатились.

Сержант поделился своими предположениями с Шарифом.

– Может быть, и так, – сказал тот, но, подумав, решил: – Все-таки это, по-моему, как это? стервотруба...

– Стереотруба, – поправил Павлов. Он всегда возвращался с разведки с точными сведениями. И сейчас, хотя они, судя по всему, вышли на наблюдательный пункт вражеской артиллерии, сомнение все-таки еще оставалось. Надо уточнить!

– Сержант, разреши, я пойду разведую, – сказал Шариф.

– Опасно, Шариф. Давай, пока понаблюдаем.

– Но ведь, лежа тут, мы ничего не выясним, а время-то уходит?! Сейчас они начнут наших колошматить.

– Подождем немного. Если откроют огонь, мы под шумок корректировщиков накроем.

Разведчики прождали еще несколько минут. Павлов с биноклем в руках осматривал каждый вершок холма.

– Разреши, сержант, я так подползу, что они не заметят, – снова напомнил о себе Шариф. Его почему-то так и подмывало немедленно подняться наверх и расправиться с немцами, если они там есть.

– Если б я знал, что ты сумеешь все высмотреть и себя не обнаружить...

– Да ничего со мной не случится. Я ж не дурак, чтобы под пулю себя подставлять и зря умереть. Если там не один, не два, я и недохну.

– Недохни, даже если один! Главное, все узнать, а потом решим, что делать! Если убедишься, что там действительно немецкий наблюдательный пункт, смотри, немедленно и незаметно возвращайся назад.

Шариф, поправив пилотку, наискось пополз вверх по склону холма.

Павлов остался наблюдать и прикрывать ефрейтора.

До вершины холма оставался десяток-другой шагов. Земля была сырая, и это было Шарифу на руку – не шуршит трава, не треснет сук или сухая ветвь. «Если там действительно вражеский разведчик, то он, сукин сын, хорошее местечко себе выбрал! – подумал Шариф, осторожно оглянувшись. – Велик ли холмик, а как далеко с него видно! Но, может, ошибся сержант, никого тут и нет».

На голой, как плешь, вершине холма никого не было. Шариф пригляделся, прислушался. Ниоткуда ни звука. Он подполз еще ближе – теперь от полянки его отделяло два-три кустика. Подтянулся на локтях. Ах, вон оно что! На самой макушке холма, словно вмятина, была небольшая низина, и на дне ее на корточках сидел и колдовал над рацией немецкий солдат. «Что ж он, один? Да еще в наушниках. Кто-то еще должен быть поблизости. Где же?»

Шариф медленно огляделся. Поднял голову – и тут взгляд его упал на толстую раскидистую сосну; между нижних толстых сучьев сидел немец, припавший взглядом к окулярам стереотрубы. Время от времени он что-то отрывисто передавал радисту, а тот, в свою очередь, бубнил в трубку. «Может, их и не двое?» – подумал Шариф. Теперь самое время отползти к Павлову. Но ведь генерал, Шариф сам слышал, сказал: найти и обезвредить! Он их нашел, мерзавцев!

С пальцем на спусковом крючке автомата Шариф наблюдал за действиями корректировщика. «Эти вот подлецы подставляли наших ребят под снаряды. И как спокойно они работают». Сержант сказал: все высмотреть и возвращаться, потом будем решать, как быть. Но генерал сказал: обезвредить! Вернешься к сержанту, а они той порой улизнут?! Шариф решил не возвращаться. «Аллах не простит, – подумал он, – если я оставлю здесь этих двоих живыми и здоровыми. Пока то, се, пока наши ударят по этому месту, эти двое много чего натворят, осиротят не одну семью. Нет, их оставлять нельзя».

Шариф решил убить одного, а другого взять в плен и отвести в бригаду, там его прижмут как следует и, может, выяснят координаты вражеских батарей. Это будет настоящее дело!

Но как убрать одного из них? Стрелять нельзя – будет переполох и, чего доброго, ноги не унесешь.

Закинув автомат за плечо, Шариф вытащил финку и пополз к радисту. Радист ничего не слышал, кроме тех звуков, которые наполняли наушники. Шариф прыгнул на него, как кошка, левой рукой зажал немцу рот, а правой что есть силы всадил между лопаток финский нож. Радист беззвучно повалился набок. А тот, на дереве, всецело занятый наблюдением, ничего не заметил. Шариф, не сводя с него глаз, выдернул нож из спины радиста, вытер его о мундир убитого, сунул в ножны. Потом, взяв наблюдателя на прицел, негромко сказал:

– Фриц, капут! Спускайся! Шнелль, шнелль!

Немец, повернувшись на эту команду, так и застыл в растерянности. Шариф показал рукой: слазь! Немец бросил сожалеющий взгляд на свой автомат – тот висел на суку, в стороне, не дотянуться! – и стал спускаться.

Но Шариф показал рукой на стереотрубу: возьми мол, и немец покорно выполнил и эту команду.

Опустив стереотрубу на землю, поднял руки. Шариф, кивнул головой:

– Теперь иди. Ну?

Но не прошли они и двадцати шагов, как сзади раздалась автоматная очередь. Так и есть: их тут не двое. Немец резко обернулся, и Шариф, не раздумывая, скосил его очередью в упор. Упал, откатился на тропу, ведущую вниз. Вторая очередь со свистом пронеслась у него над головой. На этот раз стреляли откуда-то сбоку.

И сразу на ломаном русском языке закричали:

– Рус, здавайсь!

«Да, влип-таки я, – подумал Шариф, притаившись за кустом, и приготовился к бою. – Похоже, живым хотят взять. Но нет, сучьи дети, не выйдет!»

Немцы снова открыли огонь. Шариф затаился. Наверно, их человек пять. Бьют со всех сторон... Полагая, что он убит или ранен, немцы перебежками подобрались почти вплотную. И тогда он открыл огонь. Двое повалились на землю. Но остальные обходили его, ведя огонь, пули так и стригли ветви кустов, – не догадайся Шариф залечь в яме, его давно изрешетили бы.

Впереди шли двое, и стреляли, стреляли – головы нельзя поднять. Шариф взял одного на прицел, нажал на спуск. Выстрела не последовало. Все! Патроны кончились.

Шариф отбросил пустой диск, а новый так и не успел вставить – сзади послышался треск, и кто-то навалился на Шарифа. Шариф сбросил с себя немца, но тут же получил такой удар в спину, от которого у него перехватило дыхание. Мгновение он не мог даже разогнуться, и тут на него надели, словно свора собак – пинали, били прикладами...

«Обвели тебя вокруг пальца, Шариф, – с горечью подумал разведчик, попался ты, как лопух! Стреляли спереди, а напали сзади... Но где Павлов, где? Почему не поддержал огнем? Успел ли уйти, добежать до своих? А, может, и его скрутили, как меня?»

Наконец, его перестали бить и рывком подняли на ноги, но Шариф упал: немцы коваными сапогами прошлись и по ногам, и стоять он от адской боли не мог. Старший из них что-то прокричал; все, кроме одного, кинулись вниз, очевидно, искать Павлова, но вскоре вернулись – никого, видать, не нашли.

Шариф впервые так близко видел немцев, их потные лица, налитые злобой глаза, жилистые руки, грязные мундиры и сапоги с короткими голенищами. Старший, наверное, унтер, был короткий и толстый; широкий зад еле влезал в штаны, а пола мундира топорщилась сзади, как хвостик – ну, ни дать ни взять, свинья, вставшая на задние ножки. «А еще считают себя арийцами, думал Шариф, – красавцами, а на кого похожи? У этого нос пуговкой, из ноздрей волос прет, лоб узкий, низкий, как у барана... А этот? А тот?»

Но тут, повинаясь унтеру, солдаты снова рывком подняли его с земли, утвердили на ногах, скрутили ремнем руки на спине и, подталкивая автоматами, повели-потащили в тыл.

«Спета твоя песня, Шариф, в плену ты!»

И от этой мысли земля ушла из-под ног Шарифа.

Глава тринадцатая

1

Генерал Вагнер сидел, задумавшись, над сводкой о потерях корпуса в последних боях. Много, много потерь. Много офицеров вышло из строя. Убит командир дивизии Динкельштедт. Не дождался приказа о смещении. Умер командиром дивизии. Кто знает, может, и его, Вагнера, ждет такой же конец?

Вошел Макс Зонненталь, доложил, что привели русского пленного, схваченного вчера в лесу. Пленный? Это было редкостью в последнее время. Вагнер приказал ввести пленного.

В блиндаж втокнули Шарифа. Следом вошел и переводчик.

На Шарифе живого места не было.

Вагнер спросил адъютанта:

– Кто его так отделал?

– Наши артиллеристы, господин генерал.

– Эти идиоты вместо того, чтобы подвигать мозгами, пускают в ход руки! Когда в плен попадают лица нерусской национальности, обращаться с ними так же, как с русскими, в высшей степени глупо! Русских не исправишь. Но иноверцы... Грубое обращение с ними приносит нам вред. Среди них есть такие, которые не любят русских. Попадая в плен, они верой и правдой служат нам. Конечно, не сразу они делаются такими. Для этого нужно потрудиться.

Вагнер повернулся к переводчику.

– Передай, что я накажу всех, кто участвовал в его избиении.

Ни один мускул на оплывшем лице Шарифа не дрогнул при этих словах генерала. Начался допрос.

– Ну, что ж, давайте познакомимся, – сказал Вагнер с едва заметной презрительной усмешкой, – как тебя зовут? Как твоя фамилия?

– Шариф Рахманов.

– Национальность? Откуда ты?

– Азербайджанец. Из Баку.

– Значит, знаешь генерала Асланова? Служишь у него? В этой бригаде что, одни азербайджанцы служат?

Шариф промолчал.

– Из Баку! – хмыкнул Вагнер и пронзительно глянул в лицо Шарифа. – На свете нет человека, который не знал бы Баку. Нефть... Бакинская нефть!

В эту минуту Вагнер вспомнил наставления своего отца. Боже, как близко был этот Баку, когда они стояли на берегах Волги! «Подумать только, где мы были тогда, а куда откатились теперь!..» Вагнер вздохнул. И, возвращаясь к какой-то своей мысли, сказал снова:

– Я прикажу, чтобы никто тебя и пальцем не смел тронуть. Забудь что было. Сам понимаешь: война. Но даю тебе слово, что ты останешься жив и невредим до конца войны и после нашей победы вернешься к своей семье в Азербайджан.

Шариф делал вид, что слушает генерала, и переводчика, но думал он совсем о другом: со вчерашнего дня его держали голодным.

– Господин генерал, – сказал он, взглянув на генерала и переводя взгляд на переводчика, – раз уж вы так добры, то прикажите дать мне воды и чего-нибудь поесть, а потом можно продолжить разговор.

– Деловой подход, – засмеялся Вагнер. – Надо его накормить.

Шарифа отвели в соседнюю комнату, принесли кусок колбасы, хлеб. И Шариф, не оглядываясь, в несколько минут покончил с едой, хотя намеревался растянуть это дело хотя бы на полчаса, чтобы обдумать свое положение. Потом он выпил подряд два стакана воды, и вновь предстал перед генералом. Но тот как будто потерял к нему всякий интерес, только

сказал:

– Зонненталь, займитесь им, и сделайте, что я предлагаю.

Адъютант вывел Шарифа в другую комнату.

– А теперь перейдем к делу.

– Чего вы от меня хотите? Разве не все? Я пленный, и сознаю это.

– Ты в плену, и ты есть живой. Поэтому читай вот эта бумага и ставь своя подпись, больше от тебя никто ничего не потребует, будешь жить себе... э-э, как это? а, припевая... – и Зонненталь подал Шарифу исписанный листок бумаги.

Шариф читал, а голова у него пылала.

«Мои боевые товарищи, – значилось в бумаге, – с вами говорит Шариф Рахманов. Я нахожусь в плену у немцев. Но это только название, что в плену, – я как дома, и чувствую себя совершенно свободно. Вы знаете, как я попал в плен. Но я не жалею о таком повороте в жизни и пользуюсь случаем, чтобы открыть вам правду. Я долго думал, мои дорогие товарищи-танкисты, над своим положением, вспомнил всю свою жизнь, и, наконец, понял, что напрасно проливал свою кровь. Теперь мы как будто побеждаем, но ведь это временные успехи. Немцы измотают наши силы, рано или поздно исправят положение, соберут резервы, пустят в ход новое оружие и, как в сорок первом году, перейдут в наступление, тогда нам не устоять...»

Шариф не стал до конца читать эту бумагу, положил ее на стол и опустил голову: только пленному можно сунуть под нос такую грязь! Лучше бы ему умереть, чем дожить до этого.

Зонненталь внимательно следил за поведением пленного.

– Здесь не написано ничего такого, что могло бы вызвать недоумение. Читай, и подпиши.

– Я не могу подписать такую бумагу!

– Ну, ладно, я понимаю: подпись есть подпись, документ для история. Не надо подписат. Надо только три, два раза читать, чтобы запомнить, а потом будете говорить перед микрофон.

– По радио?

– Да, мы отвезем тебя такое в укрытое место, недалеко от передний край, там ты спокойно будешь сидеть и это читать. И на этом все кончится.

Выступить по радио, прочесть такую бумагу!.. Они что, за предателя его принимают? Небось, думают, что все, согласен Шариф, уже на «ты» перешли? А что я двоих ихних укокошил, они забыли?

Зонненталь выжидающе смотрел на него.

– Если я это сделаю, вы меня не убьете?

– Конечно, нет. Я даем слово. Генерал дал слово!

– Тогда и я даю слово, что прочту это по радио. Однако написано это не так. Так нельзя агитировать людей. Если разрешите, я добавлю несколько веских слов. Если они вам не понравятся – вычеркнете.

– Если ты имеешь убедительный довод, мы не возражаем, давай, согласился Зонненталь.

– Тогда разрешите мне примоститься где-нибудь и изложить свои мысли.

– Сколько надо для этого времени?

– Самое большее – час.

– Хорошо, – сказал Зонненталь, но часовому поручил следить за пленным в оба: – По виду это большой плут.

Шарифа привели в комнату, где недавно его кормили. На минуту он попытался представить, как слушали бы его выступление по немецкому радио товарищи... Вообще, что они о нем думают? Вспоминают ли? Ищут ли? Если Павлов уцелел, там, в бригаде, считают его погибшим. Половину дела он все-таки сделал: корректировщиков вражеских ликвидировал. Но в бригаде об этом могут и не знать. «Ну, ладно, а что делать с этим

поганым листом? Порвать? Сразу меня прихлопнут. Ну, и что? Дети по мне не заплачут, жена вдовой не останется, – решил он. – Но неужели так сразу и закрыть глаза? Нет, насколько хватит сил и умения, буду морочить этих подонков! Или я не сын своего отца?!»

Он выглянул в окно – под окном прогуливался автоматчик. У дверей стоял другой. Будь хоть дьяволом, ничего не придумаешь, не вырвешься, не убежишь.

А отведенное время таяло, как воск на огне. Положив перед собой сочинение Зонненталья, Шариф покачал отяжелевшей головой. Подумать только, к чему эти подлецы вынуждают, а? Так я и разбежался. Эх вы, дурачье! Он попробовал карандаш и внизу печатного текста что-то нарисовал жирной линией. Поколебавшись немного, решительно постучал в дверь.

– Скажи офицеру, – крикнул он охраннику, – я свое дело кончил.

Зонненталь, небрежно облокотись о стол, курил сигарету. Он взял у Шарифа листок с обращением, долго с изумлением глядел в него, потом вдруг вскочил и закричал, тыча пальцем в бумагу:

– Это что? Что, я спрашиваю?

– Как что? Верблюд, – и Шариф движением руки обрисовал в воздухе верблюжьи горбы.

– Но наш разговор не имеет отношений к этот горбатый зверь!

– Имеет, – спокойно возразил Шариф. – Это окончание моего выступления. Не пойму, зачем вы сердитесь?

– Что значит этот рисунок? – Зонненталь чувствовал, что его дурачат, но в чем суть дела, понять не мог, и от этого рассвирепел, ухватил Шарифа за горло.

Шариф укоризненно покачал головой.

– Ай-ай-ай, господин офицер... Такой культурный на вид, а разговаривать не умеет. – Шариф медленно снял руки Зонненталья со своей шеи. – Я же сказал, что выступлю по радио. А когда? Об этом мы ведь еще не говорили? А вот когда... – Шариф разгладил на столе бумажку, взял карандаш и большими буквами написал под рисунком: «Когда хвост верблюда коснется земли».

И подвинул бумажку Зонненталю. Но ни Зонненталь, ни переводчик прочесть написанное Шарифом не могли – Шариф написал по-азербайджански.

– Что это значит, что? – в ярости орал Зонненталь. И вдруг успокоился. Подошел к Шарифу, сказал: – Переведи это на русский язык.

– А что переводить? Я написал: «Когда хвост верблюда коснется земли». И все.

– И все? – Зонненталь никак не мог взять в толк смысл этого загадочного выражения, но чувствовал, что пленный над ним издевается. А потому, подойдя к Шарифу вплотную, он вдруг наотмашь ударил его по лицу.

Шариф от удара стукнулся головой о стену, в глазах у него потемнело. Но утвердившись на ногах, он откинул со лба потные волосы, стер кровь с разбитой губы и тихо, но со значением сказал:

– Это значит, что я прочту по радио ваше обращение только тогда, когда хвост у верблюда вырастет до земли. А он не вырастет никогда, поняли, бараны вы этакие?

Немцы, наконец, поняли.

– Увести, – сказал Зонненталь. – И бить, до тех пор, пока не поумнеет. Тогда прочтет обращение, не дожидаясь, пока у верблюда вырастет длинный хвост.

Шарифа увели. Били его до потери сознания. Облили водой, спросили:

– Согласен?

– Я же сказал. Мужчина у нас говорит только раз, и слово свое не меняет!

К утру зарядил дождь. Часовой под окном ходил нахохленный, как мокрая курица. Он подремывал. Но что поделаешь, у дверей стоит еще один, и не дремлет, подлец.

Шариф, зверски избитый, лежал на голом полу. Даже мать родная не узнала бы его теперь. Полное румяное лицо стало как маска. Над бровью ссадина, синяки под глазами. На лицо Шарифа легла тень смерти. В горле пересохло, язык вспух; тупая боль медленно растекалась по телу от головы до ног.

Шариф знал, что доживает последние часы своей жизни, скоро его расстреляют, и мысли его были далеко-далеко от того места, где он лежал.

Он не хотел умирать, да еще такой бесславной смертью, в руках врагов, вдали от друзей-товарищей, в неизвестности. Но что поделать? Сам ли он виноват, война ли, судьба ли – кто знает, а умереть придется.

В низкое оконце заглянул рассвет. Мелкий дождь сеял еще за окном. Шариф заметил, как сменились часовые.

С улицы послышался шум машин. Шариф очнулся от своих невеселых мыслей. Кое-как поднявшись, он выглянул в окно, забранное железной решеткой. Из машины, остановившейся перед домом, вышли Зонненталь и переводчик. Шариф знал, что они приехали за ним. Повезут на расстрел. Скоро он станет жертвой одной-единственной пули. Как мало надо, чтобы убить человека...

Загремел замок на дверях. С улицы послышались голоса. Шариф пожалел, что не знает немецкого языка. Он хотел знать в эти тяжелые и напряженные минуты, что говорят о нем враги.

Шарифа вытолкнули наружу. Офицер-переводчик, подойдя поближе, сказал:

– Соберись с умом и перестань упорствовать. Пожалей самого себя. Пока не поздно, соглашайся прочесть обращение по радио. Иначе тебе расстрел.

Шариф взглянул на офицера и на солдата, уставившего дуло автомата ему в грудь.

– Я все сказал.

– Ах, так... Значит, умереть хочешь, собака!

– У собаки на шее ошейник бывает, бегают то за тем, то за другим – у кого поводок. Этой чести пока что ты удостоился.

– Замолчи, негодяй! – переводчик пнул Шарифа в живот. Потеряв равновесие, Шариф упал. Зонненталь подал знак – пора уходить, времени нет.

– Хватит потакать капризам этого зверя, – сказал он солдатам, отведите и кончайте!

Шариф корчился от боли в животе и не мог встать. И получил еще один пинок от солдата.

Кое-как, помогая себе руками, Шариф поднялся: надо встать и стоя принять смерть. Но, встав, он тут же сел.

Его поднимали пинками и прикладами. Но не от ударов он поднялся на этот раз, усилием воли заставил он себя подняться. Охватил руками живот: что-то страшное сотворил сапог переводчика, от боли хотелось выть. Но не мог он кричать перед этими псами, облегчить криком адскую боль.

Наверно, после всего, что с ним сделали, он был не похож на человека. Опухшее, синее от кровоподтеков и ссадин лицо, заплывшие глаза, спутанные волосы... Изодранные штаны и гимнастерка. Шея и грудь в багровых полосах. Даже эти гады в мышинных мундирах избегали глядеть ему в лицо, так он был страшен, и спешили покончить с ним. Солдат, которому отвели роль палача, автоматом указал ему: иди.

Шариф опухшими перебитыми пальцами поправил волосы. Дождь, затихая, кропил его по голове, по лицу, по плечам, смывая кровь и грязь...

Вошли в лес, прошли несколько десятков шагов. Шариф оглянулся: они были один на один с немцем. Немец леса боится, далеко не пойдет. Шариф глянул под ноги. Дорога шла меж деревьев, перескакивая через их выпирающие корни. И за первый же корень он запнулся и упал, а немец от неожиданности нажал на спусковой крючок автомата. Шариф крутнулся на земле и дернул солдата за ногу; тот упал, нелепо взмахнув руками; автомат оказался на земле. Шариф не мог дотянуться до него рукой и оттолкнул ногой, чтобы немец тоже не мог его достать.

И они схватились в смертельной схватке. Катаясь по земле, били друг друга куда попало. От ударов немецкого солдата Шариф совсем обессилел. И тогда, уже лежа под немцем, он сгреб рукой комок грязи, швырнул немцу в лицо, и пока тот протирает глаза, Шариф, ударив его в челюсть, откинулся в сторону и нашарил под кустом автомат.

В удар автоматом он вложил все остатки сил. Сердце бешено колотилось в груди – или сейчас выскочит, или разорвется, дыхание перехватывало, кровь, мешаясь с грязью, залила лицо и мешала видеть.

Немец перестал дергаться и затих. Он уже не вернется к своим, не доложит Зонненталю, что приказ выполнен. Но в части его хватятся. И не уйти от погони...

Шариф отполз с тропы. Между деревьев, в яме, выстланной палыми листьями, стояла вода. Шариф жадно приник к луже и пил, пил без конца. Потом ополоснул лицо и руки. Вот теперь можно и умереть.

3

Мчавшийся лесом «Волжанин» вдруг сбросил скорость и свернул на обочину дороги. Терентий сказал братьям:

– Смотрите вправо. Кто-то лежит. По одежде – наш...

– Откуда тут быть нашим? Мы – первые здесь, а пехота далеко позади.

– Полад, выглянь-ка, – сказал Аркадий. – Только осторожно, осмотришь.

Полад подошел к человеку, лежавшему под кустом. Человек был мертв.

Полад невольно отпрянул. Он впервые видел так близко обезображенное побоями, смертью и временем лицо.

Махнул отяжелевшей рукой товарищам.

– Идите сюда. – И когда Колесниковы подошли, сказал: – На Шарифа похож.

– Шариф Рахманов? Не может быть!..

Аркадий Колесников внимательно осмотрел все вокруг. Около трупа он нашел клочок отсыревшей бумаги. Повертел ее в руках.

– Что-то написано, а что, не пойму – не по-нашему. Бумажка пошла по рукам и дошла до Полада.

– Я не ошибся, – сказал он тихо. – Это Шариф... На клочке бумаги было неровным почерком нацарапано всего несколько строк. «Братья мои, меня вот-вот расстреляют или я сам умру от побоев. Я не был примерным солдатом, доставлял вам много хлопот. Есть за мной и грехи. В плен я попал по неосторожности, хотя наблюдателей немецких ликвидировал. Тут склоняли меня к измене. Просчитались. Я знаю, что умру, но испытание я выдержал и умру как мужчине умирать подобает. Простите, если в чем-то перед кем виноват. И исполните мою единственную просьбу: не пишите матери, что погиб. Она не выдержит, я у нее один... Прощайте».

Подошли другие машины. И экипажи Колесникова и Тарникова принялись рыть могилу. Завернули Шарифа в плащ, стали опускать в яму, но тут подъехал генерал, обеспокоенный тем, что танки стоят на дороге.

– В чем дело? Почему остановились? Что тут делается?

– Да вот обнаружили труп Шарифа Рахманова, товарищ генерал... Хороним.

Комбриг тотчас вспомнил, что посылал какое-то время тому назад разведчиков найти и ликвидировать вражеских корректировщиков, – немецкая артиллерия очень досаждала танкистам. Разведчики ушли и не вернулись, хотя огонь немецкой артиллерии ослабел, да и били немцы уже не прицельно.

И вот, прояснилась судьба одного из разведчиков.

Асланову показали записку Шарифа. И пока генерал читал ее, Шариф лежал на краю могилы и, казалось, слушал, что о нем говорят.

Генерал распорядился произвести салют.

Постояв над могилой, танкисты пошли дальше.

И никто из них не узнал, как развивались события с той минуты, как Павлов и Рахманов расстались.

А Павлова немцы выследили еще раньше, чем Шарифа, и он, отводя врагов на себя, погиб в лесу, в перестрелке. Никто не узнал, о каких – таких грехах писал Шариф в своей записке. Осталось тайной и то, чего добивались от него немцы.

Никто не узнал и о том, что, покончив со своим палачом, Шариф долго отбивался от немцев пока не кончились патроны.

Но одно знали танкисты о Шарифе Рахманове: он был солдат и принял смерть по-солдатски.

Глава четырнадцатая

1

Осенью сорок четвертого года по указанию фашистских властей семьи высшего офицерского состава немецкой армии из восточных районов Германии переезжали на запад – поближе к границам с Францией, Бельгией и Голландией.

Семья генерала Вагнера тоже переехала из Пархима на запад и поселилась в небольшом городке Тюбинген, южнее Штутгарта. Дом, выделенный для семьи Вагнеров, не понравился им, но Герта и свекор, старый Людвиг, решили запастись терпением и ожидать окончания войны. Старый Людвиг примирился с ужасной мыслью, что Германия проиграла войну. Каким будет послевоенное устройство побежденной Германии? Смогут ли они снова вернуться в родной Пархим? Найдет ли применение своим силам Густав Вагнер, его единственный сын? Мысли об этом ни на час не оставляли старика. Правда, радио вещало, и порой он читал в газетах об улучшении позиций немецкой армии на фронтах, эти сведения печатались всегда крупным шрифтом, – но старик уже ничему не верил, и бодря информация выводила его из себя. Не трогали его и успокоительные письма сына. «Зачем он это пишет? – спрашивал старик. Германия обложена со всех сторон, русские стоят у ее ворот, Берлин у них на рабочих картах, а он меня утешает, словно ребенка. Будто я ничего не знаю».

Старый Людвиг на новом месте был уже не так придирчив к своей невестке, потеплел к ней. Подобная перемена в отношении старика к Герте объяснялась просто: Людвиг старался закрыть глаза на недостойные поступки невестки, не желал слышать ничего о ее проделках, смешно было ограждать ее нравственность на фоне общего падения нравов! Пусть сын об этом думает! А он старый человек, Герта все равно его не послушает и отвернется от дому совсем, тогда он останется один, а одному в его годы страшно.

Старый Людвиг до эвакуации надеялся, что проживет еще несколько лет, а теперь со страхом ждал смерти – в чужом городе, среди чужих людей. Мысли о покинутой усадьбе в Пархиме не давали старику покоя.

– Эх, Герта, Герта, – говорил он невестке, – посмотри, что делается! Наплодили бездарных фельдмаршалов, которые только и знают, что вешать на грудь кресты. Погубили такую могучую армию! А в тылу? Согнали с родных гнезд тысячи семей, подобных нашей. И вот оставили люди все свое имущество на попечение военных властей. Разве они не разграбят все за милую душу? А чем тут безопаснее Пархима? Разве бомбы и пули американцев и англичан не способны убить человека? Пуля есть пуля, какая разница, откуда она летит? Чем гибнуть от голода и мучений тут, на чужбине, лучше умереть под русскими бомбами в Пархиме. Хоть кости наши похоронили бы в родной земле.

– Кто мог знать, что тут плохо? Когда отправляли, каких только обещаний не было! Все, говорили, вы там получите, все у вас будет, ни в чем нуждаться не станете. И вот приехали, а тут и внимания не обращают на генеральскую семью, – сетовала Герта.

– Кто теперь считается с генералами, дочка? Все знают, что война проиграна, вот

каждый и думает о своей шкуре.

– А нельзя ли вернуться? – спросила Герта, стоя у окна и глядя на улицу.

– Наверно, нельзя. Все поезда, идущие от Берлина на восток, забиты войсками. Везут технику, боеприпасы. А на машине ехать опасно: дезертиры свирепствуют на дорогах, по лесам прячутся; недолго и попасть в руки этих зверюг. Придется тут переждать эту беду. Здесь хоть спокойно пока.

Однако это относительное, утешавшее старика спокойствие вскоре было нарушено: отступавшие фашистские войска докатились и до городов, считавшихся тыловыми. Гражданским, особенно эвакуированным, стало трудно дышать.

– Эти военные еще похлеще тех, с которыми нас сталкивала судьба, жаловался Людвиг. – Наглецы, нахалы... Вороватые такие... Да-а, в войну всякий мусор на поверхность всплывает. Человек, решивший стать военным, идет навстречу опасности... Если надо, он должен пожертвовать собой. Так в мое время считалось. А теперешние военные, на кого они похожи? Погубили нашу славу. Даже вовремя не сумели завершить войну с Россией, поставили страну между молотом и наковальней. Теперь только о своей шкуре думают...

Но чего не бывает на свете? Буквально через несколько дней хозяин дома, где квартировали Вагнеры, в смятении прибежал к старику: в город пришли новые воинские части, солдат уже разместили, теперь размещают офицеров, и, согласно приказу начальника гарнизона, в каждый дом определяют на постой одного, а то и двух-трех лиц офицерского звания, что делать? Людвиг Вагнер разозлился, представив, что будет в доме, попытался было объяснить, что у них и без того тесно, а он, отец генерала, болен, но его даже не выслушали до конца, пришлось потесниться и принять в дом постояльцев, а недели через две старик даже подружился с ними, да и у Герты с офицерами установились ровные, дружеские отношения.

Вскоре папаша Людвиг получил письмо от сына – первое после переезда на запад, и старик с Гертой так обрадовались, что через час весь дом знал об этом письме, и вечером старший из офицеров, майор, поздравив Герту и Людвиг, предложил устроить по этому поводу небольшое, как он сказал, торжество, достал из чемодана бутылку рома, распили ее вчетвером, а точнее сказать, одни офицеры; больше всего налегал на ром молодой обер-лейтенант, детина почти двухметрового роста. Он все чаще и чаще поглядывал на Герту, взгляды его были все откровенней, Герте делалось как-то щекотно от этих взглядов. Но, слава богу, обер ушел по делам, майор и Людвиг тоже завалились спать, все стихло. Герта ушла к себе, но ей не спалось, потому что она спала днем. Открыв недочитанный роман, она пыталась сосредоточиться на нем и в конце концов углубилась в чтение, хотя время от времени жадные взгляды обер-лейтенанта вспоминались ей.

Было уже два часа ночи, когда звякнул звонок. Надев халат, Герта спустилась вниз, спросила, кто там, и получила через дверь ответ, что это он, квартирант, обер-лейтенант Фридрих Мюллер.

Обер-лейтенант подчеркнуто тщательно вытирал сапоги.

– Если бы я знал, что поздним своим возвращением потревожу ваш сладкий сон, фрау Вагнер, я переночевал бы где угодно, хоть на улице.

– Что вы, что вы, господин обер-лейтенант, я ведь еще и не спала.

Обер-лейтенант был в сильном подпитии. Он возвращался с вечеринки по случаю дня ангела своего друга, служившего в другом полку.

– Причина моего опоздания – уважительная.

– Мужчины мастера находить уважительные причины, – засмеялась Герта, но, однако, не преминула пожуричь обер-лейтенанта. – Но вы человек военный, должны спать вовремя, спать положенный срок, потому что у вас – служба.

– Вы правы, фрау Герта, я так бы и поступал, но я одинокий человек, меня никто не ждет... Вот ваш муж – он человек счастливый, – обер-лейтенант ожег жадным взглядом ее белую, высокую грудь.

– Почему вы так решили?

– Потому что его ждет жена, такая красавица. При одном взгляде на вас любой мужчина теряет голову.

– Вы делаете мне комплимент, господин обер-лейтенант. Но вы, кажется, пьяны, и поэтому ведете такой вольный разговор. Идите, вам надо выспаться.

– Я знаю, вы не впервые слышите комплименты, привыкли к ним, но меня заставляет так говорить не вино, нет, фрау Герта, не вино...

Они стояли в прихожей. Обер-лейтенант снимал фуражку и шинель; с первой попытки он не мог повесить их на вешалку. Наконец, это ему удалось, и он подошел к Герте, стоявшей у окна и делавшей вид, что разглядывает ночной город. Мюллер впервые оказался рядом с этой женщиной, которую ее свекор с утра до вечера ухитрялся не оставлять наедине, а потом она запиралась в спальне. Но, бог мой: она стоит, не уходит, и это что-то значит, обер-лейтенант Мюллер! Он смело подошел к женщине и положил ей руку на плечо. Потом, уже увереннее, опустил руку на талию и наклонился, чтобы поцеловать ее в шею, но Герта уклонилась от поцелуя, отвела с талии руку Мюллера и сказала будничным тоном:

– К чему такая фамильярность, господин обер-лейтенант? Вы пьяны. И мы не одни. Папаша Людвиг проснется, или майор – будет стыдно.

– Но, фрау Герта, позвольте побыть с вами немного, не бойтесь, все спят, пушками не разбудишь.

– Спокойной ночи, обер-лейтенант. Вы слишком многого хотите, не забывайте о приличиях.

Мюллера остудил ее тон. Он видел, как Герта скользнула в свою комнату; щелкнул замок. Все! Тут только обер-лейтенант, оставшись один, почувствовал острое сожаление и обозвал себя болваном. Не надо было отступать! Старик спит! Майор развалился на диване, как свинья. Тоже спит!

Мюллер выпил стакан воды, голова закружилась, будто опрокинул стакан шнапса. Захотелось неудержимо еще раз увидеть Герту. Он прошел на цыпочках через столовую и, наклонившись, заглянул в замочную скважину. Герта была в постели.

– Герта!.. Гер-та... – прошептал Мюллер в замочную скважину.

Герта не откликнулась. Этот сумасшедший переполошит весь дом. Она встала, чтобы его отчитать. Увидев ее почти голой, Фридрих чуть было не выломал дверь.

– Открой, Герта, прошептал он в замочную скважину.

– Идите спать. Если не послушаетесь, я больше на вас не взгляну.

И она опустила заслонку над замочной скважиной. Обер-лейтенант, несолоно хлебавши, пошел в свой угол и вскоре захрапел.

2

Наутро Людвиг Вагнер по пути на базар зашел в собор и сделал пожертвования бедным по случаю приятных вестей от сына.

Вечером снова выпили с майором вина, Людвиг Вагнер пришел в страшное возбуждение, произнес пламенную речь о непобедимости немецкой армии, которая вернет себе славу, не допустит нарушения немецких границ и одержит победу... Потом он вспомнил о сыне, генерал-лейтенанте, который унаследовал военный талант от отца... Потом старик вспомнил свою службу и стал распространяться о том, какие чудеса храбрости и отваги проявил в свое время он, Людвиг Вагнер, на Кавказе.

– Мой сын, – фальцетом вещал он, – снова дойдет до Кавказа... Нефть будет наша. Азиаты будут работать на нас!

Наконец, он кое-как утомился.

Герта, раздосадованная пьяными выкриками свекра и майора, не спала, ждала обер-лейтенанта: она знала, что Мюллер вернется в двенадцать часов ночи. Но шел первый час, а его все не было. Чем слушать этих выживших из ума стариков, лучше поговорить с обер-лейтенантом. Он, конечно, свинья, но так молод... И он наверняка попытается к ней

пройти. Пусть. Жизнь и так проходит, а что она видит от жизни?

И Герта не стала запира́ть дверь.

Обер-лейтенант явился пьяный в дым и едва держался на ногах. Герта на цыпочках подошла к двери.

– Это вы? – шепотом сказала она и укоризненно покачала головой. – Разве можно столько пить?

Обер-лейтенант говорил громко. Чтобы звуки не доносились до комнаты, где спал майор, Герта закрыла приотворенную дверь.

– Герта, мой ангел, – обняв Герту, обер-лейтенант поцеловал ее. Потом, словно опомнившись, стал лепить смачные пьяные поцелуи в рот, нос и шею, в грудь он впился зубами, и боль пересилила в Герте желание, она пыталась высвободиться из железных объятий, но он только распалялся от этих попыток и, наконец, приподняв ее, повалил на паркет. Ужасная боль в ободранном локте заставила ее закричать.

– Папа Людвиг! Господин майор!..

Обер-лейтенант рвал на ней халат и сорочку; подолом халата заткнул ей рот, и уже почти добился своего, когда Герта, столкнув его с себя, выдернула изо рта кляп и истошно завопила:

– Пусти! Папа Людвиг! Господин майор! Спасите!

– Если даже сам фюрер сюда прибежит, я тебя невыпущу! – хрипел обер-лейтенант.

Герта ускользала из его рук.

– Подлец, подлец!

На ее крики и грохот в комнате проснулись майор и старый Людвиг. Картина, которая открылась им, ошеломила обоих. Герта, почти голая, в обрывках одежды, и обер-лейтенант в расстегнутых штанах катались по полу.

– Негодяй! – заорал майор, схватив обер-лейтенанта за ворот мундира. Встань, подлец!

И обер-лейтенант, отпустив Герту, встал. И нанес майору такой молниеносный удар в челюсть, что майор отлетел в сторону, ударился о дверь и растянулся на пороге. В руке обер-лейтенанта сверкнул пистолет.

– Не подходи, убью!

Майор выкатился в другую комнату и через мгновение вернулся с пистолетом в руке.

– Бросай оружие! Отпусти женщину!

Обер-лейтенант отскочил в угол.

– Во-он, старая крыса! Я сейчас продырявлю тебе толстый живот!

Майор, с удивительным проворством уклонившись от возможного выстрела, бросился на обер-лейтенанта. Но Мюллер успел выстрелить, пуля попала в Герту, которая как раз кинулась бежать. Герта, согнувшись, рухнула прямо в дверях.

Майору удалось выбить из рук обер-лейтенанта оружие.

– Руки, руки вверх!

– Что ты наделал? Что ты наделал? – вскричал старик Людвиг, глядя, как красное пятно расплзается по животу и искусанной груди невестки. – Что ты наделал? – спросил он еще раз и упал рядом с Гертой.

На звуки выстрелов прибежал патруль. Майор передал им вмиг протрезвевшего обер-лейтенанта.

Военный суд рассматривал подобные дела быстро. А покушение на честь и жизнь жены генерала только ускорило дело.

Герта не дожидая следующего дня.

Старый Людвиг в бессознательном состоянии был доставлен в больницу.

Глава пятнадцатая

Генералу Вагнеру не сказали правды об обстоятельствах смерти его жены потом когда-нибудь он все узнает, сейчас ни к чему смущать генерала. Сообщили: получила ранение при бомбежке и скончалась. А несколько дней спустя сочли необходимым известить и о болезни отца.

Из госпиталя сообщали, что отец генерала, Людвиг Вагнер, разбитый параличом, находится в тяжелом, кризисном положении.

Это значило, что следовало навестить отца.

Но Вагнер знал, что командующий группой едва ли разрешит ему отправиться в тыл. Тем не менее, для очистки совести, генерал доложил генерал-фельдмаршалу о своих грустных делах. Тот выразил сочувствие и обещал переговорить с Берлином. Вагнер предполагал, что ответ на просьбу будет отрицательный, однако еще не терял надежды. Генерал-фельдмаршал оказался верен своему слову, с Берлином связался и вскоре сообщил, что, к сожалению, отлучиться от дел генералу не разрешили.

– Вы поймете меня, генерал... – сказал он.

– Я вас понял, господин генерал-фельдмаршал. Спасибо за сочувствие.

Значит, невозможно даже увидеть отца, который, судя по всему, вот-вот умрет? Что останется в его жизни с уходом отца? Ничего и никого.

Вагнеру вдруг решительно все осточертело. Заливались продолжительными трелями два телефона. Вагнер долго не брал трубку. Потом зазвонили сразу оба. И оба замолчали. Только тогда Вагнер встревожился, стал ждать звонка. Наконец, раздался звонок – долгий, тревожный, недобрый. Вагнер взял трубку. Сквозь треск и шум к нему пробился голос нового командира дивизии, заменившего убитого Динкельштедта: русские танки прорвали в нескольких местах линию обороны, их невозможно остановить...

– Ждите, сейчас приеду! – Вагнер бросил трубку и стал одеваться.

Задышавшись, в комнату ворвался адъютант. Увидев генерала одетым и опасаясь, что придется куда-то ехать, с порога выложил всю правду:

– Господин генерал, наша оборона прорвана. Части первого эшелона не могли остановить продвижение вражеских танков. Их некому остановить, и они вот-вот будут здесь. Начальник штаба сказал, что, согласно донесениям командиров дивизий, русские стремятся обойти корпус с флангов. Может быть, господин генерал сочтет возможным сменить дислокацию штаба и командного пункта? Боюсь, мы не успеем отступить в порядке...

– Зонненталь, машину!

– Машина у дверей, господин генерал.

Вагнер сел рядом с шофером. Адъютант сел позади.

– Куда ехать, господин генерал?!

– На передний край.

– Господин генерал... Вы рискуете собой... – сказал Зонненталь, плотно захлопывая дверцы машины. – Надо, не теряя времени, отходить.

– Не учи меня, Зонненталь, я прекрасно знаю, что надо делать. – Он строго глянул на водителя. – Поехали!

Водитель вырулил на знакомую дорогу. Было сыро и холодно, вот-вот мог пойти снег. Вагнер, подняв меховой воротник шинели, сунул руки за пазуху и, нахмурившись, зорко глядел вперед. Нигде не было видно ни своих, ни, тем более, советских танков, и генерал несколько раз гневно и выразительно глянул на Зонненталья. Адъютант боялся открыть рот и только удивлялся, что в такой неясной ситуации обычно спокойный и рассудительный генерал не нашел ничего лучшего, как поехать на передний край, которого уже нет...

Влетели в пустое селение, в котором располагались тылы одной из дивизий. На развилке дорог не было регулировщиков.

Водитель затормозил, предчувствуя неладное. Но поздно: справа, из-за домов, раздалась автоматные очереди.

Надо бы развернуться и уходить, но автоматы затрещали и сзади, водитель выпустил руль, машина ударилась о железный шлагбаум и сползла с дороги. Зонненталь и водитель, быстро схватив оружие, вывалились из нее.

– Бежим, господин генерал, это русские!

– Зонненталь, это же наше село, – закричал все еще ничего не понимающий Вагнер.

– Было наше, теперь тут русские! Скорее, господин генерал! Вылезайте, я вас прикрою.

И Зонненталь распахнул дверь. На ходу вытаскивая пистолет, Вагнер вывалился из машины, побежал в сторону; Зонненталь отстреливался, прикрывая генерала, но с противоположной стороны улицы на дорогу выкатился русский танк. Немцы бросились за машину.

– Стой, – сказал танкист, стоявший в командирском люке. – Хенде хох! Бросай оружие!

Вагнер еще надеялся, что удастся ускользнуть, спрятаться за домами; Зонненталь и водитель ударили из автоматов по танкисту, и тот нырнул в люк. В тот же момент Вагнер почувствовал, как кто-то насел на него сзади и сдавил его горло. Вагнер успел крикнуть:

– Зонненталь!

– Молчи, каналья! – сказал Геннадий Колесников.

На вскрик генерала обернулся его шофер; его автомат брызнул очередью. Геннадий охнул и разжал руки на шее Вагнера, успев только сказать: «Ох, подлец!» Полад врезал в немецкого шофера полдиска и кинулся к Геннадию. Тот, пытаясь удержаться на ногах, схватился за дверцу немецкой машины, но ноги его не держали, и он медленно сполз на землю.

– Руки вверх! – закричал Полад Вагнеру, и тот послушно поднял дрожащие руки. Пистолет с глухим стуком упал на дорогу. «Здоровый верзила, – подумал Полад. – Вдвое больше меня... Пожалуй, один на один я не смог бы его одолеть».

Он не знал, что был на волосок от гибели – если бы Аркадий не пристрелил Зонненталь, лежать бы ему на земле.

– Охраняй пленного, – сказал ему Аркадий и кинулся к брату.

– Геннадий!

Но Геннадий молчал. Аркадий приложил ухо к груди брата, схватился за руку, но, взволнованный, не мог ничего определить: есть пульс или нет, дышит брат или уже не дышит.

Прибежал Терентий.

– Ранен. Не отзывается.

Вдвоем они положили брата на плащпалатку и понесли в танк.

– Подождите, – сказал Полад, – он же замерзнет. А ну, ты, снимай пальто, – крикнул он Вагнеру.

Когда Вагнер, кусая губы, снял шинель, танкисты ахнули:

– Это не простой офицер... Генерал, скорее всего...

– О, да, да, я генераль, – подхватил Вагнер, слышав знакомое слово.

Подходили другие боевые машины.

Уложив брата внизу, Аркадий велел Вагнеру сесть на место стрелка-радиста, а Полад сел за башней. Терентий развернул танк и подождал Аркадия, тот решил взять документы убитых Зонненталь и шофера.

– Давай скорее, Терентий!

– Некуда нам спешить, Аркаша, – ответил сразу Терентий. – Гена скончался...

– Что ты, Тереша?

– Он умер сразу. Еще когда на плащпалатку клали, он уже не дышал. Терентий подал вверх скомканное пальто Вагнера. – На, отдай этому убийце. Гене уже не холодно...

Голова Геннадия покоилась на коленях брата.

... Подошел на своей машине комбат Гасанзаде, узнал о гибели одного из братьев Колесниковых и отослал Вагнера с автоматчиками в штаб бригады. «Волжанин» уходил в ближайший тыл, но весть о гибели Геннадия опережала его, и вскоре уже вся бригада знала,

что братьев Колесниковых осталось только двое...

Аркадий, Терентий и Полад долбили ломами мерзлую землю.

Никто не лез помогать им – это их право, их горькая привилегия: копать могилу для брата и товарища.

Потом грянул залп, потом над могилой вырос земляной холм, над ним встала пирамидка со звездой, а на ней появилась дощечка с надписью: «Гвардии младший сержант танкист Геннадий Колесников».

Танкисты постепенно расходились. Аркадий, Терентий и Полад отошли от могилы Геннадия последними.

... Давно ли служит Полад в полку, а сколько уже увидел могил! И невольно он думает, что вот так, наверно, хоронили боевые товарищи и его отца... А, может, не успели и похоронить. Кто скажет, где его могила? Ведь погиб отец в сорок первом...

2

Вагнер сидел сгорбившись, как старик. С сорок второго года слышал он об Асланове; много раз сталкивались руководимые ими части в бою, и, конечно, Вагнер не раз думал, что рано-поздно увидит строптивого кавказца в плену, в своей власти. Рядовых русских пленных, в том числе и кавказцев, он уже видел, генерала видеть не довелось. И вот теперь Вагнер сидит с ним лицом к лицу.

Асланов моложе его, у него в распоряжении всего одна бригада и полк самоходок, а у него, Вагнера, корпус... И, однако, он, Вагнер, в плену.

Вагнер дымит сигаретой, взглядывает на Асланова и мучительно думает о том, как и почему это случилось? По стечению обстоятельств или по какой; иной причине роли переменялись?

Ждали переводчика.

Наконец, в дверях показался капитан, попросивший разрешения войти. Вагнер понял, что этого человека ждали, и вздохнул: сейчас начнется допрос.

Капитан сел за стол напротив Вагнера, положил перед собой русско-немецкий разговорник, сказал командиру бригады:

– Я готов.

– Спроси у генерала, понимает ли он бесполезность сопротивления? Сознает ли, что немецкое командование напрасно подставляет под пули немецких солдат?!

– К чему этот вопрос? – ответил Вагнер. – Мы имеем приказ, и мы его выполняем, вот и все. Скажите, что вам от меня нужно? Если желаете выведать что-то полезное для себя, то лучше сразу отказаться от этой мысли: я ничего не скажу, ничего не открою. Меня обыскали, документы у вас, из них вам известно, что я генерал-лейтенант Вагнер, команду танковым корпусом, и это все, что вы можете узнать. Больше я ничего не скажу. Так что не стоит тянуть волынку, если это в вашей власти, прикажите меня расстрелять!

Асланов спокойно выслушал резкий ответ Вагнера, сказал:

– Расстрелять? У меня такого намерения нет, господин генерал.

– А что же вы будете со мной делать? Пытать? Истязать?

На этот раз Асланов ответил резко и гневно:

– Это вы подвергаете людей пыткам и истязаниям, это вы, садисты, испытываете удовольствие и, может, наслаждение при виде людских страданий и нечеловеческих мук, которые для них изобретаете. Нет дела более мерзкого, чем мучить людей. И этим вы занимаетесь много лет. Но не смейте мерить нас на свой аршин!

Переводчик долго и усердно передавал Вагнеру сказанное Аслановым. Вагнеру нечего было возразить. И он спросил:

– Значит, убивать вы меня не собираетесь, пытать тоже не будете? Но вы что же, думаете, я вам так все и выложу? За кого вы меня принимаете?!

– Не торопитесь умирать, господин генерал. Умирать трудно. А вот убивать вам было

легко. Все равно что раз плюнуть. А мы пленных не убиваем. И умереть вам не дадим. Вы ведь не рядовой исполнитель, на вашей совести много чего... Вы будете отвечать перед судом, и справедливый суд определит вам меру наказания.

– Я солдат. Солдат, который сражался против вас. Я не боялся и не боюсь смерти. Прошу вас об одном: не тяните время, прикажите расстрелять меня.

«Знает, что не расстреляем, и теперь бравирует своей храбростью», усмехнулся Асланов.

– Если хотите жить, – сказал от себя переводчик, – то имейте в виду, что сведения, которые вы предоставите нам, будут учтены при решении вашей участи.

Вагнер, сунув руку в карман, поискал сигареты. Пачка была пуста. Асланов подвинул ему свои. Вагнер жестом дал понять, что не принимает от врага и сигарет.

– Если даже вы гарантируете мне жизнь, я и тогда не дам никаких сведений об армии, – сказал он твердо.

– И не надо, – усмехнулся Асланов, – мы достаточно знаем о вашей армии и о вашем корпусе от ваших же офицеров и нижних чинов.

Вагнер вдруг пожалел, что отказался от сигарет, предложенных Аслановым. Поколебавшись, он взял одну, прикурил и заговорил с неожиданной откровенностью.

– Хорошо. Сведений я не дам, и они вам не нужны. Однако, если бы я вас взял в плен, я бы с вами не так обращался.

– А как же? – смеясь, спросил Асланов.

– Я рассчитался бы с вами за все, что было на берегах Волги, под Сталинградом, под Верхне-Кумским и Котельниковым. Я не успокоился бы, пока вы и генерал Черепанов не испустили дух. Я приказал бы привязать вас к танкам и разорвать на куски!

– Военное искусство вы все чаще подменяете дикой злобой. И потому все чаще проигрываете сражения. И вот сидите сейчас передо мной, а не я перед вами, – сказал Асланов. – Но хватит. Познакомились с представителем немецкого генералитета. Не генерал, а дикий зверь. Отвезите его в штаб соединения, там народ терпеливый, что нужно, узнают. – И, не взглянув больше на пленного, Асланов надел шинель: – Идем добивать ваш корпус, господин Вагнер. Ждите: скоро вам будет веселей, я надеюсь, кое-кого из ваших соратников выудим!

На крыльце Асланова встретил Смирнов.

– Товарищ генерал, подполковник Пронин погиб...

– Как? Где?

– Его танк наскочил на мину.

Генерал, пораженный известием о гибели старого боевого товарища, с минуту стоял молча.

– Труп подполковника только что привезли в штаб.

Глава шестнадцатая

1

Зима выдалась трудная. Затянуло льдом латвийские болота и топи. Свирепый северный ветер нагнал с Балтики волну холода; разбитые дороги сковало морозом, земля стала неподатливой, крепкой, как кость.

В этих условиях войска Первого Прибалтийского фронта, перешедшие в наступление левым флангом, зажали в тиски две немецкие армии, входившие в состав группы армий «Север», между городами Тукумс и Либава, и прервали связь между этими армиями и немецкими войсками в Восточной Пруссии. Немцы поддерживали связь с окруженной Курляндской группировкой только через бухту Мемель, морским путем.

Курляндия стала последним опорным пунктом немцев в Прибалтике, и фашистское

командование стремилось удержать ее любыми средствами. Были созданы мощные опорные пункты в этих удобных для обороны лесистых болотистых местах.

Чтобы соединиться со своими войсками в Восточной Пруссии, войска Курляндской группировки предпринимали яростные атаки; навстречу им пробивались немецкие части из Восточной Пруссии. Преодолевая яростное сопротивление врага, войска Первого Прибалтийского фронта успешно продвигались, занимая все новые города и населенные пункты Восточной Пруссии, а Курляндская группировка немцев все еще продолжала оказывать упорное сопротивление.

Танкисты Асланова, наступая со стороны Литвы, освободив Тукумс, вышли к Рижскому заливу. Теперь на очередь встала задача разгромить шестнадцатую и восемнадцатую армии группы «Север». Бригаде Асланова предстояло принять участие в этой операции.

Черепанов обещал Асланову, что после выполнения этой задачи бригада будет выведена на отдых, а ему самому будет предоставлен краткосрочный отпуск.

Закончив неотложные дела в штабе, Асланов при свете дрожащего пламени «катюши» писал ответ довоенному другу своему Сироте. После освобождения Белоруссии Сирота несколько месяцев лежал в госпитале, был комиссован, признан инвалидом, получил пенсию и жил вместе со своей семьей в станице Славянской. Так, совершенно неожиданно для Сироты, закончились его попытки вернуться в армию. Теперь он с трудом привыкал к мирной жизни. Асланов никогда не забывал своих обещаний. Он помнил, что и Сироту еще до войны звал в Ленкорань, и семье Сироты советовал туда поехать. Мало, мало остается у него друзей, и как не воспользоваться возможностью встречи? Вот он скоро поедет домой, – так пусть к этому времени едет туда и Сирота с женой, побудем вместе, службу довоенную вспомним, друг на друга поглядим...

«Приезжайте, Сергей, с женой и детьми, отдохнем хоть несколько дней», писал он.

В комнату, отряхивая снег с полушубка, вошел начальник политотдела бригады Филатов.

– Добрый вечер, товарищ генерал.

– Добрый вечер, – Асланов отложил конверт, повернулся к Филатову. – Ну что, холодно?

– Страшный мороз. Вдобавок, сырой.

– Добить бы их в Курляндии и уйти на другой участок. Мне тоже эта холодина и сырость осточертели.

– Здорово укрепились немцы. Похоже, готовятся встретить тут и весну. А если до весны их в море не столкнем, тут все потонет в болотах...

– Командование занято Восточно-Прусской операцией; о нас как будто забыли. Но, думаю, до весны мы с немцами тут покончим.

– Да, но когда это будет? – Филатов помолчал. – Ази Ахадович, сегодня какое число?

– Что, – удивился Асланов, – не знаешь, какое число? Двадцатое...

– Значит, до двадцать второго остается чуть больше суток... Ну, а вы-то разве не помните, что это за день – двадцать второго?

– Ты какими-то загадками говоришь, Михаил Александрович.

– А еще говорят, Асланов все помнит! А он день своего рождения забыл! А мы вот помним, что послезавтра нашему комбригу исполняется тридцать пять лет. Круглая дата. Офицеры штаба и управления решили ее отметить.

– Голова так забита, что я, действительно, и не вспомнил бы, – смутился Асланов. – Тридцать пять... Это, вроде, еще немного?

Заглянул Смирнов:

– Товарищ генерал, «хозяин» на проводе...

Асланов поднял трубку.

– Алло? Да, да, это я, здравствуйте. Карту? Сейчас. – Асланов пододвинул к себе планшет, развернул. – Так. Нашел. Смотрю... Да, понятно. Через час? Есть. Буду.

Положив трубку, генерал сказал Филатову:

– Михаил Александрович, звонил Черепанов. Ставит новую задачу. Вот смотри. Берегом моря от Либавы идет железная дорога. Немцам она вот как нужна. Ну, а нам приказано ее перерезать. В десять я должен быть у Черепанова, будем обсуждать план операции. Поручаю проследить, чтобы батальоны были готовы.

– Это само собой. А как же насчет двадцать второго?

– Вы ничего там не затевайте.

– Мы скромно, по-фронтовому...

– Но сначала выполним задачу, а уж там посмотрим...

2

Выйти на железную дорогу, перерезать артерию, по которой шло снабжение двух немецких армий, – такова была задача. Немцы предвидели такой замысел, поэтому для прикрытия железной дороги подтянули артиллерийские и минометные части. Ясно было, что за дорогу они станут драться насмерть.

Генерал Асланов со своими помощниками тщательно продумал план действий. Он решил бросить в бой второй танковый батальон – и батальон мотопехоты на центральном участке, чтобы привлечь туда все внимание противника, одновременно своими действиями создавая у него впечатление, что эти подразделения не могут преодолеть сопротивление и продвинуться вперед. Той порой Филатов и Макарович должны повести в наступление с флангов возглавляемые ими группы танков и мотопехоты.

На завершающей стадии боя бригада одновременным ударом с трех направлений должна овладеть железнодорожной станцией.

Мощная артиллерийская подготовка, начавшаяся еще до рассвета, значительно облегчила продвижение наших частей.

Бригада Асланова рванулась вперед.

Штабной бронетранспортер командира бригады шел позади второго батальона.

Парамонов давно переквалифицировался в радиста и успешно поддерживал связь между частями бригады. Батальон Гасанзаде продвигался медленно, не только по замыслу, но потому, что противник вел непрерывный огонь; танки и мотострелки маневрировали, выбирали удобный момент для рывков вперед, вели огонь с места, подавляя вражеские огневые точки и не ослабляя непрерывного давления на вражескую оборону, и вскоре весь огонь немцев сосредоточился на них.

– Так, Гасанзаде, отвечай им, – подбадривал комбата Асланов, а той порой непрерывно запрашивал данные о группах Филатова и Макаровича; где, как продвигаются.

Те продвигались успешно.

– Дайте Макаровича! – сказал Асланов, опустив бинокль.

Смирнов подал ему микрофон.

– Макарович? Ну, как у тебя? Намеченного рубежа достиг? Отлично! Теперь жми на полный ход! Парамонов, соедини с Филатовым. Михаил Александрович? Ты уже там, где надо? Ну, с богом, ударь им так, чтобы опомниться не могли. Ну, а мы, Смирнов, пойдем к капитану Гасанзаде. У него трудно.

Оставив бронетранспортер, Асланов и Смирнов перебежали лощину и поднялись на пригорок, на обратном скате которого стоял танк комбата.

– Напрасно вы пришли, товарищ генерал, – закричал Гасанзаде, высунувшись из люка, – это место сильно обстреливают.

– Волков бояться – в лес не ходить, – засмеялся Асланов.

Раздался нарастающий свист снаряда, мерзлую землю рвануло неподалеку от того места, где стоял генерал, и Асланов упал.

– Что с вами? – в испуге вскрикнул Смирнов.

– А ничего, Валя. Качнуло взрывной волной, – Асланов поднялся, отряхнув с

полушубка снег и землю.

Подошел бронетранспортер.

– Что там? – спросил генерал.

– Филатов вас просит.

Генерал сел в машину.

– Слушаю вас, Михаил Александрович. Невозможно двигаться? Ни в коем случае не останавливайтесь! Не сбавляйте темп! Сейчас Макарович пошел, и я с Гасанзаде начинаю, тебе легче будет, понял? Жми!

3

Второй танковый и мотострелковый батальоны, с которыми шел сам комбриг, казалось, совершенно остановленные, внезапно совершили бросок вперед и обрушили на противника такой удар, что части, оборонявшие железнодорожную линию, в панике отошли. Танки, неся на броне десант, били и с коротких остановок, и с ходу; мотострелки не отставали от них ни на шаг. Казалось, еще один рывок, и бригада остановится только на берегу моря.

Бронетранспортер командира бригады шел следом за танками. Водитель все время ставил его под защиту тридцатьчетверок, или вел машину менее простреливаемыми местами, искусно маневрировал, и уже не раз благодаря этому уводил машину из-под мин и снарядов – Асланов знал, что этому человеку не надо указывать, как ехать, где остановиться, где тормозить, а где рывком податься вперед – благодаря этому он мог полностью отдаться наблюдению за полем боя.

Филатов и Макарович, обойдя противника с флангов, крушили его оборону, Гасанзаде безостановочно вел свои танки вперед. Сейчас, пожалуй, самое время бросить в дело резерв. Да, пора.

Ази еще раз обвел взглядом поле боя и взял трубку, чтобы отдать распоряжение, но вдруг вздрогнул, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду, схватился рукой за борт бронетранспортера и стал оседать вниз. Трубка упала. Генерал оказался рядом с перепуганным Парамоновым.

– Что с вами, товарищ генерал? – кинулся Смирнов. Он хотел поднять генерала, но тот тихо сказал:

– Ничего, Валя, ничего, дай посидеть. Я, кажется, ранен.

Дышал он тяжело и не отрывал руки от груди.

– В санчасть! – крикнул Смирнов водителю. Тот не видел, что случилось с генералом; оглушенный разрывами снарядов, он не слышал, что спросил у генерала Смирнов, что ответил генерал Смирнову, и не понял распоряжения адъютанта. – Немедленно поворачивай! В санчасть, тебе говорят, в санчасть!

До водителя, наконец, дошло, что случилось что-то неладное. Он дал задний ход и стал разворачиваться.

– Стой! – сказал генерал.

Адъютант уже успел расстегнуть на генерале полушубок и китель, обследовал рану на груди, потом на ноге; трясущимися руками рвал индивидуальный пакет.

– Товарищ генерал, надо в санчасть! Раны серьезные.

– Постой. Закончим дело, потом. Парамонов, свяжись с комбатами.

– Товарищ генерал, передайте команду начальнику штаба, Филатову или кому-нибудь. Срочно надо в санчасть, срочно! – умолял адъютант.

Ватный тампон в руках Смирнова сразу пропитался кровью, Парамонов подал Смирнову свой пакет, и тот кое-как перевязал генералу грудь. Но оставалось еще перевязать ногу.

– Парамонов, узнай, как там на флангах... Спроси, где Гасанзаде.

– Наши уже вышли к железной дороге, товарищ генерал. Они сделают все, что приказано, а нам надо в санчасть.

– Нет, – сказал Асланов, – я хочу знать, как идет дело.

– Прекрасно идет дело, товарищ генерал. Поедем в санчасть? – Смирнов не дождался ответа и повернулся к водителю: – Ты слышал, что я приказал? В тыл, в тыл, немедленно!

– А генерал говорит «стой!»

– Да понимаешь ты или нет, что генерал ранен? Он не знает, что раны опасные, сгоряча не чувствует боли...

– Но он в полном сознании, ехать в тыл не разрешает, что я могу поделать?

Вышел на связь Филатов. Асланов, взяв микрофон, спросил:

– Железная дорога наша?... Молодцы! Парамонов, соедини меня с Черепановым. – И, когда Парамонов выполнил этот приказ, генерал, с каждым словом теряя силы, доложил, что задача выполнена.

Он еще что-то хотел сказать, но кашель сдавил ему горло, рука бессильно упала. Смирнов с Парамоновым осторожно приподняли его на зарядный ящик, прислонили к борту. Парамонов снял шинель, подложил генералу под голову.

Водитель понял, что распоряжений от генерала не дождется, и вопросительно глянул на Смирнова.

– Езжай, тебе говорят!

– Валя, зачем ты... кри...чишь?

– Но... товарищ генерал, ведь вы...

– Не бой...тесь... Ничего... страшного... нет...

Не договорив, генерал закрыл глаза. Лицо побледнело, широкий лоб покрылся испариной.

Развернув бронетранспортер, водитель на бешеной скорости вывозил генерала из боя.

Глава семнадцатая

1

Необычайно быстро дошло до дому письмо Ази, в котором он сообщил, что, возможно, скоро приедет на несколько дней.

Мать, лежавшая в постели с очередным приступом болезни, мгновенно исцелилась. Хавер, в тревожно-радостном ожидании, потеряла покой, и вся семья Аслановых занялась подготовкой к приезду Ази. Убирали, мыли, стирали, выколачивали ковры и дорожки, приводили в порядок двор, чистили рис и изюм для плова и собирались, по старинному обычаю, как только Ази ступит во двор, у его ног зарезать барана.

Рза Алекперли взял отпуск на несколько дней и приехал в Ленкорань. Он и привез упитанного барашка, которого держал еще с осени на случай какого-нибудь торжества, – и вот торжество предстоит, и Рза с победоносным видом, несмотря на протесты Нушаферин и Хавер, привязал барашка к айвовому дереву во дворе. Были начищены огромный казан,¹² вмещавший два батмана¹³ риса, большой дуршлаг, шумовка и сковородки, за долгие годы лежания в подвале покрывшиеся ржавчиной. Даже маленькому Тофику нашлось дело – с утра он спрашивал мать и бабуку, когда приедет отец, когда приедет, один ли приедет, и бежал рвать траву и подкармливать жертвенного барашка.

Снова появился Рза; пыхтя от натуги, внес в дом большую коробку всякой всячины изюму, сушеных фруктов и ягод, винограду.

– Да ты что, сынок, зачем ты это делаешь, ведь у тебя полон дом детей! Почему от них

¹² Казан – котел для плова.

¹³ Батман – мера веса.

урываешь? То барашка тащишь, то это. Пойди-ка взгляни, может, в доме еще что-то осталось, так собери уж заодно, – корила тетя Нушаферин.

Хавер с Тофиком, проснувшись на голоса, вышли во двор.

– Ничего, Нушу хала, это же пустяки. Принес вот, может, понадобится. У нас есть, а вам надо по базарам бегать. А для меня более дорогого дня, как приезд Ази, не было и не будет. Брат мой приезжает! Да если я в такие дни, засучив рукава, не брошусь вам на помощь да его как следует не встречу, тогда какой же я брат? – оправдывался Рза. Потом глянул на часы: – Меня в райком вызывают. Пойду.

Настенные часы пробили семь раз. Хавер удивилась:

– Всего семь часов, а учреждения начинают работу в восемь. Сейчас в райкоме, кроме сторожа, никого нет. Интересно, что это за дело, что его вызвали ни свет ни заря?

Нушаферин, раздувая самовар, сказала спокойно:

– Война ведь еще идет, дочка. Мало ли появляется дел? Вот и Рзе поручают важные дела...

Тофик вертелся около бабушки с игрушечным танком под мышкой и внимательно слушал разговоры старших. У Тофика было много разных игрушек, но вот уже девять месяцев он не расставался с игрушечным танком, который всегда был у него перед глазами, с ним вставал и ложился, и всю ночь готовый к бою танк дремал под подушкой. Это был подарок отца, который привез дядя Самед. Танк был много раз продемонстрирован всем знакомым и родственникам, всем ребятам с улицы, и при этом каждому было сказано: «Это мне папа с войны прислал».

– Бабушка, а что принес дядя Рза? – Тофик потянул за листок, видневшийся из коробки. Смотри, бабушка, это мандарины, лимоны! Они наши?

– Наши, деточка. Вот папа приедет, придут гости, мы это все на стол подадим, пусть кушают, радуются: наш папа приехал.

– Папа сегодня приедет?

– Нет, родненький.

– А сколько раз надо лечь спать и встать, пока папа приедет?

– Да раза три-четыре, наверно. Ведь ехать-то далеко...

– Как долго, бабуля, пусть раньше приедет.

– Не тоскуй, сынок, он скоро приедет. – Нушаферин вытащила из коробки мандарин. – На вот, кушай, да ручки сначала вымой и лицо, а потом чай будем пить.

После чая Тофик побежал к барашку, приласкал его:

– Проголодался? Я сейчас тебе травки принесу. А пока вот хлебушка покушай. Я тебе сегодня много травы принесу. Ведь за тобой надо ухаживать, чтобы ты не похудел. Понимаешь, нам придется тебя зарезать, когда папа приедет, ведь у нас будет много гостей...

Барашек поглядел на мальчика и вдруг жалобно заблеял. Тофику вдруг стало нестерпимо жаль барашка. Зачем его резать? Он такой хороший!

– Тофик, ай Тофик, где ты! – позвал соседский мальчик, просунув голову в калитку. Пошли за травой!

– Да буду я вашей жертвой, смотрите, далеко не ходите, что поблизости, то и нарвите, того и довольно, – напутствовала их Нушаферин. – Вот эту сетку набьете, и хватит.

Нушаферин бодрилась и других подбадривала, а самой так хотелось увидеть сына, что каждый час ожидания казался ей вечностью, и с тех пор как получили письмо от Ази, она не отрывала взгляда от дверей, и ей все казалось, что вот-вот Ази шагнет во двор, но тень сына не появлялась у дверей. Садилось солнце – она все ждала, ложась спать, говорила со вздохом: «И сегодня не приехал». Но завтра-то он, где бы ни был, уж обязательно появится, ведь если его отпустят, он нигде задерживаться не станет, полетит напрямик в родное гнездо. А терпения уже не хватало, и сердце то и дело сжималось болезненно, и билось порой как сумасшедшее. Ждали Ази все, и поэтому некому было утешить старую женщину, сказать: «Что ты суетишься, разве этим можно ускорить его приезд? Хоть он и генерал, да ведь и над ним начальники есть, может, что-то помешало, задержало, вот наберись терпения».

и жди». Но Нушаферин не спала ночами, все прислушивалась, все ей казалось, что только она заснет, а Ази и приедет. Когда с улицы доносился шум машин, сердце ее снова начинало усиленно биться. «Ай аллах, как бы было хорошо, если бы из этой машины вышел Ази! Сделай милость, аллах, помоги мне, я уж все сердце надорвала...; Разве трудно тебе сделать так, чтобы и я порадовалась хоть разок?» Она садилась в постели и ждала: вдруг машина остановится против дома? Готовая вскочить и броситься открывать дверь, она, обессиленная, падала на подушку, когда машина, не останавливаясь, проносилась мимо.

– Бабуля... Ай бабуля... донесся зов Тофика. Старушка проворно спустилась во двор. Тофик плакал, сидя под деревом, а соседский мальчик, бледный, стоял по другую сторону дерева.

– Ты что плачешь, да будет бабушка твоей жертвой? – Нушаферин хала подняла Тофика, стряхнула с курточки пыль.

– Меня баран боднул, бабушка.

– Мы кормили его, – вмешался соседский мальчик, и я нечаянно наступил ему на копыто, а он взял и боднул Тофика.

– Вай, только этого не хватало, – воскликнула старушка. – Куда боднул? В ногу? Ну, это ничего. Но сколько раз я тебе говорила, что он может ударить тебя рогами. Видишь, что бывает, когда не слушаются. Ну, не плачь, да падут твои слезы на могилу бабки! Не сегодня-завтра приедет отец, мы зарежем этого злого барашка.

– Я больше к нему не подойду, бабушка. Но не надо его резать, он хороший.

– Ну, ладно, не надо. Но если вы будете тут около него вертеться, я стану беспокоиться и не смогу делать свои дела. Идите, играйте возле дома.

– Бабушка, а мы тебе поможем...

– Спасибо, родимые, сидите тут, я сама все дела переделаю.

2

Рза шел в райком крайне встревоженный, с каким-то недобрим предчувствием.

Несмотря на ранний час, первый секретарь райкома Мамедбейли уже ожидал его в своем кабинете.

Сначала Рза не поверил услышанному от секретаря; ноги словно приросли к полу. Секретарь пододвинул ему телеграмму.

Сомнений больше не оставалось.

– Что за горе стряслось над нами!.. Значит, Ази в ближайшее время приехать не сможет?

Только теперь понял Рза, зачем его срочно вызвали в город.

Мамедбейли сидел чернее тучи.

– Понимаешь, не знаю, как сообщить это матери?! Язык не поворачивается. Она готовится к встрече сына, ждет, а тут...

Получив вчера вечером телеграмму о тяжелом ранении генерала, Мамедбейли приказал начальнику почтового отделения держать это втайне от его семьи, и срочно вызвал в Ленкорань Рзу, чтобы с ним посоветоваться.

– Ты им ближе всех. Тяжелое поручение я тебе даю, но более подходящего человека нет. Жена молодая, этот удар еще кое-как перенесет, а мать, да еще такая больная... Помогите нам в этом деле... Я, знаешь, до утра не сомкнул глаз. Что будет со старухой?! Получила похоронку на одного сына, еще слезы не успели высохнуть, а тут такое известие. Конечно, долго делать вид, что ничего не знаем, нельзя, сказать надо, но их, понимаешь, надо как-то подготовить.

Рза не мог прийти в себя.

– Никогда я, товарищ Мамедбейли, не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас. Что делать, ума не приложу. Нушу-хала ждет сына с часу на час, глаз с ворот не сводит. Жена тоже. Дети... Я боюсь, что не сумею сыграть роль... Дескать, ничего

страшного, и так далее... Может, подождать еще день-два? Той порой прояснится...

– Подождать-то можно, но вдруг дойдет эта весть, до них помимо нас? Начальник почты человек крепкий, за него я спокоен, а ведь девушка, которая приняла телеграмму, могла сказать кое-что домашним, а там по цепочке пойдет, не уследишь. Возможные слухи надо опередить.

Больше часу бродил Рза по улицам города, стараясь не попадаться на глаза знакомым и никак не решаясь вернуться к Аслановым. Только на улице, опомнившись, Рза понял, что напрасно взвалил на себя эту ношу, однако было поздно, секретарь райкома надеется на него, вернуться в райком и отказаться от поручения просто немыслимо. А пока то да се, найдется кто-нибудь, у кого плохая весть легко вспорхнет с языка. А такой слушок хуже подлой пули, заставшей человека врасплох. Да, надо идти, надо опередить всех и осторожно намекнуть матери и жене о случившемся.

Как он это сделает, Рза просто даже не представлял себе.

Во двор Аслановых он вошел так, будто кто-то силой втолкнул его с улицы. «Возьми себя в руки, иди, как будто ничего не случилось, не бойся сказать правду, ведь свели не ты, то другие все равно сообщат, и тогда будет хуже».

Едва Рза открыл калитку, барашек узнал его и побежал навстречу, насколько позволяла веревка.

Рза машинально погладил его.

А Нушу была тут как тут и глядела на него с ожиданием. Рза почувствовал, что не может языком пошевелить. Как смел он погасить горьким известием ту радость, которая придавала такую живость всему, что делала в эти дни старая женщина; к ней едет сын, теперь единственный сын, всеми уважаемый и почитаемый, ее сыночек Ази!

– Что молчишь, Рза? Может, за барашком плохо смотрели? Тофик его обхаживает...

– Нет, Нушу хала, барашек что надо... Даже резать жаль...

– Вижу, о другом думаешь, Рза... Ты чем-то расстроен, сынок?

Нушаферин заподозрила что-то неладное, подошла к Рзе, заглянула ему в глаза.

– Ей-богу, тебя будто подменили, Рза. Совсем не похож на того Рзу, который только что смеялся и шутил. Может, у тебя неприятности какие? Зачем тебя вызывали в райком, да еще так рано?

– Секретарь вызывал по колхозным делам. Сама знаешь, без неприятностей не обходится... – Рза старался оттянуть объяснение и отвлечь Нушаферин от подозрений.

Баран крутился вокруг хозяина. «Даже резать жалко...» – вдруг вспомнила старуха как бы случайно оброненные Рзой слова. Вез – не жалел, а тут вдруг говорит такое... Она оттолкнула барана.

– Хватит тебе, нашел время блять, дай послушать, что мужчина скажет. Большие неприятности?

«Ну, раз всполошилась и в обморок не упала, можно сказать», – решил Рза.

– Да с колхозными-то делами ничего, наладится, поговорил, пожурил, совет дал, и все. Я уж уходить собрался, а он говорит: знаешь, скажи тетушке Нушу и сестрице Хавер, что приезд генерала откладывается, придется немного подождать.

– Ази задерживается? – Нушу хала, опечалившись, задумалась. – Откуда секретарь знает об этом?

Телеграмма пришла в райком.

– Кто прислал? Почему в райком?

– Как почему? Да ведь его ждут все, а не только мы с вами, тетушка Нушу. Торжественную встречу готовят. Он знает об этом, потому и известил, чтобы знали. Служба, оно дело такое...

Нушаферин, опустив голову, дрожащими руками теребила конец шали. Мало похожи на правду уклончивые слова Рзы! «Или я не понимаю, или он чего-то путает и скрывает».

Рза дымил папиросой.

– Говоришь, Ази телеграмму в райком дал? А нам? В райком дал, а нам не дал? Что, у

него дома своего нет, или мать с женой его обидели? Нет, Рза, сынок, я не ребенок, могу отличить искренность от лжи. Не лги мне, Рза! Ведь ты что-то скрываешь?

– Правда, мать, скрывал! Боялся тебя расстроить. А дело обстоит так: несколько дней тому назад Ази ранило. Он велел домой не сообщать, чтобы вы не тревожились...

– Ази ранен? – Нушу хала опустила на землю, ударила себя по коленям. – Сказал бы ты мне: рухнул твой дом, Нушу! Ох, сокрушил ты меня этой вестью, Рза! О, аллах, за что ты на меня разгневался, что ты творишь со мной? Что я плохого сделала в жизни? За что посылаешь на меня такие напасти? Одного сына взял, другого взять хочешь?

– Нушу хала, успокойся. Клянусь аллахом, с Ази ничего страшного не произошло. Легко ранен, скоро поправится. Не такой Ази человек, чтобы склонить голову перед судьбой! Успокойся, Нушу хала, я не вру, все так и есть, как сказал. Приедет наш Ази, дай только поправиться!

– Эх, сынок, сынок, чего уж тут: успокойся. Не знаю, чего хотят эти злобные пули от моих детей?!

3

В то же утро за каких-нибудь час-два весть о ранении Ази облетела всю Ленкорань. Хавер узнала об этом на службе – позвонила подруга и говорит: ой, как обидно, что Ази накануне отпуска ранение получил...

Телефонная трубка упала из задрожавшей руки Хавер. Она не помнила, как ее довели домой...

– Мама, есть что-нибудь от Ази? – спросила она, придя в себя.

Слезы высохли на глазах старухи. Она кормила рисовым отваром Арифа. Покачала головой: ничего нет. Не хотела при детях говорить об отце.

– Мама, а где телеграмма? Дай мне!

– Телеграммы не было, дочка. Кто тебе об этом сказал?

– Кто может сказать? Весь город знает.

– Ну, успокойся, после поговорим. – Глаза старушки наполнились слезами. Вздохнув, она отвернулась, вытерла слезы концом шали.

Хавер тоже старалась не показывать детям слез.

Но Ариф заметил, что мать отворачивается, обнял ее за плечи:

– Не плачь, мама.

– Я не плачу, – Хавер, вытерев слезы, взяла мальчика на руки. Нагнувшись, он заглянул ей в лицо.

– Мама, ты плачешь? И бабушка плачет. Что с вами?

– Ничего милый.

– Если ничего, почему обе плачете?

– Мы не плачем. Лук чистили, вот и текут слезы. Иди во двор, поиграйся.

И когда Ариф нехотя вышел, Хавер спросила, где Тофик.

– Я его на улицу отпустила. Думаю, глядя на нас, он догадается, в чем дело, и нам его не успокоить.

– Что же нам теперь делать, мама? Как узнать что-нибудь об Ази?

– Телеграмма пришла в райком.

– Зачем же в райком?

– Я тоже не понимаю. Чувствую, что-то неладно. Я Рзу послала в райком, пусть позвонят оттуда в Баку, где большие люди сидят. Они знают, где находится Ази. Как только узнаем, где он лежит, я тотчас к нему поеду. Сама за ним буду ходить. Поставлю его на ноги. А если нет – там и умру!

Нушаферин места себе не находила. Еще утром она с удовлетворением думала о том, что они успели сделать для встречи сына. Все было готово, все начищено, все блестело, в любую минуту ставь на огонь. Но сейчас она видеть не могла все эти казаны, шумовки,

дуршлаги, кастрюли, тарелки и блюда – все это стало вдруг ненужным, но все напоминало о несостоявшемся приезде сына. «Аллах лишил меня радости увидеть свое дитя после стольких лет разлуки и войны. Что ж, я потерплю, подожду, лишь бы Ази поправился, может, и доживу до встречи», – горестно размышляла Нушаферин. А Рза как ушел в райком, так будто в воду канул. Наконец, она уже решила послать за ним невестку, – и тут он появился. Однако ничего утешительного не принес. Ма-медбейли при нем звонил в Баку, в Центральный Комитет партии, – сказали, что еще не удалось узнать адрес госпиталя, обещали позвонить, как только удастся выяснить.

– Неужели так трудно узнать адрес больницы? – вздохнула Нушу.

– Потерпи, Нушу хала. Я сам слышал весь разговор. Из Баку сказали, что постараются узнать все как можно скорее.

Нушаферин, решив ехать к сыну, уже стала собираться и то и дело вставала и уходила, чтобы что-то достать, положить, не забыть, в больнице многое пригодится.

– Прямо не знаю, что и делать, – сказал Рза, когда старушка ушла в очередной раз. – Куда ей ехать в такое время? Зима. Она ничего не знает, на первой же станции заблудится и пропадет. На всякий случай, Хавер-баджи, я договорился с Мамедбейли: меня отпустят. Поеду один. Помоги мне уговорить ее, чтобы никуда не собиралась. Скорее всего, братец Ази лежит во фронтовом госпитале. Дорога туда длинная, долгая, любые неожиданности могут быть. А я, как только доберусь, тут же все сообщу телеграммой.

– Да разве можно ее удержать? Пока ты в райком ходил, она уже все приготовила. Два хурджина стоят набитые. Теплые вещи достала... Хоть сейчас в дорогу, ждет только твоего слова: куда ехать. Никак ее не переубедить. Я ей уж как пыталась втолковать, что не добраться, а она даже слушать не хочет. Я говорю, останься, мама, с детьми, я поеду, или давай детей у соседей оставим, вместе поедem, и на это не соглашается...

– И не соглашусь, – сказала Нушаферин, входя. – Слышала я, о чем вы тут говорили. Мыслимое ли дело: оставить малых детишек на чужих людей? При матери должны быть. А ты, Рза, тоже оставайся, у тебя дел полно, я одна поеду. Ты плохо меня знаешь. Думаешь, я русского языка не знаю, да неграмотная, так уж и пропаду? Да я из-за одного сына на край света доберусь, и люди добрые мне помогут, небось, горе не у меня одной, а матери друг друга и без языка поймут. Ты говоришь, холодно там... Конечно, тебе трудно, ты ранен был...

– Я сам не боюсь холода, Нушу хала, я о тебе беспокоюсь. Ты старая женщина, а дорога долгая, и там холода, о каких ты и понятия не имеешь. Оставайся дома, а я поеду.

– Эх, сынок, разве вы знаете, что у меня на сердце? Мне надо ехать.

– Нушу хала, я понимаю, но тебе не выдержать дорогу, ты слабая, недавно болела, тяжело тебе будет. Тяжелее его ран ничего нету. А разве я смогу жить, пока Ази не увижу? Нет, Рза, я поеду.

– Ну, ладно... Нушу хала, поедem вместе. Сестрица Хавер с детьми останется...

И хотя Нушу хала, вроде, добилась согласия близких на поездку, тревога и беспокойство ее не утихли. Пяти минут не могла она усидеть на одном месте.словно пьяная, ходила она по дому, из комнаты в комнату. То передвинет что-то, переставит, то поправит клеенку на столе, то смахнет с буфета, сверкающего, как зеркало, воображаемую пыль, то выглянет в окно, то сядет на диван, то встанет...

Рза молча наблюдал за ней, курил папиросу за папиросой.

– Нам сообщат до вечера, где он находится? – в который раз спросила Нушу.

– По-моему, до вечера скажут.

– Узнать бы скорее, с утра бы тронулись в путь.

– Нушу-хала, если желательно с утра отправиться в дорогу, мне нужно, не теряя времени, ехать в село. Оставляю там за себя человека, скажу, что делать, указания дам. Чемодан собрать надо! А рано утром я буду здесь.

– Ты уезжаешь? А кто нам скажет, если позвонят из Баку?

– Скажут сразу, как только что-нибудь выяснят. У них же там круглосуточное

дежурство.

Глава восемнадцатая

1

Тяжелораненого Ази Асланова привезли в санчасть бригады. Капитан Смородина удивилась, увидев генерала на носилках – всего несколько часов тому назад она беседовала с Аслановым в штабе бригады и видела, как генерал с адъютантом поехали в бронетранспортере.

И вот – ранен. С трудом переводит дыхание.

Смородина распорядилась подготовить все к операции, и генерала сразу с носилок переложили на хирургический стол.

Уже первый осмотр подтвердил наихудшие опасения. Но бороться за жизнь следовало, и был шанс добиться успеха. Вот крови только много потерял генерал... И нога... Но сначала надо исследовать рану в груди.

– Повязку! Инструменты! Обработать операционное поле! – отдавая распоряжения фельдшерам и сестрам, Смородина старалась не смотреть в лицо генералу.

Смородина знала, что весть о ранении командира бригады разнеслась по подразделениям, произвела тягостное впечатление. Около санчасти собралось много людей, некоторые не прочь заглянуть в операционную, и все ждут, что скажут врачи. По ту сторону дверей ходил взад-вперед подполковник Филатов, оказавшийся после ранения генерала самым старшим офицером в бригаде ему, вероятно, и придется пока принять командование ею.

К палатке санчасти подъехала машина, из нее вышли генерал Черепанов и еще двое старших офицеров: услышав о ранении Асланова, Черепанов захватил с собой хирургов из армейского госпиталя.

Филатов начал было докладывать, но Черепанов махнул рукой:

– Как чувствует себя Асланов?

– Раны очень тяжелые, товарищ генерал. Начальник санчасти приступает к операции.

Вперед выступил приехавший вместе с Черепановым пожилой полковник медицинской службы.

– Давно преступили к операции?

– Только что.

– Пройдите в операционную, полковник, – распорядился Черепанов. – Если Смородина еще не начала, оперируйте вы.

Закончив необходимые приготовления, Смородина хотела дать наркоз, когда вошли хирурги, и полковник, представившись, сказал:

– Извините, капитан, если вы не возражаете... Оперировать приказано мне... Я хотел бы, чтобы вы ассистировали.

– Я подчиняюсь, товарищ полковник, – сказала Смородина.

Снова начался осмотр.

Наконец, приступили к операции. Черепанов прошел в палату. Генерал лежал на кровати. Наркоз еще не прошел, и он спал. Черепанов сел в ногах. Привычно потянулся за папиросами, но тут же поспешно сунул их в карман.

Тихо вошел Филатов, встал позади Черепанова. Смородина предложила ему табуретку, но Филатов не сел. В палатке стояла такая тишина, что можно было даже различить голоса людей, которые тихонько переговаривались за стеной палатки. Танкистам не терпелось узнать о состоянии командира бригады, но никто ничего утешительного им сказать не мог, и они, хмурые, подавленные, уходили в подразделения.

Смородина неотлучно сидела около генерала.

За неполный месяц на нее обрушилось два удара. Погиб Пронин, теперь при смерти генерал.

Гибель Пронина потрясла ее так, что и до конца жизни ей не опомниться.

Никогда ни о ком она еще в жизни не горевала и не плакала, как по Пронину. Казалось, как она уверила себя, что между ними все кончено. И только когда он погиб, она поняла вдруг, как сильно она его любила. Теперь; уж никто и ничто не заменит ей Николая, и до конца дней будет она жалеть об этой трудной любви, о своей к нему беспощадности.

Пронина разорвало на куски, его останки едва собрали в ящик, и Лена не смогла даже взглянуть в последний раз ему в лицо. Лицо, говорят, осталось нетронутым...

Генерал как заснул во время операции, так за всю ночь и не просыпался. Смородина дежурила возле него до утра. Тут ее должны были подменить, но чуть свет пришли навестить раненого Черепанов с Филатовым.

Асланов медленно открыл глаза, хотел было повернуться на бок.

– Нельзя, нельзя двигаться, товарищ генерал.

Асланов не видел Черепанова, сидящего в ногах кровати, но увидел Филатова, который стоял.

– Михаил Александрович, что на передовой?

– Все хорошо, Ази Ахадович. Задача выполнена.

Черепанов встал, легонько взял Асланова за руку, лежащую поверх одеяла, – рука Ази была горячее, – сказал ласково:

– Ази Ахадович, ты за людей не тревожься. Задача действительно выполнена. Бригада закрепились за железной дорогой, так что тут все хорошо. Вот одно только плохо – твое ранение... Не ко времени. Но ничего, поправляйся, мы еще повоюем.

Старый генерал видел, как тяжело, с хрипом вздымается грудь раненого, как побледнело от потери крови лицо.

– Евгений Иванович, это вы?

– Я, дорогой, я, узнал? Как ты себя чувствуешь?

– Что я могу сказать... Внутри все пылает. И воды не дают напиться вдоволь, – Ази тяжело сглотнул тягучую слюну.

– Вам нельзя много пить.

Смородина, смочив в воде вату, провела по пересохшим губам Ази.

– Что мне с этого, доктор? Дайте стакан, я хоть на минуту...

Он не договорил. Беспощадная боль заставила его застонать, лицо его вдруг покраснело, на висках крупными каплями выступил пот.

Смородина вытерла ему лицо, поправила под головой подушку.

– Евгений Иванович, – сказал вдруг Асланов. – Я знаю, что не выживу. Врачи всегда скрывают правду. Они думают, я ничего не чувствую, не понимаю. Смерти я не боюсь, рано-поздно мы все умрем, никто не задержится на этом свете, но...

– Врачи ничего от тебя не скрывают... Трудно тебе, больно, но без этого не бывает, Ази. Ты поправишься...

– И о боли я не думаю. Боль тоже пройдет. Говорят, кружка для воды в воде ломается... Солдат погибает в бою. Уже тысячи людей погибли, погибну и я, один из них. Напрасно вы в такое напряженное время дела бросили, сидите возле моей подушки, Евгений Иванович... – Ази выпростал свою руку из руки Черепанова. Видно, он хотел спустить с груди одеяло, но рука, соскользнув, с глухим стуком уцала на кровать.

– Отдохни, Ази, отдохни, сынок, – сказал Черепанов. – Все наладится, ты поправишься, и снова будем служить вместе.

Открыли окна. Струя чистого холодного воздуха хлынула в палату, но Ази не чувствовал холода. Его укрыли со всех сторон одеялами, и он забылся, уснул. Все, кроме Смородиной, вышли.

Черепанов позвонил в штаб бригады, осведомился о положении на передовой. Ему сообщили радостные вести: танкисты снова продвинулись вперед. Черепанов решил еще

немного посидеть у Асланова.

К вечеру состояние больного резко ухудшилось, и вместе с тем сознание его как будто прояснилось.

– Генерал здесь? – спросил он.

– Тут я, Ази. – Черепанов подошел.

– Евгений Иванович, я больше уже не встану на ноги, – сказал Ази, стаскивая одеяло с груди вниз и открывая ворот рубахи.

– Не надо думать об этом, Ази. Ты встанешь.

– Самое большее, прошептал Ази, может быть, доживу до завтра.

– Нет, Ази, ты будешь жить долго. Я вот готовлюсь немного погодя передать тебе командование соединением. А сам выйду в отставку. А ты вон что говоришь!

– Нет, Евгений Иванович, я знаю, что доживаю последние часы жизни. И поэтому у меня к вам просьба... Последняя.

– Ну, что ты такое говоришь, Ази? Это не последняя, а очередная просьба, и я выполню сколько угодно твоих просьб...

– Если я умру, отправьте мое тело в Азербайджан.

– Что за глупые мысли лезут тебе в голову?

– Не надо меня утешать, Евгений Иванович. Напишите семье. Я хочу, чтобы похоронили меня в Баку. На таком месте, откуда виден Каспий, весь город, видна Ленкорань...

Глаза Черепанова против воли наполнились слезами. Он шмыгнул носом. И улыбнувшись неестественной, вымученной улыбкой, сказал:

– А я-то сижу, уши развесил, расчувствовался... Дай, думаю, послушаю, что он скажет? И это твоя просьба? Такую просьбу через полсотни лет скажешь. И не мне... Ты лучше спи, отдыхай, сон – наш первейший исцелитель. А полегчает, обо всем поговорим.

Глава девятнадцатая

1

Машина выехала из Ленкорани в сумерках. Водитель, бледный от усталости, гнал ее на самой высокой скорости, не отрывая глаз от ухабистой дороги. Курил папиросу за папиросой, выпуская дым через притворенное стекло. Рядом с ним сидел Рза, на заднем сидении Нушаферин и Хавер.

Со вчерашнего дня установилась пасмурная, сырая погода, небо обложило тяжелыми серыми облаками; они висели над самой землей и так плотно ее укутали, что казалось, солнце их никогда не пробьет и не взойдет над землей.

Ехали в полном молчании. Кроме Рзы, никто в машине не знал, что Ази умер. Рза вез Нушаферин и Хавер в Баку, – якобы навестить Ази, которого привезли в бакинский госпиталь.

Нушаферин мысленно была около сына, но, вспомнив, что она только едет к нему, старая женщина с тоской глядела вперед, где ничего приметного не было, и ей казалось, что машина стоит, а не мчится – так бы и подтолкнула ее. Ей доводилось ездить этой дорогой в Баку – никогда она не казалась такой долгой и утомительной.

– Сынок, родной мой, нельзя ли немного побыстрее, а?

– Нушу хала, быстрее нельзя. Такая в нее заложена скорость. Машина как лошадь, бежать – бежит, а лететь не может...

– На наше счастье, и машина попалась такая. Водитель все же увеличил скорость, но машину вдруг затрясло на прямой ровной дороге. Он врубил тормоз, отъехал на обочину, остановился. Вышел, сплюнул со злости, покачал головой.

– Будь ты неладна! И надо же... На середине пути, да еще в такое время!

– Когда человек торопится, всегда что-нибудь его задерживает, – сказал Рза.
– Что случилось? – вышла из машины Хавер.
– Придется задержаться: надо менять камеру.
– У тебя нет запасной? – спросил Рза. – Давай поменяем.
– У нас и в мирное-то время никогда не сыщешь запасной камеры, а теперь и подавно...

Водитель снял пиджак, бросил его на придорожный куст. Вытащил инструменты, швырнул их на землю. Нушу не поняла, в чем дело.

– Сынок, почему остановился? И так уж едем тихо...

– Потерпи, Нушу хала. Колесо вышло из строя...

– Что еще с этим колесом приключилось?!

– Не волнуйся, Нушу хала, скоро поедем. Доставим тебя в Баку.

«Знал бы ты, куда едем, другим тоном говорил бы», – подумал Рза. Что до него, то он страшился даже представить, что будет с женщинами, когда они приедут в Баку. Так вот сел бы и никуда не ехал. Но увидеть Ази надо...

А старушке не сиделось, она тоже вышла из машины. Остановилась возле Рзы и водителя, которые возились с камерой. «Как будто заколдовали мою дорогу, – говорила она. – Тороплюсь, тороплюсь, а до сыночка не могу дотянуться... Теперь колесо... Нужно было ему сломаться на середине дороги! Ах, милый ты мой сын, как-то ты там сейчас? Несчастный мой ребенок, мучаешься сейчас один, глаза твои на дорогу глядят, мать поджидают, а я тут толкусь, умереть бы мне ради тебя!» Она уже не могла ждать, взмолилась:

– Ради аллаха, голубчик, побыстрее, я ведь опаздываю! Ребенок мой раненый заждался меня там!

Какие-то трагические нотки уловил шофер в голосе матери.

– Нушу хала, мы ведь не меньше твоего торопимся, – сказал он, надевая колесо на ось и закрепляя болты. – Ты садись, садись в машину, пока устроишься, мы все и наладим.

– А больше ничего не случится? – спросила старуха у Рзы. – Ничто не помешает ехать?

– Нет, Нушу хала, сейчас поедем, помех не предвидится.

Собрав разбросанные по земле инструменты, водитель бросил их под сидение, сел и выжал газ.

Начинало темнеть, когда машина стала взбираться на баиловский подъем. Рза с трудом открыл рот.

– Вот, Нушу хала, не переживай: уже Баку. Почти что приехали.

«Но, бог мой, что будет, когда они узнают все!» – подумал он и даже поморщился от этой мысли.

Остановились у какого-то здания, и Нушу хала, как молодая, первой выскочила из машины.

2

Сергей Сирота с семьей только что сошел с поезда Ростов-Баку. Получив дней пять тому назад письмо Ази с сообщением о том, что генералу дали отпуск для поездки на Родину, Сергей Сирота, взволнованный приглашением Ази приехать в это же время в Ленкорань, посоветовался с женой и необычайно быстро решил ехать и собрался в путь. Наташа, заразившись его нетерпением, всю дорогу мечтала о том, как встретится с подругой! Шутка ли, больше трех лет не виделись! Изменилась, наверно, Хавер, дети, писала она, подросли – не узнать...

Когда Сергей, пропустив вперед жену и дочку, спускался по лестнице Бакинского железнодорожного вокзала, он услышал по радио имя Ази Асланова. Он подумал, что передают последние известия, и среди них сообщение о приезде Ази на родину. Диктор говорил по-азербайджански, и имя и фамилию – Ази Асланов повторил несколько раз.

– Наташа, Ази уже в Ленкорани, – сказал Сергей.
– Откуда знаешь?
– Не слыхала? По радио без конца говорят... Это, знаешь, событие герой, генерал приехал навестить земляков... Слышишь, как торжественно читает?
– Наверно, уже дома сказал, что вот-вот нагрянем... А я бы хотела, чтобы приехали внезапно. Приедем, позвоним, Любу в дверях поставим, а сами спрячемся. Посмотрим, узнает ее Хавер или нет?
– Узнает. Женщины, у них глаз острый...
– Да как она узнает, Сережа?... Кроме белых волос, других-то примет не осталось. Ты на взрослых не смотри, ребенок, он с каждым годом резко меняется.
Они дошли до садика Ильича и стали ждать трамвай номер три, чтобы ехать на морвокзал. Рядом, у газетного киоска стояла молчаливая очередь. Сергей тоже купил газету; тут подошел трамвай, они с Наташей и Любой торопливо сели. Мест было много свободных, Сергей усадил своих, спросил кондуктора, далеко ли до мор-вокзала, сел, отодвинув чемодан, развернул газету и сразу изменился в лице.
С первой полосы, из траурной рамки, на него смотрело спокойное лицо Ази Асланова. Имя, отчество и фамилия набраны крупно и тоже заключены в рамку.
– Сергей, ты чего в газету уткнулся? Тебя кондуктор дожидается, купи билеты, – сказала Наташа.
– А ты знаешь?... – Сергей не смог больше выговорить ни слова и показал жене газету.
– Ой, господи, – Наташа побледнела. – Что это? Как же? Зачем?
– Беда, Наташа... Похоже, нет нашего Ази.

3

Гроб с телом Асланова сопровождали начальник политотдела бригады подполковник Филатов, адъютант генерала Смирнов и пехотный генерал, представитель командования Первого Прибалтийского фронта.

Генерал и Филатов поехали ночевать в гостиницу «Баку», а Смирнов остался возле тела своего командира и стал свидетелем той душераздирающей сцены, когда Ну-шаферин, поднявшись по широкой лестнице и все сразу поняв, кинулась к телу своего сына. Добежав до гроба, она потеряла сознание. Долго не могли привести ее в чувство, а когда очнулась, кинулась целовать и обнимать мертвого, била себя по голове, по лицу, падала в обморок, опять вставала и шла, всплескивая руками, – к сыну, к сыну! Видела ли она его сквозь слезы? Может, его только и видела, а больше никого. Рза пытался ее увести.

– Нет, Рза, нет. Никуда я отсюда не уйду. Только в землю ушла бы с ним! Где Ази, там и я, – и опять упала на тело сына, покрывая поцелуями его холодное закаменевшее лицо. – Сыночек, открой свои ясные очи, взгляни на несчастную свою мать! Разве когда-нибудь я думала, что увижу тебя в гробу? О, аллах, за что послал мне такое горе-горькое? Лучше бы ты убил меня, чем отнял детей моих! Лучше бы мне ослепнуть, чем видеть Ази бездыханным!

И она целовала сына в холодные губы и закрытые глаза, терлась лицом о его холодное лицо.

К утру она уже не могла говорить, голос у нее осел, и она совсем выбилась из сил.

Потом она немного утихла – потому ли, что слез у нее не осталось, голоса не было, или потому, что пришли другие люди, много людей со скорбными лицами, и старушка поняла, что ее горе растворяется в общем сочувствии и что ей подобает теперь быть сдержанной. Только иногда она качала головой, тихо била себя по коленям. «Сынок, сынок, погасил ты мою свечу, разрушил мой дом».

Потом замолчала. Казалось, на нее нашло оцепенение.

Хавер сидела возле гроба, как каменная, и слез у нее не было.

В зал несли и несли венки, ими заполнили всю сцену, и Ази с трудом можно было

разглядеть в этом море цветов.

Мимо постамента шли люди, замедляли шаги, глядя на ее сына, и подавленно покидали зал.

Менялся почетный караул.

За полчаса до выноса тела доступ в зал был прекращен, и в почетный караул встали знатные и известные люди, и среди них Мирбашир Касумов, Узеир Гаджибеков, Мамед Саид Ордубади и Самед Вургун.

Потом семья Ази Асланова и родственники, прибывшие из Ленкорани, прощались с Ази.

Приникла к телу мужа Хавер. Поцеловала сына Нушаферин – молча, без слов.

4

В три часа дня объединенный духовой оркестр частей Бакинского гарнизона, выйдя из помещения, грянул траурный марш.

В толпе перед Домом офицеров прошло движение. Оно перекинулось волной на улицы Свободы, Красноармейской и Девятого января, где тоже собралось бесчисленное количество народу.

Сергей Сирота сумел расспросить, по каким улицам пойдет похоронная процессия, и вместе с женой и дочерью, обойдя несколько кварталов, вышел к универмагу. Дождя не было, но тучи легли почти на крыши домов.

Самед Вургун, Узеир Гаджибеков, Мирбашир Касумов, Рза Алекперли, подполковник Филатов, пожилой генерал, представитель командования Первого Прибалтийского фронта, вынесли на улицу гроб. Подошли воины, подхватили гроб генерала и установили на артиллерийском лафете, застланном кумачом с черной каймой.

Сразу за гробом шли Нушаферин и Хавер, родственники, близкие и друзья. На посеревшее лицо Нушаферин падали седые волосы. Она была неправдоподобно маленькой, эта мать генерала – горе иссушило ее.

Впереди процессии несли увеличенный портрет Ази Асланова в большой раме; полтора десятка орденов и медалей, Золотая Звезда Героя плыли на красных шелковых подушечках. За ними слушатели Бакинского пехотного училища несли венки.

Пара вороных лошадей медленно везла лафет, на нем плыл сквозь море людей в последний свой путь генерал-танкист.

И вот процессия вышла к тому месту, где стояла семья Сироты.

Они увидели и узнали закутанную в черное Хавер. И Люба не удержалась, со слезами в голосе окликнула: «Тетя Хавер!» Сергей, приподнявшись на цыпочках, глядел прямо в лицо несчастной женщине, мало надеясь, что она заметит его, но все же надеясь. Хавер никого не видела и не слышала. И тогда Наташа, протиснувшись к самому оцеплению, звонким, отчаянным голосом сказала: «Хавер!» – и подняла руку. Хавер на мгновение повернула голову и узнала Наташу. Сделала знак рукой: «Подойди!» А милиционеру, который загородил Наташе путь, сказала: «Это моя сестра!», и он посторонился, а Сергей, протолкнув жену вперед, вслед за ней подтолкнул Любу и пролез через оцепление. Недоумевающему офицеру из оцепления Хавер сказала, посмотрев на Сергея: «Это брат Ази». Наташа упала на плечо подруги, и так они пошли, ничего не видя от слез.

Ази медленно уплывал от них в утопавшем в цветах и зелени гробу, спокойный, с ясной улыбкой на окаменевших губах, словно заснул сладким сном. Сергей неотрывно смотрел на него, неузнаваемого, и не мог сдержать слез.

Траурная процессия дошла до сквера Сабира, поравнялась со зданием Академии наук. На углу, опираясь на палку, стоял одноногий молодой человек. Прижав к груди букет цветов, он плакал, глядя на подплывающий гроб с телом генерала.

Это был Мустафа Велиханов. После тяжелого ранения под Сморгонью он лишился правой ноги. Накануне он узнал о гибели командира бригады Ази Асланова и о предстоящем

погребении, и приехал из Бузовны, проводить своего генерала. Он недавно выписался из больницы, был очень слаб, не научился еще ходить, и не мог влиться в общий поток людей. Он решил пропустить процессию, а потом подняться к парку Кирова, подождать, пока станет свободнее и народ разойдется, и положить на могилу свои цветы.

От здания Бакинского Совета процессия прошла по Красной улице, завернула на Парковую.

– Глянь, Самед! – сказал Узеир Гаджибеков, показывая глазами на нижний конец улицы. – Посмотри, сколько народу идет, и это еще не все...

– Это народ выражает любовь к своему сыну-герою. С такими почестями хоронят у нас не каждого.

– Помнишь похороны Джафара Джабарлы? – Узеир поправил очки на переносице. – С тех пор никого в Баку не провожали в последний путь так торжественно. При таком стечении людей...

– Эх, Ази, Ази, короткой оказалась твоя славная жизнь!

Ограда парка в двух местах была снята, и похоронная процессия свободно прошла в парк.

Молодой полковник-распорядитель отвел несущих венки в сторону, и открылась могила, вырытая на уступе скалы, с которой был виден весь город, и наверное, весь Каспий, до самой Ленкорани.

Снятый с лафета гроб положили на рыжую сырую землю, на краю могилы.

И тогда мать, сестра и жена Ази бросились на гроб. Им дали выплакаться.

Председатель Президиума Верховного Совета республики Мирбашир Касумов поднялся на траурную трибуну. Подняв руку вверх, он попросил тишины.

– Братья и сестры, сегодня мы прощаемся со славным сыном нашего народа Ази Аслановым...

Открыв траурный митинг, он предоставил слово поэту Самеду Вургуну.

– Сегодня такой день, – сказал Вургун, кладя руки на перила трибуны и высоко подняв голову, – когда вся земля Азербайджана оделась в траур.

Самед Вургун замолчал, потому что мать Ази в этот момент потеряла сознание, а Хавер билась в руках Наташи, как птица с подбитыми крыльями.

– Ази, родной! Не пустим тебя в землю! Возьми нас с собой! – кричала Хавер, и Наташа едва удерживала ее и бормотала какие-то бессвязные слова утешения.

Самед Вургун, видя это, не мог продолжать свою речь. Подумав, он сунул руку в карман и достал листок с тем самым стихотворением, которое он написал на смерть Ази бессонной мучительной ночью.

Баку в печали. Молчаливо море.
На облаках вечерних отблеск крови.
И в каждом взгляде затаилось горе.
Скорбит народ, сурово сдвинув брови.
Сын Родины! Печаль страны едина.
И скорбно отуманены просторы.
Отчизна-мать оплакивает сына.
Недвижны и темны леса и горы.
А за горами на фронтах далеких,
Там произносят клятву перед гробом.
Мчат танки, и войска идут потоком,
Священный гнев ведет их по сугробам!
Промчатся годы. Возмужают дети.
С тобой из поколения в поколение
Пойдет легенда в глубину столетий,
Храня эпохи нашей вдохновенье.

Возьмет художник кисть. Увидят люди
Твой светлый облик, что весны лучистой.
Потомкам дальним о герое будет
Рассказывать язык пера и кисти.
Бабек и Джаваншир сквозь даль столетий
Свои мечи склоняют пред тобою.
Покуда мир стоит и солнце светит
В сердцах нетленна память о герое!